

НОВЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Ж.

І.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, Юля 14 дня 1847 года.

Ценсоръ А. НИКИТЕНКО.

НОВЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

**РУСТЕМЪ и ЗОРАБЪ.
СКАЗКИ и ПОВѢСТИ.**

БИБЛИОТКА
АКАДЕМІИ
БОБРАТЪ

Асс. 12/46.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1849.

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ

ВЯЗЕМСКОМУ

И

ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ПЛЕТНЕВУ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
РУСТЕМЪ и ЗОРАБЪ. (<i>Вольное Подражаніе Рюккерту.</i>)	1
КНИГА I. Рустемъ на охотъ.	3
КНИГА II. Зорабъ.	21
КНИГА III. Хеджиръ и Гурдаферидъ.	39
КНИГА IV. Рустемъ и Кейкавусъ.	60
КНИГА V. Пиръ въ Бълomъ Замкъ.	101
КНИГА VI. Зорабъ и Хеджиръ.	123
КНИГА VII. Рустемъ и Зорабъ. Первый бой.	143
КНИГА VIII. Рустемъ и Зорабъ. Второй бой.	165
КНИГА IX. Рустемъ и Зорабъ. Третій бой.	181
КНИГА X. Рустемъ.	203
СКАЗКИ и ПОВѢСТИ.	223
Сказка о Иванъ Царевичъ и Съромъ Волкъ	225
Тюльпанное дерево.	270
Коть въ сапогахъ.	281
Маттео Фальконе. (<i>Изъ Мериме.</i>)	293
Двъ повѣсти. (<i>Изъ Шамиссо и Рюккерта.</i>)	302
Капитанъ Боппъ.	319
Выборъ креста. (<i>Изъ Шамиссо.</i>)	331

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРСИДСКАЯ ПОВѢСТЬ,

ЗАИМСТВОВАННАЯ

ИЗЪ ЦАРСТВЕННОЙ КНИГИ ИРАНА

(ШАХЪ-НАМÉ).

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУСТЕМЪ НА ОХОТЪ.

I.

Изъ книги царственной Ирана

Я повесть выишу для васъ

О подвигахъ Рустема и Зораба.

*

Заря едва на небъ занялася,

Когда Рустемъ, Ирана богатырь,

Проснулся. Вставъ съ постели, онъ сказалъ:

Мы на царя Афразиаба

Снятъ идемъ войною;

Мои Сабульскія дружины

Готовы; завтра поведу

Ихъ въ Истахаръ, гдѣ силы весь Ирана

Шахъ Кейкавусъ для грознаго набѣга

Соединилъ. Но чѣмъ же я сегодня

Себя займу? Моя рука, мой мечъ,

Могучій конь мой Громъ

Безъ дѣла; мнѣ жъ бездѣлье нестерпимо.

И на охоту собрался

Рустемъ; себя стянулъ широкимъ кушакомъ,

Колчанъ съ стрѣлами калеными

Закинулъ за спину, взялъ лукъ огромный,

Кинжалъ засунулъ за кушакъ,

И Грома, сильнаго коня,

Изъ стойла вывелъ. Конь, наскучивъ

Покоемъ, бѣшено отъ радости заржалъ;

Рустемъ съѣлъ на коня и, не простившись дома

Ни съ кѣмъ, ни съ матерью, ни съ братомъ,

Повѣхалъ въ путь, оборотивъ

Глаза, какъ левъ, почувавшій добычу,

Въ ту сторону, гдѣ за горами

Лежалъ Туранъ.

И, за горы перескакавъ, увидѣлъ

Онъ множество гуляющихъ онагрей;

Отъ радости его зардѣлись щеки;

И началъ онъ

Стрѣлами, дротикомъ, арканомъ

Съ звѣрями дикими войну;

И, поваливъ ихъ болю десяти,

Сложилъ изъ хвороста костеръ,

Зажегъ его, потомъ, когда

Онъ въ жаркій уголь превратился,

Переломилъ большую ель,

И насадилъ

Огромнѣйшаго изъ онагрей

На этотъ вертель,
Который былъ въ его рукъ,
Какъ легкая лоза, и надъ огнемъ
Сталь поворачивать его тихонько,
Чтобъ мясо жирное со всѣхъ сторонъ
Равно обжарилось. Когда же былъ
Онагръ изжаренъ, на траву
У свѣтлаго потока сълъ Рустемъ,
И началъ голодъ утолять,
Свою роскошную ѣду
Водой потока запивая.
Насытившись, онъ легъ и скоро,
При говоръ струистыхъ водъ,
Подъ вѣтвями густаго,
Широкотѣннаго чинара,
Глубокимъ сномъ заснулъ;
А конь его, могучій Громъ,
Тѣмъ временемъ, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II.

Но вотъ, покуда спалъ
Глубокимъ сномъ Рустемъ,
А Громъ по бархатному полю
Гулялъ, травой медвяною питаясь —

Увидя, что такой могучій конь
На пажити заповѣдной Турана
Безъ сѣдока по воль бродить,
Толпой сбѣжались Турки.
Замысля овладѣть конемъ,
Съ арканами къ нему они
Подкрались осторожно
Но конь, арканъ почуя,
Какъ левъ, озлился,
И не заржалъ, а заревѣлъ;
И первому, кто руку на него
Осмѣлился поднять съ арканомъ,
Зубами голову отъ шеи оторвалъ,
А двухъ другихъ однимъ ударомъ
Коньита мертвыхъ повалилъ.
Но наконецъ его
Отвсюду обступили;
И метко былъ арканъ ему на шею
Издаleká накинуть, и его
Опутали, и былъ онъ пересилень.
Но хищники, страшась, что въ ихъ рукахъ
Онъ не останется, немедленно вогнали
Его въ табунъ Туранскихъ кобылицъ,
И разомъ былъ припущенъ Громъ
Къ двѣнадцати отборнымъ кобылицамъ;
Но лишь одна изъ нихъ
Плодь отъ него желанный принесла.

III.

Рустемъ, проснувшись, тотчасъ о своемъ
Конь подумаль; смотритъ, но коня
Нигдѣ не видитъ. Никогда
Онъ отъ него не убѣгалъ
Въ такую даль. Онъ свиснулъ, но на свистъ
Могучій не примчался конь
И не заржалъ издалекá.
Рустемъ, какъ бѣшенный, вскочилъ;
Весь лугъ широкій, вдоль и поперегъ,
Весь темный лѣсъ, кругомъ и на пролетъ,
Онъ обѣжалъ — напрасно; нѣтъ коня.
И въ горь возопилъ Рустемъ:
Мой вѣрный конь, мой славный Громъ,
Что безъ тебя начну я дѣлать?
Скакать, летать привыкши на тебѣ,
Пойду ль пѣшкомъ, тащась подъ грузомъ лать,
Какъ черенаха? Что же скажутъ Турки,
Не на сѣдлѣ, а подъ сѣдломъ меня увидя?
Не можетъ быть, чтобъ ты, мой Громъ, меня
Покинулъ волею; тебя украли.
Конечно хищники здѣсь цѣлымъ войскомъ
Напали на тебя; никто одинъ
Съ тобой не совладѣлъ бы. Но не время охать,
Рустемъ; иди пѣшкомъ, когда умѣешь проспять
Коня. И, конскую съ досадою сбрую

Съ досѣхами своими на плеча
Взваливши, онъ пошелъ, и скоро
Напалъ на свѣжій слѣдъ, и этотъ слѣдъ
Его привелъ передъ закатомъ солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдругъ явился вдалекъ
Среди равнины пышной,
Сіяющій въ лучахъ зари вечерней.

IV.

Рустемъ подумалъ: въ этомъ Семенгамъ.
Владычествуетъ царь, попеременно другъ
Иль врагъ Ирана иль Турана;
Конечно онъ бы и вдали
Рустема на конь узналъ;
Но гдѣ мой конь? Я пѣшій
Тенерь иду къ его столицѣ. Такъ и быть;
Они коня мнѣ волей иль неволей
Отыщутъ и меня почтутъ
Роскошнымъ угощеньемъ.
Такъ разсуждалъ съ собой онъ, подходя
Къ стѣнамъ высокимъ Семенгама;
А между тѣмъ изъ глазъ не выпускалъ
Слѣдовъ замѣченныхъ; но скоро
Они, къ рѣкѣ приблизившись, пропали
Въ густомъ прибрежномъ камышѣ.

Тѣмъ временемъ молва достигла до царя,
Что въ Семенгамъ великій богатырь
Рустемъ идетъ, что онъ въ лѣсу царевомъ
Охотничаль, и что, утративъ
На ихъ земль коня, идетъ онъ пѣшій.
Услыша то, царь повелѣлъ,
Чтобъ гость великій съ почестью великой
Былъ принятъ. Всѣ его вельможи,
И всѣ вожди, и всякій, у кого
На головѣ былъ шлемъ, а съ боку мечъ,
Толпой изъ Семенгама вышли
Встрѣчать Рустема.
И витязь, витязей свѣтло,
Былъ ими окруженъ,
Какъ солнце пламеннымъ вѣщемъ
Вечернихъ, имъ блестящихъ облаковъ;
Съ такою свитой въ городъ онъ вступилъ,
И къ царскимъ подошелъ палатамъ.

V.

И царь сошелъ съ крыльца принять Рустема.
Онъ поклонился и сказалъ:
Откуда ты, могучій богатырь,
Безъ провожатыхъ, пѣшій,
Пришелъ къ намъ? Забавлялся ль ловлей
Въ моихъ заповѣдныхъ лѣсахъ?

Ночлега ли покойнаго теперь
Здѣсь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгамъ теперь къ твоимъ услугамъ;
Весь мой народъ и все мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сдѣлаемъ. Рустему
Смиренная понравилась рѣчь;
Они, подумаль онъ,
Передо мной роббуютъ.
И онъ сказалъ: украденъ конь мой Громъ
Тогда, какъ на твоёмъ лугу
Я спалъ, охотой утомленный;
Но слѣдъ его привелъ меня сюда;
Онъ здѣсь; когда его
Отыщете мнѣ къ ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда жъ мой конь пропалъ,
Бѣда и вамъ и Семенгаму!
Мой мечъ прорубить мнѣ
Къ нему широкую дорогу.
Царь, испугавшись, отвѣчалъ:
Не можетъ быть, чтобъ на коня
Рустемова кто здѣсь арканъ
Разбойничій дерзнулъ накинуть.
Будь терпѣливъ, могучій витязь,
Твой Громъ найдется; конь Рустемовъ
Укрыться отъ молвы не можетъ.
А ты пока будь нашимъ мирнымъ гостемъ;

Войди въ мой домъ, и ночь за чашей
Благоуханнаго вина
Въ весельи съ нами проводи.
Твой конь здѣсь будетъ прежде,
Чѣмъ свѣтъ зари проникнетъ въ пировую
Палату; а теперъ пускай она
Однимъ виномъ освѣтится блестящимъ.

VI.

Левъ мужества Рустемъ доволенъ былъ
Царя привѣтственной рѣчью,
И гнѣвъ заснулъ въ его груди.
Онъ во дворецъ вступилъ съ лицомъ веселымъ;
И, посадивъ его на царскомъ мѣстѣ,
Хозяинъ-царь не сѣлъ съ нимъ рядомъ;
Онъ, стоя, подчивалъ его.
Соединясь въ блестящій полукругъ,
Сановники, вожди, придворные вельможи,
Въ почтительномъ молчаньи за царемъ
Стояли, очи устремивъ
На свѣтлое лице Рустема;
Роскошно-лакомой ѣдою
Въ серебряныхъ богатыхъ блюдахъ
Былъ столъ уставленъ;
Въ сосудахъ золотыхъ
Вино сверкало золотое,

И были хинскіе кувшины
Питьемъ благоуханнымъ полны.
При звукахъ струиъ, при сладкомъ пѣньи,
Младья дѣвы
Съ очами нежными газель
Напитки гостю подносили;
И онъ въ винѣ душистомъ
Души веселье пилъ,
И было свѣтлаго лица его сіянье
Сіяньемъ радости для всехъ, предъ нимъ стоявшихъ.
За кубкомъ кубокъ онъ проворно осушалъ;
Когда жъ ѣдою и питьемъ
Онъ вдоволь насладился,
Его въ покой, благоухавшій мускомъ
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушкахъ пуховыхъ
Подъ тонкой шелковою тканью
Въ глубокой сонъ тамъ погрузился
Рустемъ, враговъ гроза и трепеть.

VII.

Но въ тихій полуночный часъ,
При легкомъ шорохѣ шаговъ,
Послышался рѣчей пріятный шорохъ;
По имени Рустема кто-то назвалъ;
Безъ шума отворилась дверь,

И факеловъ душистыхъ
Сіяньемъ спальня озарилась;
Рустемъ открылъ глаза:
Темна, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотомъ и жемчугами,
Стояла передъ нимъ,
Прекрасная, какъ дѣва рая;
За ней, держа въ рукахъ
Свѣтильники, стояли
Ея рабыни молодья;
Краса живая легкой Пери
Съ краснѣющей стыдливостію дѣвы
Сливались на ея лицъ,
Гдѣ лилій бѣлизну
Животворилъ прекрасный пурпуръ розы.
Но было на ея
Застѣнчиво потупленные очи
Опущено рѣсницъ густое покрывало,
И за рубиновымъ замкомъ
Ея цвѣтушихъ, свѣжихъ устъ
Скрывалась дѣвственная тайна.
Рустемъ вскочилъ, неожиданнымъ изумленный
Видѣньемъ. Кто ты? онъ спросилъ;
За чѣмъ ко мнѣ пришла ночной порою? —
Я дочь царя, меня зовутъ Темна,
Пришелица ночная отвѣчала.
Легка я на бѣгу; ни лань, ни антилопа
Ни быстрый вѣтеръ горный

Меня догнать не могутъ ;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца :
Она меня во тмѣ глубокой ночи
Передъ тебя, мой витязь, привела.
Какъ чудное преданье старины,
Всегда, вездѣ, отъ всѣхъ я слышу повесть
О храбрости твоей великой ;
О томъ, какъ не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, какъ всего
Ирана ты надежная твердыня,
Какъ весь Туранъ дрожитъ передъ тобою,
Какъ на Туранскую ты землю
Ночной порою выѣзжаешь
На боевомъ своемъ конѣ,
И, обскакавъ ее и вдоль и поперегъ,
Безъ страха спишь одинъ, и какъ никто
Не смѣетъ сонъ глубокий твой нарушить.
Такую повесть о тебѣ
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидѣть ;
Теперь увидѣла, и быть твоей женой
Готова, если самъ, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Досель
Ни тайный мѣсяца, ни яркій солнца лучъ
До моего не прикасались тѣла ;
Здѣсь въ цѣломудріи, въ дѣвичьей простотѣ
Я разцвѣла ; и только въ этотъ мигъ

Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустемъ;
Въ приданое твердынный этотъ замокъ
Тебѣ я принесу; а утреннимъ подаркомъ
Моимъ твой конь, твой Громъ могучій будетъ.
Такъ светлоликая царица говорила.
И витязь слушалъ со вниманьемъ,
И не сводилъ съ нея очей;
Онъ разумомъ ея высокимъ,
И голосомъ, какъ флейта сладкимъ,
И красотой полувоздушной
Во глубинѣ души пльнялся.
Когда жъ царица замолчала,
Онъ повелѣлъ, чтобы немедля
Одинъ изъ многомудрыхъ
Мобедовъ царскихъ
Пошелъ къ царю и отъ Рустема
Потребовалъ согласія на бракъ
Его съ царицею Темной.
Былъ изумленъ владыка Семенгама
Такимъ неожиданнымъ предложеньемъ,
И голову отъ радости высокой
Высокимъ кедромъ поднялъ;
Онъ не замедлилъ согласиться;
И тутъ же бракомъ сочетался
Рустемъ съ царицею Темной;
Но бракъ ихъ совершенъ былъ тайно:
Страшился царь, чтобы, воюя

Съ Ираномъ, въ злобъ на Рустема,
Афразіабъ не сокрушилъ
Его столицы Семенгама.

VIII.

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Изъ объятій
Младой сунруги вырвался Рустемъ.
Онъ снялъ съ руки повязку золотую,
И, давъ ее Теминь,
Сказалъ: теперъ намъ должно разлучиться;
Меня въ Сабуль ждуть
Готовыя въ походъ мои дружины;
А, ты храни мой даръ завѣтный;
И если въ этотъ годъ тебѣ родится дочь,
Укрась ее моею повязкой;
И будетъ вѣдать цѣлый міръ,
Что ей отецъ Рустемъ.
Но если небо дастъ намъ сына,
Пусть носитъ онъ, какъ я носилъ,
Мою повязку на рукъ;
Когда жъ онъ возмужаетъ,
Пришли его ко мнѣ въ Сабулистанъ;
Но вѣдай напередъ, что онъ
Не иначе явиться можетъ
Мнѣ на глаза, какъ ужъ прославясь

Великимъ дѣломъ богатырства;
Его неславнаго ни знать,
Ни видѣть не хочу я —
Пускай въ толпѣ исчезнетъ,
Покрытый тьмой забвенья,
И непримѣченный отцемъ.
Не по его породѣ знаменитой,
Не по моей повязкѣ золотой
Онъ будетъ мной за сына признанъ —
Насъ породнитъ одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ онъ долженъ
Мнѣ отъ тебя принести мой даръ завѣтный;
Лишь ею онъ получить право
Сказать въ глаза мнѣ: я твой сынъ.
Но близко день; прости. — И онъ, къ горячей груди
Прижавъ супругу молодую,
Ее съ любовью лобызалъ
Въ ланиты, очи и уста,
И долго отъ нея не въ силахъ
Быль оторваться. Обливаясь
Слезами, отъ него она
Пошла, и для нея, въ часъ брака овдовѣвшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало,
Тутъ царь пришелъ спросить у зятя:
Пріятно ль онъ провелъ ту ночь?
И объявилъ, что Громъ отысканъ.
Обрадованъ той вѣстью былъ Рустемъ;
Онъ подошелъ къ коню, его погладилъ

И осѣдлалъ; потомъ изъ Семенгама
Побхалъ, свѣтлый, бодрый духомъ,
Сперва въ Систанъ, потомъ въ Сабулистанъ;
И много о своемъ онъ думалъ приключеньи,
Но дома никому о немъ не говорилъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

З О Р А Б Ъ.

I.

Шора пришла — и у Темины
Родился сынъ, прекрасный
Какъ мѣсяць. Радостно и горестно его
Прижала къ сердцу мать, и со слезами
Имъ любовалась: онъ былъ вылитый Рустемъ.
Она его Зорабомъ назвала,
Его сама кормила грудью,
О немъ и день и ночь не клася.
И дивное созданье былъ Зорабъ:
Онъ родился съ улыбкой на устахъ;
Ни отъ чего и никогда не плакалъ; росъ такъ чудно,
Что въ первый мѣсяць ужъ казался годовымъ;
Трехъ лѣтъ скакалъ отважно на конь;
Шести лѣтъ былъ могучъ, какъ левъ;
Когда жъ ему двѣнадцать лѣтъ свершилось,
Никто не могъ съ нимъ сладить; ростомъ былъ

Онъ великанъ, и все блистало
Въ немъ мужествомъ и красотою :
Глубокотемные глаза,
Румянецъ пламенный на свѣжихъ
Щекахъ, широкія плеча, крутая грудь,
Жельзнодорожныя руки,
И ноги, крѣпкія какъ кедры.
Бороться ль кто съ нимъ покушался —
Его онъ вмигъ сгибалъ въ дугу ;
На львиную ль охоту выходилъ —
Со львомъ онъ ладилъ, какъ съ лисицей ;
Шаталъ ли дубъ или кедръ —
Въ его рукахъ они, какъ хлыстыя, гнулись ;
Гнался ли за конемъ — его,
Догнавъ, хваталъ за гриву,
И падалъ на колѣна конь :
Таковъ былъ въ отроческихъ лѣтахъ
Зорабъ, достойный сынъ Рустема.

II.

Однажды къ матери приходитъ отрокъ,
И такъ ей дерзко говоритъ :
На сверстниковъ своихъ гляжу я свысока ;
Никто изъ нихъ передо мною
Поднять не смѣетъ головы ;
Но никому изъ нихъ досель не могъ я

Отвѣтствовать, когда онъ знать хотѣлъ,
Кто мой отецъ. Скажи же: кто отецъ мой?
Когда не скажешь, на себя
Я руку наложу,
Да и тебѣ добра не будетъ. —
Темина съ гордостью и страхомъ отвѣчала:
Мой сынъ, твое рожденье
Донынѣ было тайной;
Теперь узнай: ты сынъ Рустема;
Ты дѣдовъ знаменитыхъ внукъ;
И нѣтъ земныхъ величій,
Которыхъ бы отецъ твой не затмилъ
Сіяньемъ дѣлъ своихъ великихъ.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Какъ свѣтъ своихъ очей: ее мнѣ далъ
Отецъ твой на прощаньи.
Когда къ нему дойдетъ молва,
Что ты достоинъ быть имъ признанъ,
Онъ позоветъ тебя въ Иранъ,
И по своей повязкѣ тамъ узнаетъ.
Но вѣдай напередъ, Зорабъ,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, какъ прославясь
Великимъ дѣломъ богатырства;
Тебя неславнаго ни знать,
Ни видѣть твой отецъ не хочетъ;
Не по своей породѣ знаменитой,

Не по его повязкѣ золотой
Ты будешь имъ за сына признанъ;
Васъ породнить одна лишь только слава;
Съ ея свидѣтельствомъ ты долженъ отъ меня
Принести отцу его залогъ завѣтный
Лишь ею ты получишь право
Сказать въ лице Рустему: я твой сынъ.
Гордися жъ, другъ, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье.

III.

На то Зорабъ ей далъ такой отвѣтъ:
Кто скроетъ въ небесахъ
Сіяющее солнце?
Кто скроетъ на землѣ
Своей породы славу?
Зачѣмъ о ней такъ поздно свѣдалъ я?
До сихъ поръ ежечасно
И встрѣчный мнѣ и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустемѣ —
Кто исполина одолѣлъ?
Кто замокъ раззорилъ волшебный?
Кто войско разогналъ одинъ?
На каждый мнѣ такой вопросъ
Все тотъ же былъ отвѣтъ: Рустемъ.

Во мнѣ отъ изумленья
И ревности кипѣло сердце;
А онъ былъ мой отецъ, и я о томъ не въдалъ.
Но знай теперь: изъ Семенгама
И изъ Туранскихъ областей
Храбрѣйшихъ вызвать я намѣренъ:
И мы пойдемъ войною на Иранъ;
И битва будетъ тамъ такая,
Что пылью мѣсяцъ въ высотъ
Задержнется, какъ темной тучей;
Съ Иранскаго престола
Сгоплю я шаха Кейкавуса;
И подарю Иранъ Рустему;
Потомъ пойду войною на Туранъ,
И будешь ты царицею Турана.
Такъ онъ сказалъ, и гордо удалился.
И никому онъ своего
Рожденья не открылъ:
Невъдомая сила
Ему уста сжимала всякой разъ,
Когда была готова
Слетѣть съ нихъ тайна роковая;
Какъ будто самъ отецъ ему шепталъ:
„Лишь славой ты получишь право
„Сказать въ лице мнѣ: я твой сынъ.“

IV.

И скоро, къ матери опять пришедши,
Сказаль Зорабъ: я самъ готовъ,
Но у меня коня нѣтъ боеваго;
Мнѣ нуженъ конь, со мною равный силой,
Такой, чтобъ камни могъ однимъ ударомъ
Копыта въ крошки разбивать,
Чтобъ былъ могучъ, какъ слонъ, легокъ, какъ птица,
Чтобы въ водѣ проворной рыбой плаваль
И серной прыгаль по горамъ,
Чтобъ и коня и съдока
Могъ опрокидывать напоромъ крѣпкой груди,
И чтобъ, сидя на немъ,
Я не лицомъ къ лицу,
А свысока смотрѣлъ въ глаза врагу.
При этомъ словѣ радостная гордость
Зажглася въ материнскомъ сердцѣ;
Она немедленно велѣла
Пригнать изъ табуновъ Турана
Коней отборнѣйшихъ, чтобъ могъ Зорабъ
Найти желаннаго межъ ними.
И было пригнано ихъ много;
И всѣхъ ихъ на полѣ широкомъ
Передъ стѣнами Семенгама
Свели въ одинъ безчисленный табунъ;
Всѣ были дикіе, какъ вихри.

И началъ ихъ Зорабъ перебирать :
Онъ каждаго, который межъ другими
Казался легче и сильнѣй,
Къ себѣ притягивалъ арканомъ,
И на спину ему клалъ руку — и однимъ
Руки желѣзныя давленьемъ
Былъ каждый вмигъ къ землѣ притиснуть ;
И въ целомъ табуны Зорабъ
Ни одного не выбралъ по желанью

V.

Тутъ подошелъ къ Зорабу старѣй вѣтязь
И такъ сказалъ : я дамъ тебѣ коня,
Какого не бывало
До сей поры нигдѣ.
Онъ родился отъ Грома,
Коня Рустемова ; какъ буря, силенъ,
Какъ молнія, летучъ ;
Нѣтъ на него ни зноя, ни мороза ;
Широкій долъ, высокій холмъ
Онъ тѣнью облака перебѣгаетъ ;
Безкрылой птицею по воздуху летитъ ;
Въ стыдѣ навицъ сжимаетъ вышнѣй хвостъ,
Когда густую онъ разбрасываетъ гриву ;
Онъ прыткѣй левъ — когда на круть бѣжитъ ;
Онъ сильный китъ — когда въ водѣ плыветъ ;

Вздокъ, пустивъ стрѣлу, своей стрѣлы скорѣе
На немъ домчится до врага;
Его жъ бѣгущаго быстрѣйшей
Стрѣлою не догонитъ врагъ;
Онъ чудо-конь; но есть въ немъ и великій
Порокъ: онъ въ руки не дается.
Кому жъ его удастся укротить,
Тотъ выезжай на немъ хоть на Рустема.
Такой находкою неожиданой
Обрадованъ Зорабъ былъ несказанно.
Скорѣй, скорѣй — онъ закричалъ — ведите
Ко мнѣ коня. И конь былъ приведенъ.
Ему Зорабъ давуль рукою спину,
И грянуль въ голову его
Своимъ тяжелымъ кулакомъ —
Могучій конь не пошатнулся,
Лишь, шею вытянувъ, сверкнуль
Глазами, прынуль на дыбы
И такъ заржалъ,
Что съ нимъ окрестность вся заржала.
Зорабъ сталъ гладить и трепать
Его какъ шелкъ блистающую спину —
И конь недвижимо стоялъ,
Лишь окомъ огненнымъ на витязя косился.
И на него вскочилъ Зорабъ,
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихремъ полетѣлъ;
Зорабъ же на его спинѣ сидѣлъ такъ крѣпко,

Какъ на конѣ сидитъ желѣзномъ
Съ нимъ вмѣстѣ вылитый желѣзный истуканъ.
Конь наконецъ подъ сильнымъ съдокомъ
Усталъ; его дымились ноздри,
Съ него катился пѣнный потъ.
Тогда Зорабъ сказалъ ему, разгладивъ
Его разбросанную гриву:
Мой добрый конь, теперь намъ мiръ открыть:
Теперь не будетъ стыдно
И на глаза Рустему намъ явиться.

VI.

И сталъ Зорабъ къ войнѣ съ Ираномъ снаряжаться.
Когда жъ о томъ провѣдали въ Туранъ,
Безчисленно къ нему сходятся стали
Охотники; для нихъ его желанье было,
Какъ солнечный восходъ для темной ночи:
Давно Туранъ не враждовалъ въ Ираномъ,
Давно для всѣхъ мученьемъ былъ покой
И въ киньли жаркой жаждой
Войны, побѣды и добычи;
Изъ непа вдругъ великій всныхнулъ пламень.
Зорабъ приходитъ къ дѣду своему,
И говоритъ: есть люди у меня —
Но нѣтъ у нихъ оружіи;
Коня я добраго нашель —

Мои же люди все безконны;
Итти въ походъ готовы мы —
Но выучныхъ нѣтъ у насъ верблюдовъ,
Чтобъ тяжкій грузъ нести за нами;
Хотимъ мы сытно ѣсть и пить
Въ досужное отъ боя время —
Но нѣтъ у насъ запаса пищи;
Благоволи твои намъ отпереть
Конюшни, хлѣбные анбары,
И оружейную палату, гдѣ напрасно
Съѣдаетъ ржа мечи и брони.
И дѣду старому по сердцу
Была такая рѣчь отъ внука;
Охолодѣвшая въ немъ кровь разгорячилась,
И онъ сказалъ съ усмѣшкой про себя:
Необычайный выбралъ способъ
Отца отыскивать мой внукъ!
Его онъ взять намѣренъ съ боя.
И всемъ снабдить Зораба царь спѣшитъ:
Анбары хлѣбные отворены;
Для ратниковъ, верблюдовъ и коней
Занасъ пшена, ячменя и овса
Огромный собранъ; дѣдъ не поскунился также
Своей серебряной и золотой казною
Со внукомъ подѣлиться;
И оружейную палату отперъ онъ,
И далъ на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,

Стрѣлами полные колчаны,
Тугіе луки, топоры,
Въ серебряной оправѣ ятаганы,
Кривыя сабли съ золотой насѣчкой,
И налицы съ желѣзными шипами,
И конья длинныя съ булатнымъ остріемъ.
Сподвижникамъ раздавъ доспѣхи и казну,
Зорабъ сказалъ: вотъ все, что я теперь имѣю;
Чего жъ не достанётъ,
То мы дополнимъ скоро
Добычей боевою;
Когда возьмемъ Иранъ,
Я всехъ васъ съ ногъ до головы
Иранскимъ золотомъ и серебромъ осыплю.

VII.

Турана царь Афразіабъ
Услышалъ, что съ гнѣзда слетѣлъ орленокъ смѣлый,
Что отроку — богатырю наскучилъ
Покой безпечный дѣтскихъ лѣтъ,
Что первый пухъ едва пробился
На подбородкѣ у него —
А ужъ ему въ пространномъ мірѣ тѣсно;
Что молоко обсохнуть не успѣло
На молодыхъ его губахъ —
А ужъ на нихъ звучитъ, какъ въ небѣ громъ,

Тревожный крикъ, зовущій на войну;
Что онъ замыслилъ Кейкавусовъ
Тронъ опрокинуть и Иранъ
Своимъ толпамъ предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь въ землю топнуть,
И изъ земли вдругъ выскочило войско;
Что наконецъ молва есть, будто онъ
Рустемовъ сынъ, и будто отъ коня
Рустемова и конь его родился.
Афразиабъ, Турана царь, бровей
Отъ этихъ слуховъ не нахмурилъ;
Онъ долго самъ съ собою размышлялъ,
И, размышляя, улыбался:
И нанослѣдокъ повелѣлъ,
Чтобъ Баруманъ, его верховный вождь,
Къ нему явился. Баруману
Онъ такъ сказалъ: возьми двѣнадцать тысячъ
Отборныхъ ратниковъ моихъ,
И отведи ихъ въ Семенгамъ къ Зорабу.
Но слушай (что жъ услышишь,
То пусть въ твоей душѣ, какъ мертвый трупъ
Во гробъ, тайное лежитъ),
Отдавъ ему мое письмо,
Его увѣрь, что съ нимъ Афразиабъ
На жизнь и смерть въ союзъ вступаетъ;
Раздуй въ немъ пламень боя,
Чтобъ бѣшено, какъ левъ голодный,
Онъ устремился на Иранъ:

Но берегись — отнюдь не допускай
Его увидѣться съ Рустемомъ ;
Чтобы никто и имени Рустема
При немъ не смѣлъ произнести.
Не знаю я, отецъ ли
Ему Рустемъ или нѣтъ, но оба
Они мнѣ злѣйшіе враги ;
И ихъ сравнить намъ должно, какъ зверей.
Легко случится можетъ,
Что грозный, устарѣлый левъ
Подъ сильной лапой молодаго,
Растрезанный, издохнетъ —
Тогда Иранъ смирится передъ нами,
И Кейкавусъ не усидитъ на тронѣ ;
Тогда найдемъ мы средство и Зорабу
Зажать глаза, чтобъ пересталъ
Онъ съ жадностью звериной
Смотрѣть на царскіе престолы.
Извѣстно мнѣ : ему Ирана мало ;
И на Туранъ свои остритъ онъ когти.
И если подлинно онъ сынъ Рустема,
То пусть волчонокъ молодой
Завдець будетъ старымъ волкомъ ;
Тогда и старій пропадетъ,
Какъ пропадаетъ, изсыхая
И тяжкимъ пломъ застилаясь,
Вода въ степномъ, оставленномъ колодцѣ.
Такъ говорилъ Афразіабъ ;

Потомъ онъ Баруману
Вручилъ письмо къ Зорабу,
Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не съ легкимъ сердцемъ,
А съ тяжкимъ горемъ принялъ Баруманъ :
Не славы, а безславья ждалъ
Онъ отъ войны, въ которой принужденъ
Былъ сына храбраго на храбраго отца
Обманомъ хитрымъ наводить,
Чтобъ разомъ погубить обоихъ.

VIII.

Когда узналъ Зорабъ, что Баруманъ,
Къ нему, съ письмомъ, съ дарами, съ войскомъ,
Афразиабомъ посланный, идетъ,
Немедленно, вооружась,
Къ нему онъ выехалъ на встрѣчу.
Какъ удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружіемъ блестящаго, увидель !
Какъ удивился Баруманъ,
Когда предсталъ глазамъ его такой
Красавецъ съ ростомъ великана,
Съ весенней свѣжестью младенца,
Съ горячимъ юноши кипеньемъ,
Съ железной твердостію мужа !

Онъ на него внимательно смотрѣлъ :
Онъ изумленъ былъ несказанно,
Онъ чувствовалъ невольный трепетъ,
Въ немъ громко воіяла жалость
При видѣ красоты, столь бодрой и цвѣтущей.
И про себя подумалъ старый витязь :
О ты, прекрасная звезда,
Тебѣ сіять бы въ чистомъ небѣ,
Не заходя, не померкая ;
Достоинъ ты, мой свѣтлый воинъ,
Чтобъ былъ орлиный твой полетъ
Совѣтомъ мудрости направленъ,
А не предательствомъ змѣинымъ.
И, подошедъ къ Зорабу, онъ вручилъ
Ему письмо Афразіаба.
Прочтя письмо, Зорабъ поспѣшно собралъ
Свои Туранскія дружины,
И, Баруману повелѣвъ
Для отдыха остаться
Дни на два въ Семенгамъ,
Простился съ матерью и съ дѣдомъ,
И поскакалъ, воскликнувъ громозвучно :
Туранъ, за мной! При этомъ кликъ
Всѣ разомъ всколебалось,
Знамена развернулись,
Задрезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Заржали грозно кони,

Пошли впередъ дружины;
И быстро полилась война
Съ убійствомъ, грабежемъ, пожаромъ
На мирныя поля Ирана.

КНИГА ТРЕТЯ.

ХЕДЖИРЪ И ГУРДАФЕРИДЪ.

На самомъ рубежѣ Ирана
Стояла крѣпость *Бѣлый Замокъ* ;
Она Иранъ хранила отъ набѣговъ
Сосѣдняго врага,
И ея два повелѣвали
Вождя ; одинъ изъ тѣхъ вождей
Былъ старый Гездехѣмъ,
Правитель опытно - разумный,
Другой Хеджиръ, наѣздникъ молодой,
Рачитель дѣла боеваго.
И съ Гездехемомъ находилась въ замкѣ
Его младая дочь,
По имени Гурдаферидъ,
Что значить : *витязь безъ порока* ;
И на такое имя
Она имѣла право :

Прекрасная, какъ дѣвственная Пери,
Она была сильна, какъ богатырь;
Хеджиръ напрасно
Ей рыцарствомъ понравиться хотѣлъ —
Она ему ристаньемъ на конѣ,
И меткою стрельбой изъ лука,
И ловкостью владѣть мечемъ
Была равна; а мужественнымъ дѣломъ
Противъ врага предъ нею отличиться
Не могъ онъ — не было врага.
Но вдругъ съ высокой башни замка
Увидѣли на краѣ небосклона
Идущее въ густой пыли, какъ въ дымѣ
Великаго пожара,
Туранское безчисленное войско.
Затрепеталъ отъ радости Хеджиръ.
Двойная будетъ мнѣ побѣда,
Подумалъ онъ: одна — тамъ въ полѣ надъ врагомъ
Другая — здѣсь надъ дѣвою надменной.
И онъ, надевъ свои доспѣхи,
Несется быстро на конѣ,
Любовію и мужествомъ стремимый,
На подходящія Туранскія дружины;
И вельдѣ за нимъ съ ограды замка
Завистливымъ стремится окомъ
Звезда красы Гурдаферидъ.

II.

И быстро подскакавъ къ Туранскимъ
Дружинамъ, грозно закричалъ
Хеджиръ имъ: кто вы? Кто изъ васъ
Храбрѣйшій? Пусть отвѣдаетъ со мною
Меча, конья иль булавы;
Онъ будетъ нынче же съ высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленною головою
На всѣхъ васъ ужасъ наводить.
На этотъ вызовъ ни одинъ изъ Турковъ
Не отвѣчалъ: никто изъ нихъ не смѣлъ
На рубежъ Ирана первый
Въ сраженіе выступить. Увидя,
Что всѣ его сподвижники робѣютъ,
Зорабъ разгнѣванный схватилъ
Свой мечъ и поскакалъ
Одинъ за всѣхъ на смертный поединокъ.
Какъ тигръ изъ камышей прибрежныхъ,
Такъ изъ густой толпы своихъ онъ прынулъ,
И закричалъ Хеджиру: выходи;
Твои слова хвастливыя нестрашны;
Не на лисицъ ты выѣхалъ, на львовъ;
Знать хочешь: кто мы, и зачѣмъ
Пришли въ Иранъ? Узнай же: я Зорабъ,
Сынъ царской дочери Темны

И многославнаго Рустема;
 Пришелъ въ Иранъ знакомиться съ отцемъ;
 По славъ дѣлъ Рустемъ узнаеть сына.
 Теперь скажи мнѣ, кто ты самъ?
 Но вѣдать напередъ ты долженъ,
 Что въ замокъ свой ужъ ты не возвратишься:
 Тебя оплачетъ скоро мать,
 Или жена, или невѣста.

III.

Не хвастай, подождемъ конца —
 Хеджиръ отвѣтствовалъ Зорабу —
 Мое ты спрашиваешь имя? Я
 Хеджиръ; повелѣваю Бѣлымъ Замокъ,
 И мнѣ товарищъ мудрый Гездехемъ.
 А ты смотри, тамъ въ высотъ
 Два черныхъ ворона кружатся;
 Они почуяли добычу,
 И будетъ имъ добыча;
 Тобой насытивъ жадный голодъ,
 На сѣверъ полетитъ одинъ,
 На полдень полетитъ другой,
 На сѣверъ къ твоему отцу,
 На полдень къ матери твоей,
 И имъ они за угощенье
 Свое прокаркаютъ спасибо;

Не догадается отецъ,
А мать начнетъ рыдать и плакать;
А обо мнѣ моя невѣста
Не будетъ ни рыдать, ни плакать;
На насъ теперь съ ограды замка
Она глядитъ; моя побѣда
Ей славою и утѣхой будетъ.
Такъ говоря, на Бѣлый Замокъ
Хеджиръ Зорабу указалъ:
Звѣздою утренней прекрасной
Сіяла тамъ Гурдаферидъ;
Хеджиръ, обманутый любовью,
Подумалъ, что ему она
Издалека привѣтно улыбалась,
И онъ на мигъ забылъ о поединкѣ.
Зорабъ, красавицу, какой никто подобной
Не видывалъ, увидя, обомлѣлъ,
И вся душа въ немъ закипѣла;
И онъ подумалъ: если въ Бѣломъ Замкѣ
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, женихъ, простишь съ своей невѣстой,
Ее теперь ты съ жизнью мнѣ уступишь!

IV.

Опомнясь, другъ на друга очи
Соперники оборотили,

Схватились бѣшено за копья,
И, разскакавшись, съ быстротою
Двухъ страшныхъ молній полетѣли
Одинъ противъ другаго. Острый
Конецъ копья Хеджиръ направилъ
На грудь Зораба, чтобъ ее
Насквозь имъ проколоть;
Но остріе переломилось,
Ударясь въ твердую кольчугу;
Зорабъ не пошатнулся.
Тогда, свое копье
Тупымъ концемъ оборотивъ,
Его онъ, какъ рычагъ,
Между конемъ и всадникомъ просунулъ,
Имъ сильно двинулъ — и Хеджиръ,
Вдругъ сорванный съ сѣдла, былъ взброшенъ
На воздухъ, грянулся на землю,
Какъ камень, и паденьемъ былъ
Такъ сильно оглушенъ,
Что на землю, какъ мертвый,
Лежалъ недвижимо, утративъ
Изъ памяти и бой и замокъ и Зораба
И самое Гурдаферидъ.
Зорабъ скочилъ съ коня и обнажилъ
Свою кривую саблю,
Чтобъ голову отсѣчь врагу;
Но тотъ, опомнясь, приподнялся,
И, на руку опершись слабо,

Къ сопернику другую протянулъ,
И такъ сказалъ:
Будь жалостливъ, не убивай;
Ужъ я убить довольно
Стыдомъ, которымъ ты меня
Сразилъ передъ стѣнами замка.
Какъ будетъ надъ моимъ паденьемъ
Надменная торжествовать!
Вотъ смерть моя; тебѣ не нужно
Своею саблей отсѣкать
Мнѣ голову — ты жизнь мою пресѣкъ:
Гурдаферидъ ужъ боль не моя;
Отнынѣ ты мой повелитель.

V.

Умолкнувъ, ждалъ онъ жизни или смерти.
Но билось кроткое въ груди Зораба сердце:
Молящаго о милости врага
Онъ былъ не въ силахъ умертвить:
И онъ подумалъ: этотъ пленникъ
Мнѣ пленниковъ другихъ добыть поможетъ;
Онъ въ замокъ мнѣ отворитъ входъ;
Укажетъ въ поле мнѣ Рустема.
И онъ, связавъ Хеджира,
Его съ собой повелъ въ Туранскій станъ,
Куда въ тотъ самый часъ вводилъ

Свои дружины Баруманъ,
Поспѣшно вышедшій изъ Семенгама,
Чтобъ, волю Шаха исполняя,
Не выпускать изъ глазъ Зораба.
И первой встрѣчей Баруману
Былъ схваченный Хеджиръ; при видѣ
Огромности и крѣпости врага,
Обрадованъ и изумленъ!
Былъ несказанно старый воинъ;
Но онъ глаза потушилъ въ землю,
Почувствовавъ и стыдъ и угрызенье—
При мысли, что назначенъ былъ
Прекрасной доблести такой
Предательствомъ готовить гибель.
А между тѣмъ, при громкихъ кликахъ
Всего собравшагося войска,
Которое, увидя, какъ могучъ
Былъ витязь побѣжденный,
Съ рукоплесканіемъ встрѣчало
Побѣдоносца молодого,
Зорабъ задумчиво—безмолвный
На боевомъ своемъ конѣ,
Не слыша плесковъ, ѣхалъ шагомъ:
Онъ думалъ объ отцѣ Рустемъ,
Онъ думалъ о чудесной дѣвѣ,
Онъ думалъ сладостно о многомъ, многомъ,
Чего ему не назначало небо.

VI.

Турецкій станъ былъ полонъ ликованья,
А въ Беломъ Замкѣ вопли раздавались:
Одна Гурдаферидъ безмолвно
Стояла на стѣнѣ высокой;
Она съ прискорбіемъ смотрѣла
На мѣсто, гдѣ Иранскій витязь
Былъ осрамленъ копьемъ Турана.
О стыдъ! воскликнула она,
Хеджиръ, ты мнилъ быть твердымъ мужемъ —
И первый встрѣчный сбиль тебя съ сѣдла;
Конечно своего копыя
Не отточилъ ты, своему
Коню подпругъ не подтянулъ.
Могла довольно бы теперь
Я надъ тобою посмѣяться;
Но вытерпеть я не могу,
Чтобъ врагъ смѣялся надъ тобою.
Не допущу хвалиться Турку,
Что былъ имъ съ одного удара
Нашъ первый витязь опрокинутъ.
За женщинъ онъ сочтетъ мужей Ирана —
Пускай же въ женщинъ теперь узнаетъ мужа.
Я видѣла отсюда,
Какъ улетѣлъ онъ съ мѣста боеваго,
Побѣдой светель, красотою

Свѣтлѣ утренней звѣзды;
На замокъ онъ плѣнительнымъ лицомъ
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрѣлъ.
Хочу я знать, таковъ ли онъ вблизи,
Какимъ вдали мнѣ показался.
И со стѣны Гурдаферидъ
Сошла поспѣшнымъ шагомъ,
И выбрала въ отцевой оружейной
Доспѣхи: локоны густые
Покрыла крѣпкимъ шлемомъ,
Индѣйское забрало на лице
Надвинула, свой стройный станъ
Перетянула кушакомъ,
И, съ головы до ногъ
Вооруженная, вскочила
На легкаго коня,
И, не простясь съ отцемъ,
Изъ замка въ поле поскакала.

VII.

Съ коньемъ въ рукѣ павздница младая,
Передъ Туранскій станъ примчавшись,
Воскликнула: пришельцы, кто вы?
Кто вождь вашъ? Я хочу отмстить
За обезславленнаго друга;

Я въ бой зову того, кто въ плѣнь увелъ Хеджира ;
А если онъ робѣеть, пусть выходятъ
Другіе за него. Туранъ не думай,
Что, одолѣвъ случайно одного,
Ужъ всѣхъ онъ одолѣлъ въ Иранъ.
Сюда, обидчикъ нашей чести!
Своею кровью обагрятъ
Ты долженъ блѣдный стыдъ Хеджира ;
Я жду тебя. — Услышавъ былъ
Въ Туранскомъ станѣ вызовъ гордый,
И кинулись охотники толпою
Къ конямъ ; но ихъ Зорабъ предупредилъ ;
Онъ, выскакавъ впередъ, воскликнулъ :
Не трогайся никто ; я началъ, я и кончу.
И быстро онъ впередъ помчался
При кликахъ громозвучныхъ стана.
На выстрѣлъ изъ лука приближась
Къ противнику, Зорабъ остановился,
И взоръ на крепость устремилъ :
Онъ уповалъ, что двѣу замка
Опять увидитъ на оградъ ;
Но онъ ошибся, на оградъ
Ея ужъ не было — она
Стояла передъ нимъ,
И онъ того не вѣдалъ.
Гурдаферидъ, его вблизи увидя,
Подумала: мой врагъ опасенъ ;
Онъ сильнаго Хеджира одолѣлъ.

И на своемъ конь летучемъ
Она кружить проворно начала ;
Соперника маня и раздражая,
Она предъ нимъ, какъ ласточка, летала,
Была и тамъ и тутъ и всюду и нигдѣ ;
А, той порою съ тетивы
Ея тугаго лука
Стрѣла слетала за стрѣлою,
И ими былъ весь твердый панцырь —
Зорабовъ изцарапанъ,
И много ихъ въ щитъ его торчало.
Съ усмѣшкой онъ ихъ стряхивалъ на землю ;
Но, мнилось, былъ неистощимъ
Колчанъ наездницы ; какъ чистый дождикъ,
Ея лилися стрѣлы ;
И наконецъ Зорабъ, терпѣнье потерявъ,
Воскликнулъ : скоро ль дѣтскую игрушку
Оставишь ты ? Пора приняться намъ
За мужеское дѣло.
Я вижу, что своимъ досугомъ
Умѣли вы воспользоваться, Персы ;
Острѣ свои вы стрѣлы наточили —
Но объ Туранскій крѣпкій панцырь
Ломается ихъ остріе.
Оставь же, другъ, напрасную заботу —
Изъ своего улья довольно
Ты пчелокъ выслалъ на меня,
Но меду здѣсь онъ не соберутъ ;

Убить своей стрѣлой ты можешь
Львѣную пташку, много цаплю;
Но грифа сильнаго тебѣ не застрѣлить;
И такъ уймись и, если ты
Не женщина, то подъѣзжай,
И бейся мужески со мною.

VIII.

При этомъ вызовѣ черезъ плечо
Закинула свой лукъ Гурдаферидъ,
И поскакала на Зораба
Съ направленнымъ на грудь его копьемъ;
Не двинувъ ударъ почувствовалъ бы витязь,
Когда бъ съ конемъ не отшатнулся —
Копье пронзило воздухъ.
Тогда, свое копьѣ оборотивъ,
Зорабъ его тупой конецъ
(Къ которому привинченъ
Былъ крѣпкій крюкъ желѣзный)
За поясъ всадницы проворно запустилъ,
И вмигъ, какъ легкій пухъ,
Она слетѣла бы съ сѣдла,
Когда бы выхватить свой мечъ
И имъ перерубить копьѣ
Однимъ ударомъ не успѣла;
И снова на сѣдло упала

Она такъ плотно, что съ него
Взвилась густая пыль: тутъ поняла
Гурдаферидъ, что не по силъ ей
Соперникъ, стиснула кольнами коня,
И поскакала къ замку.
Зорабъ за ней; ужъ былъ онъ близко;
Ужъ слышала Гурдаферидъ
Вблизи коня желзный топоть,
Ужъ обдавало ей плеча
Его горячее дыханье;
Тутъ вдругъ она оборотилась,
И сбросила съ прекрасной головы
Желзный шлемъ въ надеждѣ побѣдить вѣрнѣе
Не силой мужеской меча,
А дѣвственнымъ волшебствомъ красоты.
И на лице ея волнами
Густые полилися кудри;
Зорабъ остолбенѣлъ, узнавъ въ ней дѣву замка;
И онъ воскликнулъ: трудно жъ будетъ намъ
Одольвать мужей Ирана,
Когда Иранскія такъ мужественны дѣвы.
Зачѣмъ, красавица, ты выѣхала въ поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мнѣ отомстить хотѣла?
И что тебя, любовь или жажда славы,
Изъ замка выйти побудило?
Прекрасною звѣздой небесъ
Издалека ты мнѣ явилась —

Теперь тебя увидель я вблизи,
И знаю, что краса
Небесныхъ звездъ ничто передъ твоею.
Но я тебя не выпущу изъ рукъ ;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча въ сѣти не давалась ;
Ты отъ меня не убъжишь.
При этомъ словъ бросилъ онъ
Арканъ, и вмигъ была Гурдаферидъ
Опутана могучей петлей.
Увидя, что къ спасеню
Ей средства нѣтъ, красавица прибѣгла
Къ коварству женскому ; чтобъ самого
Плѣнителя плѣнить, она
Приподняла свои густые кудри,
И мѣсяцъ свѣтлаго лица
Отъ черной ихъ освободила тучи.
Оборотясь съ улыбкой на Зораба,
Она сказала голосомъ волшебнымъ :
Ты, витязь смѣлый, столь же сильный
Между людьми, какъ левъ между звѣрями,
Не жажда славы,
И не любовь къ Хеджиру (что Хеджиръ
Передъ тобой!) меня изъ замка
Къ тебѣ на встрѣчу привели.
Издалека тебя увидя
Столь мужески прекраснымъ,
Хотѣла я узнать таковъ ли

Ты и вблизи — меня не обманули
Мои глаза; но въ мысли не входило
Мнѣ никогда, чтобъ могъ въ Турань
Такой, какъ ты, родиться витязь.
Иди же смѣло на Ирань;
Ты тамъ плѣнишь
Не дѣвъ однихъ, но и мужей могучихъ;
А если самъ, какъ я, того желаешь,
Чтобъ былъ между тобой и мною
Союзъ любви, то напередъ
Ты возврати мнѣ и свободу.

IX.

Такъ сладостнымъ наиткомъ льстивой рѣчи
Коварная хотѣла уноить
Зораба. Онъ, почти ужъ охмѣленный,
Спросилъ: но что же будетъ,
Красавица, порукой за тебя,
Когда свою получишь ты свободу? —
Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовутъ Гурдаферидъ;
А мой родитель Гездехемъ
Повельваетъ Бѣлымъ Замкомъ;
Я общаюсь, если самъ
Того желаешь ты, и если

Согласенъ будетъ Гездехемъ
(А онъ согласенъ будетъ вѣрно),
Тебѣ отдать и замокъ и себя.
Ступай же на гору за мною;
Ключъ отъ воротъ я вынести не замедлю;
Но прежде требую свободы.
И съ этимъ словомъ на Зораба
Она такъ нѣжно, сладко поглядѣла,
Что въ этомъ взглядѣ мигомъ на него
Съ нея перелетѣла петля.
Довѣрчиво онъ снялъ съ нея арканъ;
Она ударила коня
И поскакала къ замку;
За нею поскакалъ Зорабъ.
Тѣмъ временемъ, встревоженный, печальный,
Стоялъ въ воротахъ Гездехемъ;
Онъ въ поле съ ужасомъ смотрѣлъ,
И ждалъ, какой возьметъ конецъ
Безумно-бѣшеное дѣло
Безстрашной дочери его.
Онъ, раздраженный, осыпалъ
Ее упреками, но въ сердцѣ
Ея отважностью гордился.
Вдругъ шумъ послышался — онъ смотреть,
И видитъ: скачетъ къ воротамъ
Гурдаферидъ и вслѣдъ за нею,
Отставъ немного, скачетъ витязь,
Хеджира въ полъ одолѣвшій.

Вмигъ полворотъ онъ отворилъ ;
Она въ нихъ молніей вскользнула ;
Растворы схлопнулись — одинъ
Зорабъ остался передъ замкомъ
Въ сіяньи вечера багряномъ.

Х.

И ждалъ Зорабъ, что дѣва замка
Свое святое сдержитъ слово —
Напрасно! Вдругъ она явилась на оградъ,
И, наклонясь къ нему, сказала такъ :
Чего ты ждешь, мой храбрый побѣдитель ?
Ужъ поздно ; возвратись въ Туранскій станъ ;
Сегодня твой набѣгъ на Бѣлый Замокъ
Не удался — будь терпѣливъ,
Удастся завтра. Доброй ночи ;
Прости. — Зорабъ, прискорбно посмотрѣвъ
На дѣву, такъ ей отвѣчалъ :
О ты, красавица Ирана,
Какъ жаль мнѣ, что своимъ коварствомъ
Свою ты прелесть превзошла ;
Я не о томъ тужу, что Бѣлый Замокъ
И съ нимъ прекрасную невесту,
Въ обманъ поддавшись, выпустилъ изъ рукъ ;
Тужу о томъ, что былъ *тобой* обманутъ.
А замокъ твой не выше неба ;

Но будь и выше неба онъ —
Войду въ него ; на это
Ключь отъ воротъ не нуженъ — завтра
И замокъ и тебя возьму я съ бою.
Не горячись, мой свѣтлый, храбрый витязь,
Гурдаферидь сказала, усмѣхаясь ;
Тебѣ ключа я выдать не могла :
Его отецъ изъ рукъ не выпускаетъ ;
Когда же о твоємъ за тайну сватовствѣ
Ему я объявила,
Онъ отвѣчалъ : невесты нѣтъ въ Иранѣ
Для Турка. Другъ, исполни мой совѣтъ,
Не медли здѣсь и возвратись въ Туранъ ;
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ невестъ прекрасныхъ
Достоннѣ ты . . . . . но возвратись ;
Царь Кейкавусъ, услышавъ о твоємъ
Набѣгѣ, вышлетъ на тебя
Своихъ вождей — ты ихъ не одолѣешь ;
А если вышлетъ онъ Рустема,
Тогда . . . . . тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя гибель неизбежна.
О возвратися, возвратися
Въ твоей молодой, несокрушенной силѣ !
Ты здѣсь стоишь на рубежѣ судьбы ;
Какъ будетъ жаль, когда твой цвѣтъ она
Безжалостно сорветъ своею бурей !
Я буду горько, горько плакать ;
Я ничего, подобнаго тебѣ

И болѣе по сердцу моему,
На свѣтъ не видала,
И ничего, подобнаго тебѣ
На свѣтъ не увижу.
Гурдаферидъ, умолкнувъ, поглядѣла
Печальнымъ окомъ на Зораба;
Потомъ сошла съ ограды: а Зорабъ,
Оставшия одинъ передъ оградой,
Задумчиво глазами
За нею слѣдовалъ; когда жъ она
Изъ глазъ его пропала,
Коня оборотилъ и въ станъ
Повѣхалъ медленно, съ нахмуреннымъ лицомъ,
Надвинувъ брови
На гнѣвно-огненные очи.

XI.

Близъ замка находились пашни,
Сады и огороды, хлебомъ,
Плодами, зеленью и овощами
Богатыя: они питали замокъ.
На нихъ Зорабъ свой гнѣвъ оборотилъ;
Подъѣхавъ къ стану, онъ воскликнулъ:
Сюда, мои Туранцы; разорите
Здѣсь все; огню предайте нивы;
Сожгите всѣ деревья;

Съ землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноградъ;
Чтобъ прахомъ все и дымомъ разлетѣлось;
Чтобъ весь затрепетали въ замкъ!
Съ его ограды любить
Дочь Гездехемова смотреть — пускай же
Она порадуется, видя,
Какъ мы въ ея работаемъ саду;
Разройте гряды все, гдѣ розы
Ея цвѣтуть, и все засыпьте
Ключи, которые питають
Ея луговъ густую зелень.
Когда жъ наступитъ день,
И замокъ мы вверхъ дномъ поставимъ.
Такъ повелѣлъ онъ, и упало,
Какъ съ неба градъ,
На всю окрестность
Его неистовое войско —
И стала вмгъ пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, онъ
Похалъ въ станъ обратно;
За нимъ туда все войско возвратилось.

ХІІ.

Тѣмъ временемъ, какъ въ станъ вражемъ
Гроза сбиралась, Гездехѣмъ,

Бѣду почуя, написалъ

Письмо такое къ Кейкавусу:

„Безчисленной толпою

„Нахлынули на насъ

„Сосѣдственные Турки.

„Ихъ войско намъ не страшно;

„Но страшень молодой

„Ихъ войска предводитель.

„Онъ ростомъ великанъ;

„Когда на боевомъ онъ

„Конь, вооруженный

„Жельзной булавою,

„Сидитъ въ жельзной силъ,

„Онъ всѣ земныя силы

„Считаетъ за ничто.

„Противника ему

„Не сыщется въ Иранъ;

„Одинъ по силъ будетъ

„Ему Рустемъ; зовутъ

„Его Зорабомъ; онъ

„Родился въ Семенгамъ.

„Хеджиръ, его увидя,

„Изъ замка, съ нимъ сразиться,

„Пустился на конь;

„Но въ замокъ конь обратно

„Хеджира не принесъ.

„Когда бы не успѣлъ я

„Моихъ воротъ проворно

„Захлопнуть передъ нимъ,
„Какъ вихорь бы влетѣлъ онъ
„Одишь въ мой крѣпкій замокъ.
„Ужъ нашу всю окрестность
„Огонь опустошилъ ;
„Хеджиръ въ плѣну, и замку
„Не устоять ; и нынѣ,
„Какъ скоро ночь наступить,
„Со всей моей дружиной
„Спасаясь бѣгствомъ я.
„Тебя же, царь, молю :
„Сбери скорѣе войско,
„Чтобъ царство защитить
„Могучею плотиною
„Отъ злаго наводненья.
„Всего жъ необходимѣй,
„Чтобъ въ войскѣ былъ Рустемъ :
„Лишь сильному Рустему
„Возможно пересилить
„Такого великана.“

XIII.

Письмо съ нарочнымъ Гездехемъ
Отправилъ въ ту же ночь къ царю ;
Потомъ созвалъ свою дружину ;
Свою казну, свои богатства собралъ,

И тайнымъ подземельнымъ ходомъ,
Который велъ далеко въ поле,
Изъ замка вышелъ.

Гурдаферидъ пошла за нимъ;
Но шла она, казалось, по неволь;
Была задумчива, какъ будто ей
Какой-то голосъ тайно
Шепталъ: не уходи;
Какъ будто съ кѣмъ, ей милымъ,
Навѣкъ она прощалась.

И всѣ ушли и замокъ опустѣлъ.

Въ туманъ занялося утро;

Зорабъ повелъ свои дружины къ замку:

И на гору онъ взбѣжали съ крикомъ;

И кинулся, какъ бѣшеный, Зорабъ

Къ тяжелымъ воротамъ.

Онъ ждалъ отпора, но отпора

Не дождался — все было въ замкѣ,

Какъ въ гробъ, тихо; на стѣнахъ

Никто не шевелился. Въ нетерпѣнны

Зорабъ схватилъ огромный камень

И имъ ударилъ въ ворота —

Онъ свободно растворились:

Ушедшіе нарочно ихъ

Оставили незапертыми.

Какъ молнія, Зорабъ ихъ пролетѣлъ —

Ихъ своды громко повторили

Его коня гремучій топотъ;

И все умолкло.
Сквозь сумракъ утренній Зорабъ
Очами ищетъ
Людей — но все предъ нимъ
И пусто, и безмолвно;
Въ его груди предчувствіемъ тяжелымъ
Стъснилось сердце;
И стъны онъ нѣмая вопрошалъ:
Куда ушла моя невѣста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльяхъ улетѣла?
Иль призракомъ пропала, не оставивъ
Слѣда? О гдѣ же ты?
На мигъ одинъ была
Ты мнѣ виднѣемъ чуднымъ .....
И нѣтъ тебя;
И гдѣ найти тебя, не знаю.
И началъ онъ прилежно замокъ
Обыскивать: какъ изступленный,
Онъ бѣгалъ по стѣнамъ,
На башни лазилъ, проникалъ
Въ глубокіе подвалы,
И безпрестанно возвращался
На мѣсто, гдѣ она ему
Явилась наканунѣ,
Въ надеждѣ, что опять
Тамъ съ нею встрѣтится; и съ высоты
На безпредѣльную окрестность онъ смотрѣлъ,

И звалъ свою невѣсту
Со всѣхъ концовъ пустаго небосклона ;
И посылалъ за нею вѣтеръ горный,
И птицъ воздушныхъ,
И облака лазореваго неба.
А между тѣмъ окрестъ него
Все падало, все разрушалось ;
Какъ коршуны расклевываютъ трупъ,
Такъ ратники Зораба
Крушили замокъ ;
Не находя нигдѣ
Ожиданныхъ сокровищъ,
Они за то наказывали стѣны.
Что дѣлалось, Зорабъ не замѣчалъ :
Его душа была далѣко.

XIV.

И къ витязю, невольнику любви,
Съ упрекомъ строгимъ обратился
Суровый пѣстунъ Баруманъ :
Для яркихъ глазъ и для густыхъ кудрей
Ты цѣлый свѣтъ и долгъ свой забываешь.
Не таковы бываютъ тѣ, которымъ
При нихъ и долго послѣ нихъ
Въ награду дѣль великихъ
Отечество и всѣ народы

Дань славы и любви приносятъ.
Самихъ себя они не отдаютъ
Мгновенію ничтожному на жертву;
Не отдаютъ безумно и безнечю
Во власть любви они ума и сердца.
И имъ случается поймать
Своею сътью легкую газелу,
Но съ нею въ съть самихъ себя
Не путаютъ ребячески они;
Орелъ, влюбленный въ солнце,
Какъ соловей, по розъ не вздыхаетъ.
Теперь твоя добыча тронъ Ирана;
Возьми его — тогда венецъ любви
Наградю получишь отъ побѣды.
Не обнаживъ меча, такую крѣпость
Ты захватилъ — но цѣль твоя еще далѣко;
На насъ свои всѣ силы вышлетъ
Царь Кейкавусъ, тогда
Но выслушай, Зорабъ, советъ,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здѣсь враговъ; съ твердынной
Вершины этой всѣмъ Ираномъ
Ты будешь властвовать; съ нея
Губящіе набѣги можешь
Повсюду посылать, и здѣсь
Могучее ихъ войско встрѣтишь,
Могучій самъ — не разорай же
Безумно замка; нѣтъ; его напротивъ въ честь

Красавицы, въ немъ жившей, укрѣпи;
Но въ честь ея и духомъ укрѣнися.
Когда тебѣ звѣздами
Назначено Иранъ завоевать —
Съ нимъ и она твоею будетъ.
Пускай передъ тобой Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня — тогда ты смѣло можешь
Потребовать, чтобъ выкупомъ свободы
Его была Гурдаферидъ.
Отъ этихъ словъ Зорабъ очнулся;
Онъ, какъ солнца лучъ, пронзилъ,
Туманъ его души;
И онъ воскликнулъ: такъ!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетитъ съ коня, и за его свободу
Заплатитъ мнѣ Гурдаферидъ.
Тутъ на грабителей онъ крикнулъ;
И во мгновенье грознымъ крикомъ
Былъ усмиренъ неистовый грабежъ;
И сталъ, какъ гробъ, спокоенъ Бѣлый Замокъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

РУСТЕМЪ И БЕЙКАВУСЪ.

ССОРА, ПРИМИРЕНІЕ, ПОХОДЪ.

I.

Когда письмо отъ Гездехэма
Гонецъ поспышный Кейкавусу
Въ его столицъ Истахарь
Вручилъ, и сдѣлалось известно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана —
Онъ ужаснулся, и немедля
Созвалъ верховный свой совѣтъ.
И собралися къ Кейкавусу
Его вельможи: Фераторъ
(Сынъ царскій и наследникъ трона),
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехэдемъ, Тусъ, Рохамъ,
Гургинъ, Милать, Фергасъ, Бехремъ и Гефъ:
И, Гездехемово письмо прочтя имъ, царь
Сказалъ: Зорабъ мнѣ этотъ страшень;
Онъ овладѣлъ безъ боя Бельмъ Замкомъ,

Твердѣйшею защитой нашихъ граней;
Тамъ двухъ вождей надежныхъ мы имѣли —
Но старый убѣжалъ,
А молодой врагу отдался въ руки:
Гудерсъ, не можешь похвалиться ты
Своимъ Хеджиромъ; у тебя
Такъ много сыновей — зачѣмъ же
Изъ нихъ мы выбрали такого,
Который былъ не въ силахъ одолѣть
Туранскаго молокососа?
Но правда, пишетъ Гездехѣмъ,
Что этого молокососа
Одинъ Рустемъ лишь одолѣетъ;
Скажите жъ, вѣрные вельможи,
Что дѣлать намъ? Послать ли за Рустемомъ?
И въ голосъ всѣ воскликнули: послать.
И было рѣшено, чтобъ царь
Письмо къ Рустему написалъ,
И чтобъ съ письмомъ безъ замедленья
Былъ Гефъ, Рустемовъ зять, отправленъ.

II.

И Кейкавусъ письмо такое
Къ Рустему написалъ:
„Ирана щить, Сабула обладатель,
„Великій царскій Пехлеванъ,

„На насъ гроза съ Турана поднялася ;
„Врагами схваченъ Бѣлый Замокъ ;
„Ихъ вождь, по имени Зорабъ,
„Лѣтами юноша, а силой
„Пожаръ, землетрясенье, громъ,
„Отъ Семенгамскихъ происходитъ,
„Въ народъ говорятъ, царей.
„И пишетъ вождь нашъ Гездехѣмъ,
„Что этого богатыря
„Не одолеть намъ, что одинъ
„Лишь ты съ нимъ силою сравнишься.
„Я свой совѣтъ верховный собралъ,
„И всѣ советники мои
„Со мной согласны, что тебя
„Намъ должно вызвать изъ Сабула,
„Что лишь твоя рука отъ царства
„Такую гибель отразитъ.
„И такъ зову тебя, Рустемъ,
„Вънецъ, убранство, щитъ царя,
„Спасительная пристань царства,
„Твердыня трона, войска слава,
„Ирана жизнь, Турана смерть ;
„Спѣши, спѣши ; когда получишь
„Мое письмѣ, сидишь ли — встань,
„Стоишь ли — не садись ;
„Идешь ли въ замокъ — не входи ;
„Но въ тотъ же мигъ вели подать
„Доспѣхи, бросься на коня,

„И пусть съ тобою конь твой славный,
„Твой Громъ летитъ небеснымъ громомъ,
„И ты, Ирана громъ защитный,
„Будь громомъ бѣдствія Турану.“

III.

Царь Кейкавусъ, окончивъ
И запечатавъ нестрымъ воскомъ
Свое письмо, послалъ съ нимъ Гефа;
И Гефъ, какъ изъ лука стрѣла,
Помчался; день и ночь скакаль онъ;
Забывъ о нищъ и почлегъ,
Не думая о томъ, куда вела
Дорога, подъ гору иль въ гору,
И было ль ведро иль несчастье;
И бодрый конь его не уставалъ,
Какъ будто чужьяль онъ,
Куда, къ кому и съ чѣмъ
Спѣшитъ съдокъ неутомимый.
Гонца увидя вдалекъ,
Рустемъ послалъ къ нему на встрѣчу
Зевара, брата своего,
И былъ обрадованъ, когда
Зеваръ къ нему явился съ Гефомъ.
Зачѣмъ ты, зять мой дорогой,
Спросилъ Рустемъ, пожаловалъ въ Сабулъ?

Что мнѣ привезъ? Письмо отъ Кейкавуса?
Подай. И, прочитавъ письмо,
Рустемъ задумался; онъ долго, долго
Сидѣлъ въ молчаньи грустномъ,
Потупивъ голову и неподвижно
Глаза уперши въ землю.
И такъ съ собой онъ говорилъ:
Я думаю о дняхъ прошедшихъ;
Все, бывшее давно, воспоминаю;
Какъ настоящее, опять
Оно передо мною нынѣ
Свершается . . . невѣроятно,
Чтобъ этотъ чудный воинъ былъ
Мой сынъ; и если подлинно имѣю
Я въ Семенгамъ сына, онъ
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляютъ.
Конечно, быть орломъ орленку сужено;
Но мой орленокъ испытать
Еще не могъ своихъ орлиныхъ крыльевъ,
Еще теперь сидитъ онъ на гнѣздѣ,
И ждетъ своей поры;
Когда жъ его пора наступитъ,
Взлетитъ онъ высокó,
Втораго въ пемъ Рустема
Увидитъ свѣтъ. Такъ, если вправду
Родился сынъ Теминъ отъ Рустема,
То скоро громкая о немъ

По всей земль молва раздастся,
И онъ придетъ по праву славы
Сказать мнѣ: я твой сынъ. И не врагомъ
Онъ встрѣтится со мною въ поле,
А жданнымъ гостемъ постучится въ двери
Отцевскаго жилища; и ему
Отворятся онъ гостепріимно;
И будетъ праздновать отецъ,
Созвавши сродниковъ, друзей и ближнихъ,
Свое свиданье съ милымъ сыномъ;
И въ немъ моя помолодѣетъ старость.

IV.

Такъ разсуждалъ съ собою грозный воинъ,
И мысли черныя тѣснили
Его взволнованную душу;
Но что ея волненья было
Причиной — онъ того не въдалъ.
Вдругъ онъ очнулся, и гонцу,
Который, вовсе имъ забытый,
Въ молчаньи ждалъ его отвѣта,
Сказалъ: съѣшьте намъ нужды нѣтъ;
Ты нынче гость мой; прежде
Съ тобой мы здѣсь, какъ должно, попируемъ;
Потомъ и въ путь. Еще большой бѣды я
Въ случившемся для нихъ не вижу;

Что страшно имъ, то мнѣ смѣшно;
И отъ того, что старый сумасбродъ,
Испуганный Турецкимъ смѣльчакомъ,
Безъ боя сдалъ нашъ замокъ порубежный,
Имъ чудится, что врагъ
Уже стоитъ передъ столицей,
И долженъ я встревоженный ихъ бредомъ,
Скакать къ нимъ, голову сломя.
Пусть подождетъ премудрый Кейкавусъ;
Мнѣ нынче нѣтъ охоты воевать:
Нежданный гость пожаловалъ ко мнѣ;
Хочу его я на просторъ
Повеселить и самъ повеселиться
Съ нимъ заодно. Забудемъ, милый зять,
За пѣнной чашею на время
Военныя тревоги; расскажи
Поболь мнѣ теперь
О дочери и внучатахъ моихъ,
И жизни дерево зеленое со мной
Полей виномъ животворящимъ.
А ты, Зеваръ, поиди и учреди
Скорѣе пиръ богатый;
Земное все уходитъ легкой тѣнью —
Хочу съ тобой и съ нашимъ Гефомъ
Упиться сладостнымъ виномъ
До полного забвенья
О скоротечности земнаго счастья.

V.

Такъ старый воинъ говорилъ ;
На языкъ его былъ пиръ веселый ;
А на душъ лежалъ тяжелый камень
Предчувствія, похожаго на робость.
Зеваръ пошелъ готовить пиръ ;
А Гефъ пошелъ за тестемъ
Въ его великольный замокъ ;
И заикнуться не посмѣлъ онъ
О строгомъ повелѣннн шаха :
Онъ зналъ, какъ было плохо
Ломать копье съ упрямымъ старикомъ,
И думалъ : самъ, какъ знаешь, послѣ
Ты разочтешься съ Кейкавусомъ ;
Съ тобою пировать я радъ ;
Твоимъ виномъ мой запыленный
Языкъ я промочу, а завтра
Конямъ мы прыти придадимъ,
И быстрота намъ возвратитъ
Часы, потерянные льною.
Весь день роскошный длился пиръ
Въ богато - убранныхъ палатахъ ;
Какъ розы, пламенно сіяя
На темной зелени кустовъ,
Благоуханно угощаютъ
Звонко - поющихъ соловьевъ,

Такъ и хозяина и гостя
Младья дѣвы сладкопѣнемъ
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавусъ
Забыты были въ шумъ пира;
Однѣ лишь пламенныя щеки,
Однѣ лишь свѣжія уста
Являлись ихъ очамъ, и не потоки
Ллющейся въ сраженьи крови,
А пурпуръ благовонный
Вина сверкалъ предъ ними въ драгоценныхъ,
Лилѣиною рукой молодыхъ
Невольницъ подносимыхъ чашахъ.
Въ весельи шумномъ день и вечеръ,
Виномъ запитые, исчезли;
Заискрилась звѣздами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пѣной
Вина послѣдняго фіалы;
И наконецъ могучій хмѣль
На мягкомъ ложѣ сладкой силъ
Сна миротворнаго ихъ предалъ.

VI.

И рано на другое утро
Явился Гефъ, готовый въ путь.
Но въ путь еще Рустемъ не собирался.

На что спѣшить, сказалъ онъ, добрый гость ;
И этотъ день съ тобою мы,
Откинувъ всякую заботу,
Въ весельи проведемъ.
Кто знаетъ, близко ль, далекó ли
Бѣда и гдѣ ее мы встрѣтимъ?
Пока подъ кровлей мы домашней —
Не станемъ помышлять
О бурь, воющей кругомъ.
Быть можетъ, что ужъ въ этомъ домъ болъ
Мы никогда такъ веселы не будемъ ;
Сдается мнѣ, что здѣсь въ послѣдній разъ
Моихъ родныхъ и милыхъ ближнихъ
Я угощаю. Подойдите жъ,
Мой братъ Зеваръ и зять мой Гефъ, ко мнѣ ;
Ты, Гефъ, садися съ правой,
А ты, Зеваръ, садися съ лвоей
Моей руки ; и помогите пить мнѣ
Душеусладное вино.
Мнѣ въ эту ночь все снилось
О сынѣ, снилось, будто сынъ
Нашелся у меня ; и это мнѣ
Напомнило, что о Зорабъ я
Тебя еще не спросилъ подробно ;
Садися жъ, Гефъ, и расскажи
За чашею вина
Мнѣ сказку о Зорабъ.
Онъ съль ; по правую съ нимъ руку

Съль Гефъ, по лъвую Зеваръ;
Вино запънилося въ кубкахъ,
И пиръ съ музыкой, пьнемъ, пляской,
Какъ наканунъ, закипълъ.
Подъ шумъ его задумчиво Рустемъ
Разсказы слушалъ о Зорабъ,
И думы черныя свои
Виномъ огнистымъ запивалъ.
Такъ день прошелъ, и вечеръ миновался,
И, наступила ночь, и хмьль могучій
Опять ихъ предалъ тихой власти
Миротворительнаго сна.

VII.

На утро такъ же рано,
Готовый въ путь, пришелъ
Къ Рустему Гефъ; но видя, что Рустемъ
По прежнему не торопился въ путь,
Ему сказалъ онъ: выслушай безъ гнѣва
Меня, отецъ; не раздражай царя;
Ты вѣдаешь, какъ бѣшено онъ вспылчивъ;
Ты вѣдаешь, въ какомъ онъ страхъ
Съ тѣхъ поръ, какъ врагъ ворвался въ наши грани:
Не ѣсть, не пьеть, не спить, не видитъ и не слышитъ
Нашъ Кейкавусъ; ему вездъ
Мерещится Зорабъ. Поѣдемъ,

Рустемъ; позволь мнѣ Грома осѣдлатъ;
Твоимъ упорнымъ замедленьемъ
Жестоко будетъ шахъ прогнѣванъ.
Не бойся, Гефъ, отъѣтствовалъ Рустемъ,
Никто мнѣ въ свѣтъ не указчикъ;
И твердо знаетъ Кейкавусъ,
Что царствуетъ въ Иранъ онъ
По милости Рустема;
Онъ знаетъ, что моя рука
Всегда его вытаскивать умѣла
Изъ ямъ, въ которыя своей виною
Онъ безразсудно понадалъ.
Но я согласенъ; намъ пора
Отправиться въ дорогу;
Вели мнѣ Грома осѣдлатъ,
И ѣдемъ. Такъ сказавъ, Рустемъ
Виномъ наполнилъ кубокъ,
Окинулъ мрачными глазами
Палату пировую
И всѣхъ своихъ домашнихъ,
Вино все разомъ выпилъ,
И, кубокъ въ дребезги разбивъ,
Вельмъ трубить походъ.
На громкій зовъ Рустемовой трубы
Вмигъ собрались Рустемовы дружины.
Окинувъ ихъ желѣзный строй глазами,
Рустемъ подумалъ: съ ними
На цѣлый свѣтъ могу войною выйти.

И за себя Зевару поручивъ
Начальство надъ Сабульской ратью,
Онъ съѣлъ на Грома,
И поскакалъ впередъ
Самъ другъ съ отважнымъ Гефомъ.
И трубы загремѣли,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.

VIII.

Когда молва достигла въ Истахаръ
О приближеніи Рустема,
Всѣ первые вельможи: Фераторъ,
Гудерсъ, Кешвадъ, Шехѣдемъ, Тусъ, Рохамъ,
Геразъ, Гургинъ, Милать, Ферхабъ, Бехремъ
На день пути къ нему на встрѣчу вышли.
Сынъ шаховъ Фераторъ и вождь верховный Тусъ
Сошли съ коней, его увидя;
Сошелъ съ коня, увидя ихъ, Рустемъ;
И сдѣлали привѣтствіе другъ другу.
Блестящій ихъ толпою окруженный,
Рустемъ въ столицу въѣхалъ,
И съ торжествомъ его ввели они
Въ палату, гдѣ великій царь
Ихъ ждалъ, сидя на тронѣ.

Но было сумрачно и гнѣвно
Его лице; не отвѣчавъ ни слова
На поздравительные клики
Своихъ вельможъ, онъ грозно закричалъ,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
Кто ты, Рустемъ,
Чтобъ съ дерзостью такою
Топтать ногами
Святыя царскія слова?
Когда бъ въ моей рукъ былъ мечъ,
Къ моимъ ногамъ бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Тусъ, закуй ихъ въ цепи,
И чтобъ теперь же тестъ и зять
На висѣлицъ оба
Передъ народомъ заплясали.
Такъ въ изступленьи гнѣва
Кричалъ на тронъ Кейкавусъ;
И всѣ кругомъ его вельможи
Въ оцѣненнѣи стояли.
Когда жъ увидѣлъ шахъ,
Что повелѣнье медлилъ
Его исполнить Тусъ,
Онъ крикнулъ съ трона, какъ орелъ
Кричитъ съ высокаго утеса:
Предатель самъ, кто руку наложить
На дерзкаго предателя не смѣетъ!
Бери ихъ, Тусъ, я повторяю;

И съ ними съ глазъ моихъ долой;
Чтобъ мигомъ не было ихъ духу!
И чтобъ никто не смѣлъ мнѣ прекословить!

IX.

Такъ онъ вопилъ; и было горько Тусу
Его исполнить повельнѣе;
Онъ за руку Рустема взялъ,
Чтобъ изъ очей озлобленнаго шаха
Его увести и дать свободу
Утихнуть бѣшенству царя —
При этомъ видѣ все вельможи
Затрепетали. Но Рустемъ,
Не замѣчая ничего,
Смотрѣлъ горящими глазами,
Какъ левъ увидѣвшій змью,
На шаха; онъ, казалось, вдругъ
Сталъ цѣлой головою выше,
Сталъ вдвое шире грудью и плечами;
И онъ сказалъ: а ты кто, чтобъ меня
Такъ дерзостно позорить?
Ты шахъ, но шахъ по милости моей.
Гроби же петлею не мнѣ,
А своему Зорабу. Развѣ я
Твой подданный? Я царства Пехлеванъ;
Я князь Сабулистана вольный;

Иль ты не знаешь, что, когда
Я топаю ногою — подо мной
Дрожитъ земля; когда мой скачетъ конь —
Отъ топота его шумить все небо,
И, быстротъ его чудяся,
Потокъ бѣжать перестаетъ?
Иль ты забылъ, что я Рустемъ,
Что мой престолъ съдло, что шлемъ моя корона?
И кто же ты, чтобъ петлей мнѣ грозить?
И кто твой Тусъ, чтобъ руку на Рустема
Поднять въ повиновенье
Безумной ярости твоей?
При этомъ словѣ онъ такъ сильно
Ударилъ Туса по рукъ,
Что тотъ упалъ на землю, оглушенный.
Черезъ лежачаго Рустемъ
Перешагнулъ, толпу раздвинулъ,
И вышелъ съ Гефомъ изъ палаты.
И всѣ вельможи, Кейкавуса
Оставивъ одного на тронъ,
Пошли поспѣшно за Рустемомъ.
Они его нашли передъ крыльцомъ
Сидячаго на Громъ. Онъ съ съдла
Имъ закричалъ: простите всѣ; прости,
Иранъ. Въ Сабуль я возвращаюсь;
Въ Сабуль я такой же царь,
Какъ здѣсь въ Иранъ Кейкавусъ.
Теперь, какъ знаете, съ Тураномъ сами

Ведите свой расчетъ; Сабуль
Я отстою. А если здѣсь съ царемъ Ирана
Случится то же, что съ Хеджиромъ,
И если царскій Истахаръ,
Какъ Бѣлый Замокъ, будетъ схваченъ
Врагами, въ томъ не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царемъ владѣетъ нетерпѣнье
И необузданная ярость!
Сказавъ, онъ крикнулъ — Громъ помчался;
Рустемъ исчезъ, какъ привидѣнье.
Недалеко отъѣхавъ по дорогѣ
Въ Сабуль, остановился онъ
Въ гостинницѣ, чтобъ на покоѣ тамъ
Дождаться брата
Съ дружинами Сабулистана.

X.

Изъ глазъ Рустема потерявъ,
Вельможи — безъ него, какъ стадо
Безъ пастуха оставшись — обратились
Къ Гудерсу и ему сказали:
Теперь лишь ты одинъ, Гудерсъ,
Помочь въ бѣдѣ великой можешь;
Твои советы любить шахъ;
Пойди къ нему и въ волны

Его погибельнаго гнѣва
Пролей твоихъ совѣтовъ
Мирительное масло.
А ты скачи за тестемъ, Гефъ ;
И догони его, пока Сабула
Онъ не достигъ. И Гефъ пустился въ путь.
Гудерсъ пошелъ къ царю.
Его увидѣлъ онъ, уединенно
Сидящаго на тронъ ;
Онъ былъ угрюмъ, но тихъ ; онъ былъ
Подобенъ тучъ громовой,
Готовой, отблоставъ и отгремѣвъ,
Дождемъ свѣжительнымъ пролиться.
И такъ ему дерзнулъ сказать Гудерсъ :
Могучій повелитель,
Царь голова, а царство тѣло ;
Но въ головѣ для тѣла долженъ быть
Советникомъ разсудокъ ; у кого же
Советникъ свой молчитъ,
Тотъ слушайся чужаго,
И не стыдись исправить зло,
Поспѣшно сдѣланное въ гнѣвѣ ;
Изъ устъ неосторожно бросилъ
Ты оскорбительное слово —
Пошли за нимъ мирительное вслѣдъ ;
Обиду ты нанесъ строптивой рѣчью
Тому, кого щадить велить разсудокъ —
И ею былъ не онъ одинъ обиженъ :

Ты пристыдилъ насъ всѣхъ его стыдомъ;
Рустема въ петлю! А Рустемъ
Тебя на тронъ отцевскій посадилъ,
И онъ же трона
Твердѣйшая опора;
Что жъ будетъ намъ, когда Рустема въ петлю?
И что же съ царствомъ будетъ безъ Рустема?
Теперь изломанъ мечъ Ирана,
Изсохла мужества рука,
Плотины нѣтъ на вражье наводненье.
Всѣ наши витязи извѣстны Гездехему —
А что намъ пишетъ Гездехемъ?
„Что ни одинъ изъ насъ противъ Зораба
„Не устоитъ, что на него
„Одна гроза — Рустемъ.“ Но гдѣ же
Теперь Рустемъ? За промедленье
Двухъ дней тобой онъ изгнанъ навсегда.
Меня къ тебѣ твои вельможи
И съ ними сынъ твой Фераборъ
Прислали умолять, чтобъ ты
Благоволилъ съ Рустемомъ примириться.
Никто, ни Фераборъ твой сынъ —
Сколь онъ ни силенъ, ни отваженъ —
Ни бодрый твой военачальникъ Тусъ,
Ни я съ осьмидесятью сыновьями
Тебя не защитимъ. Одинъ Рустемъ
Твоя надежная защита.
Сказавши такъ, Гудерсъ умолкнулъ.

XI.

И къ сердцу принялъ Кейкавусъ
Отъ сердца сказанное слово ;
Онъ отвѣчалъ : пословица святую
Намъ правду говоритъ, что стариковъ
Совета полныя уста
Вѣрнѣйшіе хранители царей.
Я самъ теперь разскаиваюсь горько,
Что оскорбительное слово
Въ кишѣхъ гнѣва произнесъ.
Ступайте жъ всѣ къ Рустему, и зовите
Его обратно въ Истахаръ
На миръ и доброе согласье
Съ своимъ царемъ. — Хвала царю ! воскликнулъ
Гудерсъ. И возвратиться
Онъ поспѣшилъ къ вельможамъ, ожидавшимъ
Его съ великимъ нетерпѣньемъ.
Царево сердце ненадежно
(Такъ разсуждали межъ собою
Они въ невѣдѣхъ, смирится ль шахъ иль нѣтъ) ;
Одно и то же слово можетъ
Въ немъ гнѣвъ и милость возбудить.
Подобно маслу наше слово ;
Царево жъ сердце то огонь,
То море бурное — огню
Даетъ двойную силу масло,

А море бурное оно покоить.
Такъ царскіе вельможи говорили ;
Но мрачныя печалью лица ихъ
Вдругъ стали радостію светлы,
Когда принесъ имъ вѣсть благоую
Гудерсъ. Теперь Иранъ спасенъ !
Они воскликнули. Поѣдемъ
Скорѣй всѣ вмѣстѣ за Рустемомъ ;
Его догнать намъ должно прежде,
Чѣмъ онъ достигнетъ до Сабула.

XII.

И всѣ они отправилися въ путь ;
И ѣхали весь день, всю ночь ;
И той гостиницы достигли,
Гдѣ выбралъ свой ночлегъ Рустемъ,
Гдѣ Гефъ его нагналъ, и гдѣ
Онъ на покою ждалъ Зевара
Съ дружинами Сабулистана,
Рѣшась упорно, вопреки
Всѣмъ убъжденьямъ Гефа,
Не возвращаться въ Истахаръ.
Но вмѣсто брата, онъ увидѣлъ
Передъ собой вельможъ Ирана.
Они къ нему смиренно подошли ;
Почтительно онъ всталъ, чтобъ ихъ принять.

И выступя впередъ, сказалъ ему Гудерсъ:

Рустемъ, мы присланы отъ шаха,

Тебя просить, Ирана Пехлеванъ,

Чтобъ ты съ нимъ примирился.

О томъ же просимъ мы

И именемъ всего Ирана, просимъ

За нашихъ юношей, въ бою

Себя еще не испытавшихъ;

За нашихъ опытныхъ мужей,

Съ тобой ходившихъ на врага

За славою, побѣдой и добычей;

За нашихъ хилыхъ стариковъ;

За нашихъ женъ, дѣтей и внучатъ;

За весь народъ, за весь Иранъ;

Ты ихъ твердыня, ихъ надежда;

Не отдавай же царства въ жертву

Свирьпому Турану за одно

Тебя обидѣвшее слово.

Ты въдаешь, какъ опрометчивъ,

Какъ безразсудно гнѣвенъ шахъ:

На слово онъ ручательное скоръ,

Но такъ же скоръ и на признанье

Своей вины; съ раскаяніемъ онъ

Свою тебъ протягиваетъ руку;

Не отвергай ея, Рустемъ.

Тебя ужалившее слово

Не ядомъ напоенный мечъ,

А легкій звукъ — забудь, Рустемъ,

О легкой, несмертельной рань,
И возвратися въ Истахарь,
Гдѣ ждетъ тебя нетерпѣливо
Съ удвоеннымъ благоволеньемъ шахъ.

XIII.

Густемъ отъвѣтствовалъ угрюмо :
Скажите шаху Кейкавусу,
Что мнѣ ни висълицъ его,
Ни царскихъ милостей не нужно.
Въ Сабуль я ѣду; тамъ я царь,
Такой же царь, какъ онъ въ Иранъ.
Мнѣ надобло воевать ;
Довольно я игралъ
Своею жизнью и чужою
На службѣ шаха — онъ меня
И наградилъ по милости своей.
Спасибо. Мы съ нимъ кончили расчетъ.
Къ тому же въ этотъ разъ мнѣ было
Невесело съ Сабуломъ разставаться ;
Мой Громъ на самомъ рубежѣ
Ирана спотыкнулся ; я впервые
Почувствовалъ, что шлемъ и панцырь
Мнѣ тяжелы — когда жъ обратно
Побѣхалъ я, мой конь запыгалъ
И радостно заржалъ. Простите жъ, добрый

Вамъ путь, но я вамъ непопучикъ.

Рустемъ, сказалъ Гудерсъ, не можетъ быть,
Чтобъ это былъ послѣдній твой отвѣтъ.

Тебя твой царь обидѣлъ, правда;

Но руку онъ на примиренье самъ,
Признавъ себя виновнымъ, подаетъ —

Чего жъ еще желаешь боль?

И что подумаетъ Иранъ,

Такой отвѣтъ услышавъ?

Не скажутъ ли: Рустемъ,

Состарѣвшійся левъ, бѣжитъ

Отъ львенка молодаго;

Рустемъ Зораба испугался;

Орель нашъ крылья опустилъ;

Не смѣетъ онъ летѣть на высоту:

Тамъ носится другой орель,

Его моложе и отважнѣй;

Вотъ отъ чего ему такъ было

Невесело съ Сабуломъ разставаться;

Вотъ отъ чего и Громъ на рубежъ

Ирана спотыкнулся, и впервые

Рустему шлемъ и панцырь стали

Такъ тяжелы. Потерпишь ли, Рустемъ,

Чтобъ про тебя молва такая

Вдругъ по всему Ирану разнеслася,

И чтобъ она постыднымъ о тебѣ

Преданьемъ перешла къ потомкамъ? —

Рустемъ, сверкнувъ глазами тигра,

Воскликнулъ : Гефъ, подай мнѣ Грома.
И, слова не сказавъ Гудерсу,
Онъ на кипучаго коня
Вскочилъ, и поскакалъ путемъ обратнымъ ;
И всѣ за нимъ во слѣдъ
Толпою шумною помчались.

XIV.

Съ Рустемомъ примирившись,
На пиръ веселый Кейкавусъ
Созвалъ своихъ вельможъ. И длился
Ихъ пиръ до самой поздней ночи.
А той порой, когда въ царевыхъ
Палатахъ праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во всѣ входила дома,
Неспящимъ улыбалась,
Заснувшихъ пробуждала,
Разглаживала всѣмъ
Пріятной вѣстью лица.
Вдругъ ей попался кто - то
На встрѣчу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была въ своемъ полетѣ
Свѣтла и весела.

И, громко засмѣявшись,
Летунья у него
Спросила: кто ты, плакса?
Меня, онъ отвѣчалъ ей,
Зовутъ Печальнымъ Слухомъ;
Я по всему разнесъ Ирану,
Что шахъ поссорился съ Рустемомъ,
И что Рустемъ оставилъ Истахаръ;
И всѣхъ мои тревожатъ вѣсти.
Зажми же ротъ, сказала
Веселая Молва;
Съ Рустемомъ примирился
Твой гнѣвный Кейкавусъ;
Они теперь пируютъ
И ссору запиваютъ
Виномъ благоуханнымъ.
Печальный Слухъ съ сомнѣньемъ покачалъ
Своей косматой головою;
За это разсердилась
Веселая Молва,
И началась драка.
Печальный Слухъ былъ неуклюжъ,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигомъ былъ Печальный Слухъ,
Прибитый, изъ города выгнанъ;
И снова начала она
По улицамъ летать,

И гдѣ ни пролетала,
Воздушную летунью
Старикъ и молодой,
Здоровый и недужный,
И бѣдный и богатый,
Ласкали, миловали;
Кому жъ на сонъ грядущій
Услышать удавалось
Ея живое слово,
Тотъ сладко засыпалъ,
Обвѣянный толпою
Веселыхъ сновидѣній.

V.

Когда на слѣдующій день
Явилось солнце, и, раздѣрнувъ
Востока занавѣсъ пурпурный,
Среди лазореваго неба
Свое воздвигло золотое
Всеосѣняющее знамя,
Когда на пажитяхъ земли
Подъ пѣсню жаворонковъ звонкихъ
Стада пространно зашумѣли —
Труба военная столицу огласила,
И весь народъ на площадь Истахара
Шумящую толпою побѣжалъ:

Тамъ, раздѣляся на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса;
И передъ каждою дружиной
Былъ вождь ея; а позади
Всей рати, отдѣлясь отъ прочихъ,
Великій царства Пехлеванъ,
На грозномъ Громъ вхалъ
Рустемъ одинъ. Не вель дружины онъ;
Но въ немъ одномъ была душа
Всего безчисленнаго войска.
Его Сабульскою дружиной
Военачальствовалъ Зеваръ;
А главнымъ воеводой рати
Былъ Тусъ, испытанный боями.
Когда же царь все войско осмотрѣлъ —
Знамена заиграли,
Тимпаны загремѣли,
Задрезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли впередъ дружины.
И, разлиясь широкимъ наводненьемъ,
Шло войско къ рубежамъ Ирана;
Подъ нимъ земля стонала и тряслася;
Отъ топа конскаго дрожали горы;
Отъ кликовъ тучи расшибались;
Стотысячно ликъ солнца отражался
На панцыряхъ, на конскихъ збруяхъ;
Какъ на пригоркахъ въ бурю

Волнуются вершины сосенъ,
Такъ волновались перья и султаны
На шишакахъ и на турбанахъ ;
И тамъ земля, какъ пестрый лугъ, сіяла,
Гдѣ войско шло ; но гдѣ оно прошло,
Тамъ все являлось голой степью,
Тамъ были все ключи изсушены
И въ пыль растоптаны все нивы.
И скоро войско на границъ
Ирана станъ свой утвердило
Въ виду горы, на высоту которой,
Окрестности владыка, Бѣлый Замокъ
Стоялъ, какъ туча громовая,
И въ глубинѣ той тучи громовой
Таилея молнія Зорабъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

ИШРЪ ВЪ БЪЛОМЪ ЗАМБЪ.

I.

Зорабъ обрадованъ былъ вѣстью
О приближеніи къ замку Персовъ ;
Ему наскучило давно
Сидѣть безъ дѣла за стѣнами
И ждать прибытія гостей
Вотъ наконецъ пожаловали гости.
И было все готово къ ихъ приему :
И замокъ, снова укрѣпленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вмѣстѣ съ Баруманомъ
Зорабъ, взошедъ на башню,
Окинулъ, какъ орелъ,
Очами всю окрестность —
Очамъ его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,

Безчисленное войско.

Какъ смѣлый радуется ястребъ,

Увидя стадо голубей,

Въ которомъ онъ любаго

Изъ множества въ добычу выбрать можетъ,

Такъ храбраго Зораба

Обрадовала сила

Идущаго противъ него врага.

Но Баруманъ отъ страха поблѣднѣлъ;

И, страхъ его замѣтя,

Зорабъ сказалъ съ улыбкой:

Не бойся, наведи

На щеки прежній ихъ румянецъ.

Смотри, какой огромный рядъ дружинъ!

Какъ онъ оружіемъ сверкаетъ!

Какъ много ихъ сюда пришло,

Чтобъ здѣсь мнѣ дать победы славу!

И слава та навѣкъ моею будетъ!

Но если бъ я и гибель встрѣтилъ

Въ борьбѣ съ такой великой силой —

Все будетъ мнѣ хвалою отъ людей,

Что я дерзнулъ надѣяться победы.

Противъ утеса одного

Ихъ море цѣлое стеклося;

При имени моемъ затрепеталъ

Въ своей столицѣ Кейкавусъ;

Всѣ витязи Ирана,

Которыхъ мужество и силу

Повсюду славятъ въ громкихъ пѣсняхъ,
Сошлись здѣсь противъ Зораба.
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого,
Съ которымъ было бѣ славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильныхъ
И славныхъ подымаетъ
Прославленный свой мечъ,
Которому въ бою не уступить
Великой честью озарило бѣ
Мои молодые годы?
Скажи, о Баруманъ,
Не видишь ли въ толпѣ
Тамъ витязя такого?
Такъ спрашивалъ Зорабъ;
Но онъ не смѣлъ
По имени того назвать,
Отъ чьей руки такъ скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

II.

И Баруманъ отвѣтствовалъ Зорабу:
Тамъ много витязей, съ которыми сразиться
Тебѣ великой было бѣ славой;

Но знать хочу, о комъ ты мыслишь сакъ?
О! благородно пламенѣеть,
Какъ факель, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтобъ не упалъ
Твой факель въ воду — въ холодной влагъ
Онъ заклокочетъ, зашипитъ,
И, задымая, вдругъ погаснетъ;
Не въдай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За нимъ твой конь летитъ, какъ на крылахъ,
Но мигъ одинъ — во рву и конь и всадникъ.
Былъ миръ, война спала —
Ее теперь ты разбудилъ;
Но знаешь ли, какую схватитъ
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся жъ, примѣчая,
Что я дрожу — не за себя дрожу я,
Дрожу за всѣхъ, чей будетъ вынуть жребій,
И за тебя — судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучшихъ.
Иди же въ бой, Зорабъ,
Не опрометчивымъ ребенкомъ,
А твердо - осторожнымъ мужемъ.
Благодари Афразиаба,
Что сильною тебя снабдилъ онъ ратью;
Стой съ нею здѣсь, прикрытый крѣпкимъ замкомъ
Упершися въ него ея крыломъ —

И врагъ тебя не одолѣтъ; если жъ
Захочешь славы — пусть тобой
На поединокъ вызванъ будетъ
Тотъ витязь, къмъ стоитъ Иранъ,
И кто сраженный увлечетъ
Въ свое паденіе всю силу
И все величіе Ирана.
Такъ говорилъ Зорабу,
Мъшая медь совѣта
Съ отравою измѣны,
Коварный Баруманъ;
Но не посмѣлъ и онъ назвать
По имени Рустема; онъ блѣднѣлъ
При этомъ имени — измѣна,
Какъ тайная змѣя,
Его сосала сердце.
Безъ подозрѣнья, безъ тревоги,
Полюбовавшись на блестящій
Равнину всю покрывшій станъ,
Зорабъ пошелъ съ подзорной башни,
И пиръ велѣлъ роскошный приготовить,
Чтобъ весело, при звукѣ флейтъ и арфъ,
При звонѣ кубковъ, при шипѣнн
Злато — пурпурнаго вина,
Отпраздновать съ друзьями
Враговъ желанное явленье.

Ш.

Тѣмъ временемъ въ широкой станъ
Иранское сдвигалось войско ;
Сперва казалось, что конямъ,
Слонамъ, верблюдамъ будетъ тѣсно
Все безпредѣльное пространство ;
Но наконецъ — когда разросся
Огромный лѣсъ шатровъ и протянулись
Рядами улицы и на широкихъ
Межъ ними площадяхъ
Живая разлилась торговля —
Въ спокойное пришелъ устройство
Кипѣвшій бурно безпорядокъ.
Когда жъ на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли — утихло все,
И каждый ратникъ подъ своимъ
Заснулъ шатромъ и въ высоту
Одинъ раскинулся надъ всеми
Шатеръ небесъ, звездами ночи
Усыпанный необозримо.
И въ этотъ часъ, пришедши къ шаху,
Ему сказалъ Рустемъ :
Я не могу безъ дѣла оставаться ;
Хочу итти къ Зорабу въ гости ;
Хочу увидѣть, кто навелъ

На васъ такой незапный ужасъ;
Хочу взглянуть въ лице богатыря,
Передъ которымъ весь Иранъ
Такъ задрожалъ; хочу своими
Глазами видѣть, стоило ль труда
Съдлатъ мнѣ Грома, надѣвать
Свой старый шлемъ, и будетъ ли какая
Мнѣ честь его убить моею рукою.
Туранъ я часто посѣщаль;
Я знаю ихъ языкъ и ихъ обычай:
Турецкое надѣвши платье,
Прокрасться я намѣренъ въ Бѣлый Замокъ,
И все тамъ осмотрѣть. Я у тебя,
Державный шахъ, пришелъ просить
На то соизволенья. Кейкавусъ
Съ улыбкой отвѣчалъ: Рустемъ,
Ты и въ Турецкомъ платьѣ будешь
Красой и славою Ирана.
Рука всей рати въ день сраженья,
Ты хочешь быть и зоркимъ окомъ
Ея во тмѣ ночной. Иди,
И будь тебѣ проводникомъ Всевышній.

IV.

Одѣвшись Туркомъ, осторожно
Отправился въ свой путь Рустемъ.

Хотя въ шатръ онъ весь свои доспѣхи,
Свой панцырь, шлемъ и даже мечъ покинулъ —
Но безоруженъ не остался :
Его рука была, какъ булава
Железная, крѣпка. Во мракъ ночи
Онъ къ Бѣлому подходитъ Замку —
Тамъ были слышны крики пиროванья ;
И близъ воротъ незатворенныхъ
На стражъ не стоялъ никто. Какъ левъ голодный,
Въ тотъ часъ, когда, забывъ
Заграду затворить, безопасно пастухи
Шумятъ на праздникъ ночномъ,
Врывается въ средину стада,
И изъ него сильнѣйшаго быка
Уносить — ревъ услыша, пастухи
Бѣгутъ за хищникомъ; но онъ
Съ добычею, погони не страшая,
Медлительно идетъ въ свой страшный логъ,
А пастухи назадъ приходятъ въ горь,
И вѣсь ихъ почной разстроены праздникъ —
Такъ въ замокъ грозный левъ Рустемъ
Прокрался пиръ разстроить Турковъ.
Тамъ дворъ широкій весь былъ озаренъ,
Огнями; онъ шумѣлъ
Отъ говора пирующихъ, отъ звона
Виномъ кипящихъ чашъ,
Отъ пѣнья, отъ бряканья струнъ,
Отъ бышено — веселой пляски :

Враговъ явленье праздновалъ Зорабъ
И все съ нимъ праздновало войско.
И, притаяся въ темномъ
Углу, на все смотрель
И видель все изъ темноты
Никѣмъ не видимый Рустемъ.

V.

На пиршествъ безопасно
При факелахъ зажженныхъ
Зорабъ сидель съ гостями ;
На немъ не шлемъ желъзный,
А праздничный изъ свѣжихъ
Цвѣтовъ сіялъ вѣнокъ,
И онъ, самъ яркій блескъ,
Былъ яркимъ окружень
Блистаньемъ, былъ прекрасенъ,
Какъ цвѣтъ благоуханный
Надежды, и въ его
Груди кипѣла младость ;
И голову младую
Онъ бодро подымалъ
И, обгая окомъ
Воспламененнымъ праздникъ,
Съ весельемъ горделивымъ
Считалъ съ нимъ пировавшихъ

Сподвижниковъ. И, видя
Его передъ собою
Прекраснаго такъ чудно,
Они позабывали
Вино, и клики ихъ
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой изъ неба
Съ благоволеньемъ звезды
Смотрѣли на него,
И на небѣ о немъ,
Земной звездѣ прекрасной,
Назначенной такъ скоро
Въ своей красѣ угаснуть,
Печалилися звезды.
Тогда одна изъ нихъ
Своимъ сестрамъ небеснымъ
Печальная сказала:
Какъ жаль, что этотъ цвѣтъ
Такъ скоро, скоро долженъ
Увянуть! На землѣ
Прекраснаго являлось
Намъ много . . . но очей мы
Отвѣсть не успѣвали,
Какъ ужъ съ земли оно
Скрывалось — но досель
Еще намъ не случилось
Тамъ видѣть ничего

Прекрасный и мгновенный
Той прелести, какая
Такъ сладко въ этотъ мигъ
Собой насъ утѣшаетъ,
И такъ своею быстрой
Кончиною печалитъ.
О какъ онъ милъ! Какъ веселъ!
Пошлемъ въ сѣяньи нашихъ
Очей, имъ веселимыхъ,
Видѣніе туда,
Гдѣ мать о немъ тоскуетъ,
Куда уже къ ней онъ
Не возвратится вѣчно;
Пускай его она
Хоть разъ еще увидитъ
Живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ
Отваги и надежды ..
Его, быть можетъ, завтра
Придетъ схватить судьбина.

VI.

Такъ говорили звѣзды неба
О милой праздника звѣздъ.
И вотъ онъ паровъ и блеска —
Въ пространствѣ воздуха разлитыхъ
Межъ небомъ и землею — взяли

И свили сонъ
И этотъ сонъ подобенъ
Былъ разноцветному ковру,
Блестящему шелками,
Какой женихъ издалекá
Невѣсть милой посылаетъ ;
На немъ она въ земль своей
Все видитъ, что въ земль далекой
Ея возлюбленнаго очи
Встрѣчаютъ : горы снѣговья,
И многоводные потоки,
И чудныхъ птицъ на неизвѣстныхъ
Деревьяхъ. И когда
На тотъ коверъ невѣста
Глядитъ — ей мнится, что сама
Она съ нимъ странствуетъ, что близъ нея
Онъ, возвратяся, отдыхаетъ.
Такую ткань видѣннй
Изъ блеска и паровъ
Соткали звезды въ высотъ ;
И дали воздуху онъ
Ее нести и съ нею тихо
Летѣть въ Туранъ,
Чтобъ спящей матери лице
Она неслышимо покрыла ;
И воздухъ полетѣлъ ;
И матери привидѣлся прекрасный,
Какъ утро свѣтлый, сонъ ;

И въ этомъ снѣ увидѣла она
Сидящаго на пиршествѣ nocturno
За полнымъ кубкомъ сына ;
Его горѣли щеки,
Его уста цвѣли,
Его сверкали очи,
Онъ полонъ былъ отваги ;
И таяло отъ радости въ ней сердце.
Казалось ей, что онъ,
Въ немногіе разлуки дни,
Изъ отрока созрѣлъ
Могущественнымъ мужемъ ;
И вокругъ него, казалось, много
Знакомыхъ ей и незнакомыхъ
Сидѣло витязей. Но въ сторонѣ,
Она увидѣла, стоялъ Рустемъ
Одинъ ; и, притаясь, изъ темноты
Смотрѣлъ на праздникъ онъ сурово ;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что къ сыну выйти не хотѣлъ
Отецъ на свѣтъ ; но горе скоро
Провѣяло, какъ легкій воздухъ ;
Ей стало весело, что къ сыну
Отецъ такъ близко, и что онъ,
Свою узнавъ повязку,
Изъ мрака выйдетъ и ему
Съ любовію протянетъ руку.

VII.

Тѣмъ временемъ, какъ матери душа
Была такимъ прекраснымъ сновидѣньемъ
Лельема, Зорабъ
Съ гостями праздновалъ безопасно;
И пили всѣ кинутое вино.
И два изъ нихъ сидѣли рядомъ,
Одинъ по правую, другой
По лѣвую съ нимъ руку:
Быль съ лѣва Баруманъ,
Къ нему не изъ любви, не для храненья
Приставленный Афразиабомъ;
А съ права Синдъ; его
Послала въ слѣдъ за сыномъ мать,
Чтобъ, съ глазъ Зораба не спуская,
Онъ былъ ему въ чужой землѣ
Хранителемъ и вѣрнымъ другомъ.
Онъ былъ изъ рода Семенгамскихъ
Царей, былъ крѣпокъ силой, ростомъ
Высокъ; былъ чутокъ слухомъ,
И такъ очами зорокъ,
Что ночью видѣлъ онъ какъ днемъ;
И это побудило мать
Ему падзоръ за сыномъ ввѣрить,
Дабы, когда имъ встрѣтятся Рустемъ,
Онъ могъ немедля

Его Зорабу указать ;
(Остались въ памяти у Синда
Черты Рустема съ той поры,
Когда царемъ онъ въ Семенгамъ
Былъ такъ роскошно угощенъ,
И бракомъ сочетался
Съ царевною Теминой).
И Синдъ на праздникъ Зораба
Сидѣлъ, вино изъ кубка пилъ,
И молча думалъ : завтра
Ему я укажу Рустема.

VIII.

Но рысьими глазами Синдъ
Увидѣлъ вдругъ, что кто - то въ темнотѣ
Стоялъ и прятался. Онъ всталъ,
И къ мѣсту темному пошелъ
Поспѣшнымъ шагомъ, чтобъ своими
Его глазами осмотрѣть.
Онъ тамъ увидѣлъ великана,
Огромнаго, какъ слонъ ;
Не помнилось ему, чтобъ кто подобный
Его глазамъ когда встрѣчался ;
Такимъ онъ видѣлъ одного Рустема ;
Но этотъ былъ въ Турецкомъ платьѣ,
Хотя и замѣчалъ

Въ немъ Синдъ какъ будто что чужое.
Кто ты? воскликнулъ Синдъ; зачѣмъ
Здѣсь спрятался и выступишь на свѣтъ
Не хочешь? Покажи свое лице
И дай отвѣтъ. Но нѣ даль
Ему Рустемъ отвѣта.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синдъ схватилъ,
Чтобъ вытянуть на свѣтъ изъ темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустемъ взмахнулъ,
И грянулъ Синда кулакомъ
По головѣ — и Синдъ упалъ,
Не крикнувъ, мертвый. Той порой,
Зорабъ, примѣтивъ, что ушедшій
Не возвращался долго Синдъ,
Послалъ провѣдать, гдѣ онъ?
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащаго, обратно,
Какъ изступленный, прибѣжалъ,
Крича: убили Синда! Синдъ
Убить! Затрепетавъ, Зорабъ
Вскочилъ; вскочили съ нимъ все гости,
И съ факелами побѣжали
Толпою къ мѣсту роковому.
Тамъ на землѣ недвижимъ Синдъ лежалъ;
Онъ былъ убитъ — но къмъ?
Никто того не вѣдалъ.

IX.

О горе! возопилъ Зорабъ,
Въ заграду волкъ ворвался
И лучшаго заръзалъ въ стадъ
Овна; а пастухи
Съ собаками дремали.
Скорѣе всѣ въ погоню за убійцей!
Но некого ужъ было догонять,
Исчезъ почной убійца. Возвратясь,
Зорабъ печально сѣлъ за столъ;
Кругомъ его печально сѣли гости;
И онъ сказалъ: не радуется меня
Теперь мое на этомъ пирѣ мѣсто;
На право отъ меня моимъ
Ближайшимъ другомъ занятое
Вдругъ стало пусто. Былъ мнѣ данъ
Онъ милой матерью моею:
И могъ одинъ въ Иранъ указать мнѣ
Рустема; онъ одинъ изъ насъ
Его видалъ. Кто мнѣ теперь
Его укажетъ? — То услыша, покраснѣлъ
Сидѣвшій съ льва — покраснѣлъ
Предатель Баруманъ,
Не изъ любви, не для храненья
Приставленный къ нему Афразіабомъ;
Какъ Сидъ, Зорабу

Онъ могъ бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски онъ служилъ измѣнѣ.
Зорабъ, поднявъ высоко
Виномъ пополненную чашу,
Воскликнулъ: пью послѣдній кубокъ пира;
Онъ не виномъ, а клятвою кровавой
Наполненъ, клятвою отмстить
Убийцѣ Синда. Кто бъ онъ ни былъ, я
Его найду, и будетъ отъ меня
Ему убійство за убійство.
Когда жъ моею я клятвы не исполню,
Пускай въ отраву обратится
И въ жилахъ кровь мою сожжетъ
Вино въ послѣдней этой чашѣ,
Мной осушаемой до дна.
Съ такою клятвой мщенья
(Противъ кого? о томъ не въдалъ онъ)
Зорабъ вино изъ кубка выпилъ,
И въ дребезги расшибъ, ударивъ оземь, кубокъ.
Потомъ все гости встали съ мѣстъ,
Чтобъ Синда въ землю опустить;
И свѣтлый пиръ сталъ мрачнымъ погребеньемъ.

Х.

Тѣмъ временемъ Рустемъ достигнулъ стана
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ на стражѣ Гефъ.

При видѣ Турка, Гефъ его окликнулъ
И вся его дружина стала въ строй;
Рустемъ, узнавъ по клику зятя,
Ему знакомый подалъ голосъ;
И Гефъ, его впустивъ въ заграду стана,
Спросилъ съ великимъ изумленьемъ:
Гдѣ былъ ты, старый богатырь?
Зачѣмъ одинъ въ такую пору бродишь?
Съ духами ль темными ночную
Бесѣду ты завелъ? въ союзъ ли съ ними
Вступилъ, чтобъ чародѣйствомъ
Себѣ придать передъ сраженьемъ силы?
Мы знаемъ, съ демонами тмы
Давно ты водишься; и вѣрно
Отъ нихъ ты занялъ черное искусство
Быть невредимымъ, что теперь
Такъ беззаботно, безоружный,
Одинъ, переодѣтый Туркомъ, ходишь
Ночной порой между шатровъ Ирана.
Рустемъ сказалъ: не въ этомъ дѣло;
Я былъ въ гостяхъ, я навѣстилъ Зораба;
Издалека его увидѣлъ я,
И буду радъ, когда вблизи увижу.
Но мнѣ лазутчику другой лазутчикъ
Нежданный помѣшалъ; насильно
Меня хотѣлъ онъ вытащить на свѣтъ;
Я въ темноту ударомъ кулака
Его убилъ — себѣ иначе

Помочь не могъ я — но о немъ
Непостижимо грустно мнѣ, и я готовъ
Почти заплакать. Гецъ, найди скорѣе
Персидскій для меня уберъ;
Замаранное кровью это платье
Несносно мнѣ; да и собаки здѣсь
Со всѣхъ сторонъ сбгуются съ лаемъ
На Турка, вокругъ шатровъ Персидскихъ
Ходящаго почнымъ дозоромъ.
Вздохнувъ глубоко, снялъ съ себя
Рустемъ Турецкую одежду.
Какой — то жалобный въ немъ голосъ
Противъ ночнаго дѣла вопіялъ;
Невольно онъ жалелъ о Синдѣ;
Какъ будто чувствовалъ, что въ немъ убилъ
Свое спасенье отъ чего — то,
Неизбѣжимаго теперь.
И не пошелъ онъ къ шаху съ донесеньемъ;
Къ себѣ въ шатеръ онъ возвратился,
И легъ, и тяжело спалъ всю ночь.

КНИГА ШЕСТАЯ.

ЗОРАБЪ И ХЕДЖИРЪ.

I.

Когда взошла заря на небо,
Зорабъ взошелъ на башню замка;
Съ ея площадки могъ онъ весь
Иранскій станъ, какъ на ладони, видѣть.
И онъ велѣлъ позвать Хеджира.
Онъ думалъ: Синда нѣтъ; Хеджиръ
Рустема вѣрно знаетъ; мнѣ
Его укажетъ онъ. Хеджиръ
Окованный былъ приведенъ. Оковы
Съ него своей рукою снявъ, Зорабъ
Сказалъ: Хеджиръ, желѣза пльна
Я золотомъ свободы замѣню,
Когда ты мнѣ по правдѣ дашь отвѣтъ
На все, о чемъ тебя спрашивать я стану;
Будь откровененъ; съ чистымъ,
А не съ подмѣшаннымъ виномъ

Подай теперь свою мнѣ чашу. —
Я не солгу, ответственъ Хеджиръ;
Готовъ я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Извѣстно мнѣ. — Богатые шатры
Я въ станъ вижу, продолжалъ Зорабъ;
Какому витязю, скажи мнѣ, каждый
Изъ тѣхъ шатровъ принадлежитъ?
Когда о томъ поистинѣ мнѣ скажешь,
Тебя осыплю золотомъ и честью;
Когда же нѣтъ, не усидитъ
Твоя на шеѣ голова. —
Чего же медлишь? возразилъ
Хеджиръ; распрашивай, я буду
По правдѣ отвѣчать; лжецомъ
Я не бывалъ, а смерти не страшуся.

II.

И началъ спрашивать Зорабъ:
Тамъ въ серединѣ самой стана
Я вижу золотой шатеръ;
И отъ него идутъ во все концы
Дороги; и по тѣмъ дорогамъ
Одни къ шатру медлительно подходятъ,
Какъ будто съ робкимъ ожиданьемъ;
Другіе весело отходятъ отъ шатра,

Какъ бы съ исполненной надеждой.
И весь онъ отъ подошвы
До маковки сіяетъ,
Какъ солнце, золотомъ; у входа
Лежатъ, какъ двѣ ручныя
Собаки, левъ и тигръ; а на вершинѣ
Сидитъ орелъ; и держитъ онъ
Въ когтяхъ распущенное знамя
Съ изображеньемъ солнца.
Такой шатеръ не витязю простому
Принадлежитъ; скажи мнѣ, чей онъ? — Гордо
Поднявши голову, сказалъ Хеджиръ:
Въ немъ шахъ Ирана обитаетъ.
Передъ его престоломъ день и ночь
Дружина вѣрная стоитъ
Тьлохранителей. И никакой
Нестрашенъ врагъ великому царю. —
Налево, продолжалъ Зорабъ,
Разбитъ серебряный шатеръ;
Онъ къ золотому обращенъ
Своимъ открытымъ входомъ;
У входа барсъ и леопардъ;
А наверху я вижу грифа:
Широко въющее знамя
Съ изображеніемъ луны
Въ когтяхъ серебряныхъ онъ держитъ. —
Тамъ обитаетъ, отвѣчалъ
Хеджиръ, сынъ шаха Фераторъ, ближайшій

Къ престолу и къ цареву сердцу. —
 На то Зорабъ сказалъ: имъ честь и слава!
 Когда одна душа въ отцъ и въ сынъ,
 Они всю землю завоюютьъ.

III.

И продолжалъ спрашивать Зорабъ:
 Направо тамъ отъ золотаго
 Шатра стоитъ, я вижу, черный;
 Онъ окруженъ безчисленною стражей;
 И безпрестанно скачуть
 Къ нему и отъ него гонцы.
 У входа слонъ, покрытый пышнымъ
 Ковромъ, и на его спинъ
 Огромные тимпаны войска;
 А на верху шатра сіяетъ
 Драконъ; въ его разинутую пасть
 Водружено распущенное знамя;
 Оно усыпано звѣздами,
 И разстилается, какъ небо,
 Широко въя, надъ шатрами.
 Кому такая почестъ?
 Кто разделяетъ власть съ державнымъ шахомъ?—
 Его военачальникъ Тусъ,
 Отвѣтствовалъ Хеджиръ; онъ сродникъ шаха,
 И право онъ имѣетъ родовое
 Въ сраженьи мѣсто заступать царя;

На зовъ его сошлось это войско,
Грозящее гибелью тебѣ.
А надъ шатромъ воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь.
Его воздвигъ великій Феридунъ,
Убивъ Согака, на плечахъ
Носившаго живыхъ, приросшихъ къ нимъ драконовъ;
Къ святой хоругви этой
Прикована побѣда:
Она въ союзника отважность проливаетъ,
Блѣднѣетъ врагъ, ее увидя. —
Зорабъ при этомъ словъ улыбнулся,
И продолжалъ: а этотъ пурпуровый
Шатеръ кому принадлежитъ?
И кто съдой, могучій воинъ,
Передъ его сидящій входомъ?
Толпою ратниковъ онъ окруженъ;
Одни изъ нихъ ужъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ,
Другіе молоды, и всѣ
Къ нему лицомъ обращены,
И передъ нимъ стоятъ благоговѣнно,
Какъ сыновья передъ отцемъ? — Изъ сердца
Хеджирова, какъ острый
Кинжалъ, въ немъ глубоко сидѣвшій,
Исторгся вздохъ, когда онъ отвѣчалъ
Зорабу: это старецъ
Гудерсъ; онъ мудръ и кротокъ рѣчью,
Мечемъ пронзителенъ и крѣпокъ,

Онъ сильный царь въ своей семьѣ,
И можетъ царство защитить
Одинъ, собравъ своихъ домашнихъ ;
Съ семидесятью девятью
Онъ сыновьями въ войско шаха
Пришелъ противъ тебя. . . а я
Осьмидесятый ; и меня
Въ строю ихъ нѣтъ. — Зачѣмъ дался ты въ плѣнь?
Сказалъ Зорабъ. Открой мнѣ правду,
И нынче жъ будешь вмѣстѣ съ ними.

IV.

Но чей, скажи, зеленый тотъ шатеръ,
Который, какъ дремучимъ лѣсомъ
Покрытая гора, межъ невысокихъ
Холмовъ стоящая, надъ всеми
Шатрами поднялся? И также твердь онъ,
Какъ та гора: на ней растущій лѣсъ
Дрожитъ, шатаемъ бурей,
Она жъ не двинется, и шаткѣй лѣсъ
За корни, въ грудь ея вонзившіеся, держитъ.
Конечно тотъ шатеръ великій
Сильнѣйшему въ Иранскомъ войскѣ
Принадлежитъ? Передъ шатромъ
Сидитъ, я вижу, воинъ ; близъ него
Стоитъ, я вижу, конь ;

Тотъ воинъ великанъ ;
Тотъ конь чудовище ; и воинъ
Сидитъ не на высокомъ мѣстѣ,
А всѣхъ, кругомъ стоящихъ,
Онъ перевысилъ головой ;
Всѣ на него почтительно глядятъ ;
А онъ глядитъ съ любовью на коня,
Товарища испытаннаго въ битвахъ ;
Коньѣтомъ конь нетерпеливымъ
Разбрасываетъ землю, а когда
Къ нему протягиваетъ руку
Его могучій господинъ —
Онъ чутко уши подымаетъ
И фыркаетъ ; когда же
Его волнистую онъ треплетъ гриву —
Конь бѣсится, кругомъ
Стоящіе приходятъ въ ужасъ,
А господину весело и любо.
Къ его бедру привѣшенъ мечъ,
Прислонена къ его колену
Дубина ; ихъ никто другой не сможетъ
Поднять ; когда дубиной онъ
Надъ головою конской машетъ,
Иль изъ ноженъ до половины
Выхватываетъ мечъ —
Конь прыгаетъ, послыша свистъ дубины,
И громко ржетъ, увидя блескъ меча.
Мнѣ никогда такой съдокъ,

Мнѣ никогда подобный конь
Не попадался — конь, который
Однимъ такимъ лишь съдокомъ
Обузданъ можетъ быть; съдокъ,
Котораго такому лишь коню
Поднять и вынести можно. Вѣрно
О съдокъ и о конь
И старъ и малъ въ Иранъ знаетъ.
Скажи, Хеджиръ, ихъ имена.
Онъ замолчалъ, какъ будто убѣжденный,
Что эти имена: Рустемъ и Громъ;
Но онъ услышать ихъ
Хотѣлъ изъ устъ Хеджира.

V.

Хеджиръ задумался; ему пришло на память,
Что, съ нимъ вступая въ бой, Зорабъ
Своимъ отцемъ назвалъ Рустема;
И про себя Хеджиръ подумалъ:
Когда тебѣ Рустемъ отецъ,
Не мною съ нимъ ты будешь познакомленъ;
Его узнавъ, съ нимъ въ бой ты не пойдешь;
Тебя узнавъ, не булаву
Жельзную онъ на врага подыметъ,
А нѣжною прижметъ рукою
Къ отеческому сердцу сына.

Нѣтъ! Отъ Рустемовой руки
Тебя спасать я не намѣренъ.
Такъ разсуждалъ съ самимъ собой Хеджиръ.
Что жъ ты умолкъ? спросилъ его Зорабъ;
О чемъ бормочешь самъ съ собою?
Со мною говори. — Я думаю, сказалъ
Хеджиръ, и не могу придумать,
Кто этотъ чудный витязь.
Его мнѣ знаки неизвѣстны;
Конечно онъ въ отсутствіе мое
Въ столицу шаха прибылъ:
Къ намъ слухъ дошелъ, что сильный богатырь
Изъ Индіи далекой
Царемъ на помощь вызванъ —
Быть можетъ, это онъ.
И подлинно въ немъ что-то есть чужое. —
Но какъ зовутъ его, спросилъ Зорабъ? —
Не знаю, отвѣчалъ Хеджиръ. —
Не можетъ быть! ты долженъ знать;
Скажи, я требую. — Не знаю,
Твердилъ Хеджиръ упорно.
И въ тяжкомъ былъ Зорабъ недоумѣнни;
Рустемовы все признаки онъ видѣлъ,
Ему и сердце говорило,
Что былъ въ глазахъ его Рустемъ —
Но имени желаннаго не могъ онъ
Ни просьбой, ни угрозою вырвать
Изъ непреклоннаго Хеджира.

И снова сталъ спрашивать его

Зорабъ: кому принадлежитъ

Тотъ свѣтлорозовый шатеръ? —

Его назвать могу я, отвѣчалъ

Хеджиръ; могучему Гуразу. —

А этотъ желтый чей? — Гургиновъ. —

А этотъ голубой? — Въ немъ Гефъ живетъ,

Рустемовъ зять. — При этомъ на Хеджира

Зорабъ разгнѣванныя очи

Оборотилъ: теперь мнѣ явно,

Что ты безстыдный лжець; мнѣ всѣхъ

Назвалъ ты, объ одномъ Рустемъ

Ни слова. А Рустемъ душа Ирана,

И безъ него сраженій не бываетъ.

Между шатровъ тамъ нѣтъ ни одного

Прилежащаго Рустему; гдѣ же

Рустемъ? Его съ намбреньемъ скрываешь

Ты отъ меня. Но чудный воинъ тотъ

Передъ шатромъ зеленымъ — онъ конечно

Рустемъ. Скажи, Хеджиръ; скажи, что это онъ!!!!!!

Всѣ признаки Рустемовы я вижу;

Недостаетъ мнѣ только убѣжденья;

Но я изъ всѣхъ, кого тамъ видѣлъ,

Желалъ бы, чтобъ Рустемомъ былъ

Одинъ лишь этотъ. О! скажи,

Скажи, Хеджиръ, что это онъ! и ты,

Немедля въ станъ къ отцу и братьямъ будешь

Отпущенъ съ честью и дарами. —

Зачѣмъ, спросилъ Хеджиръ,
Ты такъ, Зорабъ, нетерпѣливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совѣтъ :
Не выходи противъ него. Тебѣ
Передъ Рустемовой ужасной силой
Не устоять; когда Рустемъ
На Громъ въ поле выезжаетъ,
И левъ и крокодилъ приходятъ въ трепеть;
Онъ взглядомъ посылаетъ смерть;
Его дыханье буря; онъ, какъ прутья,
Ломаетъ крѣпкія деревья;
И, кто бъ его противникъ ни былъ,
Хотя бъ онъ тверже былъ кремнистой
Горы, его Рустемъ растопчетъ,
Какъ слонъ траву сухую, въ пыль.
Но, къ счастью своему, грозы
Ты избѣжалъ: Рустема въ войскъ нѣтъ;
Съ царемъ поссорясь, онъ
Въ Сабулистанъ свой возвратился,
И тамъ, о битвахъ позабывъ,
Въ роскошномъ розовомъ саду
Пируетъ весело съ гостями,
И ждетъ спокойно за виномъ,
Чѣмъ кончится набѣгъ на насъ Турана.
Такъ говорилъ Хеджиръ Зорабу:
Его хотѣлъ онъ обмануть,
Придумавши вражду царя съ Рустемомъ;
Но вмѣсто лжи сказалъ случайно правду.

VI.

Ты надо мной ругаешься, воскликнулъ
Съ негодованіемъ Зорабъ ;
Молчи, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осмидесяти сыновей !
Повѣрю ли, чтобъ Пехлеванъ Ирана,
Чтобы Рустемъ, властитель боя,
Отъ боя убѣжавъ, лѣнливо
Подъ кровлею домашней пировалъ ?
Тогда бъ и женщины и дѣти
Его достойно осмѣяли.
Поссориться онъ могъ, конечно, съ шахомъ,
Когда, забывшись, шахъ его,
Завоевавшаго ему отцовскій
Престоль, чѣмъ оскорбилъ ; но Кейкавусъ
Еще не потерялъ разсудка ;
И если подлинно онъ въ ссорѣ былъ съ Рустемомъ
То ужъ они навѣрно примирились :
Кто замѣнитъ Рустема Кейкавусу ?
Что значитъ туча громовая
Безъ молніи и грома ? Безъ Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иранъ вашъ значитъ ? Говори жъ
Немедля, кто Рустемъ ? Иль вмигъ твоя
Перелетитъ черезъ ограду замка
Къ шатрамъ Иранскимъ голова.

Хеджиръ отъ злости поблѣднѣлъ.
Ты изъ меня, подумалъ про себя онъ,
Насиліемъ не вырвешь слова,
Котораго сказать я не хочу.
Нестрашны мнѣ твои угрозы;
Меня убьешь ты — отъ того
Не потемнѣетъ день и въ кровь
Вода не превратится,
Гудерсу только изъ своихъ
Осьмидесяти сыновей
Придется вычестъ одного;
За то съ семидесятью девятыю
Онъ выйдетъ мстителемъ кровавымъ
Противъ Хеджирова убійцы.
И онъ сказалъ: зачѣмъ, Зорабъ,
Ты такъ бѣснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты —
Убей, ты властень; имя жъ,
Которое такъ жадно хочешь слышать,
Останется во мнѣ, какъ запертое
Въ могилѣ; я не вымолю его,
Хотя бъ и зналъ стократно, кто и гдѣ
Рустемъ. Убей меня — пусть кровью заплачу
За стыдъ, что былъ ничтожнѣйшимъ изъ всѣхъ
Гудерсовыхъ осьмидесяти сыновей.
Такъ онъ сказалъ. Зорабъ въ киньни гнѣва
Схватилъ свой мечъ, чтобъ грудь пронзить Хеджиру;
Но онъ одумался, и только по щекъ

Его съ такой ударилъ силой,
Что онъ безъ чувствъ упалъ на землю.
Когда никто — воскликнулъ онъ —
Не хочеть мнѣ Рустема указать,
Мой мечъ къ нему прочистить мнѣ дорогу.

VII.

Зорабъ сбѣжалъ, пылая гнѣвомъ, съ башни,
Вооружился, на коня,
Крылатаго дракона, прынулъ
И поскакалъ, какъ буря, къ стану.
Онъ страшень былъ — кругомъ его
Клубился, выбитый конемъ,
Изъ нѣдръ земли кипучій, вихоръ пыли;
И въ этой черной тучѣ,
Какъ молнія, броня его сверкала,
И громомъ въ ней тяжелымъ раздавалось
Коня топчущаго ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летѣла туча громовая;
И всѣ, покинувшіе станъ,
Чтобъ подышать свободно въ полѣ,
Въ испугъ бросились назадъ,
Спѣша укрыться за окономъ.
Такъ на лугу, заграду табуна
Покинувъ, скачутъ жеребята;

Но вдругъ, бѣгущаго увидя льва,
Пугаются его косматой гривы,
И шумно ломятся въ заграду;
Такъ, ужасомъ объятые, къ шатрамъ
Всѣ кинулись, увидѣвши Зораба.
Но, мелкаго врага не замѣчая,
Онъ вихремъ мчался въ валу стана,
Чтобъ, на него взлетѣвъ съ конемъ,
Храбрѣйшаго изъ витязей Ирана
На смертный вызвать поединокъ;
И съ высоты окопа закричалъ
Зорабъ такимъ гремящимъ кликомъ,
Что отъ него и мертвый бы въ могилъ
Перевернулся: Шахъ великолѣпный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крѣпкою оградой стана;
Но покажись, каковъ ты въ чистомъ полѣ.
Зачѣмъ съ своимъ могучимъ войскомъ
Ты спрятался тамъ отъ меня,
Какъ за плетнемъ отъ волка
Съ овцами прячется пастухъ?
Съ моимъ копьемъ противъ тебя
Я выезжаю; въ Бѣломъ Замкѣ
Былъ умерщвленъ разбойнически Синдъ;
Я за виномъ кровавую далъ клятву
Разбойнику за друга отомстить,
И въ ясный день убить убійцу,
Столь храбраго лишь темной ночью.

Когда его ты знаешь, повели,
Чтобъ шелъ со мной сразиться ;
Когда жъ тебѣ невѣдомъ онъ, то вышли
Инаго — лучшаго въ смертельномъ дѣлѣ боя.
Но если изъ твоей заграды
Никто противъ меня не выйдетъ, самъ я
Въ твой станъ проникну и къ шатру,
Гдѣ ты таишься недоступно,
Себѣ мечемъ прочищу доступъ.
Не устрашатъ меня твои два стража,
Твой левъ и тигръ ; до солнца твоего
Мое копье крылатое допрянетъ ;
И выронить орель твой изъ когтей
Ирана царственное знамя ;
Я на тебя шатеръ твой повалю,
И ты отъ сна безпечнаго проснешься.

VIII.

При этомъ кликъ шахъ въ испугъ
Вскочилъ. Бѣгите за Рустемомъ,
Онъ закричалъ. Какъ этотъ зверь провѣдалъ,
Что въ золотомъ шатрѣ я пребываю ?
Скорѣй, скорѣй позвать Рустема ! —
Рустемъ сидѣлъ передъ шатромъ зеленымъ,
Когда гонецъ предъ нимъ явился
И задыхаясь возопилъ :

Зорабъ ворвался въ станъ; на царскій
Шатеръ напасть грозитъ онъ;
Слыши, Рустемъ; на помощь царь зоветъ.
Рустемъ, непокидая мѣста,
Сказаль: служить накладно Кейкавусу;
Покоя нѣтъ ни днемъ ни ночью;
Я прошлую провелъ въ работъ ночь,
Теперь хочу день цѣлый отдыхать.
Но вотъ второй гонецъ примчался
За первымъ, третій за вторымъ, четвертый
За третьимъ; быстро,
Какъ за стрѣлою изъ лука стрѣла,
Они летѣли другъ за другомъ,
И каждый повторялъ: Рустемъ!
Зорабъ ворваться хочетъ въ станъ;
Бѣги скорѣй къ царю на помощь.
Увидя общую тревогу,
Рустемъ сказаль: да развѣ небо
Упало? Всѣ дрожатъ передъ однимъ!
Отъ одного такой пожаръ всемірный!
Но вдругъ предъ нимъ явились
Вельможи, посланные шахомъ,
Верховный воевода Тусъ
И самъ царевъ наследникъ Фераторъ;
И всѣ его доспѣхи принесли
Они съ собой. Въ молчаніи угрюмомъ
Онъ далъ имъ волю; Тусъ надѣлъ
Тяжелый панцырь на него,

Гургинъ поножья; шлемъ
Былъ поданъ Фераборомъ;
Гуразъ принесъ колчанъ и лукъ;
Съ копьемъ, мечемъ и булавой пришли
Три сына стараго Гудерса;
И наконецъ съ могучимъ Громомъ,
Со всемъ осѣдланнымъ явился зять
Рустемовъ Гефъ. Увидя,
Какъ бѣшено, почуя бой, кипѣлъ
И прядалъ Громъ, его товарищъ вѣрный,
Рустемъ воспламенился;
На Грома онъ вскочилъ,
И, грозно крикнувъ, поскакалъ
И всѣ очами вслѣдъ за нимъ
Въ глубокомъ страхѣ устремились.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ПЕРВЫЙ БОЙ.

I.

Онъ поскакаль туда, гдѣ богатырь,
Съ нимъ однокровный, ждалъ, гдѣ сынъ его родной
Стояль, противъ отца вооруженный.
Завидѣвши одинъ другаго, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемовъ Громъ и конь Зорабовъ,
Сынь Грома — тотъ, отца принесшій
На убіенъе сына; этотъ,
Принесшій сына, чтобъ погибъ
Рукой отца: но какъ родные
Они приветственнымъ другъ друга ржаньемъ
Окликнули о горе! неразумнымъ
Звѣрямъ быть внятенъ голосъ крови,
А въ глубину души отца и сына
Онъ не проникъ — такъ бѣдный человекъ,
Въ безуміи страстей своихъ, и звѣря
Сльпорожденнаго слѣпый бываетъ —

Для витязей то родственное ржанье
Призывомъ было въ бой свирѣпый,
И въ нихъ зажглось удвоенное пламя.
Остановясь одинъ противъ другаго,
Отецъ и сынъ издалека другъ друга
Смертельнымъ окомъ, молча, озирали.
А той порой двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями поединка,
Въ порядкѣ вышли боевомъ :
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Полки блестящія Ирана
Построились передъ шатрами ;
А Баруманъ Туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
И тихимъ рати строемъ
Одна противъ другой стояли,
Какъ двѣ на двухъ концахъ противныхъ неба
Стоять грозой чернющія тучи ;
Желанье боя только въ двухъ
Избранныхъ витязяхъ горѣло ;
А вокругъ ихъ все молчало, роковаго
Событія со страхомъ ожидая.

II.

И начали богатыри съѣзжаться,
И сблизились, и видѣли другъ друга

Уже въ лицо. Зорабъ,
Къ отцу влекомый тайной силой,
Съ весельемъ руки потирая,
Воскликнулъ : здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобнаго и сонный
Не видывалъ ! моя завидна участь :
Я лѣтами еще полуробенокъ,
А мнѣ съ такимъ обдержаннымъ въ бою
Жельзнымъ воиномъ досталось
Впервые силу испытать.
Великъ твой ростъ, плечами ты широкъ ;
Но много взяли силъ твоихъ
И годы и сраженья ;
Съ моею молодостью крѣпкой,
Съдой боецъ, твоя не сладить старость. —
На щеки розовыя сына
Взглянувъ, Рустемъ сказалъ : не горячись,
Прекрасный, огненный младенецъ ;
Земля тверда, хотя и холодна :
А воздухъ тепелъ, но уступчивъ.
Я на своемъ вкуу немало
Полей сраженья перешель,
И многимъ войскамъ, гордымъ силой,
Помогъ въ сырую землю лечь ;
Ихъ много спить, въ ея глубокомъ лонѣ
Моей рукою погребенныхъ ;
Ты скоро самъ то испытаешь,
Когда тебя съ другими положу я

Убитаго въ глубь земли холодной.
Когда же паче ожиданья
Моей руки ты избъжишь,
То ужъ тебѣ никто, ни человекъ,
Ни крокодилъ, ни левъ не будутъ страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мнѣ жаль тебя, мнѣ жаль такую
Младую душу изъ такого
Прекраснаго исторгнуть тѣла;
Ты съ Туркомъ, пальма красоты,
Не сходенъ; я подобнаго тебѣ
Не знаю и въ самомъ Иранѣ;
Мнѣ жаль тебя. — Такую рѣчь
Привѣтнонѣжную услышавъ,
Зорабъ почувствовалъ, что въ немъ
Вся внутренность затрепетала.
И онъ сказалъ: о бодрый старецъ мой,
Я объ одномъ спрошу тебя смиренно;
Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ: кто ты?
У нашихъ праотцевъ благой
Обычай былъ себя передъ сраженьемъ
Именоватъ какой то голосъ
Мнѣ тайно говорить, что ты
Рустемъ, зеленаго шатра
Владѣтель. — Такъ сказалъ Зорабъ
И такъ надъ ними близко,
Неузнанное, пролетѣло
Мгновеніе, которымъ гибель

Могла бѣ въ спасенье обратиться,
И злоба въ нежную любовь
Но темный духъ нашель тутъ на Рустема;
Онъ отвѣчалъ: я не Рустемъ;
И знать тебѣ нѣтъ нужды о Рустемъ.
Я подданный, а онъ державный князь;
Тебѣ жъ не съ нимъ считаться, а со мною;
Я у тебя въ долгу: вчера я, вѣдай,
Во время пира, въ Бѣломъ Замкѣ
Ночное совершилъ убійство.

III.

При этомъ словѣ гнѣвомъ всыхнулъ,
Какъ туча молніей, Зорабъ,
И разомъ оба поскакали,
Зорабъ на право отъ Рустема,
Рустемъ на право отъ Зораба;
И, отскакавъ во весь опоръ
На выстрѣлъ изъ лука, оборотили
Коней; и быстро полетѣли
Другъ противъ друга двѣ грозы.
И начался межъ сыномъ и отцемъ
Упорный бой. Сперва на всемъ скаку
Они пустили копья —
Со свистомъ пронизали
Онъ щиты, подставленные имъ,
И, пролетѣвъ сквозь нихъ, воткнулись въ землю.

Тутъ облаженными мечами
Они разить другъ друга принялися —
Мечи, скрестяся на ударъ,
Переломились разомъ оба;
Они, мечей обломки бросивъ,
Жельзные схватили булавы.
Чего конье не тронуло, то мечъ
Разсѣкъ; чего не тронулъ мечъ,
То раздробила булава —
Такъ бились витязи, упорствомъ
И силою одинъ другаго стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемахъ блеска не осталось,
Всѣ перья съ гребней облетѣли,
И ни одно кольцо на ихъ кольчугахъ
Не уцѣлело; всѣ избиты
Ихъ были члены; потъ ручьями
Бѣжалъ съ ихъ жаркихъ лицъ;
Подъ ними кони ихъ дымились.
Такъ на небъ двѣ тучи громовыя,
Сшибаяся, блистаютъ и гремятъ
И молніи на молніи бросаютъ;
Онъ другъ друга истребить
Не могутъ, но подъ ихъ войною
Земля приходитъ въ трепеть,
Ихъ градъ тяжелый губитъ жатву,
И вся подъ ними сторона
Становится пустынна, какъ великимъ

Сраженіемъ растоптанная нива;
Когда жъ ихъ силы истощатся,
Онъ расходятся и грозно
Издадека другъ на друга сверкають
И глухо, ропотно гремять.
Такъ витязи, истративъ силы,
На время бой упорный прекратили.

IV.

Отець и сынъ избиты были оба.
Сошедъ съ коней, они имъ дали волю
Вздохнуть; а сами разошлись,
И издали дивилися другъ другу.
Такъ говорилъ съ самимъ собой Зорабъ:
Не можетъ быть, чтобъ этотъ зверь,
Столь яростно меня терзавшій,
Былъ мой отецъ; хотя и вижу въ немъ
Всѣ признаки описанные мнѣ,
Но о такой неимовѣрной злости
Мнѣ мать не говорила; въ ней
Любовь къ нему родиться не могла бы,
Когда бъ ея очамъ явился онъ
Съ такимъ лицомъ чудовищнаго тигра.
Но онъ и самъ назвалъ себя
Убийцей Синда. нтъ! онъ не Рустемъ;
Я клятвы долгъ святой исполню,

И отомщу убійствомъ за убійство.
Въ то время и Рустемъ съ собою
Такъ разсуждалъ: не отъ простой
Онъ матери; она конечно
Не человѣческой, а великанской
Породы: въ возрастъ его
Подобной силы не имѣлъ я.
Рустемъ, Рустемъ, остерегись;
Сбери всю крѣпость, старый богатырь;
Два войска смотрятъ на тебя;
Бѣда и стыдъ, когда съ тобою
Турченокъ безбородый сладить
И, возвратяся въ Семенгамъ,
Разскажетъ сыну твоему
О поношеніи отца его Рустема.
Такъ, отдыхая, размышляли
Отецъ и сынъ. Тѣмъ временемъ ихъ кони,
Усталые отъ жаркой схватки,
Но пощаженные въ бою,
Провѣтрились, остыми, освежились
И приготовилися снова
Своихъ могучихъ съдоковъ
Нести на смертный поединокъ.

V.

Еще усталые, чтобъ силы обновить,
Они за луки и за стрѣлы

Схватилися. Двѣ первыя стрѣлы
На воздухъ слетѣлись остріями,
И обезсиленные пали
На землю; въ слѣдъ за ними частымъ
Дождемъ другія зашумѣли;
Такъ вихремъ сыплются сухіе
Съ деревьевъ листья при осеннемъ
Свистящемъ вѣтрѣ; такъ
Кругомъ ульезъ, когда согрѣетъ ихъ
Лучемъ весеннимъ солнце,
Сверкаютъ и жужжатъ, роясь, пчелы.
И непрестанно въ ихъ рукахъ
Сгибались и разгибались луки,
Визжали рѣзко тетивы;
И съ нихъ стрѣла слетала за стрѣлою;
И вслѣдъ за каждой изъ очей
Взоръ смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
Отъ панцирей отпрыгивали стрѣлы,
Ихъ остріе ломалось объ шлемы,
Въ щиты вонзаяся, на нихъ
Онѣ густой щетиною торчали;
Такъ солнца острые лучи,
Грапитъ могучій осыпая,
Ему пронзить не могутъ твердой груди,
И лишь ея поверхность разжигаютъ.
Истративъ стрѣлы, наконецъ
Противники свои пустыя

Колчаны бросили и на коней
Вскочили оба, чтобъ начать
Войну губительную снова.

VI.

Слетѣвшися на коняхъ, они
Вцѣпились крѣпкими руками
Другъ другу въ кушаки. Рустемъ
Сидѣлъ на Громѣ, какъ желѣзный;
Что онъ ни схватывалъ рукою,
Сжималось въ ней, какъ мягкій воскъ;
Но онъ, схвативъ Зораба за кушакъ,
Былъ изумленъ его сопротивленьемъ:
Какъ не колеблется утѣсь,
Обвитый кольцами удава,
Такъ былъ Зорабъ неколебимъ,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зорабъ напрасно мышцы
Напрягъ, чтобъ пошатнуть Рустема:
Какъ не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Такъ былъ Рустемъ неколебимъ,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдругъ, кушакъ отцевъ покинувъ,
Какъ бѣшеный, Зорабъ впился руками
Въ его серебряные кудри,

Разсыпанныя по плечамъ,
Въ сраженьи выпавъ изъ подъ шлема;
Онъ мнилъ, что вдругъ сорветъ его съ сѣдла;
Но онъ на немъ, какъ вылитый изъ мѣди,
Не покачнувшись, усидѣлъ;
Одинъ лишь клокъ серебряныхъ сѣдинъ
Въ своихъ рукахъ Зорабъ увидѣлъ;
Онъ задрожалъ при этомъ видѣ.
Ты, богатырь неодолимый
Подъ сѣдинами старика!
Воскликнулъ онъ, зачѣмъ, зачѣмъ
Съ моею молодостью сильной
Свою выводилъ старость въ бой?
О! сердце у меня въ груди поворотилось,
Когда въ моей рукѣ остались
Твои сѣдые волоса!
Мнѣ показалось, что обидѣлъ
Богонреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы другъ друга
Должны такъ яростно губить?
Уже ль другихъ здѣсь не найдется
Противниковъ, чтобъ успокоить
Въ насъ жажду огненную боя?
Такъ воинъ молодой сказалъ;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотилъ грозящее лице.

VII.

И вдругъ, какъ волкъ, врывающійся въ стадо
Овецъ, онъ кинулся съ мечемъ
На рать Туранскую. Зорабъ
При этомъ видъ повернулъ
Коня и яростный, какъ тигръ,
Изъ тростника въ табунъ коней
Однимъ влетающій прыжкомъ,
Явился межъ дружинъ Ирана;
И началъ мечъ его сверкать,
Какъ молнія, направо и налѣво;
И люди вокругъ меча валились,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополамъ
Пересѣченный. Той порой
Рустемъ, уже достигшій строя
Дружинъ Туранскихъ, вдругъ остановился,
И, обративъ глаза на рать Ирана,
Увидѣлъ, что въ ея рядахъ
Разстроенныхъ происходило;
Подумалъ онъ о бѣшенствѣ Зораба,
Подумалъ онъ о страхѣ Кейкавуса,
И быстро, не взглянувъ на Турковъ,
Къ своимъ на помощь поскакалъ.
Онъ тамъ въ толпѣ густой увидѣлъ,
Какъ разсыпалъ рубины крови

На яркій поля изумрудъ
Своимъ мечемъ Зорабъ. И онъ воскликнулъ :
Остановись ! зачѣмъ на слабыхъ
Такъ бышено ты нападаешь ?
Чѣмъ провинилися они передъ тобою,
Что вдругъ на нихъ ты кинулся, неожиданный,
Какъ звѣрь голодный на добычу ?
Зорабъ, его увидя, изумился.
А ты, мой старый богатырь,
Воскликнулъ онъ, за что на бѣдныхъ Турковъ
Такъ яростно ударилъ ? Чѣмъ они
Тебя обидѣли ? Но вижу,
Что снова ты въ сраженіе вызвать
Меня желаешь — я готовъ.
На то Рустемъ отъѣтствовалъ : ужъ день
Смѣнила ночь ; она покою
Принадлежитъ, а не сраженію.
Послушаемся ночи ; завтра,
Лишь на востокъ солнце, витязь неба,
Свой мечъ подыметъ золотой и землю
Имъ облеснетъ, мы бой возобновимъ ;
Будь здѣсь, а я здѣсь буду :
Мы пѣшіе, борьбою
И боемъ рукопашнымъ дѣло
Начатое окончимъ ; оба войска
Сраженія свидѣтелями будутъ ;
Увидимъ мы, которое изъ двухъ
Богатыря оплатитъ своего.

VIII.

Они разстались ; сумраченъ былъ вечеръ,
И темное тревожилось небо :
Оно какъ будто въ погребальный
Покровъ зарань облекалось.
Но весело Зорабъ вводилъ
Свои дружины въ Бѣлый Замокъ.
Онъ на пути спросилъ у Барумана :
Что этотъ левъ, который такъ измялъ
Мои бока тяжелой лапой,
Надѣлалъ здѣсь своимъ набѣгомъ ? Много ль
Погибло отъ него народа ? —
Ты повелѣлъ, чтобъ войско было тихо
(Такъ Баруманъ отзывался) ; и войско
Стояло строемъ неподвижнымъ,
Готовое къ сраженью ; вдругъ,
Мы видимъ, кто-то, чудный, грозный,
Невѣдомый, какъ будто изъ земли
Родившійся, незапно
Ударилъ въ самую средину
Испуганной такимъ явленьемъ рати ;
Всѣ приготовились къ отпору ;
Но онъ, какъ будто уstraшенный,
Коня поворотилъ, назадъ
Помчался вихремъ и пропалъ
Какъ привидѣнье. — Громко засмѣявшись,

Сказаль Зорабъ : и такъ онъ только
Васъ навѣстилъ по милости своей ;
Напрасно жъ онъ коня тревожилъ .
А я тѣмъ временемъ мой мечъ
Полакомилъ Иранской кровью ;
Насъ темнота ночная развела ;
Но завтра на разсвѣтъ
Опять начнется бой нашъ ; завтра
Увидимъ мы , который устоитъ
Изъ насъ двоихъ , который ляжетъ мертвый .
И объ рати стануть въ строй ,
Чтобъ быть свидѣтелями битвы .
Придется ль вамъ меня похоронить
Иль встрѣтитъ съ ликованьемъ — это
Намъ скажетъ завтрашнее утро ;
А пынче намъ приличнѣй , всѣ забывъ
Тревоги , влить виномъ душистымъ силу
Въ усталые отъ боя члены ,
И освежить языкъ сожженный зноемъ .
Скорѣй , премудрый Баруманъ ,
Вели намъ пиръ обильный приготовить .

IX.

Тѣмъ временемъ , достигнувъ стана ,
Рустемъ въ шатръ царя ,
Съ нимъ и съ его вождями ,

За освѣжительнымъ виномъ
О жаркомъ боѣ вспоминалъ.
Была тамъ рѣчь лишь только о Зорабѣ.
Зачѣмъ ему, спросилъ Рустема царь,
Ты волю далъ напасть на наше войско?
Когда бы къ намъ на помощь
Ты во-время не подоспѣлъ,
Бѣда великая могла бы насъ постигнуть.
Но что же самъ, скажи, о немъ ты мыслишь?
И, зависти не вѣдая, Рустемъ
Сказалъ: такого богатырства,
Такого льва въ такомъ младенцѣ
Еще я въ жизни не встрѣчалъ;
Онъ богъ войны, не человекъ,
И не уступитъ мнѣ ни въ силѣ, ни въ искусствѣ
А свѣжей младостью своей
Мою онъ старость превосходитъ.
Мнѣ предстоитъ съ нимъ завтра тяжкій бой.
Я испыталъ сперва мое копьѣ,
Потомъ мой мечъ, потомъ и булаву —
Все отразилъ онъ; напоследокъ, вспомнивъ,
Что въ старину я многихъ силачей
Одной рукою схватывалъ съ сѣдла,
Ему въ кушакъ я руку запустилъ
И силой всей его рванулъ, но онъ
Не пошатнулся. Насъ теперь
Ночная тма съ нимъ разлучила —
Не знаю, мной остался ль онъ доволенъ?

А я доволенъ черезъ мѣру имъ.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана,
И за свою, до сихъ поръ безъ пятна
Мнѣ сохранившуюся славу.
Какъ нынѣ, завтра оба войска
Свидѣтелями боя стануть въ строй;
И въ этотъ часъ ужъ будетъ завтра всемъ
Извѣстно, кто изъ насъ двоихъ
Лежитъ убитый, кто живой остался;
Теперь же здѣсь, покуда мы еще
Вся на лице, озолотимъ
Безпечнымъ пированьемъ
Канунъ спокойный роковаго,
Быть можетъ, бѣдственнаго дня.
Державный шахъ, благоволи
Насъ угостить твоимъ виномъ душистымъ.

X.

Такъ говорилъ Рустемъ; и рѣчь его
Зядумчивость мгновенную на сердце
Съ нимъ пировавшихъ навела.
Но снова съ блескомъ зашипѣло
Вино; за славу и побѣду
Рустема сдвинулися чаши,
И наконецъ по долгомъ пированьи

Всѣ по шатрамъ на сонъ и на покой
Полухмельные разошлись.
Въ зеленый свой шатеръ вошедши,
Рустемъ Зевару такъ сказалъ:
Зеварь, мой братъ, ты видѣлъ нынѣ,
Каковъ былъ этотъ бой; что будетъ завтра,
О томъ изъ насъ не вѣдаетъ никто.
Я завтра рано выйду въ бой;
А ты, мой братъ, меня предавъ
Во власть Всевышнему, останься здѣсь,
И стражемъ будь моей Сабульской рати.
Когда изъ рукъ судьбы мнѣ выпадетъ побѣда,
Не стану я на мѣсть крови медлить,
И ты меня въ шатръ увидишь скоро.
Но если мнѣ иное суждено
Отъ неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди въ Сабуль; дорогой же и дома
Всѣмъ говори: ему былъ рокъ погибнуть
Отъ юноши. А матери скажи:
„Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоихъ
Глазахъ состарился и онъ;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о немъ
Не сѣтуй; онъ великихъ дѣлъ
Довольно совершилъ; немало имъ
Истреблено чудовищъ, великановъ;

Немало крѣпкихъ замковъ онъ
Разрушилъ и сравнялъ съ землею;
Немало войскъ предъ нимъ погибло —
Теперь насталь чередъ и для него.
Къ желѣзнымъ смерти воротамъ
Конь жизни рано или поздно
Со всадникомъ своимъ — кто бъ ні былъ онъ,
Могучій, слабый, храбрый, робкій —
Примчится; каждому изъ насъ
Въ тѣ ворота въ свой часъ придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольнение здѣсь отъ смерти
Онъ записи отъ неба не имѣлъ;
На вѣчное подданство ей
Мы все укрѣплены судьбою“
Такъ матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина последнюю мнѣ чашу
На сонъ грядущій, братъ Зеваръ,
И спи спокойно; остальное
Звездамъ на волю отдадимъ.
Рустемъ умолкнулъ, поданное выпилъ
Вино, раздѣлся, легъ,
И въ сонъ глубокій погрузился.

КНИГА ОСЬМАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ВТОРОЙ БОЙ.

I.

Когда павлинь денницы распустилъ
Широко хвостъ свой разноцвѣтный,
И голову подъ черное крыло
Угрюмый воронъ ночи спряталъ,
Рустемъ проснулся, опоясалъ
Губительный свой мечъ,
И, боемъ дышащій, вскочилъ
На огнедышащаго Грома;
И бурю на избранное мѣсто онъ
Помчался. Какъ звезда, пророкъ
Великихъ бѣдствій, пламеннымъ хвостомъ
На небесахъ блистаетъ ночью темной,
Такъ бѣдоносно шлемъ косматый
Блисталъ на головѣ Рустема;
Прибывъ на мѣсто, съ изумленьемъ
Онъ озирался, но Зораба

Тамъ не было : Зорабъ въ то время,
Какъ гибельный его отецъ
Ждалъ въ полѣ, утреннимъ виномъ,
При звукъ лютнь, безопасно утѣшался.
И такъ сказалъ онъ Баруману :
Со мною этотъ старый левъ
И крепостію мышцъ, и ростомъ,
И храбростію равенъ ;
Когда смотрю на грудь его, на руки,
И на плечá, мнѣ кажется, что вижу
Я въ зеркаль себя ; невольно
Приходитъ въ мысли мнѣ, что самъ
Такимъ я буду, если звезды
Мнѣ столько жъ лѣтъ отчислятъ въ жизни.
Взглянувъ ему въ геройское лице,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мнѣ стыдно, я краснѣю, въ грудь мою
Втѣсняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруманъ, ужъ не Рустемъ ли онъ ? Скажи
Мнѣ правду ; Баруманъ, спаси
Меня ; не дай мнѣ быть отцеубійцей
На ужасъ всей землѣ. Что, возвратясь,
Скажу я матери ? Скажу ли,
Что руки я свои умылъ
Въ крови отца ? Всѣ знаки, ею
Мнѣ данные, согласны съ тѣмъ, что видятъ
Мои глаза, не достаетъ

Лишь одного мнѣ убъжденья. Если онъ
 Рустемъ, то я еще ему въ глаза
 Сказать не смѣю: я твой сынъ!
 То имъ самимъ запрещено;
 Лишь слава дастъ на то мнѣ право.
 Когда же не Рустемъ онъ... О! какая
 Была бъ мнѣ честь явиться предъ отцемъ,
 Богатыря такого одолѣвши!
 Кто разрѣшитъ мое недоумѣнье?
 Когда вчера такъ звѣрски
 Со мной онъ бился, мысль, что онъ
 Отецъ мой, показалась мнѣ
 Мечтой несбыточной; по въ эту ночь
 Я видѣлъ сонъ.....я видѣлъ, что лежу
 Въ его объятіяхъ, такъ нежно,
 Такъ весело, съ такой любовью дѣтской.....
 Нѣтъ! Не могу и не хочу съ нимъ биться.

II.

Покорствуя тому, что повелѣлъ
 Афразіабъ, коварный Баруманъ
 Отвѣтствовалъ: ты видѣлъ сонъ,
 Проснулся — вотъ и все. Уже ль, поверя
 Мечтъ, начатаго такъ славно
 Не довершить? Ты слово далъ,
 И долженъ выручить его, иль вѣчнымъ

Стыдомъ себя покроешь. Въ полъ
Тебя онъ ждетъ, и вѣрно, торжествуя,
Ужь думаетъ : передо мной робѣеть
Мой недозрѣлый богатырь.
Такъ и Иранъ съ нимъ вмѣстѣ скажетъ ;
То повторится и въ Туранъ.
Тогда съ какимъ покажешься лицомъ
Ты на глаза Рустему ? Не забудь,
Что на тебѣ лежитъ святая клятва
Отмстить за Синда ; самъ же онъ сказалъ
Тебѣ, что Синдъ убить его рукою.
А для чего свое таить онъ имя,
Не знаю ; мой советъ : не любопытствуй
И ты о томъ узнать ; убей и уничтожь
Его, пока онъ самъ тебя убить
И уничтожить не успѣлъ —
Тогда избѣгнешь посрамленья,
Заслужишь честь и клятвы не нарушишь.
Такъ искунитель говорилъ ;
Его слова звучали глухо ;
Онъ поглядѣть въ лице не смѣлъ Зорабу,
И блѣденъ былъ, какъ полотно ;
Но все сомнѣнья онъ разрушилъ
Въ душѣ Зораба. Мщеньемъ закипѣвъ,
Поспѣшно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихаго прынулъ,
И полетѣлъ на битву роковую.

III.

Когда сошлись соперники на мѣсть,
Назначенномъ для поединка,
Двѣ рати съ двухъ сторонъ,
Свидѣтелями боя,
Въ порядкѣ вышли боевомъ :
Ведомые могучимъ Тусомъ,
Блестящіе полки Ирана
Построились передъ шатрами ;
А Баруманъ Туранскія дружины
По склону вытянулъ горы,
Однимъ крыломъ ихъ къ замку прислонивши.
Къ сопернику приблизившись, Зорабъ
Его спросилъ, приветно улыбнувшись :
Покойно ль спалъ ты эту ночь,
И весело ль проснулся? Рапо, рано
Ты поднялся, мой старецъ многосильный :
Прекрасенъ этотъ день — таковъ ли будетъ
Прекрасенъ вечеръ, мы не знаемъ.
Но посмотри, какъ утро молодое
Вершины горъ озолотило ;
Цветы весь утреннимъ виномъ
Напоены, и утренняя свѣжесть
На паству манитъ пастуховъ ;
Невидимо подъ вѣтвями деревъ

И видимо въ лазури неба
Поютъ проснувшіяся птицы;
Ручьи сіяя льются;
На солнць блещутъ берега;
Трава росой сверкаетъ
Приличенъ ли такой всемірный праздникъ
Кровавому убійству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще нами уступить? Послушай, другъ,
Сойди съ дракона своего
На этотъ свѣжій дернъ; заключимъ
Въ виду обвѣхъ нашихъ ратей
Здѣсь перемиріе, забудемъ
На этотъ день и мщеніе и злобу:
Пусть будетъ поле крови
Для насъ палатой пировою.
Я знакъ подамъ — и передъ нами
Вино заблещетъ въ кубкахъ,
И пиръ устроится роскошный,
И звонко заиграютъ струны,
И дружно мы отпразднуемъ съ тобою
День возрожденія прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Жельзный шлемъ ты снимешь съ головы,
А я вѣнкомъ живыхъ цвѣтовъ украшу
Твой мнѣ милая сѣдины;
И, сидя за виномъ, мы будемъ
Бесѣдовать радушно о войнѣ,

О бранныхъ подвигахъ, и всемъ, что знаю,
Я подѣлюсь съ тобой отъ сердца;
А ты свою откроешь мнѣ породу,
И славное свое мнѣ скажешь имя —
О! не упорствуй, другъ; скажи,
Скажи его — мы не должны
Такъ чужды быть другъ другу; насъ
Съ тобой вчера побратовала битва.

IV.

Такъ съ откровенностью младенца
Рустему говорилъ Зорабъ —
Ему во грудь изъ водъ, изъ глубины
Небесъ, изъ зелени полей
Проникнулъ тайный голосъ
Природы; на щекахъ его
Горѣло жаркое желанье;
Такъ раскрывается младая
Распуколька отъ теплаго весны
Дыханія; но если на нее
Дохнетъ морозомъ бурный сѣверъ,
Она сжимается и увядаетъ;
Такъ отъ морозныхъ словъ Рустема
Увяла вдругъ въ душъ Зораба
Едва зацвѣтшая надежда.

Дитя мое, сказалъ Рустемъ, не для того
Сюда пришли мы, чтобъ, роскошно
На луговомъ ковръ покоясь,
Бесѣдовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрокъ,
То я ужъ не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушакъ стянулъ я туго;
И здѣсь давно я жду, чтобъ боевую
Съ тобой начать работу, чтобъ нарвать
Съ тобой тѣхъ розъ, какія только въ нашемъ
Саду родятся. Свѣжесть утра
Для ратнаго благопріятна дѣла;
Она моимъ состарѣвшимся членамъ
Живую крѣпость придаетъ.
И такъ, пока не наступилъ
Палящій зной, начнемъ
Свой мужественный споръ. Я не слыхалъ,
Чтобъ для однихъ разказовъ о бояхъ
Соперники на мѣсть боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюся дѣломъ, не словами.
По имени жъ себя не прежде назову,
Какъ положивъ тебя въ крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила.

V.

Зорабъ, воспламененный гнѣвомъ,
Воскликнулъ: будь по-твоему, упрямый
Старикъ! своей судьбы никто
Не избѣжитъ; и мы увидимъ скоро,
Кто здѣсь кого принесть ей въ жертву долженъ.
На землю спрянулъ онъ съ коня,
И громко зазвучало
Его оружіе. Рустемъ
Сѣшелъ поспѣшно съ Грома; тяжкій
Звукъ отъ меча его раздался,
И изъ ноженъ до половины
Онъ выпрыгнулъ. Въ молчаньи оба
Къ бѣжавшему вблизи потоку
Они пошли съ конями. У воды
Росло тамъ дерево; къ нему
Они коней ретивыхъ привязали;
И тамъ Рустемовъ Громъ
Оставленъ былъ съ конемъ Зораба.
Привѣтливо они другъ друга
Обфыркали и, ознакомься,
Между собой пѣмую завели
Бесѣду; какъ друзья давнишніе, они
Подножную траву щипали вмѣстѣ,
И головы протягивали дружно
Къ ручью за свежею водою,

И шеями другъ друга обнимали,
Какъ будто угадавъ,
Какое близкое родство межъ ними было.
А между тѣмъ отецъ и сынъ
На мѣсто боя грозно шли,
Другъ другу смерть въ душъ готова.

VI.

Они плотнѣй стянули кушаки,
И рукава до самыхъ плечъ
Могучихъ засучили;
Ужасно ихъ наморщилися лица,
И загорѣлися глаза,
И, разомъ бросясь другъ на друга,
Какъ разозлившіеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тѣла вдругъ слились въ одно,
Во кругъ котораго четыре
Железные руки, какъ змѣи,
Въ него вдаваясь, переплетались.
Какъ будто сплавленные крѣпко
Они другъ друга, грудь на грудь,
Тѣснили, перли, гнули, жали —
Напрасно; камень и железо
Могли бы руки ихъ расплюснуть,
Но пошатнуть не могъ ни сына

Отецъ, ни сынъ отца ; дыханье
Спиралось въ ихъ груди ; глаза ихъ, кровью
Налитые, какъ уголья горели ;
Ихъ ноги были врыты въ землю —
Но ни одинъ не могъ другаго
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть съ мѣста ;
Напрасны были ихъ порывы,
Напрасны были ихъ напоры,
Напрасно было ихъ боренье,
Ихъ трепетанье, ихъ кипенье —
Неодолимъ, непоколебимъ
Остался каждый. Наконецъ,
Отбросивъ тщетную борьбу,
Они рѣшились испытать,
Кому кого удастся
Поднять съ земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разомъ отскочили
Отецъ и сынъ, и, разомъ снова
Сбѣжавшись, какъ крючья, руки
За кушаки засунули другъ другу.
И вдругъ Рустемъ тряхнулъ Зораба
Такъ сильно, что съ земли
Взорвалъ его на воздухъ ; какъ свинецъ,
Всей тяжестью Зорабъ на грудь отца
Обрушился и повалилъ
Его на землю подъ себя.
Не зная самъ, какъ могъ онъ очутиться

На немъ, его къ земль онъ придавилъ
Кольномъ, выхватилъ кинжалъ,
И былъ готовъ пронзить имъ грудь
Подъ нимъ лежавшаго Рустема.

VII.

Рустемъ, увидя надъ собою
Жельзо, возопилъ : остановись,
Что хочешь дѣлать? Если ты
Породой знаменитъ, не осрамляй
Ни самого себя, ни предковъ
Постыднымъ дѣломъ : межъ суровыхъ
Родяся Турковъ, ты не знаешь
Обычаевъ Ирана — знай же,
Что здѣсь никто, кому въ борьбѣ
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляетъ, но ему
Даетъ съ собою испытать
Въ другой разъ силу ; если жъ и тогда
Онъ побѣдитъ, то властенъ онъ
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таковъ святой Иранскій нашъ обычай ;
И стыдь тому, къмъ будетъ онъ нарушень !
Такъ говорилъ Рустемъ, прибѣгнувъ
(Чтобъ отъ себя погибель отвратить)
Къ обману. — Я, отъвѣтствовалъ Зорабъ,

Не слыхиваль, чтобъ гдѣ такой обычай
Водился; но, скажи мнѣ, соблюдалъ ли
Его Рустемъ? — На это возразилъ
Рустемъ: какое дѣло намъ
До твоего Рустема? Если жъ
Ты хочешь знать, то и Рустемъ
Обычаю Ирана былъ покорень.
При этомъ словъ опустилъ
Зорабъ кинжалъ, и руку подаль
Лежачему, чтобъ онъ съ земли поднялся.
Легко повѣрилъ онъ: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, какъ младенецъ, былъ онъ
Великодушень, какъ герой;
А темная рука судьбы
Его къ гибели стремилась неизбѣжно.
Обманомъ спасшійся Рустемъ
Негодоваль, что для спасенья
Былъ принужденъ обманъ употребить;
Поднявшись съ земли, онъ отряхнулся,
И противъ воли покраснѣлъ,
Взглянувъ на сына; а Зорабъ
Ему сказалъ съ уемъшкой: отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здѣсь буду, и тогда,
Какъ слѣдуетъ, начатое мы кончимъ.
Свѣвъ на копя, онъ поскакалъ
Въ ту сторону, гдѣ по горь

Туранское стояло строемъ войско ;
Вдругъ передъ нимъ вскочила антилопа, —
И весело за нею онъ погнался,
Забывъ о близкомъ часъ роковомъ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

РУСТЕМЪ И ЗОРАБЪ.

ТРЕТІЙ БОЙ.

I.

Рустемъ, избавясь отъ бѣды,
Одинъ остался; нѣсколько мгновений
Онъ былъ объятъ глубокой думой; вдругъ —
Какъ будто что напомнилось ему —
Пошелъ и поспѣшнымъ шагомъ
Къ потоку, гдѣ его могучій Громъ
Подъ деревомъ привязанный стоялъ.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой дебри
Имѣлъ Рустемъ свиданье съ горнымъ духомъ.
Въ то время былъ онъ одаренъ
Такою непомѣрной силой,
Что не врагамъ однимъ, и самому
Ему она была во вредъ:
Его земля не выносила;

Когда онъ шель по каменному кряжу,
Какъ на песокъ, глубокіе слѣды
Отъ ногъ его на камняхъ оставались.
Такъ нѣкогда съ тяжелою добычей,
Отнятою у Турковъ, онъ
Во мракъ ночи пробирался
Съ трудомъ великимъ тою дебряю;
При каждомъ шагѣ увязали
Его по щиколотку ноги въ землю;
Онъ ее, какъ плугъ желѣзный, рыли.
Вдругъ близъ него во тмѣ раздался
Осиплый хохотъ. Кто хохочетъ? гнѣвно
Спросилъ Рустемъ. Глухой отвѣтъ былъ: я! —
„А ты кто?“ — Горный духъ. — „Чему смѣешься?“ —
Смѣюсь тому, что ты, силачъ,
Съ своею не можешь сладить силой;
Она чрезмѣрна для тебя.
Отдай на сохраненье мнѣ
Ея излишекъ; если —
Когда отъ лѣтъ твои разслабнутъ члены —
Она тебѣ понадобится снова,
Приди сюда и кликни — я откликнусь,
И отъ меня ее сполна опять
Получишь ты безпрекословно.
И духу горному Рустемъ
На сбереженье отдалъ
Излишекъ силы. И теперь,
Когда отъ лѣтъ его разслабли члены,

Пришелъ онъ въ дѣбрь, у духа взять
Обратно ввѣренный залогъ;
Онъ чувствовалъ, что силой половинной
Ему не одолѣть Зораба.
И въ ярости съ собой онъ говорилъ:
Онъ жить не долженъ; имъ въ виду
Ирана былъ я опозоренъ;
Онъ смѣлъ коленомъ стать на грудь
Упавшаго къ ногамъ его Рустема;
И имъ къ постыдному обману
Рустемъ, дотоль безпорочный,
Былъ приневоленъ, чтобъ спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтобъ на одной землѣ со мною
Хоть мигъ одинъ могъ продышать
Создатель моего позора.

II.

Такъ думалъ онъ, вступая въ глубину
Утесистой, пустынной дѣбри.
Тамъ на престолъ скалъ мохнатыхъ
Сидѣлъ могучій духъ. И онъ увидѣлъ,
Что кто-то, мрачный, озираясь
По сторонамъ, ущельемъ шелъ;
И понялъ духъ, что путникъ

Искалъ свиданья съ нимъ ; густою мглой
Была его покрыта голова,
Какъ шлемомъ ; онъдохнулъ, и мгла
Слетѣла съ головы ; и духъ
Сталъ видимъ, хмурный и туманный ;
И онъ спросилъ : къ кому пришелъ ты ? —
Къ тебѣ, отъвѣтствовалъ Рустемъ.
Я узнаю тебя ; ты все таковъ же,
Какимъ давно на этомъ мѣстѣ
Со мною встрѣтился впервые ;
Не устарѣлъ, не посѣдѣлъ ; а ты
Меня узналъ ли ? — Темный духъ
Отъвѣтствовалъ : съ трудомъ ; ты сталъ
И старъ и сѣдъ. Скажи жъ, зачѣмъ тебя
Твои хилѣющія ноги
Въ мою пустыню принесли ?
Рустемъ сказалъ : отдай обратно
Мою мнѣ силу. Я доннынѣ
Доволенъ былъ однимъ ея участкомъ ;
Теперь она нужна мнѣ вся.
Отдай мнѣ, духъ, ея излишекъ,
Оставленный тебѣ на сохраненье.
Духъ отъвѣчалъ : Рустемъ, навѣки
Теряетъ силу человекъ,
Когда она его сама съ годами,
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидаетъ ;
Но ты свою мнѣ силу,

Во цвѣтъ лѣтъ, по доброй воли
На сбереженъе отдалъ самъ —
И мной тебѣ она сбережена;
Въ груди гранита моего
Цѣлье, чѣмъ въ твоей груди,
Неизмѣнная, она
Лежитъ. Но для чего, Рустемъ,
На плѣчи драхмы свои
Такой великій грузъ ты хочешь
Такъ поздно возложить? Остерегись,
Съдой боецъ; ты на себя
Кладешь бѣду. Твое желанье
Исполнить я не отрѣкуся,
И если ты рѣшился твердо
Взять отъ меня залогъ свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дѣло.
Еще непоздно; мой советъ
Спасителенъ; прими его, Рустемъ:
Оставь свою въ покоѣ силу;
Ты славныхъ дѣлъ немало совершилъ —
Доволенъ будь; страшуся я,
Что на себя своимъ послѣднимъ дѣломъ
Ты бѣдствіе великое накличешь,
И самъ своею силой
Свою погубишь силу.

III.

Тѣмъ временемъ Зорабъ, съ охоты
На мѣсто боя возвратясь,
Въ недоумѣннн стоялъ и озирался —
Рустема не было. И онъ не зналъ,
Дождаться ли его иль удалиться.
А съ неба дѣнь ужъ начиналъ
Сходить и тѣни становились
Длиннѣе. Но Зорабовъ часъ ударилъ;
Зорабъ остался; онъ подумалъ:
„Соперникъ мой меня
Здѣсь долго утромъ ждалъ —
Я вечеромъ его дождаться долженъ.
А вечеръ вышелъ не таковъ,
Какимъ его намъ утро обѣщало,
И солнце съло, въ небесахъ
Зарю кровавую оставя.
Но гдѣ же онъ?“ И въ этотъ мигъ
На заревъ заката отразился,
Какъ темный метеоръ, огромный станъ Рустема;
Зорабъ невольно содрогнулся.
Какъ будто чародѣйной силой
Преображенный, чудно
Блнстающій, помолодѣлый,
Представился очамъ его Рустемъ.
Онъ на него глядѣлъ въ недоумѣнн,
И, не посмѣвъ спросить, гдѣ онъ такъ долго

Промедлиль, шопотомъ сказалъ: должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи.
Успѣемъ ли? . . . . Успѣемъ, перебилъ
Его слова Рустемъ сурово.
И вышли — яростный отецъ
На сына съ силою двойною,
И на отца оторопѣлый сынъ
Съ полуразрушенною силой.
Восходитъ день, когда нисходитъ ночь,
Восходитъ ночь, когда нисходитъ день —
Такъ и теперь настала чередъ Рустему.
Вечерней мглою затянувшись,
День удалившійся простеръ
Полутуманное мерцанье
Надъ мѣстомъ бѣдствія и крови;
Два воинства стояли тамъ
Безмолвными свидѣтелями боя . . . . .
Но какъ онъ былъ? И что свершилось?
Того ни чье не зрѣло око . . . . .
Они сошлись — и вмигъ всему конецъ;
Рустемъ рванулъ — Зорабъ упалъ къ его ногамъ;
Рустемъ дакнулъ — и въ грудь Зораба
Глубоко врѣзался кинжалъ.

IV.

Зорабъ, смертельно пораженный,
Сказалъ: о ты, невѣрный оболъститель!

Такая ль отъ тебя награда
За то, что былъ ты мною пощаженьъ?
Ты небылицей о Рустемъ,
Ты именемъ Рустема жизнь мою,
Какъ воръ ночной, укралъ. Но будь
Ты птицей въ воздухъ или рыбою въ водѣ,
Не избежишь, хотя и въ гробъ
Лежать я буду, мщенья отъ Рустема,
Когда раздастся всюду слухъ
(А онъ раздастся скоро),
Что здѣсь предательски заръзанъ
Тобою сынъ Рустема и Темны.
Отъ этихъ словъ затрепеталъ
Рустемъ, какъ будто вдругъ ударомъ грома
Пронзенный, съ головы до ногъ.
Что говоришь ты, сынъ бѣды?
Воскликнулъ онъ. Скорѣе отвѣчай:
Кто твой отецъ? — Я сынъ Рустема и Темны,
Съ блеснувшей гордостью на блѣдномъ
Лицѣ сказалъ Зорабъ.
Отецъ мой стражъ Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею былъ сюда я посланъ
Отыскивать отца, столь много лѣтъ
Съ ней разлученнаго. Чтобъ могъ
Меня Рустемъ признать за сына,
Я долженъ былъ ему повязку, на прощаньи
Имъ данную Темнѣ, показать;

И чтобъ сбечь ея вѣрнѣй,
Не на рукѣ, а на груди
Всегда носилъ я ту повязку;
Открой мнѣ грудь — увидишь самъ.
Такъ говорилъ онъ; отъ страданья
Душа рвалась изъ Рустема.
Дрожа, какъ листъ, одежду онъ раскрылъ
И тамъ (увидѣлъ онъ) сидѣлъ,
Какъ жаба черная на бѣлыхъ розахъ,
Въ груди кинжалъ, до рукояти
Въ нее вонзенный, какъ въ ножны.
Его Рустемъ изъ раны вынулъ;
И быстро побѣжала съ жизнью
Струя горячей крови;
И яркимъ пурпуромъ ея
Рустемова повязка облилася.
Онъ поблѣднѣлъ, ея увидя,
И глухо прошепталъ,
Какъ будто задушенный:
Зорабъ, ты сынъ мой . . . я Рустемъ!

V.

И долго, ужасомъ окамененный,
Смотрѣлъ онъ мутными глазами
На сына. Вдругъ онъ дико застоналъ
Такъ стонетъ тигръ: въ кусты залегши,

Яримый жаждой крови, ждетъ онъ,
Чтобъ мимо быкъ изъ стада пробьжалъ
Его когтямъ въ добычу.
И вдругъ его единственный тигренокъ,
Имъ въ логъ брошенный, шумя
Въ кустахъ, бѣжить: и на него,
Сльпой отъ голода, отецъ въ остервененьи
Бросается, его когтями
На части рветъ и вдругъ,
Узнавши, кто такъ жалко
Трепещется подъ лапами его,
Пускаетъ стонъ, какого никогда
Не издавалъ дотоль, стонъ
Разорваннаго сердцемъ тигра —
Таковъ былъ страшный стонъ Рустема;
Такъ застонавъ, со всѣхъ онъ ногъ,
Какъ будто вдругъ убитый наповаль,
На сына грянулся. Всю память потерявъ,
Впервые сердцемъ сокрушенный,
Недвижимымъ, окостенѣлымъ
Лежалъ онъ мертвецомъ. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно блѣдный,
Смертельно раненый, лежалъ съ нимъ рядомъ сынъ; ;
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыханіе; онъ чувствовалъ; онъ видѣлъ;
Онъ радовался, умирая,
Что близко былъ отецъ,

Его отецъ, его убійца,
Котораго такъ жадно онъ желалъ,
Такъ силился найти, и наконецъ такъ страшно
Нашелъ . . . . И онъ теперь (какъ накануне
Ему привидѣлось во снѣ)
Въ его объятіяхъ лежалъ съ любовью дѣтской.

VI.

Тѣмъ временемъ, не видя ничего,
Въ вечернемъ мракѣ оба войска
Стояли, молча. Вдругъ отъ мѣста боеваго
Дошелъ до нихъ протяжный стонъ ;
И все опять утихло ;
И каждый угадалъ,
Что тамъ бѣда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смѣлъ никто ; когда же наконецъ
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули къ мѣсту роковому,
Они сперва тамъ встрѣтили коней,
Подъ деревомъ стоявшихъ праздно.
Увидя, что престолъ Рустемовъ Громъ
Былъ пустъ, они пришли въ великій ужасъ,
И опрометью въ станъ
Всѣ бросились, крича : Рустемъ
Убить ! на Громъ нѣтъ Рустема !

Тогда пашель на войско трепеть ;
Какъ море въ бурю, тяжко, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятежъ въ немъ загремьль ;
И шумною волною
Оно все хлынуло впередъ.
Но прежде, чьмъ оно прійти успьло къ мьсту,
Достигъ туда его далекій шумъ ;
И имъ Рустемъ близъ сына
Отъ сна смертельнаго къ смертельному страданью
Былъ пробужденъ ; и тяжко
Онъ застоналъ — но тихимъ словомъ сынъ
Его смирилъ. Последнее дыханье,
Последній свьтъ души своей онъ собралъ,
И на его бльдньющихъ устахъ
Чуть слышную музыкой зазвучала
Прискорбно — сладостная рчь ;
И тихо рчь лилась,
Какъ теплая, слабьющая кровь,
Все медленнй бьжавшая изъ груди.

VII.

„Отець, пока еще во мнъ
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошелъ — къ моимъ словамъ
Склони твой слухъ. О! лучшее изъ вихъ,

Мое сладчайшее, мной въ первый разъ
Произносимое на свѣтъ слово :
Отецъ ! произношу
Въ послѣдній жизни часъ ; имъ горечь смерти
Услаждена ; за гордое желанье
По славу подвиговъ достойнымъ
Рустемовымъ назваться сыномъ,
И за надежду нѣкогда съ нимъ вмѣстѣ
Надъ всею властвовать землею,
Которой самъ теперь я сталъ подвластенъ,
Недорого я заплатилъ. О чемъ же,
Рустемъ, крушишься ? О ! не плачь !
Не ты, не ты меня убилъ ;
Въ утробѣ матери на то
Я былъ звездами предназначенъ ;
На то и Синдъ напрасно ею
Былъ посланъ, чтобъ отца мнѣ указать ;
На то и ты былъ долженъ Синда ночью
Убить, чтобъ ужъ никто не могъ
Насъ вѣвремя другъ съ другомъ познакомить.
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнетъ,
Заплачетъ жалобно о сынѣ
Безъ жалобъ на отца она.
Ты ей пошли мои доспѣхи,
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мнѣ ; позволь, чтобъ Баруманъ

Назадъ отвелъ мои дружины съ миромъ,
Онъ сюда пришли за мною,
И безъ меня въ сраженье не пойдутъ ;
Не мсти Хеджиру за упорство,
Съ какимъ онъ, вопреки
Моимъ всѣмъ просьбамъ и угрозамъ,
Тебя назвать отрекся . . . . . Ахъ ! о томъ
Я умолялъ напрасно и тебя ;
Пускай вполнѣ останутся Гудерсу
Его всѣ восемьдесятъ сыновей,
Тогда, какъ твой единственный лежать
Здѣсь будетъ мертвый ; пусть владѣеть
Хеджиръ и Бѣлымъ Замкомъ ;
Пускай и дѣва красоты,
Представшая очамъ моимъ, какъ сонъ,
Гурдаферидъ себя отдастъ Хеджиру,
Но слово данное исполнить :
Оплакать мой безвременный конецъ.
Мое же тѣло повели
Отнести въ Сабуль и положить
Туда, гдѣ всѣ положены
Мои прославленные предки ;
А здѣсь пускай раскинуть надо мною
Рустемовъ царственный шатерь.
Такъ навсегда съ землею я прощаюсь
Пришелъ, какъ молнія ; ушелъ, какъ вѣтеръ . . . . .
А ты, Рустемъ, въ послѣдній разъ теперь
На отходящее дитя свое взгляни,

И прежде, чѣмъ оно утратитъ силу слышать,
Промолви вслухъ: Зорабъ, ты сынъ Рустема.“

VIII.

Такъ, умирая, говорилъ
Прекрасный юноша. Рустемъ молчалъ ;
Напрасно силился уста
Онъ растворить, они загвождены
Жельзной судорогой были.
И молча онъ смотрѣлъ, какъ тихо гасла
Вдругъ догорѣвшая лампада.
Такъ на послѣднюю струю
Зари вечерней смотритъ путникъ ;
Когда жъ и слѣдъ ея на небесахъ
Исчезнетъ, одинокъ, въ пустынь темноты
Онъ остается, и ему
Ужъ ни какое на пути
Не руководствуетъ сіянье —
Такъ для Рустема жизни свѣтъ
Съ душой Зораба гасъ навѣки.
Тѣмъ временемъ и громъ и шумъ
Дружинъ бѣгущихъ приближался ;
Рустемъ въ разстройство скорби
Неистово отъ сына поднялся,
И къ войску выступилъ на встрѣчу,
Окровавленный, весь въ пыли,

Съ могильной блѣдностью лица,
Обезображеннаго горемъ.
Его никто въ Иранъ столь ужаснымъ
Не видывалъ . . . но громозвучнымъ крикомъ
По войску радость пробѣжала,
Когда предъ нимъ Рустемъ, живой, явился.
Такой подѣмлетъ крикъ дружина,
Увидя надъ собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную изъ рукъ
Ее схватившаго врага :
Она изорвана въ лохмотье,
Но спасена. Такъ все заликовало
Рустема встрѣтившее войско.
И, ставъ предъ нимъ, растерзанный печалью,
Тѣмимый гордостью, волнуемый стыдомъ,
Рустемъ сказалъ : сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса !
Смотрите весь, какую службу
Рустемъ Ирану отслужилъ ;
Вотъ онъ лежитъ, вамъ грозный богатырь ;
Моей рукой разрушенъ страхъ Ирана.
Я много бѣевъ совершилъ,
Я бился днемъ, я бился ночью,
Но никогда еще я не принесъ
Такой, какъ нынѣ, жертвы славы :
Смотри, Иранъ ! Рустемъ своей рукою
Здѣсь за тебя убилъ роднаго сына.
Такъ говорилъ Рустемъ и голосъ

Его не трепеталъ ; и были сухи
Его глаза ; и былъ онъ страшно тихъ,
Тогда они увидѣли въ крови
Простертаго героя молодаго ;
Еще за часъ цвѣтущей, какъ весна,
Прекрасный, какъ живая роза,
И полный силы, какъ орелъ —
Теперь онъ передъ ихъ очами
Лежалъ безгласный, недвижимый,
Покрытый блѣдностію смерти.
Рустемъ взглянулъ ему въ лице.
Еще онъ живъ ! воскликнулъ онъ ;
Скорѣй гонца отправьте къ шаху
Молить, чтобъ мнѣ прислалъ немедля
Три капли чуднаго бальзама,
Всѣ изцѣляющаго раны,
Который онъ всегда съ собой имѣетъ
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ милый сынъ мнѣ живъ остался.

IX.

На крыльяхъ къ шаху прилетѣлъ
Гонецъ, и такъ сказалъ : Рустемъ
Убилъ Зораба, но Зорабъ
Рустемовъ сынъ ; о немъ отецъ
Рыдаетъ горько, и его печалью

Всѣ пораженные, рыдаютъ ; ими
Къ тебѣ я присланъ, шахъ державный,
Молить, чтобъ ты благоволилъ немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себѣ
Всегда имѣешь ;
Три капли, чтобъ спасти Зораба,
Чтобъ живъ Рустему сынъ остался.
Но шахъ ответственъ на это,
Не торопясь : благодаренье Богу !
Рустемъ спасенъ, а врагъ лежитъ убитый ;
Ему покойно ; я тревожить
Его не стану : всѣмъ моимъ бальзамомъ
Пожертвовать готовъ я для Рустема ;
Но капли дать не соглашусь для Турка.
Ирану и одной ужъ силы
Рустемовой довольно черезъ мѣру ;
Когда же съ нимъ такой могучій
Соединится сынъ, ихъ обоихъ
Не выдержать Ирану.
Но если такъ Рустемъ желаетъ,
Чтобъ я въ бѣдѣ ему помогъ,
Пускай свою отложитъ гордость,
И самъ сюда придетъ,
И проситъ милости у шаха на коленяхъ.
Гонецъ, увидя, сколь упоренъ
Былъ царь, не сталъ терять безъ пользы словъ,
И поспѣшилъ съ его отвѣтомъ

Къ Рустему. При такомъ жестокомъ
Отказъ вся пришла въ волненье
Душа Рустемова; борьба
Межъ скорбію и гордостію въ ней
Такая началась, что паръ
Отъ головы богатыря поднялся;
Онъ судорожно трепеталъ;
Не могъ пойти, не могъ остаться;
Но наконецъ передъ судьбою
Смиренно голову склонилъ,
И въ землю пасть за сына передъ шахомъ
Пошелъ . . . . но десяти шаговъ переступить
Онъ не успѣлъ, какъ ужъ его
Настигла вѣсть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кромъ гроба.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

РУСТЕМЪ.

I.

Рустемъ пришелъ обратно ; тою порой
Они ужъ мертваго покрыли.
Была кругомъ тройнаа ночь :
На небесахъ, въ душъ отца,
И въ скиини пустой,
Гдѣ такъ недавно
Душа Зорабова сіяла —
Поднявъ въ молчаніи покровъ,
При слабомъ звѣздъ сіяньи,
Отець увидѣлъ
Умершаго лице :
Оно отъ темноты,
Какъ блѣдный призракъ, отдвлялось
Своею смертною бѣлизной ;
И холодъ ужаса въ него проникъ ;
Покровъ на мертваго опять онъ наложилъ,

И шопотомъ, какъ будто разбудить
Заснувшаго остерегаясь,
Сказаль : я часто смерти
Глядѣль въ глаза, и никогда
Меня не было предъ нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мнѣ столь прекрасною, какъ здѣсь,
На этомъ образъ прекрасномъ
Но я теперь дрожу О горе! горе
Тебѣ, Рустемъ! Всею славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладѣвшей.
Что подвиги твои теперь?
Всѣ прежніе послѣдній опозорилъ.
О милый сынъ мой, сынъ моей души!
Такою ль встрѣчу твой отецъ
Тебѣ былъ долженъ приготовить?
Тебя съ младенчества прельщаль
Погибельный, невѣрный призракъ;
Рустемовы дѣла
Въ твою грѣмили душу;
Они къ отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью и жизнью было
Упасть на грудь отца. ты на нее упаль,
Но объ нее разшибся; ты насильно
Въ мои объятія ворвался —
И былъ въ нихъ задушенъ.

Тебѣ я, какъ врагу, дивился,
Завидовалъ . . . сльной безумецъ!
Обманомъ я разжалобилъ твою
Безхитростно — доверчивую душу,
Чтобъ у тебя украсть изъ рукъ
Остатокъ дряхлой жизни,
Мнѣ самому теперь презрѣнной,
И чтобъ потомъ разбойнически младость
Твою убить въ союзъ съ темной силой.
И наконецъ я за тебя, мой сынъ,
Пошелъ на стыдъ и униженье,
Пошелъ упасть къ ногамъ надменнымъ шаха,
Но тѣмъ отъ рукъ желѣзныхъ смерти
Тебя не спасъ я . . . О! пусть будетъ этотъ стыдъ
Мирительной уплатою за все,
Что сотворилъ тебѣ въ обиду
Отецъ твой . . . такъ рѣшили звезды:
Я возмечталъ до неба вознестися —
И было мнѣ, въ урокъ смиренья, небомъ
Ниспослано сыноубійство.

II.

Такъ сътовалъ Рустемъ во тмѣ ночной,
И всѣ вожди и всѣ вельможи,
Съ нимъ вмѣстѣ сѣтуя, сидѣли
Кругомъ его, забывши о вечерней

Трапезь. Ихъ Рустемъ
Не замѣчалъ; онъ мертвыми очами
На сына мертвaго глядѣлъ
И, роковую стиснувъ
Въ рукахъ повязку, такъ
Ей говорилъ: ты, золотая,
Холодная, коварная змѣя!
Ты сокровенностью своею,
Какъ жаломъ смерти ядовитымъ,
И сыну грудь пронзила,
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты вѣремя сама разорвалася
И выпала передо мною
Изъ-подъ одежды роковой!
Зачѣмъ, зачѣмъ такъ осторожно
Тебя таилъ онъ на груди?
Зачѣмъ и ты сама ему
Такъ крѣпко обнимала грудь?
Увы! зачѣмъ и я съ такою
Неумолимостью отвергнулъ
Его горячія молитвы?
Зачѣмъ я такъ безжалостно покинулъ
Мою жену и вѣсти ни какой
Ни о себѣ ей не давалъ,
Ни отъ нея имѣть не мыслилъ?
О! для чего она сама
Съ такой упорностью таила

Рожденье сына отъ меня?
А ты, мой конь, мой вѣрный Громъ!
Ты первая всему причина:
Зачѣмъ меня ты спящаго оставилъ
И въ руки Туркамъ отдался,
И тѣмъ дорогу указалъ мнѣ
Къ погибельному Семенгаму?
Когда бъ туда я не входилъ —
Я никому не даровалъ бы,
Ни у кого бъ не отнялъ жизни.
Ахъ! конь мой, конь мой, въ черный день
Меня понесъ ты на охоту —
Въ добычу намъ досталася Бѣда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отнынѣ ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую.

III.

Такъ сътовалъ во тмѣ ночной Рустемъ.
Настало утро. Самъ тогда
Явился шахъ. Рустему
Хотѣлъ сказать онъ слово утѣшенья,
Чтобъ свой отказъ жестокій оправдать;
Но было холодный мороза
Его безчувственное слово.

Зачѣмъ, онъ говорилъ, ты здѣсь,
Ирана Пехлеванъ великій,
Лежишь въ ныли и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы ни какую нашей силой —
Хотя бъ могли съ подошвы гору сдвинуть
Или шатеръ небесный повалить
На землю — не воротимъ
Ни одного ушедшаго съ земли.
За нашей жизнью — дичью легконогой
Гоняется охотникъ смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворнѣй;
Она ее догонитъ наконецъ:
Последній часъ всегда въ распахъ насъ ловить.
Я самъ издалекá дивился
Его великой силъ,
Его плечамъ широкимъ,
Его могучимъ членамъ
И исполинской красотъ;
И думалъ я: не уроженецъ
Турана этотъ богатырь;
Въ немъ кровь царей. Но могъ ли кто изъ насъ
Подумать и во снѣ,
Чтобъ былъ онъ сынъ Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
Въ Иранъ отъ руки отца?
Теперь ему не нуженъ болъ
Мой жизненный бальзамъ; но дороги

Я ароматами покрою
Его безжизненное тѣло;
Великольпнымъ погребеньемъ
Его почту и въ немъ тебя, великій
Ирана Пехлеванъ; и будетъ въ Истахарь
Надгробный памятникъ ему
Изъ золота и мрамора воздвигнуть.
Теперь мнѣ дай лице его увидетьъ.

IV.

Такъ говоря, онъ подошелъ,
Чтобъ мертвому лице открыть, но тяжкой
Рукой прижалъ къ лицу покровъ Рустемъ;
И, головы не подымая, шаху
Сказалъ онъ : видѣть Кейкавусъ
Рустемова не будетъ сына. Удались,
Державный царь; оконченъ ширъ, гостямъ
Здѣсь мѣста боль нѣтъ; а сына самъ я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назадъ пойдетъ свободно :
Его душа исчезла. Такъ же
И ты, могучій Кейкавусъ,
Не медли здѣсь; иди въ свой Истахарь,
И расскажи, когда тамъ будешь,
Какую легкую побѣду
Здѣсь одержалъ, и какъ разбито было

Здѣсь войско цѣлое, когда убилъ я сына.
Идите все; меня здѣсь одного
Съ моимъ оставьте сокрушеньемъ.
Онъ замолчалъ, и отъ покрова
Руки не отнялъ, головы не поднялъ,
И не взглянулъ на шаха; на земль
Близъ сына онъ лежалъ, не отводя
Отъ мертваго очей. Оборотясь
Къ вельможамъ и вождямъ, сказалъ
Имъ Кейкавусъ: его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видѣть,
Какъ сътуетъ Ирана Пехлеванъ —
Но мы ему помочь не въ силахъ; онъ желаетъ
Остаться здѣсь одинъ; пойдѣмъ. И шахъ
Пошелъ; и все пошли за нимъ,
Храня молчаніе; и въ полѣ
Рустемъ одинъ остался съ мѣртвымъ сыномъ.
И вскорѣ все пришло въ движеніе войско;
Шатры попадали и станъ исчезъ —
Какъ будто міръ какой великій
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задрезжали трубы,
Тимпаны загремѣли,
Въ обратный путь пошли дружины.

V.

Съ земли поднявшися отъ сына,
Рустемъ увидѣлъ вдалекѣ
Лишь только пылъ, подъемлемую войскомъ
На краѣ небосклона; поле,
Гдѣ былъ разбитъ Иранскій станъ,
Ужъ было пусто, одиноко
Среди его стоялъ зеленый
Шатерь; а въ сторонѣ шатры Сабула,
Гдѣ полководствовалъ Зеваръ.
Рустемъ, къ себѣ призвавши брата,
Ему сказалъ: теперь всему конецъ.
Иди, Зеваръ, и отъ меня
Турану миръ съ Ираномъ объяви.
Хеджиру возврати свободу,
И власть ему вручи надъ Бѣлымъ Замкомъ,
Примолвивъ: „отъ Зораба
Въ награду за твою правдивость.“
Потомъ ты скажешь Баруману:
„Зорабъ тебя за добрые совѣты
И за любовь къ царю Афразіабу
Отсюда съ миромъ отпускаетъ.“
И самъ его до рубежей Турана
Съ отборною Сабульскою дружиной
Потомъ ты проводи; когда жъ проводишь,
Въ сосѣдній городъ Семенгамъ

Поди и дочери царя,
Темишь эту золотую
Отдай повязку; по смотри,
Чробръ кровь съ нея не стерлась:
То матери единственный остатокъ
Отъ сына. Такъ же ей отдай
И все Зорабовы доспѣхи —
Пускай они печаль ея насытятъ;
А ты, увидя, какъ она
Безъ утоленья будетъ плакать,
И рваться въ судорожномъ горь,
И сына тщетно призывать,
Скажи въ отраду ей, какимъ
Меня ты здѣсь оставилъ.
Ты день пробудешь въ Семенгамъ;
Потомъ сюда о ней живую вѣсть
Мнѣ принесешь. Иди жъ немедля;
Я день и ночь тебя здѣсь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебѣ я ввѣрю,
И ты его въ Сабулистанъ
Отсюда съ честью понесешь,
Рустемовымъ сопутствуемый войскомъ.

VI.

Немедленно Зеваръ пустился въ путь.
Тогда сказалъ оставшимся Рустемъ:

Принести сюда зеленый мой шатеръ!
Отъ мѣста, на которомъ мною
Былъ сынъ убитъ, я не пойду.
Но онъ живой хотѣлъ, чтобы надъ нимъ
Стоялъ шатеръ отца—пускай надъ нимъ и мертвымъ
Стоитъ онъ. И шатеръ воздвигся
Надъ юношей, спокойно погруженнымъ
Въ непробудимый смерти сонъ.
Его отецъ на пурпурный коверъ,
Межъ ароматовъ благовонныхъ,
Своими положилъ руками,
Накрылъ парчей, потомъ всего
Цвѣтами свежими осыпалъ —
Такъ, окруженный прелестями жизни,
Онъ тамъ лежалъ, объятый холодной смертью.
Потомъ Рустемомъ похоронный
Былъ учрежденъ обрядъ:
Соединивъ передъ шатромъ
Всю рать Сабулистана,
Онъ повелѣлъ, что каждый день она —
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце —
Торжественно, въ порядкъ боевомъ,
Знамена распустивъ,
При звукъ трубъ, съ тимпаннымъ громомъ,
Въ сіяющихъ доспѣхахъ проходила
Передъ шатромъ; и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны

И трубы траурною тканью
 Обвиты, луковъ тетивы
 Ослаблены, и конья остріями
 Внизъ опрокинуты. Рустемъ
 Не ѣхалъ впереди; надъ сыномъ
 Сидѣлъ онъ, скорбію согбенный,
 И съ мертвымъ, какъ съ живымъ,
 Бесѣду безответно велъ.
 Онъ утромъ говорилъ :
 „Зорабъ, мой сынъ,
 Звучить труба ты спишь.“
 А вечеромъ онъ говорилъ ;
 „Зорабъ, мой сынъ,
 Ужъ землю солнце покидаетъ ;
 И ты покинешь скоро землю.“
 Такъ девять сутокъ онъ провелъ
 Безъ сна, безъ пищи,
 Неутѣшимой преданный печали.

VII.

Въ одинъ изъ этихъ сутокъ — былъ ужъ близко
 Разсвѣтъ зари — какъ неподвижный
 Железный истуканъ, сидѣлъ
 Рустемъ во глубинѣ шатра
 Надъ сыномъ, сонный и несонный; полы
 Шатра широко были

Раздернуты ; холоднымъ полусвѣтомъ
Едва начавшагося утра
Чуть озаренное пустое небо
Межъ нами было видно вдругъ
На этой блѣдной пустотѣ
Явился бѣлый образъ ; отъ нея
Онъ отделился, и безшумно,
Какъ будто въющій, проникъ
Въ шатеръ то былъ прекрасный образъ дѣвы.
Увидя мертваго, она
У ногъ его простерлася на землю,
И не вставала долго,
И слышалось въ молчаньи ночи
Ея рыданіе, какъ лепетъ тихій
Ручья. Съ земли поднявшись,
Она приблизилася къ тѣлу
И, снявъ съ лица покровъ,
Смотрѣла долго
На блѣдное лице,
Которымъ (безответно
На все земное) обладала смерть :
Зажаты были очи, нѣмы
Уста, и холодно, какъ мраморъ,
Чело. Она его въ чело, уста и очи
Поцѣловала, на голову свѣжій
Вѣнокъ изъ розъ и лавровъ положила,
Потомъ, лице опять одѣвъ
Покровомъ, тихо удалилась,

И въ воздухъ ночью,
Какъ будто съ нимъ слянная, пропала.
И стало пусто
Опять въ шатръ, лишь на востокъ
Багряный сдѣлалось небо,
И одиноко тамъ горѣла
Денницы тихая звезда.
Рустемъ не зналъ, что видѣлось ему;
Въ безсонномъ забытѣ сидѣлъ онъ,
И думалъ смутно: это сонъ.
Когда жъ при восхожденнѣ солнца
Онъ снялъ съ умершаго покровъ,
Чтобъ утреннѣй привѣтъ свой
Ему сказать — на голову его
Увидѣлъ онъ вѣнокъ изъ розъ и лавровъ.

VIII.

Въ десятый день изъ Семенгама
Зеваръ съ дружиной возвратился.
Вступивъ въ шатеръ, увидѣлъ онъ,
Что тамъ сидѣлъ надъ мертвымъ сыномъ
Рустемъ, припикнувъ головою
Къ его холодному челу —
И волосы его сѣдые
Лежали въ дикомъ безпорядкѣ
На блѣдныхъ мертваго щекахъ.

При входѣ брата, приподнялъ
Онъ голову. Зеварь
На тѣло, молча, положилъ
Окровавленную повязку.
При этомъ видъ содрогнувшись,
Рустемъ спросилъ: зачѣмъ, мой братъ Зеварь,
Принесъ назадъ мою повязку? —
Зеварь отвѣтствовалъ: тамъ никому
Она ужъ боль не нужна. — Понявъ
Значенье этихъ словъ, въ молчаньи
Прижалъ опять лице свое Рустемъ
Къ челу Зораба. И никто
Не смѣлъ его ужаснаго покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, съ зарей поднявшись,
Все войско стало въ строй, Рустемъ,
Всю ночь безъ сна проведши
Надъ сыномъ, такъ сказалъ Зевару:
Зеварь, мой братъ, теперь шатеръ зеленый
Надъ головой моею опрокиньте,
И отъ меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня. Когда же конь
Былъ приведенъ — какъ будто отъ недуга
Шатаясь, сокрушенный, блѣдный,
Онъ вышелъ изъ шатра...
И онъ заплакалъ взрыдъ,
Когда коня безъ съдока

Передъ собой увидѣлъ. Полю
Шатра отдернувъ,
На господина мертваго коню
Онъ указалъ. Въ шатеръ взглянувши быстро,
Могучій конь оторопѣлъ,
Его поникла голова
И до земли упала грива.
Объими руками
Обнявши голову его, Рустемъ
Ее поцѣловалъ, потомъ
Коню, сложивъ съ него узду,
Сказалъ: отнынѣ никому
Ты не служи, Зорабовъ конь;
Ты воленъ. Понялъ конь разумный
Его слова: онъ жалобно и грозно
Заржалъ, ужасно прынулъ
Въ бокъ отъ шатра, и вихремъ побѣжалъ,
И скрылся — и его съ тѣхъ поръ
Никто нигдѣ не встрѣтилъ.
Рустемъ, оборотясь къ брату,
Ему сказалъ: тебѣ, мой братъ Зеваръ,
И войску моему я сына
Передаю; въ Сабулистанъ
Несите сына моего;
Тамъ на кладбищѣ царскомъ,
Гдѣ я охотно легъ бы, если бъ могъ
Тѣмъ пробудить его отъ смерти,
Пусть будетъ съ предками своими

Онъ въ землю положенъ.
А нашей матери, такъ часто
Желавшей внуковъ отъ Рустема,
Скажи, Зеваръ, что я прислалъ ей внука,
Что въ красоть души и тѣла,
Въ отважности и въ силъ богатырской
Ему подобнаго земля
Съ созданья не видала;
Что былъ бы онъ во всемъ по сердцу ей,
Когда бъ въ немъ только одного
Порока не было — кинжала,
Ему во грудь вонзеннаго отцемъ.
Идите. Я останусь здѣсь —
Зачѣмъ останусь? Что со мною будетъ?
О томъ узнать никто не любопытствуй.
Поклонъ прощальный отъ меня
Отдайте царству и народу.
Тебѣ, Зеваръ, я поручаю
Мое исполнить завѣщанье; самъ же
Въ Сабуль я не пойду: я не могу увидѣть
Ни матери, ни сродниковъ, ни ближнихъ; здѣсь,
Въ пустынь самого себя
Хочу расмыкать я, и змѣя —
Грызущее мнѣ душу горе —
Убить. То будетъ мой послѣдній,
Мой самый трудный подвигъ: змѣй
Свирѣпъ, онъ дышетъ пламенемъ и ядомъ.
Идите жъ; добрый путь вамъ, будьте

Всѣ счастливы, и не крушитесь,
Что, въ слѣдъ за мной сюда пришедши,
Назадъ пойдете безъ меня,
Такъ должно быть. Простите;
Когда же о Рустемъ
Тамъ стануть говорить и спросять:
Куда пошелъ Рустемъ?
Отвѣтствуйте: не знаемъ.

СКАЗКИ И ПОВѢСТИ.

С К А З К А
О
И В А Н Ъ Ц А Р Е В И Ч Ъ
И
С Ъ Р О М Ъ В О Л К Ъ.

Давнымъ давно былъ въ некоторомъ царствѣ
Могучій царь, по имени Демьянъ
Даниловичъ. Онъ царствовалъ премудро ;
И было у него три сына : Климъ
Царевичъ, Петръ Царевичъ и Иванъ
Царевичъ. Да еще былъ у него
Прекрасный садъ и чудная росла
Въ саду томъ яблоня : всё золотыя
Родились яблоки на ней. Но вдругъ
Въ тѣхъ яблокахъ царевыхъ оказался
Великій недочетъ ; и царь Демьянъ
Даниловичъ былъ такъ тѣмъ опечаленъ,
Что похудѣлъ, лишился аппетита
И впалъ въ бессонницу Вотъ наконецъ,

Призвавъ къ себѣ своихъ трехъ сыновей,
Онъ имъ сказалъ: сердечные друзья
И сыновья мои родные, Климъ
Царевичъ, Петръ Царевичъ и Ивапъ
Царевичъ, должно вамъ теперь большую
Услугу оказать мнѣ; въ царскій садъ мой
Повадился таскаться ночью воръ;
И золотыхъ ужъ очень много яблокъ
Пропало; для меня жъ пропажа эта
Тошнѣе смерти. Слушайте, друзья;
Тому изъ васъ, кому поймать удастся
Подъ яблоней ночнаго вора, я
Отдамъ при жизни половину царства;
Когда жъ умру, и все ему оставлю
Въ наследство. Сыновья, услышавъ то,
Что имъ сказалъ отецъ, уговорились
Поочередно въ садъ ходить и ночь
Не спать и вора сторожить. И первый
Пошелъ, какъ скоро ночь настала, Климъ
Царевичъ въ садъ, и тамъ залегъ въ густую
Траву подъ яблоней, и съ полчаса
Въ ней пролежалъ, да и заснулъ такъ крѣпко,
Что полдень былъ, когда, глаза продравъ,
Онъ поднялся, во весь зывая ротъ.
И, возвратясь, царю Демьяну онъ
Сказалъ, что воръ въ ту ночь не приходилъ.
Другая ночь настала; Петръ Царевичъ
Сѣлъ сторожить подъ яблонею вора;

Онъ цѣлый часъ крѣпился, въ темноту
Во всѣ глаза глядѣль; но въ темнотѣ
Все было пусто; наконецъ и онъ,
Не одолѣвъ дремоты, повалился
Въ траву и захрапѣлъ на цѣлый садъ.
Давно былъ день, когда проснулся онъ.
Пришедъ къ царю, ему донесъ онъ такъ же,
Какъ Климъ Царевичъ, что и въ эту ночь
Красть царскихъ яблокъ воръ не приходилъ.
На третью ночь отправился Иванъ
Царевичъ въ садъ по очереди вора
Стеречь. Подъ яблоней онъ притаился,
Сидѣлъ не шевелясь, глядѣлъ прилежно,
И не дремалъ; и вотъ, когда настала
Глухая полночь, садъ весь облеснуло
Какъ будто молніей; и что же видитъ
Иванъ Царевичъ? Отъ востока быстро
Летитъ жаръ-птица, огненной звѣздою
Блестя и въ день преобращая ночь.
Прижавшись къ яблонѣ, Иванъ Царевичъ
Сидитъ, не движется, не дышетъ, ждетъ,
Что будетъ? Съвѣ на яблоню, жаръ-птица
За дѣло принялась, и нарвала
Съ десятокъ яблокъ. Тутъ Иванъ Царевичъ,
Тихохонько поднявшись изъ травы,
Схватилъ за хвостъ воровку; уронивъ
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала изъ рукъ

Царевича свой хвостъ, и улетѣла ;
Однако у него въ рукахъ одно
Перо осталось, и такой былъ блескъ
Отъ этого пера, что цѣлый садъ
Казался огненнымъ. Къ царю Демьяну
Пришедъ, Иванъ Царевичъ доложилъ
Ему, что воръ нашелся и что этотъ
Воръ былъ не человекъ, а птица; въ знакъ же,
Что правду онъ сказалъ, Иванъ Царевичъ
Почтительно царю Демьяну подаль
Перо, которое онъ изъ хвоста
У вора вырвалъ. Съ радости отецъ
Его разцѣловалъ. Съ тѣхъ поръ не стали
Красть яблокъ золотыхъ, и царь Демьянъ
Развеселился, пополнѣлъ и началъ
По-прежнему ѣсть, пить и спать. Но въ немъ
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблокъ чудную жаръ - птицу.
Призвавъ къ себѣ двухъ старшихъ сыновей,
Друзья мои, сказалъ онъ, Климъ Царевичъ
И Петръ Царевичъ, вамъ уже давно
Пора людей увидѣть и себя
Имъ показать. Съ моимъ благословеньемъ
И съ помощью Господней пользжайте
На подвиги и наживите честь
Себѣ и славу; мнѣ жъ царю достаньте
Жаръ - птицу; кто изъ васъ ее достанетъ,
Тому при жизни я отдамъ полцарства,

А послѣ смерти все ему оставлю
Въ наслѣдство. Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились въ дорогу.
Немного времени спустя, пришелъ
Къ царю Иванъ Царевичъ и сказалъ:
Родитель мой, великій Государь
Демьянъ Даниловичъ, позволь мнѣ ѣхать
За братьями; и мнѣ пора людей
Увидѣть, и себя имъ показать,
И честь себѣ нажить отъ нихъ и славу.
Да и тебѣ царю я угодить
Желалъ бы, для тебя доставъ жаръ-птицу.
Родительское мнѣ благословенье
Дай, и позволь пуститься въ путь мой съ Богомъ.
На это царь сказалъ: Иванъ Царевичъ,
Еще ты молодъ, погоди; твоя
Пора придетъ; теперь же ты меня
Не покидай; я старъ, ужъ мнѣ недолго
На свѣтъ жить; а если я одинъ
Умру, то на кого покину свой
Народъ и царство? — Но Иванъ Царевичъ
Былъ такъ упрямъ, что напоследокъ царь
И нехотя его благословилъ.
И въ путь отправился Иванъ Царевичъ;
И ѣхалъ, ѣхалъ, и пріѣхалъ къ мѣсту,
Гдѣ раздѣлялася дорога на три.
Онъ на распутьи томъ увидѣлъ столбъ,
А на столбъ такую надпись: *кто*

Пойдетъ прямо, будетъ всю дорогу
И голоденъ и холоденъ; кто вправо
Пойдетъ, будетъ живъ, да конь его
Умретъ; а влѣво кто пойдетъ, самъ
Умретъ, да конь его живъ будетъ. Вправо,
Подумавши, поворотить рѣшился
Иванъ Царевичъ. Онъ недолго вхалъ;
Вдругъ выбѣжалъ изъ лѣса Сѣрый Волкъ
И кинулся свирѣпо на коня;
И не успѣлъ Иванъ Царевичъ взяться
За мечъ, какъ былъ ужъ конь заведенъ,
И Сѣрый Волкъ пропалъ. Иванъ Царевичъ,
Повѣсивъ голову, пошелъ тихонько
Пышкомъ; но шелъ недолго; передъ нимъ
По-прежнему явился Сѣрый Волкъ
И человѣчьимъ голосомъ сказалъ:
„Мнѣ жаль, Иванъ Царевичъ, мой сердечный,
Что твоего я добраго коня
Заелъ, но ты вѣдь самъ конечно видѣлъ,
Что на столбу написано; тому
Такъ слѣдовало быть; однако жъ ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебѣ я вѣрою и правдой
Служить отнынѣ буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты ѣдешь и зачѣмъ?“
И Сѣрому Иванъ Царевичъ Волку
Все рассказалъ. А Сѣрый Волкъ ему
Отвѣтствовалъ: гдѣ отыскать жаръ-птицу,

Я знаю ; ну, садися на меня,
Иванъ Царевичъ, и поѣдемъ съ Богомъ.
И Сѣрый Волкъ быстрѣ всякой птицы
Помчался съ съдокомъ ; и съ нимъ онъ въ полночь
У каменной стѣны остановился.
„Пріѣхали, Иванъ Царевичъ ! Волкъ
Сказаль ; но слушай, въ клеткѣ золотой
За этою оградою висить
Жарь-птица ; ты ее изъ клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай : попадешь въ бѣду.“ — Иванъ
Царевичъ перелѣзъ черезъ ограду ;
За ней въ саду увидѣль онъ жарь-птицу
Въ богатой клеткѣ золотой, и садъ
Былъ освѣщенъ, какъ будто солнцемъ. Вынувъ
Изъ клетки золотой жарь-птицу, онъ
Подумаль : въ чемъ же мнѣ ее везти ?
И, позабывъ, что Сѣрый Волкъ ему
Советоваль, взялъ клетку ; но отвсюду
Проведены къ ней были струны ; громкій
Поднялся звонъ, и сторожа проснулись,
И въ садъ сбѣжались, и въ саду Ивана
Царевича схватили, и къ царю
Представили ; а царь (онъ назывался
Далматомъ) такъ сказаль : откуда ты ?
И кто ты ? — Я Иванъ Царевичъ ; мой
Отецъ Демьянъ Даниловичъ владѣеть
Великимъ, сильнымъ государствомъ ; ваша

Жарь — птица по ночамъ летать въ нашъ садъ
Повадилась, чтобъ золотыя красть
Тамъ яблоки: за ней меня послалъ
Родитель мой, великій государь
Демьянъ Даниловичъ. — На это царь
Далматъ сказалъ: царевичъ ты иль нѣтъ,
Того не знаю я; но, если правду
Сказалъ ты, то не царскимъ ремесломъ
Ты промышляешь; могъ бы прямо мнѣ
Сказать: отдай мнѣ, царь Далматъ, жарь-птицу; ;
И я тебѣ ее руками бѣ отдалъ
Во уваженіе того, что царь
Демьянъ Даниловичъ, столь знаменитый
Своей премудростью, тебѣ отецъ.
Но слушай, я тебѣ мою жарь-птицу
Охотно уступлю, когда ты самъ
Достанешь мнѣ коня Золотогрива;
Принадлежитъ могучему царю
Афрону онъ. За тридевять земель
Ты въ тридесятое отправься царство,
И у могучаго царя Афона
Мнѣ выпроси коня Золотогрива,
Иль хитростью какой его достань.
Когда жъ ко мнѣ съ конемъ не возвратишься,
То по всему разславлю свѣту я,
Что ты не царскій сынъ, а воръ; и будетъ
Тогда тебѣ великій срамъ и стыдъ.
Повесивъ голову, Иванъ Царевичъ

Пошелъ туда, гдѣ былъ имъ Сѣрый Волкъ
Оставленъ. | Сѣрый Волкъ ему сказалъ:
Напрасно же меня, Иванъ Царевичъ,
Ты не послушался; но пособить
Ужъ нечѣмъ; будь впередъ умнѣй; поѣдемъ
За тридевять земель къ царю Афрону.
И Сѣрый Волкъ быстрѣ всякой птицы
Помчался съ сѣдокомъ; и къ ночи въ царство
Царя Афрона прибыли они,
И у дверей конюшни царской тамъ
Остановились. — Ну, Иванъ Царевичъ,
Послушай, Сѣрый Волкъ сказалъ, войди
Въ конюшню; конюха спятъ крѣпко; ты
Легко изъ стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь въ бѣду. —
Въ конюшню царскую Иванъ Царевичъ
Вошелъ и вывелъ онъ коня изъ стойла;
Но на бѣду, взглянувши на уздечку,
Прельстился ею такъ, что позабылъ
Совѣтъ о томъ, что Сѣрый Волкъ сказалъ,
И снялъ съ гвоздя уздечку. Но и къ ней
Проведены отвсюду были струны;
Все зазвенѣло; конюха вскочили;
И былъ съ конемъ Иванъ Царевичъ пойманъ,
И привели его къ царю Афрону,
И царь Афронъ спросилъ сурово: кто ты?
Ему Иванъ Царевичъ то жъ въ отвѣтъ

Сказаль, что и царю Далмату. Царь АФронъ отъеъствоваль: хорошій ты Царевичъ! такъ ли должно поступать Царевичамъ? И царское ли дѣло Шататься по ночамъ и воровать Коней? Съ тебя я буйную бы могъ Снять голову; но молодость твою Мнѣ жалко погубить; да и коня Золотогрива дать я соглашусь, Лишь повъзжай за тридевять земель Ты въ тридесятое отсюда царство, Да привези оттуда мнѣ царевну Прекрасную Елену, дочь царя Могучаго Касима; если жъ мнѣ Ея не привезешь, то я вездѣ разславлю, Что ты ночной бродяга, плуть и воръ. Опять, повъсивъ голову, пошелъ Туда Иванъ Царевичъ, гдѣ его Ждалъ Сѣрый Волкъ. И Сѣрый Волкъ сказаль: Ой ты, Иванъ Царевичъ! если бъ я Тебя такъ не любилъ, здѣсь моего бы И духу не было. Ну, полно охать, Садися на меня, повъдемъ съ Богомъ За тридевять земель къ царю Касиму; Теперъ мое а не твое ужъ дѣло. И Сѣрый Волкъ опять скакать съ Иваномъ Царевичемъ пустился. Вотъ они Провъхали ужъ тридевять земель,

И вотъ они ужъ въ тридесятомъ царствѣ ;
И Сѣрый Волкъ, ссадивъ съ себя Ивана
Царевича , сказалъ : недалеко
Отсюда царскій садъ ; туда одинъ
Пойду я ; ты жъ меня дождись подъ этимъ
Зеленымъ дубомъ. Сѣрый Волкъ пошелъ,
И перелѣзъ черезъ ограду сада,
И закопался въ кустъ, и тамъ лежалъ
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — съ ней красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться въ садъ ; а Сѣрый Волкъ
Того и ждалъ : примѣтивъ, что царевна,
Отъ прочихъ отдѣляясь, шла одна,
Онъ выскочилъ изъ-подъ куста, схватилъ
Царевну, за спину ее свою
Закинулъ и давай Богъ ноги. Страшный
Крикъ подняли и красныя дѣвицы,
И мамушки и нянюшки ; и весь
Сбѣжался дворъ, министры, камергеры,
И генералы ; царь велѣлъ собрать
Охотниковъ и всѣхъ спустить своихъ
Собакъ борзыхъ и гончихъ — все напрасно :
Ужъ Сѣрый Волкъ съ царевной и съ Иваномъ
Царевичемъ былъ далеко и слѣдъ
Давно простылъ : царевна же лежала
Безъ всякаго движенья у Ивана
Царевича въ рукахъ (такъ Сѣрый Волкъ

Ее сердечную перепугалъ).
Вотъ по-немногу начала она
Входить въ себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсѣмъ
Очнувшись, подняла ихъ на Ивана
Царевича и покраснѣла вся,
Какъ роза алая; и съ ней Иванъ
Царевичъ покраснѣлъ и въ этотъ мигъ
Она и онъ другъ друга полюбили
Такъ сильно, что ни въ сказкѣ рассказать,
Ни описать перомъ того не можно.
И впалъ въ глубокую печаль Иванъ
Царевичъ: крѣпко, крѣпко не хотѣлось
Съ царвеною Еленою ему
Разстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнѣе смерти. Сѣрый Волкъ, замѣтивъ
Ихъ горе, такъ сказалъ: Иванъ Царевичъ,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручинѣ: это
Не служба-службишка; прямая служба
Ждетъ впереди. И вотъ они ужъ въ царствѣ
Царя Афона. Сѣрый Волкъ сказалъ:
Иванъ Царевичъ, здѣсь должны съ умнѣемъ
Мы поступить: я превращусь въ царвну;
А ты со мной явись къ царю Афрону,
Меня ему отдай, и, получивъ
Коня Золотогрива, поѣзжай впередъ

Съ Еленою Касимовной ; меня вы
Дождитесь въ скритномъ мѣстѣ ; ждате же вамъ
Не будетъ скучно. Тутъ, ударясь оземь,
Сталъ Сѣрый Волкъ царевною Еленою
Касимовной. Иванъ Царевичъ, сдавъ
Его съ рукъ на руки царю Афрону,
И, получивъ коня Золотогрива,
На томъ конѣ стрѣлою пустился въ лѣсъ,
Гдѣ настоящая его ждала
Царевна. Во дворецъ жъ царя Афрона
Тѣмъ временемъ готовилася свадьба :
И въ тотъ же день съ невестой царь къ вѣнцу
Пошелъ ; когда же ихъ перевѣнчали,
И молодой былъ долженъ молодую
Поцѣловать, губами царь Афронъ
Съ шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за носъ укусила
Царя, и не жену передъ собой
Красавицу, а волка царь Афронъ
Увидѣлъ : Сѣрый Волкъ недолго сталъ
Тутъ церемониться ; онъ сбиль хвостомъ
Царя Афрона съ ногъ и прынулъ въ двери.
Всѣ принялись кричать : держи, держи !
Лови, лови ! — Куда ты ? Ужъ Ивана
Царевича съ царевною Еленою
Давно догналъ проворный Сѣрый Волкъ ;
И ужъ, сошедъ съ коня Золотогрива,
Иванъ Царевичъ пересѣлъ на Волка,

И ужь впередъ они опять, какъ вихри,
Летѣли. Вотъ прѣехали и въ царство
Далматово они. И Сѣрый Волкъ
Сказалъ: въ коня Золотогрива
Я превращусь; а ты, Иванъ Царевичъ,
Меня отдавъ царю и взявъ жарь-птицу,
По-прежнему съ царевною Еленой
Ступай впередъ; я скоро догоню васъ.
Такъ все и сдѣлалось, какъ Волкъ устроилъ.
Немедленно вельзь Золотогрива
Царь осѣдлатъ, и выехалъ на немъ
Онъ съ свитою придворной на охоту;
И впереди у всѣхъ онъ носкакалъ
За зайцемъ; всѣ придворные кричали:
Какъ молодецки скачетъ царь Далматъ!
Но вдругъ изъ-подъ него на всемъ скаку
Юркнулъ шершавый волкъ и царь Далматъ,
Перекувырнувшись съ его спины,
Вмигъ очутился головою внизъ,
Ногами вверхъ, и, по плечá ушедши
Въ распаханную землю, упирался
Въ нее руками и, напрасно слясь
Освободиться, въ воздухъ болталъ
Ногами; вся къ нему тутъ свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потомъ всѣ принялися громко
Кричать: лови, лови! травы, травы!
Но было некого травить; на Волкъ

Уже по-прежнему сидѣль Иванъ
Царевичъ ; на конь жь Золотогривъ
Царевна и подъ ней Золотогривъ
Гордился и плясалъ ; не торопясь,
Большой дорогою они шажкомъ
Тихонько ѣхали ; и мало ль, долго ль
Нхъ длилася дорога — наконецъ
Они доѣхали до мѣста, гдѣ Иванъ
Царевичъ Сѣрымъ Волкомъ въ первый разъ
Былъ встрѣченъ ; и еще лежали тамъ
Его коня бѣлющія кости ;
И Сѣрый Волкъ, вздохнувъ, сказалъ Ивану
Царевичу : теперь, Иванъ Царевичъ,
Пришла пора другъ друга намъ покинуть ;
Я вѣрою и правдою донинѣ
Тебѣ служилъ и ласкою твоею
Доволенъ и, куда живѣ, тебя
Не позабуду ; здѣсь же на прощаньи
Хочу тебѣ совѣтъ полезный дать :
Будь остороженъ, люди злы ; и братьямъ
Роднымъ не вѣрь. Молю усердно Бога,
Чтобъ ты домой доѣхалъ безъ бѣды,
И чтобъ меня обрадовалъ пріятнымъ
Извѣстьемъ о себѣ. Прости, Иванъ
Царевичъ : съ этимъ словомъ Волкъ исчезъ.
Погоревавъ о немъ, Иванъ Царевичъ
Съ царевною Еленой на сѣдлѣ,
Съ жаръ-птицей въ клеткѣ за плечами, далъ

Поѣхалъ на конь Золотогривъ,
И ѣхали они дня три, четыре;
И вотъ, подѣхавши къ границѣ царства,
Гдѣ властвовалъ премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ, увидѣли богатый
Шатеръ, разбитый на лугу зеленомъ;
И изъ шатра къ нимъ вышли кто же? Климъ
И Петръ Царевичи. Иванъ Царевичъ
Былъ встрѣчею такою несказанно
Обрадованъ; а братьямъ въ сердце зависть
Змѣей вползла, когда они жаръ-птицу
Съ царевною Еленой у Ивана
Царевича увидѣли въ рукахъ:
Была имъ мысль несносна показаться
Безъ ничего къ отцу тогда, какъ братъ
Меньшой воротится къ нему съ жаръ-птицей,
Съ прекрасною невѣстой и съ конемъ
Золотогривомъ, и еще получить
Полцарства по прѣздѣ; а когда
Отецъ умретъ, и все возьметъ въ наследство.
И вотъ они замыслили злодѣйство:
Видъ дружескій принявши, пригласили
Они въ шатеръ свой отдохнуть Ивана
Царевича съ царевною Еленой
Прекрасною. Безъ подозрѣнья оба
Вошли въ шатеръ. Иванъ Царевичъ, долгой
Дорогой утомленный, легъ и скоро
Заснулъ глубокимъ сномъ; того и ждали

Злодѣи братья: мигомъ острый мечъ
Они ему вонзили въ грудь, и въ поле
Его оставили, и, взявъ царевну,
Жарь-птицу и коня Золотогрива,
Какъ добрые, отправилися въ путь.[↓]
А между тѣмъ, недвижимъ, бездыханенъ,
Облитый кровью, на поле широкомъ
Лежалъ Иванъ Царевичъ. Такъ прошелъ
Весь день; уже склоняться начинало
На западъ солнце; поле было пусто;
И ужъ надъ мертвымъ съ чернымъ вороненкомъ
Носился, каркая и распутивши
Широко крылья, хищный воронъ. — Вдругъ,
Откуда ни возьмись, явился Сѣрый
Волкъ: онъ, бѣду великую почуявъ,
На помощь подоспѣлъ; еще бѣ минута,
И было бѣ поздно. Угадавъ, какой
Былъ умыселъ у ворона, онъ далъ
Ему на мертвое спуститься тѣло;
И только тотъ спустился, разомъ цапъ
Его за хвостъ; закаркалъ старый воръ.
Пусти меня на волю, Сѣрый Волкъ,
Кричалъ онъ. — Не пущу, тотъ отвѣчалъ,
Пока не принесетъ твой вороненокъ
Живой и мертвой мнѣ воды. И воронъ
Велѣлъ летѣть скорѣе вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сынъ полетѣлъ, а Сѣрый Волкъ, отца

Порядкомъ скомкавъ, съ нимъ весьма учтиво
Сталъ разговаривать, и старый воронъ
Довольно могъ ему поразсказать
О томъ, что онъ видалъ въ свой долгій вѣкъ
Межъ птицъ и межъ людей. И слушалъ
Его съ большимъ вниманьемъ Сѣрый Волкъ,
И мудрости его необычайной
Дивился, но однако все за хвостъ
Его держалъ и иногда, чтобъ онъ
Не забывался, мялъ его легонько
Въ когтистыхъ лапахъ. Солнце съло; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда съ живой водой и мертвой
Въ двухъ пузырькахъ проворный вороненокъ
Явился. Сѣрый Волкъ взялъ пузырьки,
И ворона отца пустилъ на волю.
Потомъ онъ съ пузырьками подошелъ
Къ лежавшему недвижимо Ивану
Царевичу: сперва его онъ мертвой
Водою вспыснулъ — и въ минуту рана
Его закрылася, окостенѣлость
Пропала въ мертвыхъ членахъ, заигралъ
Румянецъ на щекахъ; его онъ вспыснулъ
Живой водой — и онъ открылъ глаза,
Пошевелился, потянулся, всталъ
И молвилъ: какъ же долго прѣспалъ я?
И вѣчно бы тебѣ здѣсь спать, Иванъ
Царевичъ, Сѣрый Волкъ сказалъ, когда бѣ

Не я; теперь тебѣ прямую службу
Я отслужилъ; но эта служба, знай,
Последняя; отнынѣ о себѣ
Заботься самъ. А отъ меня прими
Совѣтъ и поступи, какъ я тебѣ скажу.
Твоихъ злодѣевъ братьевъ нѣтъ ужъ болѣ
На свѣтъ; имъ могучій чародѣй
Кощей безсмертный голову обоимъ
Свернулъ и этотъ чародѣй навелъ
На ваше царство сонъ; и твой родитель
И подданные всѣ его теперь
Непробудимо спятъ; твою жъ царевну
Съ жаръ — птицей и конемъ Золотогривомъ
Похитилъ воръ Кощей; всѣ трое
Заклочены въ его волшебномъ замкѣ.
Но ты, Иванъ Царевичъ, за свою
Невѣсту ничего не бойся; злой
Кощей надъ нею власти ни какой
Имѣть не можетъ: сильный талисманъ
Есть у царевны; выйти жъ ей изъ замка
Нельзя; ее избавить только смерть
Кощеева; а какъ найти ту смерть, и я
Того не вѣдаю; объ этомъ Баба
Яга одна сказать лишь можетъ. Ты,
Иванъ Царевичъ, долженъ эту Бабу
Ягу найти; она въ дремучемъ, темномъ лѣсѣ,
Въ сѣдомъ, глухомъ бору живетъ въ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ; въ этотъ лѣсъ еще

Никто слѣда не пролагалъ ; въ него
Ни дикій звѣрь не заходилъ, ни птица
Не залетала. Разъѣзжаетъ Баба
Яга по цѣлой поднебесной въ ступь,
Пестомъ желѣзнымъ погоняетъ, слѣдъ
Метлою заметаетъ. Отъ нея
Одной узнаешь ты, Иванъ Царевичъ,
Какъ смерть Кощееву тебѣ достать.
А я тебѣ скажу, гдѣ ты найдешь
Коня, который привезетъ тебя
Прямой дорогой въ лѣсъ дремучій къ Бабѣ
Ягѣ. Ступай отсюда на востокъ ;
Придешь на лугъ зеленый ; посреди
Его растутъ три дуба ; межъ дубами
Въ землѣ чугунная зарыта дверь
Съ кольцомъ ; за то кольцо ты подыми
Ту дверь, и внизъ по лѣстницѣ сойди ;
Тамъ за двѣнадцатю дверями запертъ
Конь богатырскій ; самъ изъ подземелья
Къ тебѣ онъ выбѣжитъ ; того коня
Возьми и съ Богомъ повзжай ; съ дороги
Онъ не собьется. Ну, теперь прости,
Иванъ Царевичъ ; если Богъ велитъ
Съ тобой намъ свидѣться, то это будетъ
Не иначе, какъ у тебя на свадьбѣ.
И Стрый Волкъ помчался къ лѣсу ; вслѣдъ
За нимъ смотрѣлъ Иванъ Царевичъ съ грустью ;
Волкъ, къ лѣсу подбѣжавши, обернулся,

Въ послѣдній разъ махнулъ издалека
Хвостомъ, и скрылся. А Иванъ Царевичъ,
Оборотившись на востокъ лицомъ,
Пошелъ впередъ. Идетъ онъ день, идетъ
Другой; на третій онъ приходитъ къ лугу
Зеленому; на томъ лугу три дуба
Растутъ; межъ тѣхъ дубовъ находитъ онъ
Чугунную съ кольцомъ желѣзнымъ дверь;
Онъ подымаетъ дверь; подъ тою дверью
Крутая лѣстница; по ней онъ внизъ
Спускается, и передъ нимъ внизу
Другая дверь, чугунная жъ, и крѣпко
Она замкомъ висячимъ заперта.
И вдругъ, онъ слышитъ, конь заржалъ; и ржанье
Такъ было сильно, что, съ петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула съ ужаснымъ стукомъ;
И видитъ онъ, что вмѣстѣ съ ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунныхъ;
За этими чугунными дверями
Давнымъ давно конь богатырскій запертъ
Былъ колдуномъ. Иванъ Царевичъ свиснулъ;
Почуявъ съдока, на молодецкѣй
Свистъ богатырскѣй конь изъ стойла прынулъ,
И прибѣжалъ, легокъ, могучъ, красивъ,
Глаза какъ звезды, пламенные поздри,
Какъ туча грива, словомъ конь не конь,
А чудо. Чтобъ узнать, каковъ онъ силой,
Иванъ Царевичъ по спиць его

Повель рукой и подъ рукой могучей
Конь захрапль и сильно пошатнулся,
Но устояль, копыта втиснувъ въ землю ;
И человѣчьимъ голосомъ Ивану
Царевичу сказалъ онъ : добрый витязь,
Иванъ Царевичъ, мнѣ такой, какъ ты,
Съдокъ и надобень ; готовъ тебѣ
Я вѣрою и правдою служить ;
Садися на меня и съ Богомъ на путь нашъ
Отправимся ; на свѣтъ всѣ дороги
Я знаю ; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу. ✕
Иванъ Царевичъ въ двухъ словахъ коню
Все объяснилъ и, сѣвши на него,
Прикрикнулъ. И взвился могучій конь,
Отъ радости заржавши, на дыбы ;
Бьетъ по крутымъ бедрамъ его съдокъ ;
И конь бѣжитъ, подъ нимъ земля дрожитъ ;
Несется выше онъ деревъ стоячихъ,
Несется ниже облаковъ ходячихъ,
И прядаетъ черезъ широкій долъ,
И застигаетъ узкій долъ хвостомъ,
И грудью всѣ заграды пробиваетъ,
Летя стрѣлой и легкими ногами
Былиночки къ землѣ не пригибая,
Пылиночки съ земли не подымая.
Но, такъ скакавъ день цѣлый, наконецъ
Конь утомился, потъ съ него бѣжалъ

Ручьями, весь былъ окруженъ, какъ дымомъ,
Горячимъ паромъ онъ. Иванъ Царевичъ,
Чтобъ дать ему вздохнуть, поѣхалъ шагомъ;
Ужъ было подъ вечеръ; широкимъ полемъ
Иванъ Царевичъ ѣхалъ и прекраснымъ
Закатомъ солнца любовался. Вдругъ
Онъ слышитъ дикій крикъ; глядитъ.... и что же?
Два Лышая дерутся на дорогъ,
Кусаются, брыкаются, другъ друга
Рогами тычуть. Къ нимъ Иванъ Царевичъ
Подъѣхавши, спросилъ: за что у васъ,
Ребята, дѣло стало? — Вотъ за что,
Сказалъ одинъ; три клада намъ достались:
Драчунъ дубинка, скатерть самобранка,
Да шапка невидимка — насъ же двое;
Какъ поровну намъ раздѣлиться? Мы
Заспорили и вышла драка; ты
Разумный человекъ; подай совѣтъ намъ,
Какъ поступить? — А вотъ какъ, имъ Иванъ
Царевичъ отвѣчалъ; пущу стрѣлу,
А вы за ней бѣгите; съ мѣста жъ, гдѣ
Она на землю упадетъ, обратно
Пуститесь въ запуски ко мнѣ; кто первый
Здѣсь будетъ, тотъ возьметъ себѣ на выборъ
Два клада; а другому взять одинъ.
Согласны ль вы? — Согласны, закричали
Рогатые; и стали рядомъ. Лукъ
Тугой свой натянувъ, пустилъ стрѣлу

Иванъ Царевичъ : Лѣшіе за ней
Помчались, вынуча глаза, оставивъ
На мѣсть скатерть, шапку и дубинку.

Тогда Иванъ Царевичъ, взявъ подъ мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надѣль спокойно шапку невидимку,
Сталъ невидимъ и самъ и конь, и далъ
Повѣхалъ, глухимъ Лѣшьямъ оставивъ
На произволь, начать ли снова драку
Иль помириться. Богатырскій конь
Поспѣлъ еще до захожденья солнца
Въ дремучій лѣсъ, гдѣ обитала Баба
Яга. И въѣхавъ въ лѣсъ, Иванъ Царевичъ
Дивится древности его огромныхъ
Дубовъ и сосенъ, тускло освѣщенныхъ *Fidate*
Зарей вечернею; и все въ немъ тихо:
Деревья всѣ, какъ сонныя, стоятъ,
Не колыхнется листь, не шевельнется
Былинка; нѣтъ живаго ничего
Въ безмольной глубинѣ лѣсной, ни птицы
Между ветвей, ни въ травкѣ червяка;
Лишь слышится въ молчаньи повсемѣстномъ
Гремучій топотъ конскій. Наконецъ
Иванъ Царевичъ выѣхалъ къ избушкѣ
На курьихъ ножкахъ. Онъ сказалъ : избушка,
Избушка, къ лѣсу стань задомъ, ко мнѣ
Стань передомъ. И передъ нимъ избушка
Перевернулась; онъ въ нее вошелъ;

Въ дверяхъ остановясь, перекрестился,
На всѣ четыре стороны потомъ,
Какъ должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидѣлъ,
Что на полу ея лежала Баба
Яга, унерши ноги въ потолокъ
И въ уголь голову. Услышавъ стукъ
Въ дверяхъ, она сказала: фу! фу! фу!
Какое диво! русскаго здѣсь духу
До этихъ поръ не слыхано слыхомъ,
Не видано видомъ, а нынче русскій
Духъ ужъ въ очахъ свершается. Зачѣмъ
Пожаловалъ сюда, Иванъ Царевичъ?
Неволею или волею? Допынь
Здѣсь ни дубравный звѣрь не проходилъ,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проѣзжалъ;
Тебя какъ Богъ сюда занесъ, Иванъ
Царевичъ? — Ахъ, безмозглая ты ведьма!
Сказалъ Иванъ Царевичъ Бабѣ
Ягѣ; сначала накорми, напои
Меня ты, мѳлодца; да постели
Постелю мнѣ, да выспаться мнѣ дай,
Потомъ распрашивай. И тотчасъ Баба
Яга, поднявшись на ноги, Ивана
Царевича, какъ слѣдуетъ, обмыла
И выпарила въ банѣ, накормила
И напоила, да и тотчасъ спать

Въ постелю уложила, такъ примолвивъ :
Спи, добрый витязь ; утро мудренѣе,
Чѣмъ вечеръ ; здѣсь теперь спокойно
Ты отдохнешь ; нуждѣ жь свою расскажешь
Мнѣ завтра ; я, какъ знаю, помогу.
Иванъ Царевичъ, Богу помолясь,
Въ постелю легъ и скоро сномъ глубокимъ
Заснулъ и проспалъ до полудня. Вставши,
Умывшись, одѣвшись, онъ Бабу
Ягу подробно разсказалъ, зачѣмъ
Заѣхалъ къ ней въ дремучій лѣсъ ; и Баба
Яга ему отвѣтствовала такъ :
Ахъ ! добрый молодецъ Иванъ Царевичъ,
Затѣялъ ты нешуточное дѣло ;
Но не кручися, все уладимъ съ Богомъ ;
Я научу, какъ смерть тебѣ Кощея
Безсмертнаго достать ; изволь меня
Послушать : на морь на Окіанъ,
На островъ великомъ на Буянъ
Есть старый дубъ ; подъ этимъ старымъ дубомъ
Зарытъ сундукъ, окованный желѣзомъ ;
Въ томъ сундукъ лежитъ пушистый заяцъ ;
Въ томъ заяцъ утка сѣрая сидитъ ;
А въ уткѣ той яйцо ; въ яйцо же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И съ нимъ ступай къ Кощею, а когда
Въ его прѣдешь замокъ, то увидишь,
Что змѣй двѣнадцатоголовый входъ

Въ тотъ замокъ стережетъ; ты съ этимъ змѣемъ
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть: она его уйметъ.
А ты, надѣвши шапку невидимку,
Иди прямой дорогою къ Кощею
Безсмертному; въ минуту онъ издохнетъ,
Какъ скоро ты при немъ яйцо раздавишь.
Смотри лишь, не забудь, когда назадъ
Поедешь, взять и гусли самогуды: *last page*
Лишь ихъ игрою только твой родитель
Демьянъ Даниловичъ и все его
Заснувшее съ нимъ вмѣстѣ государство
Пробуждены быть могутъ. Ну, теперь
Прости, Иванъ Царевичъ; Богъ съ тобою;
Твой добрый конь найдетъ дорогу самъ;
Когда жъ свершишь опасный подвигъ свой,
То и меня старуху помяни
Не лихомъ, а добромъ. Иванъ Царевичъ,
Простившись съ Бабою Ягою, съѣлъ
На добраго коня, перекрестился,
По-молодецки свиснулъ, конь помчался,
И скоро льсъ дремучій за Иваномъ
Царевичемъ пропалъ вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На краѣ неба море Окіанъ.
Вотъ прискакалъ и къ морю Окіану
Иванъ Царевичъ. Осмотрясь, онъ видитъ,
Что у моря лежитъ рыбачій неводъ

И что въ томъ неводъ морская щука
Трепещется. И вдругъ ему та щука
По-человѣчи говоритъ: Иванъ
Царевичъ вынь изъ невода меня
И въ море брось; тебѣ я пригожуся.
Иванъ Царевичъ, тотчасъ пресѣбу щуки
Исполнилъ, и она, хлеснувъ хвостомъ
Въ знакъ благодарности, исчезла въ морѣ.
А на море глядитъ Иванъ Царевичъ
Въ недоумѣніи; на самомъ краѣ,
Гдѣ небо съ нимъ какъ будто бы слилося, *море*
Онъ видитъ, длинной полосой островъ
Буянъ чернѣетъ; онъ и недалекъ;
Но кто туда перевезетъ? Вдругъ конь
Заговорилъ: о чемъ, Иванъ Царевичъ,
Задумался? О томъ ли, какъ добратъся
Намъ до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебѣ корабль; сиди
На мнѣ, да крѣпче за меня держись,
Да не робѣй, и духомъ доплывемъ.
И въ гриву конскую Иванъ Царевичъ
Рукою впутался, крутыя бедра
Коня ногами крѣпко стиснулъ; конь
Разсвирѣпѣлъ и, раскакавшись, прынулъ
Съ крутаго берега въ морскую бездну;
На мигъ и онъ и всадникъ въ глубинѣ
Пропали; вдругъ раздвинулася съ шумомъ
Морская зыбь и вынырнулъ могучій

Конь изъ нея съ отважнымъ съдокомъ;
И началъ конь копытами и грудью
Бить по водамъ и волны пробивать,
И вокругъ него кипѣла, волновалась,
И пѣнилась и брызгами взлетала
Морская зыбъ и сильными прыжками,
Подъ крѣпкія копыта загребая
Кругомъ ревущую волну, какъ легкій
На парусахъ корабль съ попутнымъ вѣтромъ,
Впередъ стремился конь, и длинный слѣдъ
Шипящею бѣжалъ за нимъ змѣею;
И скоро онъ до острова Буяна
Доплылъ и на берегъ его отлогій
Изъ моря выбежалъ, покрытый пѣной.
Не сталъ Иванъ Царевичъ медлить; онъ,
Коня пустивъ по шелковому лѣгу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошелъ поспѣшнымъ шагомъ къ дубу,
Который росъ у берега морскаго
На высотъ муравчатаго холма.
И, къ дубу подошедъ, Иванъ Царевичъ
Его шатнулъ рукою богатырскою,
Но крѣпкій дубъ не пошатнулся; онъ
Опять его шатнулъ — дубъ скрипнулъ; онъ
Еще шатнулъ его и посильнѣе,
Дубъ покачнулся и подъ нимъ коренья
Зашевелили землю; тутъ Иванъ Царевичъ
Всей силою рванулъ его — и съ трескомъ

Онъ повалился, изъ земли коренья
Со всѣхъ сторонъ, какъ змѣи, поднялися,
И тамъ, гдѣ ими дубъ впивался въ землю,
Глубокая открылась яма. Въ ней
Иванъ Царевичъ кованый сундукъ
Увидѣлъ; тотчасъ тотъ сундукъ изъ ямы
Онъ вытащилъ, висячій сбиль замокъ,
Взялъ за уши лежавшаго тамъ зайца
И разорвалъ; по только лишь успѣлъ
Онъ зайца разорвать, какъ изъ него
Вдругъ выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетѣла къ морю;
Въ нее пустилъ стрѣлу Иванъ Царевичъ
И мѣтко такъ, что пронизалъ ее
Насквозь; закрикавъ, кувырнулась утка;
И изъ нея вдругъ выпало яйцо,
И прямо въ море; и пошло, какъ ключъ,
Ко дну. Иванъ Царевичъ ахнулъ; вдругъ
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на водѣ, потомъ юркнула,
Хлестнувъ хвостомъ, на дно, потомъ опять
Всплыла и, къ берегу съ яйцемъ во рту
Тихохонько приближась, на песокъ
Яйце оставила, потомъ сказала:
Ты видишь самъ теперь, Иванъ Царевичъ,
Что я тебѣ въ часъ нужный пригодилась.
Съ симъ словомъ щука уплыла. Иванъ
Царевичъ взялъ яйцо; и конь могучій

Съ Буяна острова на твердый берегъ
Его обратно перенесъ. И даль
Конь поскакалъ и скоро прискакалъ
Къ крутой горь, на высоту которой
Кошечевъ замокъ былъ; ея подошва
Обведена была стьной жельзной;
И у воротъ жельзной той стьны
Двѣнадцатоголовый змѣй лежалъ;
И изъ его двѣнадцати головъ
Всегда шесть спали, шесть не спали, днемъ
И ночью по два раза для надзора
Смѣнясь; а въ виду воротъ жельзныхъ
Никто и вдаль остановиться
Не смѣлъ: змѣй подымался, и отъ зубъ
Его ужъ не было спасенья — онъ
Былъ невредимъ и только самъ себя
Могъ умертвить; чужая жъ сила сладить
Съ нимъ ни какая не могла. Но конь
Былъ остороженъ; онъ подвезъ Ивана
Царевича къ горь со стороны
Противной воротамъ, въ которыхъ змѣй
Лежалъ и караулилъ; потихоньку
Иванъ Царевичъ въ шапкъ невидимкъ
Подъѣхалъ къ змѣю; шесть его головъ
Во все глаза по сторонамъ глядѣли,
Разинувъ рты, оскаливъ зубы; шесть
Другихъ головъ на вытянутыхъ шеяхъ
Лежали на земль, не шевелясь,

И сномъ объятая храпѣли. Тутъ
Иванъ Царевичъ, подтолкнувъ дубинку,
Висѣвшую спокойно на сѣдлѣ,
Шепнулъ ей: начинай! Не стала долго
Дубинка думать, тотчасъ прыгъ съ сѣдла,
На змѣя кинулась, и ну его
По головамъ и спящимъ и неспящимъ
Гвоздить. Онъ зашипѣлъ, озлился, началъ
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себѣ колотить да колотить;
Лишь только онъ одну разинетъ пасть,
Чтобы ее схватить — ахъ нѣтъ, прошу
Не торопиться, ужъ она
Ему другую чешетъ морду; всѣ онъ
Двѣнадцать ртовъ откроетъ, чтобъ ее
Поймать — она по всѣмъ его зубамъ,
Оскаленнымъ какъ будто на показъ,
Гуляетъ и всѣ зубы чиститъ; взвывая
И всѣ носы наморщивъ, онъ зажметъ
Всѣ рты и лапами схватить дубинку
Попробуетъ — она тогда его
Честитъ по всѣмъ двѣнадцати затылкамъ;
Змѣй въ изступленіи, какъ одурѣлый,
Кидался, вылъ, кувыркался, отъ злости
Дышалъ огнемъ, грызъ землю — все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Безъ промаховъ, надъ нимъ свою дубинка
Работу продолжаетъ, и его,

Какъ на току усердный цѣпь, молотить ;
Змѣй наконецъ озлился такъ, что началъ
Грызть самого себя и, когти въ грудь
Себѣ вдругъ запустивъ, рванулъ такъ сильно,
Что разорвался на двое и, съ визгомъ
На землю грянувшись, издохъ. Дубинка
Работу и надъ мертвымъ продолжать
Свою, какъ надъ живымъ, хотѣла ; но
Иванъ Царевичъ ей сказалъ : довольно !
И вмигъ она, какъ будто не бывала
Ни въ чемъ, повисла на седлѣ. Иванъ
Царевичъ, у воротъ коня оставивъ,
И разостлавши скатерть самобранку
У ногъ его, чтобъ могъ усталый конь
Наѣсться и напиться вдоволь, самъ
Пошелъ, покрытый шапкой невидимкой,
Съ дубинкою на всякій случай и съ яйцемъ
Въ Кощеевъ замокъ. Трудновато было
Карабкаться ему на верхъ горы ;
Вотъ наконецъ добрался и до замка
Кощеева Иванъ Царевичъ. Вдругъ
Онъ слышитъ, что въ саду недалекó
Играютъ гусли самогуды ; въ садъ
Бошедши, въ самомъ дѣль онъ увидѣлъ,
Что гусли на дубу висѣли и играли,
И что подъ дубомъ тѣмъ сама Елена
Прекрасная сидѣла, погрузившись
Въ раздумье. Шапку невидимку снявши,

Онъ тотчасъ ей явился и рукою
Знакъ подалъ, чтобъ она молчала. Ей
Потомъ онъ на ухо шепнулъ: я смерть
Кощею принесъ; ты подожди
Меня на этомъ мѣстѣ; я съ нимъ скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уѣдемъ. Тутъ Иванъ
Царевичъ, снова шапку невидимку
Надѣвъ, хотѣлъ итти искать Кощея
Безсмертнаго въ его волшебномъ замкѣ,
Но онъ и самъ пожаловалъ. Приближась,
Онъ сталъ передъ царевною Еленой
Прекрасною и началъ попрекать ей
Ея печаль и говорить: Иванъ
Царевичъ твой къ тебѣ ужъ не придетъ;
Его ужъ намъ не воскресить. Но чѣмъ же
Я не женихъ тебѣ, скажи сама,
Прекрасная моя царица? Полно жъ
Упрямиться, упрямство не поможетъ;
Изъ рукъ моихъ оно тебя не вырветъ;
Ужъ я ..... Дубинкѣ тутъ шепнулъ Иванъ
Царевичъ: начинай! И принялась
Она трепать Кощею спину. Съ крикомъ,
Какъ бышешый, коверкаться и прыгать
Онъ началъ, а Иванъ Царевичъ, шапки
Не снявъ, сталъ приговаривать: прибавь,
Прибавь, дубинка; по дѣломъ ему
Собака; не воруй чужихъ невѣсть;

Не докучай своею волчьей харей
И глухимъ сватовствомъ своимъ прекраснымъ
Царевнамъ; злаго сна не паводи
На царства! криче бей его, дубинка. —
„Да гдѣ ты! покажись! кричалъ Кощей,
Кто ты таковъ?“ — А вотъ кто! отвѣчалъ
Иванъ Царевичъ, шанку невидимку
Свявъ съ головы своей, и въ то жь мгновенье
Ударилъ оземь онъ яйце; оно
Разбилось въ дребезги; Кощей безсмертный
Перекувырнулся и околѣлъ.
Иванъ Царевичъ изъ саду съ царевной
Еленою прекрасной вышелъ, взять
Не позабывши гусли самогуды,
Жаръ-птичу и коня Золотогрива.
Когда жь они съ крутой горы спустились
И, сѣвши на коней, въ обратный путь
Побѣхали, гора, ужасно затрещавъ,
Упала съ замкомъ, и на мѣсть томъ
Явилось озеро и долго черный
Надъ нимъ клубился дымъ, распространяясь
По всей окрестности съ великимъ смрадомъ.
Тѣмъ временемъ Иванъ Царевичъ, давъ
Конямъ на волю ихъ везти, какъ имъ
Самимъ хотѣлось, весело съ прекрасной
Невѣстой ѣхалъ. Скатерть самобранка
Усердно имъ дорогою служила,
И былъ всегда готовъ имъ вкусный завтракъ,

Обѣдъ и ужинъ въ надлежащій часъ :
На муравь душистой утромъ, въ полдень
Подъ деревомъ густовершиннымъ, ночью
Подъ шелковымъ шатромъ, который былъ
Всегда изъ двухъ отдѣльныхъ половинъ
Составленъ. И за каждой ихъ трапезой
Играли гусли самогуды ; ночью
Свѣтила имъ жаръ-птица, а дубинка
Стояла на часахъ передъ шатромъ :
Кони же, подружась, гуляли вмѣстѣ,
Катался по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Другъ другу на спину, спокойно спали.
Такъ ѣхали они путемъ дорогой,
И наконецъ пріѣхали въ то царство,
Которымъ властвовала отецъ Ивана
Царевича, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ. И царство все отъ самыхъ
Его границъ до царскаго дворца
Объято было спомъ непробудимымъ ;
И гдѣ они ни проѣзжали, все
Тамъ спало ; на полъ передъ сохой
Стояли снящіе волы ; близъ нихъ
Съ своимъ бичемъ, взмахнутымъ и заснувшимъ
На взмахъ, пахарь спалъ ; среди большой
Дороги спалъ вздокъ съ конемъ и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижнымъ клубомъ

Стояла; въ воздухѣ былъ мертвый сонъ ;
На деревьяхъ листы дремали молча ;
И въ вѣтвяхъ сонныя молчали птицы ;
Въ селеньяхъ, въ городахъ все было тихо,
Какъ будто въ гробъ : люди по домамъ,
На улицахъ, гуляя, сидя, стоя,
И съ ними все : собаки, кошки, куры,
Въ конюшняхъ лошади, въ закутахъ овцы,
И мухи на стѣнахъ, и дымъ въ трубахъ,
Все спало. Такъ въ отцевскую столицу
Иванъ Царевичъ напоследокъ прибылъ
Съ царевной Еленою прекрасной.
И, на широкой взѣхавъ царской дворъ,
Они на немъ лежащіе два трупа
Увидѣли: то были Климъ и Петръ
Царевичи, убитые Кощеемъ.
Иванъ Царевичъ, мимо караула,
Стоявшаго въ парадъ соннымъ строемъ,
Прошедъ, по лѣстницѣ повелъ невѣсту
Въ покои царскіе. Былъ во дворецъ,
По случаю прибытія двухъ старшихъ
Царевыхъ сыновей, богатый пиръ
Въ тотъ самый часъ, когда убилъ обоихъ
Царевичей и сонъ на весь народъ
Навелъ Кощей : весь пиръ въ одно мгновенье
Тогда заснулъ, кто какъ сидѣлъ, кто какъ
Ходилъ, кто какъ плясалъ ; и въ этомъ снѣ
Еще ихъ всѣхъ нашелъ Иванъ Царевичъ ;

Демьянъ Давиловичъ спалъ стоя; подлѣ
Царя храпѣлъ министръ его двора
Съ открытымъ ртомъ, съ некончанымъ во рту
Докладомъ; и придворные чины,
Всѣ вытянувшись, сонные стояли
Передъ царемъ, оставивъ на него
Свои глаза, потухшіе отъ сна,
Съ подобострастіемъ на сонныхъ лицахъ,
Съ заснувшею улыбкой на губахъ.
Иванъ Царевичъ, подошедъ съ царевной
Еленой прекрасною къ царю,
Сказалъ: играйте, гусли самогуды;
И заиграли гусли самогуды
Вдругъ все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не былъ прерванъ ширь.
А царь Демьянъ Давиловичъ, увидя,
Что передъ нимъ съ царевною Еленой
Прекрасною стоитъ Иванъ Царевичъ,
Его любимый сынъ, едва совсемъ
Не обезумѣлъ: онъ смѣялся, плакалъ,
Глядѣлъ на сына, глазъ не отводя,
И цѣловалъ его и миловалъ,
И напоследокъ такъ развеселился,
Что руки въ боки, и пошелъ плясать
Съ царевною Еленой прекрасной.
Потомъ онъ приказалъ стрѣлять изъ пушекъ,
Звонить въ колокола и бирючамъ

Столицъ вывѣстить, что возвратился
Иванъ Царевичъ, что ему полцарства
Теперь же уступаетъ царь Демьянъ
Даниловичъ, что онъ наименованъ
Наслѣдникомъ, что завтра бракъ его
Съ царевною Еленою свершится
Въ придворной церкви и что царь Демьянъ
Даниловичъ весь свой народъ зоветъ
На свадьбу къ сыну, всѣхъ военныхъ, статскихъ,
Министровъ, генераловъ, всѣхъ дворянъ
Богатыхъ, всѣхъ дворянъ мелкопомѣстныхъ,
Купцевъ, мѣщанъ, простыхъ людей и даже
Всѣхъ нищихъ. И на слѣдующій день
Невѣсту съ женихомъ повелъ Демьянъ
Даниловичъ къ вѣнцу; когда же ихъ
Перевѣнчали, тотчасъ поздравленье
Имъ принесли всѣ знатные чины
Обоихъ половъ; а народъ на площади
Дворцовой той порой кипѣлъ какъ море;
Когда же вышелъ съ молодыми царь
Къ нему на золотой балконъ, отъ крика:
*Да здравствуетъ нашъ Государь Демьянъ
Даниловичъ съ наслѣдникомъ Иваномъ
Царевичемъ и съ дочерью Царевной
Еленою прекрасною!* всѣ зданья
Столицы дрогнули и отъ взлетѣвшихъ
На воздухъ шапокъ Божій день затмился.
Вотъ на обѣдъ всѣ званые царемъ

Сошлись гости — вся его столица;
Въ домахъ остались одни больные,
Да дѣти, кошки и собаки. Тутъ
Свое проворство скатерть самобранка
Явила: вдругъ она на цѣлый городъ
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами и столы
По улицамъ въ два ряда протянулись;
На всѣхъ столахъ сервизъ былъ золотой,
И не стекло хрусталь; а подъ столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всѣмъ гостямъ служили
Гейдуки въ золотыхъ ливреяхъ. Былъ
Обѣдъ такой, какого никогда
Никто не слыхивалъ: уха, какъ жидкій
Янтарь, сверкавшая въ большихъ кострюляхъ;
Огромножирныя длиною въ сажень
Изъ Волги стерляди на золотыхъ
Узорныхъ блюдахъ; кулебяка съ сладкой
Начинкою, съ груздями гуси, каша
Съ сметаною, блины съ икрою свѣжей
И крупной какъ жемчугъ, и пироги
Подовые, потопленные въ маслѣ;
А для питья шипучій квасъ въ хрустальныхъ
Кувшинахъ, мартовское пиво, медъ
Душистый и вино изъ всѣхъ земель:
Шампанское, венгерское, мадера
И репское, и всякія наливки —

Короче молвить, скатерть самобранка
Такъ отличалася, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардія была за царскій столъ
Приглашена, вся даже городская
Полиція — дубинка молодецки
За всѣхъ одна служила: во дворецъ
Держала карауль; она жъ ходила
По улицамъ, чтобъ наблюдать вездѣ
Порядокъ: кто ей пьяный нападался,
Того она толкала въ спину прямо
На съвзжую; кого жъ въ пустомъ гдѣ домѣ
За кражею она ловила, тотъ
Былъ такъ отшлепанъ, что, отъ воровства
Навѣки отрекался и вступалъ
Въ путь добродѣтели — дубинка, словомъ,
Неимовѣрныя во время пира
Царю, гостямъ и городу всему
Услуги оказала. Между тѣмъ
Все во дворецъ кипѣло, гости ѣли
И пили такъ, что съ ихъ румяныхъ лицъ
Катился потъ; тутъ гусли самогуды
Явили все усердіе свое:
При нихъ не нуженъ былъ оркестръ, и гости
Ужъ музыки наслышались такой,
Какая никогда имъ и во снѣ
Не грезилась. Но вотъ, когда, наполнивъ
Виномъ заздравный кубокъ, царь Демьянъ

Даниловичъ хотѣлъ провозгласить
Самъ многолѣтье новобрачнымъ, громко
На площади раздался трубный звукъ ;
Всѣ изумились, всѣ оторопѣли ;
Царь съ молодыми самъ идетъ къ окну,
И что же ихъ является очамъ ?
Карета въ восемь лошадей (трубачъ
Съ трубою впереди) къ крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачетъ ;
И та карета золотая ; козлы
Съ подушкою и бархатнымъ покрыты
Наметомъ ; назади шесть гейдуковъ ;
Шесть скороходовъ по бокамъ ; ливреи
На нихъ изъ сѣраго сукна, по швамъ
Басоны ; на каретныхъ дверцахъ гербъ :
*Вз червленою полъ волчий хвостъ подѣ графской
Короною.* Въ карету заглянувъ,
Иванъ Царевичъ закричалъ : да это
Мой благодѣтель Сѣрый Волкъ ! Его
Встрѣчать бѣгомъ онъ побѣжалъ. И точно
Сидѣлъ въ каретѣ Сѣрый Волкъ ; Иванъ
Царевичъ, подскочивъ къ каретѣ, дверцы
Самъ отворилъ, подножку самъ откинулъ,
И гостя высадилъ ; потомъ онъ, съ нимъ
Поцѣловавшись, взялъ его за лапу,
Ввелъ во дворецъ и самъ его царю
Представилъ. Сѣрый Волкъ, отдавъ поклонъ
Царю, осанисто на заднихъ лапахъ

Всѣхъ обошелъ гостей, мужчинъ и дамъ,
И всѣмъ, какъ слѣдуетъ, по комплименту
Пріятному сказалъ; онъ былъ одѣтъ
Отлично: красная на головѣ
Ермолка съ кисточкой, подъ морду лентой
Подвязанная; шелковый платокъ
На шеѣ; куртка съ золотымъ шитьемъ;
Перчатки лайковые съ бахромою;
Перепоясанныя тонкой шалью
Изъ алаго атласа шаровары;
Сафьянные на заднихъ лапахъ туфли,
И на хвостъ серебряная сѣтка
Съ жемчужной кистью — такъ былъ Сѣрый Волкъ
Одѣтъ. И всѣхъ своимъ онъ обхожденіемъ
Очаровалъ; не только что простые
Дворяне маленькихъ чиновъ и среднихъ,
Но и чины придворные, статсъ-дамы
И фрейлины всѣ были отъ него
Какъ безъ ума. И, гостя за столомъ
Съ собою рядомъ посадивъ, Демьянъ
Даниловичъ съ нимъ кубкомъ въ кубокъ стукнулъ
И возгласилъ здоровье новобрачнымъ,
И пушечный заздравный грянулъ залпъ.
Пиръ царскій и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тма, жаръ-птицу на балконъ
Въ ея богатой клеткѣ золотой
Поставили и весь дворецъ, и площадь,

И улицы, кипѣвшія народомъ,
Яснѣе дня жаръ — птица освѣтила.
И до утра столица пировала.
Былъ почевать оставленъ Сѣрый Волкъ;
Когда же на другое утро онъ,
Собравшись въ путь, прощаться сталъ съ Иваномъ
Царевичемъ, его Иванъ Царевичъ
Сталъ уговаривать, чтобъ онъ у нихъ
Остался на житье и увѣрялъ,
Что всякую получить почесть онъ,
Что во дворецъ дадутъ ему квартиру,
Что будетъ онъ по чину въ первомъ классѣ,
Что разомъ всѣ получить ордена,
И прочее. Подумавъ, Сѣрый Волкъ
Въ знакъ своего согласія Ивану
Царевичу далъ лапу, и Иванъ
Царевичъ такъ былъ тронутъ тѣмъ, что лапу
Поцѣловалъ. И во дворецъ сталъ жить
Да поживать по-царски Сѣрый Волкъ.
Вотъ наконецъ по долгомъ, мирномъ, славномъ
Владычествѣ, премудрый царь Демьянъ
Даниловичъ скончался, на престолъ
Взошелъ Иванъ Демьяновичъ; съ своей
Царицей онъ до самыхъ позднихъ лѣтъ
Достигнулъ, и Господь благословилъ
Ихъ многими дѣтьми; а Сѣрый Волкъ
Душею въ душу жилъ съ царемъ Иваномъ
Демьяновичемъ, нянчился съ его

Дѣтьми, самъ, какъ дитя, рѣзвился съ ними,
Меньшимъ рассказывалъ нерѣдко сказки,
А старшихъ выучилъ читать, писать
И ариѳметикъ, и имъ давалъ
Полезныя для сердца наставленья.
Вотъ напоследокъ, царствовавъ премудро,
И царь Иванъ Демьяновичъ скончался;
За нимъ последовалъ и Сѣрый Волкъ
Въ могилу. Но въ его нашлись бумагахъ
Подробныя записки обо всемъ,
Что на своемъ вѣку въ лѣсу и свѣтѣ
Замѣтилъ онъ, и мы изъ тѣхъ записокъ
Составили правдивый нашъ рассказъ.

ТЮЛЬПАННОЕ ДЕРЕВО.

СКАЗКА.

Однажды жилъ, не знаю гдѣ, богатый
И добрый человекъ. Онъ былъ женатъ,
И всей душой любилъ свою жену;
Но не было у нихъ дѣтей; и это
Ихъ сокрушало, и они молились,
Чтобы Господь благословилъ ихъ бракъ;
И къ Господу молитва ихъ достигла.
Былъ садъ кругомъ ихъ дома; на полянѣ
Тамъ дерево тюльпанное росло.
Подъ этимъ деревомъ однажды (это
Случилось въ зимній день) жена сидѣла
И съ яблока румянаго пожемъ
Снимала кожу; вдругъ ей острый ножъ
Легонько палецъ оцарапалъ; кровь
Пурпурной каплею на бѣлый снѣгъ
Упала; тяжело вздохнувъ, она

Подумала: о! если бь Богъ намь далъ
Дитя, румяное, какъ эта кровь,
И бьлое, какъ этотъ чистый свѣгъ!
И только что она сказала это, въ сердць
Ея какъ будто что зашевелилось,
Какъ будто изъ него утѣшный голосъ
Шепнулъ ей: сбудетя. Пошла въ раздумьи
Домой. Проходитъ мѣсяцъ — снѣгъ растаялъ;
Другой проходитъ — все въ лугахъ и рощахъ
Зазеленѣло; третій мѣсяцъ миновался —
Цвѣты покрыли землю, какъ коверъ;
Прошелъ четвертый — все въ лѣсу деревья
Срослись въ одинъ зеленый сводъ, и птицы
Въ густыхъ вѣтвяхъ заплъли голосисто,
И съ ними весь широкій лѣсъ заплъль.
Когда же пятый мѣсяцъ былъ въ исходъ —
Подъ дерево тюльпанное она
Пришла; оно такъ сладко, такъ свѣжѣ
Благоухало, что ея душа
Глубокою, невѣдомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился мѣсяцъ — стали наливатся
Плоды и созрѣвать; она же стала
Задумчивѣй и тише; наступаетъ
Седьмой — и часто, часто подъ своимъ
Тюльпаннымъ деревомъ она одна
Сидитъ, и плачетъ, и ее томитъ
Предчувствіе тяжелое; насталь

Осьмой — она въ концъ его больная
Слегла въ постелю, и сказала мужу
Въ слезахъ: когда умру, похорони
Меня подъ деревомъ тюльпаннымъ; мѣсяць
Девятый кончился — и родился
У ней сынокъ, какъ кровь румяный, бѣлый
Какъ снѣгъ; она жъ обрадовалась такъ,
Что умерла. И мужъ похоронилъ
Ее въ саду подъ деревомъ тюльпаннымъ.
И горько плакалъ онъ объ ней; и цѣлый
Проплакалъ годъ; и начала печаль
Въ немъ утихать; и наконецъ утихла
Совсѣмъ; и онъ женился на другой
Женѣ, и скоро съ нею прижилъ дочь.
Но не была ничѣмъ жена вторая
На первую похожа; въ домъ его
Не принесла она съ собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрѣла, въ ней смѣялася луша;
Когда жъ глаза на сироту, на сына
Другой жены невольно обращала,
Въ ней сердце злилось: онъ какъ будто ей
И жить мѣшалъ; а хитрый искуситель
Противъ него нашептывалъ всечасно
Ей злые замыслы. Въ слезахъ и въ горѣ
Сиротка росъ и ни одной минуты
Веселой въ домъ не было ему
Однажды мать была въ своей каморкѣ,

И передъ ней стоялъ сундукъ открытый
Съ тяжелой, кованной желзсомъ кровлей
И съ острымъ нутрянымъ замкомъ; сундукъ
Былъ полонъ яблокъ. Тутъ сказала ей
Марлиночка (такъ называли дочь):
Дай яблочко, родная, мнѣ. — Возьми,
Ей отвѣчала мать. — И братцу дай,
Прибавила Марлиночка. — Сначала
Нахмурилася мать; но врагъ лукавый
Вдругъ что-то ей шепнулъ; она сказала:
Марлиночка, поди теперъ отсюда;
Обоимъ вамъ по яблочку я дамъ,
Когда той братъ воротится домой
(А изъ окна ужъ видѣла она,
Что мальчикъ шелъ, и чудилося ей,
Что будто на нее съ нимъ вмѣстѣ злое
Шло искушенье); кованый сундукъ
Закрывъ, она глаза на двери дико
Уставила; когда жъ ихъ отворилъ
Малютка и вошелъ, ея лице
Бѣлье стало полотна; поспѣшно
Она ему дрожащимъ и глухимъ
Сказала голосомъ: вынь для себя
И для Марлиночки изъ сундука
Два яблока. При этомъ словъ ей
Почудилось, что кто-то подлѣ громко
Захохоталъ; а мальчикъ, на нее
Взглянувъ, спросилъ: зачѣмъ ты на меня

Такъ страшно смотришь? — Выбирай скорѣе!
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ея глаза
Сверкнули острымъ блескомъ. Мальчикъ робко
За яблокомъ нагнулся головой
Въ сундукъ; тутъ ей лукавый врагъ шепнулъ:
Скорѣй! И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундукъ, и голова
Малютки, какъ пожемъ, была желѣзнымъ
Отрѣзана замкомъ и, отскочивши,
Упала въ яблоки. Холодной дрожью
Злодѣйку обдало. Что дѣлать мнѣ?
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундукъ. И вотъ она
Изъ шкапа шелковый платокъ достала,
И, голову отрѣзанную къ шеѣ
Приставивъ, тѣмъ платкомъ ихъ обвила
Такъ плотно, что примѣтитъ ничего
Не можно было, и потомъ она
Передъ дверями мертваго на стулъ
(Давъ въ руки яблоко ему и къ стѣнкѣ
Его спиной придвинувъ) посадила;
И наконецъ, какъ будто не была
Ни въ чемъ, пошла на кухню стряпать. Вдругъ
Марлиночка въ испугъ прибѣжала
И шепчетъ: посмотри туда; тамъ братецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулъ; онъ такъ бѣлъ;
И держитъ яблоко въ рукъ; но самъ

Не ѡтъ; когда жъ его я попросила,
Чтобъ далъ мнѣ яблоко, не отвѣчалъ
Ни слова, не взглянулъ; мнѣ стало страшно.
На то сказала мать: поди къ нему
И попроси въ другой разъ; если жъ онъ
Опять ни слова отвѣчать не будетъ,
И на тебя не взглянетъ, подери
Его покрѣпче за ухо; онъ спитъ.
Марлиночка пошла, и видитъ: братаецъ
Сидитъ въ дверяхъ на стулѣ, блѣлъ какъ снѣгъ;
Не шевелится, не глядитъ и держитъ,
Какъ прежде, яблоко въ рукахъ, но самъ
Его не ѡтъ. Марлиночка подходитъ
И говоритъ: дай яблочко мнѣ, братаецъ.
Отвѣта нѣтъ. Тутъ за ухо она
Тихонько братца дернула; и вдругъ
Отъ плечъ его отпала голова
И покатила. Съ крикомъ прибѣжала
Марлиночка на кухню. Ахъ! родная,
Бѣда! бѣда! я братца моего
Убила! голову оторвала
Я братцу — И бѣдняжка заливалась
Слезами и кричала крикомъ. Ей
Сказала мать: Марлиночка, ужъ горю
Не пособить; намъ надобно скорѣй
Его прибрать, пока не воротился
Домой отецъ; возьми и отнеси
Его куда въ садъ, и спрячь тамъ; завтра

Его сама въ оврагъ я брошу; волки
Его съдятъ, и косточекъ никто
Не същеть; перестань же плакать; дѣлай,
Что я велю. — Марлиночка пошла;
Она, широкой бѣлой простынею
Обвивши тѣло, отнесла его,
Рыдая, въ садъ, и тамъ его тихонько
Подъ деревомъ тюльпаннымъ положила
На свѣжій дернъ, который покрывалъ
Могилку матери его. И что же?
Могилка вдругъ раскрылася, и тѣло
Взяла, и снова дернъ зазеленѣлъ
На ней, и разцвѣли на ней цветы,
И изъ цвѣтовъ вдругъ выпорхнула птичка,
И весело запѣла, и взвилась
Подъ облака и въ облакахъ пропала.
Марлиночка сперва оторопѣла;
Потомъ (какъ будто кто въ ея душѣ
Печаль заговорилъ) ей стало вдругъ
Легко — пошла домой и никому
О бывшемъ съ нею не сказала. Скоро
Пришелъ домой отецъ. Не видя сына,
Спросилъ онъ съ безпокойствомъ: гдѣ онъ? Мать,
Вся помертвѣвъ, поспѣшно отвѣчала:
Ранехонько ушелъ онъ со двора,
И все еще не возвращался. Было
Ужъ за полночь; была пора обѣдать,
И накрывать на столъ хозяйка стала.

Марлиночка жъ сидѣла въ уголку,
Не шевелясь и молча; день былъ свѣтлый;
Ни облачка на небѣ не бродило,
И тихо блескъ полуденнаго солнца
Лежалъ на зелени деревь, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая съ могилы братца птичка
Летала да летала; вотъ она
На кустикъ съѣла подѣ окошкомъ дома,
Гдѣ золотыхъ дѣлъ мастеръ жилъ. Она,
Расправивъ крылышки, запѣла громко:
*Зла мачиха зарѣзала меня;
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ,
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подѣ деревомъ тюльпанымъ погребла.*
Услышавъ это, золотыхъ дѣлъ мастеръ
Въ окошко выглянулъ; онъ такъ плѣнился
Прекрасной птичкою, что закричалъ:
Пропой еще разъ, милая пичужка. —
„Я даромъ дважды пѣть не стану, птичка
Сказала, подари цѣпочку мнѣ,
И запою.“ — Услышавъ это, мастеръ
Богатую ей бросилъ изъ окна
Цѣпочку. Правой лапкою схвативши
Цѣпочку ту, свою запѣла пѣсню
Звучный, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,
Спорхнула съ кустика съ своей добычей,

И полетѣла дальѣ, и скоро
На кровлю домика, гдѣ жилъ башмачникъ,
Спустилася и тамъ опять запѣла:

*Зла мачиха зарѣзала меня;
Отецъ родной не въдаетъ о томъ,
Сестрица же Марлиночка меня
Близъ матушки родной моей въ саду
Подъ деревомъ тюльпаннымъ погребла.*

Башмачникъ въ это время у окна
Шилъ башмаки; услышавъ пѣсню, онъ
Работу бросилъ, выбѣжалъ на дворъ,
И видитъ, что сидитъ на кровль птичка
Чудесной красоты. Ахъ! птичка, птичка,
Сказалъ башмачникъ, какъ же ты прекрасно
Поешь. Нельзя ль еще разъ ту же пѣсню
Пропѣть? — „Я даромъ дважды не пою,
Сказала птичка, дай мнѣ пару дѣтскихъ
Сафьянныхъ башмаковъ.“ Башмачникъ тотчасъ

Ей вынесъ башмаки. И лѣвой лапкой

Ихъ взявъ, свою опять запѣла пѣсню

Звучнѣй, чѣмъ прежде, птичка и, допѣвши,

Спорхнула съ кровли съ новою добычей,

И полетѣла дальѣ, и скоро

На мельницу, которая стояла

Надъ быстрой рѣчкою во глубинѣ

Прохладныя долины, прилетѣла.

Былъ стукъ и шумъ отъ мельничныхъ колесъ,

И съ громомъ въ ней молотъ огромный жернов

И въ воротахъ ея рубили двадцать
Работниковъ дрова. На вѣтку липы,
Которая у мельничныхъ воротъ
Росла, спустилась птичка и запыла:
Зла машиха зарызала меня;
Одинъ работникъ, то услышавъ, поднялъ
Глаза и пересталъ рубить дрова.
Отецъ родной не въдастъ о томъ;
Оставили еще работу двое.
Сестрица же Марлиночка меня;
Тутъ пятеро еще, глаза на липу
Оборотивъ, работать перестали.
Близъ матушки родной моей въ саду;
Еще тутъ восемь вслушались въ пѣсню;
Остолбенѣвши, топоры они
На землю бросили и на пѣвицу
Уставили глаза; когда жъ она
Умолкнула, последнее пропѣвъ:
Подъ деревомъ тюльпанымъ погребла,
Всѣ двадцать разомъ кинулися къ липѣ
И закричали: птичка, спой намъ
Еще разъ пѣсенку твою. На это
Сказала птичка: „дважды пѣть не стану
Я даромъ; если же вы этотъ жерновъ
Дадите мнѣ, я запою.“ — Дадимъ,
Дадимъ, въ одинъ всѣ голосъ закричали.
Съ трудомъ великимъ общей силой жерновъ
Поднявъ съ земли, они его надѣли

На шею птичку; и она, какъ будто
Въ жемчужномъ ожерелье, отряхнувшись,
И крылышки расправивши, запля
Звучный, чѣмъ прежде, и, допѣвъ, спорхнула
Съ зеленой вѣтки и умчалась быстро,
На шеѣ жерновъ, въ правой лапкѣ цѣпь,
А въ лѣвой башмаки. И такъ она
На дерево тюльпанное въ саду
Спустилась. Той порой отецъ сидѣлъ
Передъ окномъ; по-прежнему въ углу
Марлиночка; а мать на столъ сбирала.
Какъ мнѣ легко! сказалъ отецъ; какъ свѣтель
И тепелъ майскій день! — „А мнѣ, сказала
Жена, такъ тяжело, такъ душно!
Какъ будто бы собирается гроза.“ —
Марлиночка жъ, прижавшись въ уголокъ,
Не шевелилася, сидѣла молча,
И плакала. А птичка той порой,
На деревъ тюльпанномъ отдохнувши,
Полетомъ тихимъ къ дому полетѣла.
Какъ на душѣ моей легко! опять
Сказалъ отецъ, какъ будто бы кого
Роднаго мнѣ увидѣть. — „Мнѣ жъ, сказала
Жена, такъ страшно! все во мнѣ дрожить;
И кровь по жиламъ льется какъ огонь.“ —
Марлиночка жъ ни слова; въ уголку
Сидитъ, не шевелясь, и тихо плачетъ.
Вдругъ птичка, къ дому подлетѣвъ, запля:

Зла мачиха зарьзала меня;

Услышавъ это, мать въ оцъпенъны

Зажмурила глаза, заткнула уши,

Чтобъ не видать и не слыхать; но въ уши

Гудьло ей, какъ будто шумъ грозы,

Въ зажмуренныхъ глазахъ ея сверкало,

Какъ молнія, и потъ смертельный тьло

Ея, какъ змѣй холодный, обвивалъ.

Отецъ родной не въдаетъ о томъ.

Жена, сказалъ отецъ, смотри, какая

Тамъ птичка! какъ поеть! а день такъ тихъ,

Такъ ясенъ и такой повсюду запахъ,

Что скажешь: вся земля въ цвѣты одьласъ.

Пойду и посмотрю на эту птичку. —

Останься, не ходи, сказала въ страхъ

Жена; мнѣ чудится, что весь нашъ домъ

Въ огнѣ. — Но онъ пошелъ. А птичка пѣла:

Близъ матушки родной моей въ саду

Подъ деревьямъ тюльпанымъ погребла.

И въ этотъ мигъ цѣпочка золотая

Упала передъ нимъ. Смотрите, онъ

Сказалъ, какой подарокъ дорогой

Мнѣ птичка бросила. Тутъ не могла

Жена отъ страха устоять на мѣсть,

И начала, какъ въ изступленьи, бѣгать

По горницъ. Опять запѣла птичка:

Зла мачиха зарьзала меня —

А мачиха блѣднѣла и шептала:

О! если бъ на меня упали горы,
Лишь только бъ этой пѣсни не слышать! —
Отецъ родной не вѣдаетъ о томъ;
Тутъ повалилася она на землю,
Какъ мертвая, какъ трупъ окостенѣлый.
Сестрица же Марлиночка меня —
Марлиночка, вскочивъ при этомъ съ мѣста,
Сказала: побѣгу, не дастъ ли птичка
Чего и мнѣ. И, выбѣжавъ, глазами
Она искала птички. Вдругъ упали
Ей въ руки башмаки; она въ ладоши
Отъ радости захлопала. Мнѣ было
До этихъ поръ такъ грустно, а теперь
Такъ стало весело, такъ живо! —
Нѣтъ, простонала мать, я не могу
Здѣсь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть. И она вскочила;
На головѣ ея стояли дыбомъ,
Какъ пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругомъ ея валилось. Въ двери
Она въ безумьи кинулася... но только
Ступила порогъ, тяжелый жерновъ
Бухъ!.... и ея какъ будто не бывало;
На мѣсть же, гдѣ казнь надъ ней свершилася,
Столбомъ огонь поднялся изъ земли.
Когда жъ исчезъ огонь, живой явился
Тамъ братаецъ; и Марлиночка къ нему
На шею кинулася. Отецъ же долго

Искалъ жены глазами; но ея
Онъ не нашель. Потомъ всь трое съли,
Усердно Богу помолясь, за столъ;
Но за столомъ никто не ѣлъ, и всь
Молчали; и у всьхъ на сердце было
Спокойно, какъ бываетъ всякой разъ,
Когда оно почувствуетъ живьѣй
Присутствіе невидимаго Бога.

КОТЪ ВЪ САПОГАХЪ.

СКАЗКА.

Жилъ мельникъ. Жилъ онъ, жилъ, и умеръ,
Оставивши своимъ тремъ сыновьямъ
Въ наслѣдство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взялъ старшій сынъ,
Осла взялъ средній; а меньшему дали
Кота. И былъ онъ крѣпко недоволенъ
Своимъ участкомъ. Братья, разсуждалъ онъ,
Сложившись, будутъ безъ нужды; а я,
Изжаривши кота и съѣвъ, и сдѣлавъ
Изъ шкурки муфту, чѣмъ потомъ начну
Хлѣбъ добывать насущный? Такъ онъ вслухъ,
Съ самимъ собою разсуждая, думалъ;
А Котъ, тогда лежавшій на печуркѣ,
Разумное подслушавъ разсужденье,
Сказалъ ему: хозяинъ, не печалься;
Дай мнѣ мѣшокъ, да сапоги, чтобъ могъ я

Ходить за дичью по болоту — самъ
Тогда увидишь, что не такъ-то бѣденъ
Участокъ твой. Хотя и не совсемъ
Былъ убѣжденъ Котомъ своимъ хозяиномъ,
Но ужъ не разъ случалось замѣчать
Ему, какъ этотъ Котъ искусно велъ
Войну противъ мышей и крысъ, какія
Выдумывалъ онъ хитрости, и какъ,
То, мертвымъ притворясь, висѣлъ на лапахъ
Внизъ головой, то пудрился мукой,
То прятался въ трубу, то подъ кадушкой
Лежалъ, свернувшись въ комъ; а потому
И словъ Кота не пропустилъ онъ мимо
Ушей. И подлинно, когда онъ далъ
Коту мешокъ и нарядилъ его
Въ большіе сапоги, на шею Котъ
Мешокъ надѣлъ и вышелъ на охоту
Въ такое мѣсто, гдѣ, онъ вѣдалъ, много
Водилось кроликѡвъ. Въ мешокъ насыпавъ
Трухи, его на землю положилъ онъ;
А самъ вблизи, какъ мертвый, растянулся,
И терпѣливо ждалъ, чтобы какой невинный,
Неопытный въ наукъ жизни кроликъ
Пожаловалъ къ мышку покушать сладкой
Трухи; и онъ недолго ждалъ; какъ разъ
Передъ мешкомъ его явился глупый,
Вертлявый, долгоухій кроликъ: онъ
Мешокъ понюхалъ, поморгалъ поздрями,

Потомъ и влезъ въ мышокъ; а Котъ проворно
Мышокъ стянулъ снуркомъ и безъ дальнѣйшихъ
Привѣтствій гостя угостилъ по-свойски.

Побѣдою довольный, во дворецъ

Пошелъ онъ къ королю и приказалъ,

Чтобы о немъ немедленно доложили.

Вельмъ ввести Кота въ свой кабинетъ

Король. Вошедъ, онъ поклонился въ поясъ;

Потомъ сказалъ, потупивъ морду въ землю:

Я кролика, великій Государь,

Отъ моего принесъ вамъ господина,

Маркиза Карабаса (такъ онъ вздумалъ

Назвать хозяина); имѣетъ честь

Онъ Вашему Величеству свое

Глубокое почтенье изъявить,

И проситъ васъ принять его гостинецъ. —

Скажи маркизу, отвѣчалъ король,

Что я его благодарю, и что

Я очень имъ доволенъ. — Королю

Откланявшись, Котъ пошелъ домой;

Когда жъ онъ шелъ черезъ дворецъ, то всѣ

Вставали передъ нимъ и жали лапу

Ему съ улыбкой, потому, что онъ

Былъ въ кабинетъ принять королемъ

И съ нимъ наединъ (и ужъ конечно

О государственныхъ дѣлахъ) такъ долго

Бесѣдовалъ; а Котъ былъ такъ учтивъ,

Такъ обходителенъ, что всѣ дивились,

И думали, что жизнь свою проведеть
Онъ въ лучшемъ обществѣ. Спустя немного,
Отправился опять на ловлю Котъ,
Въ густую рожь засѣлъ съ своимъ мѣшкомъ,
И тамъ поймалъ двухъ жирныхъ перепелокъ.
И ихъ немедленно онъ къ королю,
Какъ прежде кролика, отнесъ въ гостинецъ
Отъ своего маркиза Карабаса.
Охотникъ былъ король до перепелокъ;
Опять позвать велѣлъ онъ въ кабинетъ
Кота и, перепелокъ самъ принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велѣлъ особенно. И такъ нашъ Котъ
Недѣли три, четыре къ королю
Отъ имени маркиза Карабаса
Носилъ и кроликовъ и перепелокъ.
Вотъ онъ однажды свѣдалъ, что король
Сбирается прогуливаться въ поле
Съ своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свѣтѣ
Никто не видывалъ), и что они
Поедутъ берегомъ рѣки. И онъ,
Къ хозяину поспѣшно прибѣжавъ,
Ему сказалъ: когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разомъ
И счастливъ и богатъ; вся хитрость въ томъ,
Чтобъ ты сейчасъ пошелъ купаться въ рѣку;
Что будетъ послѣ, знаю я; а ты

Свѣи себѣ ть днюдь, да полоскайся,
Да ни о чемъ не хлопочи. Такой
Советъ принять маркизу Карабасу
Не трудно было; день былъ жаркой; онъ
Съ охотою отправился къ рѣкѣ,
Влезъ въ воду, и сидѣлъ въ водѣ по горло.
А въ это время былъ король ужъ близко.
Вдругъ началъ Котъ кричать: разбой! разбой!
Сюда, пародъ! — Что сдѣлалось? подѣхавъ,
Спросилъ король. — „Маркиза Карабаса
„Ограбили и бросили въ рѣку;
„Онъ тонетъ.“ — Тутъ, по слову короля,
Съ нимъ бывшіе придворные чины
Весь кипулись ловить въ водѣ маркиза.
А королю Котъ на ухо шепнулъ:
Я долженъ Вашему Величеству донести,
Что бѣдный мой маркизъ совсѣмъ раздѣтъ;
Разбойники все платье унесли
(А платье самъ мошенникъ спряталъ въ кустъ).
Король велѣлъ, чтобы одинъ изъ бывшихъ
Съ нимъ государственныхъ министровъ снялъ
Съ себя мундиръ и далъ его маркизу.
Министръ тотчасъ раздѣлся за кустомъ;
Маркиза же въ его мундиръ одѣли;
И Котъ его представилъ королю;
И королемъ былъ ласково онъ принять.
А такъ какъ онъ красавецъ былъ собою,
То и совсѣмъ не мудрено, что скоро

И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундиръ
(Хотя на немъ и не сосвѣмъ въ обтяжку
Сидѣлъ онъ, потому, что брюхо было
У королевскаго министра) видъ
Ему отличный придавалъ — короче,
Маркизь понравился; и съестъ съ собой
Въ коляску пригласилъ его король;
А смѣтливый нашъ Коть во весь лопатки
Впередъ бѣжать пустился. Вотъ увидѣлъ
Онъ на лугу широкомъ косарей,
Сбравшихъ сно; Коть имъ закричалъ:
Король проѣдетъ здѣсь; и если вы
Ему не скажете, что этотъ лугъ
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король, проѣхавъ,
Спросилъ: кому такой прекрасной лугъ
Принадлежитъ? — Маркизу Карабасу,
Всѣ закричали разомъ косари
(Въ такой ихъ страхъ привелъ проворный Коть).
Богатые луга у васъ, маркизь,
Король замѣтилъ. А маркизь, смиренный
Принявши видъ, отвѣтствовалъ: луга
Изрядные. Тѣмъ временемъ поспѣшно
Впередъ ушедшій Коть увидѣлъ въ полѣ
Жнецовъ: они въ снопы вязали рожь.
Жнецы, сказалъ онъ, ѣдетъ близко нашъ

Король. Онъ спроситъ васъ: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежитъ маркизу Карабасу,
То онъ васъ всѣхъ прикажетъ изрубить
На мелкіе куски. — Король провхалъ.
Кому принадлежитъ здѣсь поле? онъ
Спросилъ жнецовъ. — Маркизу Карабасу,
Жнецы ему съ поклономъ отвѣчали.
Король опять сказалъ: маркизь, у васъ
Богатыя поля. Маркизь на то
По-прежнему отвѣтствовалъ смиренно:
Изрядныя. А Котъ бѣжалъ впередъ
И встрѣчныхъ всѣхъ училъ, какъ королю
Имъ отвѣчать. Король былъ пораженъ
Богатствами маркиза Карабаса.
Вотъ наконецъ въ великолѣпный замокъ
Котъ прибѣжалъ. Въ томъ замкѣ людоедъ
Волшебникъ жилъ, и Котъ о немъ ужъ зналъ
Всю подноготную; въ минуту онъ
Смекнулъ, что дѣлать: въ замокъ смѣло
Вошедъ, онъ попросилъ у людоеда
Аудиенціи; и людоедъ,
Принявъ его, спросилъ: какую нужду
Вы, Котъ, во мнѣ имете? На это
Котъ отвѣчалъ: почтенный людоедъ,
Давно слухъ носится, что будто вы
Умете во всякой превращаться,
Какой задумаете, видъ; хотѣлъ бы

Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вамъ? „Это правда; сами, Котъ,
Увидите.“ — И мигомъ онъ явился
Ужаснымъ львомъ съ густой, косматой гривой,
И острыми зубами. Котъ при этомъ
Такъ струсилъ, что (хоть былъ и въ сапогахъ)
Въ одинъ прыжокъ подъ кровлей очутился.
А людоедъ, захохотавши, принялъ
Свой прежній видъ и попросилъ Кота
Къ нему сойти. Спустившись съ кровли, Котъ
Сказалъ: хотѣлось бы однако знать мнѣ,
Вы можете ль и въ маленькаго звѣря,
Вотъ на примѣръ, въ мышенка превратиться?
„Могу, сказалъ съ усмѣшкой людоедъ,
Что жъ тутъ мудренаго?“ — И онъ явился
Вдругъ маленькимъ мышенкомъ; Котъ того
И ждалъ; онъ разомъ цапъ! и съѣлъ мышенка.
Король тѣмъ временемъ, подѣхалъ къ замку,
Остановился и хотѣлъ узнать,
Чей былъ онъ. Котъ же, рассчитавшись
Съ его владѣльцемъ, ждалъ ужъ у воротъ,
И въ поясъ кланялся, и говорилъ:
Не будетъ ли угодно, Государь,
Пожаловать на перепутьи въ замокъ
Къ маркизу Карабасу? — Какъ, маркизь,
Спросилъ король, и этотъ замокъ вамъ же
Принадлежитъ? Признаться, удивляюсь;
И будетъ мнѣ пріятно побывать въ немъ. —

И приказалъ король своей коляскѣ
Къ крыльцу подъѣхать; вышелъ изъ коляски;
Принцессѣ жъ руку предложилъ маркизъ;
И всѣ пошли по лѣстницѣ высокой
Въ покои. Тамъ въ пространной галереѣ
Былъ столъ накрытъ и полдникъ приготовленъ
(На этотъ полдникъ людоедъ позвалъ
Прятелей; но тѣ, узнавъ, что въ замкѣ
Король былъ, не вошли, и всѣ домой
Отправились). И, сѣвъ за столъ роскошный,
Король велѣлъ маркизу сѣсть межъ нимъ
И дочьрю; и стали пировать.
Когда же въ головѣ у короля
Вино позашумѣло, онъ маркизу
Сказалъ: хотите ли, маркизъ, чтобъ дочь
Мою за васъ я выдалъ? — Честь такую
Съ неимовѣрной радостію принялъ
Маркизъ. И свадьбу вмгъ сыграли. Котъ
Остался при дворѣ и былъ въ чины
Произведенъ; и въ бархатныхъ являлся
Въ дни табельные сапогахъ. Онъ бросилъ
Ловить мышей, а если и ловилъ,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь, и сплнъ, который нажилъ
Подъ старость при дворѣ, воспоминаемъ
О свѣтлыхъ дняхъ минувшаго разсѣять.

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ.

КОРСИКАНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Въ кустахъ, которыми была покрыта Долина Порто-Веккіо, со всехъ Сторонъ звучали голоса и часто Гремяли выстрѣлы; то былъ отрядъ Разсылныхъ егерей; они ловили Бандита стараго Саньеро; но, Проворно межъ кустовъ ныряя, въ руки Имъ не давался онъ, хотя на вылетъ Прострѣленъ пулей былъ. И вотъ, на верхъ Горы взбѣжавъ, онъ хижины достигнулъ, Въ которой жилъ съ своей семьей Маттео Фальконе; но къ несчастью въ это время Одинъ лишь мальчикъ, сынъ его, былъ дома: Онъ у воротъ стоялъ и на долину Смотрѣлъ, прислушиваясь къ шуму. Вдругъ, Изъ ближнихъ выбѣжавъ кустовъ, Саньеро

Бросается къ нему и говоритъ:

— Спаси меня; я раненъ; егеря
За мною гонятся; они ужъ близко! —
„Да я одинъ; отца нѣтъ дома; съ нимъ
Ушла и мать.“ — Что нужды! спрячь меня
Скорѣй. — „Да что отецъ на это скажетъ?“ —
Отецъ тебя похвалитъ: отъ меня жъ
На память вотъ тебѣ монета. — Мальчикъ,
Монету взявши, ввелъ на дворъ Саньеро;
Онъ спрятался тамъ въ сѣно; Fortunato жъ
(Такъ звали мальчика) проворно сѣномъ
Его закрылъ, и кровь втопталъ въ песокъ,
И видъ спокойный принялъ. Въ этотъ мигъ
Вбѣжалъ на дворъ съ своими Гамба (главный
Разсылщикъ; онъ былъ родственникъ Маттео).
Не попался ли тебѣ Саньеро?
У мальчика спросилъ онъ; вѣрно здѣсь
Его ты видѣлъ. — „Нѣтъ, я спалъ.“ — Ты лжешь;
Когда стрѣляютъ, спать нельзя. — „Да мой
Отецъ стрѣляетъ громче васъ, а я,
И тутъ не просыпаюсь.“ — Отвѣчай же,
Куда ушелъ Саньеро? Ты его
Здѣсь видѣлъ; правду говори, не то
Тебѣ достанется. — „Попробуй тронуть
Меня хоть пальцемъ; мой отецъ Маттео
Фальконе, знаешь?“ — Твой отецъ тебя
За то, что лжешь ты, высъчетъ. — „Анъ нѣтъ,
Не высъчетъ.“ — Да гдѣ же твой отецъ? —

Онъ въ лѣсъ пошелъ за дичью; видишь самъ,
Что я одинъ.“ — Къ товарищамъ тогда
Въ недоумьныи обратившись, Гамба
Сказалъ: кровавый слѣдъ привелъ насъ прямо
Сюда; онъ вѣрно здѣсь; но этотъ домъ
Обыскивать не стану я; съ Маттео
Фальконе ссориться опасно. — Гамба
Стоялъ нахмурившись и тыкалъ въ сѣно
Своимъ штыкомъ, не думая, чтобъ тамъ
Саньеро спрятанъ былъ; а Фортунато,
Какъ будто безъ намѣренья цѣпочкой
Часовъ его играя, непримѣтно
Его отвести отъ мѣста роковаго
Старался. Гамба, вынувъ изъ кармана
Часы, сказалъ: я ужъ давно тебѣ
Подарокъ, Фортунато, приготовилъ.
Вѣдь у тебя до сихъ поръ нѣтъ часовъ? —
„Отецъ сказалъ, что мнѣ ихъ дастъ, какъ скоро
Двѣнадцать лѣтъ мнѣ будетъ.“ — А тебѣ
Теперь лишь только десять. Эта пѣсня
Долга. Вотъ посмотри сюда, какіе
Прекрасные часы. — И онъ на солнцѣ
Вертелъ ихъ, и они сверкали ярко.
Глазами жадными за ними бѣгаль
Встревоженный ихъ блескомъ Фортунато.
Футляръ съ эмалью, стрѣлки золотыя,
И голубой узорной циферблатъ
Ну что же, гдѣ Саньеро? — „А часы

Ты дашь мнѣ? — Дамъ. — И Гамба поднялъ выше
Часы; какъ чаша роковыхъ вѣсовъ,
Надъ головой ребенка, раза два
Шатнувшись, они остановились.
Онъ искушенія не вынесъ; въ немъ
Вся внутренность зажглась; какъ въ лихорадкѣ
Онъ задрожалъ, и, правую тихонько
Поднявши руку, вдругъ, какъ зверь когтями,
Схватилъ часы, а лѣвою рукою,
Закинувъ за спину ее, въ молчаньи
На сѣно Гамбъ указалъ. Безъ словъ
Былъ конченъ торгъ кровавый. Fortunato,
Добычу взявъ, о проданной имъ жертвѣ
Забылъ. Саньеро изъ-подъ сѣна тутъ же
Былъ вытащенъ: съ презрѣньемъ поглядѣлъ онъ
На мальчика, и, въ руки егерямъ
Отдавшись, сказалъ: другъ Гамба, ты
Ужъ въ этомъ мнѣ конечно не откажешь,
Найди носилки; я итти не въ силахъ;
Весь кровью изошелъ я; признаюсь,
Стрѣлять ты мастеръ, и въ меня такъ ловко
Попадь, что ужъ теперь со мной конецъ;
Но видѣть могъ ты также, что и я
Не промахъ. — И о немъ, какъ о родномъ
(Любя за храбрость и врага), они
Заботиться усердно принялись.
Ему хотѣлъ монету Fortunato
Отдать назадъ; но молча оттолкнулъ

Онъ мальчика, которъй, уронивъ
Монету, отошелъ краснѣя въ уголь.
Маттео, въ это время возвращаясь
Съ женою изъ лѣса, гостей незваныхъ
Увидѣлъ въ хижинѣ; поспѣшно онъ
Свое ружье на выстрѣль приготовилъ,
И подаль знакъ женѣ, чтобъ и она
Съ другимъ ружьемъ была готова. Смѣло
И осторожно онъ подходитъ. Гамба,
Его вдали узнавши, закричалъ:
„Маттео, это мы, друзья!“ И тихо,
Въ его лице всмотрѣвшись, онъ дуло
Ружья нацѣленного опустилъ.
„Маттео — Гамба продолжалъ, къ нему
На встрѣчу вышедъ — мы лихаго
Поймали звѣря; но добыча эта
Намъ дорого досталась: двое изъ нашихъ
Легли.“ — Кого? — „Саньеро, твоего
Прятеля; вѣдь онъ и у тебя
Украсть двухъ козъ.“ — То правда: но большая
Семья у бѣдняка; а голодъ, знаешь,
Не свой братъ. — „Вотъ стрѣлокъ! Отъ насъ бы вѣрно
Онъ ускользнулъ, когда бъ не Фортунато,
Мальчишка твой, помогъ намъ.“ — Фортунато!
Маттео вскрикнулъ. — Фортунато! мать
Со страхомъ повторила. — „Да! Саньеро
Здѣсь въ сѣно спрятался; а Фортунато
Его и выдалъ намъ; за это всѣ вы

Получите спасибо отъ начальства.“ —
Холоднымъ потомъ обдало Маттео;
Онъ въ хижину вошелъ. Тамъ егеря
Вкругъ старика, который чуть дышалъ,
Отъ раны изнемогши, суетились;
И, чтобъ ему лежать покойнѣй было,
Свои плащи постлали на носилки.
Не шевелясь и молча, онъ смотрѣлъ
На ихъ работу; но какъ скоро шумъ
Услышалъ и, глаза поднявъ, увидѣлъ
Въ дверяхъ стоящаго Маттео, громко
Захохоталъ, и страшень былъ тотъ хохоть.
Онъ плюнулъ на стѣну, и, задыхаясь,
Глухимъ, осиплымъ голосомъ сказалъ:
Будь проклятъ этотъ домъ; Иуды здѣсь
Предатели живутъ! — Какъ полотно
Маттео поблѣднѣлъ, и кулакомъ
Себя ударилъ въ лобъ; онъ былъ, какъ мертвый,
Стоялъ безгласно. Вотъ ужъ старика
Уклали на носилки, понесли
Изъ хижины: вельдѣ за другими Гамба,
Хозяину пожавши руку, вышелъ;
И вотъ ужъ весь пропали за кустами.
Маттео ничего не замѣчалъ;
Онъ, губы стиснувъ, яростно и страшно
Смотрѣлъ на сына. Фортунато, робко
Подкравшись, хотѣлъ отцеву руку
Поцѣловать; Маттео взвизгнулъ: прочь!

У мальчика подрезалися ноги;
Не въ силахъ былъ онъ убѣжать, и блѣдный,
Къ стѣнѣ прижавшись, плакалъ и дрожалъ.
„Моя ль въ немъ кровь?“ сверкнувши на жену
Глазами тигра, закричалъ Маттео? —
Вѣдь я жена твоя, она сказала,
Вся покраснѣвъ. — „И онъ предатель!“ — Тутъ
Рыдающая мать, взглянувъ на сына,
Увидѣла часы. — Кто далъ тебѣ ихъ?
Она спросила. — „Дядя Гамба.“ — Вырвавъ
Съ свирѣпымъ бѣшенствомъ изъ рукъ у сына
Часы, ударилъ оземь ихъ Маттео,
И въ дребезги они разбились. Долго
Потомъ, какъ будто въ забытѣи, стучалъ
Ружьемъ онъ въ полъ; потомъ, очнувшись, сыну
Сказалъ: за мной! — И онъ пошелъ; за нимъ
Пошелъ и сынъ. Неся ружье подъ мышкой,
Онъ прямо путь направилъ къ лѣсу. Мать,
Схвативъ его за полу платья: онъ
Твой сынъ! твой сынъ! кричала. Вырвавъ полу
Изъ рукъ ея, онъ прошепталъ: а я
Его отецъ, пусти. — Поцѣловавши
Съ отчаяньемъ невыразимымъ сына,
И руки судорожно сжавъ, въ дверяхъ
Осталась мать, чтобы хотя глазами
Ихъ проводить; когда жъ они изъ глазъ
Вдали исчезли, плача и рыдая
Передъ Мадоною она упала.

Маттео, въ лѣсъ вошедши, на полянѣ,
Деревьями густыми окруженной,
Остановился. Землю онъ ружьемъ
Копнулъ: земля рыхла. „Стань на колѣни,
Ребенку онъ сказалъ, читай молитву.“
Ставъ на колѣни, мальчикъ руки поднялъ
Къ отцу, и завизжалъ: отецъ, прости
Меня; не убивай меня, отецъ. —
„Читай молитву.“ — Мальчикъ, задыхаясь,
Пролепеталъ со страхомъ: Отче нашъ
И Богородицу. „Ты кончилъ?“ — Нѣтъ,
Еще одну я знаю литанею;
Ее мнѣ выучить отецъ Франческо
Велѣлъ. — „Она длинна; но съ Богомъ.“ — Дуломъ
Ружья подперши лобъ, онъ руки сжалъ
И про себя за сыномъ повторилъ
Его молитву. Кончивъ литанею,
Сынъ замолчалъ. „Готовъ ты?“ — Ахъ, отецъ,
Не убивай меня. — „Готовъ ты?“ — Ахъ!
Прости меня, отецъ. — „Тебя проститъ
Всевышній Богъ.“ И выстрѣлъ загремѣлъ.
Отъ мертваго отворотивъ глаза,
Пошелъ назадъ Маттео. На ногахъ онъ
Былъ твердъ; но жизни не было въ его
Лицѣ; съ подпорой старости своей
И сердце онъ свое убилъ. Онъ шелъ
За заступомъ, чтобы могилу вырыть
И тѣло схоронить. Ему на встрѣчу,

Услышавъ выстрѣль , кинулась жена :
„Мое дитя ! нашъ сынъ ! что сдѣлалъ ты ,
Маттео ?“ — Долгъ свой . Тамъ онъ на полянѣ
Лежить . По немъ поминки будутъ : онъ ,
Какъ Христіанинъ , умеръ съ покаяньемъ ;
Господь его младенческую душу
Помилуетъ и успокоитъ . Ты же ,
Когда сберешься съ силой , объяви
Паоло , зятю нашему , мою
Рѣшительную волю , чтобъ онъ нынче жъ
Къ намъ на житье съ женой переселился .

ДВѢ ПОВѢСТИ.

ПОДАРОКЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ ИЗДАТЕЛЮ
МОСКВИТЯНИНА.

Дошли ко мнѣ на берегъ Майна слухи,
Что ты, мой другъ, теперь сталъ и Москвичъ
И Москвитянинъ. Въ добрый часъ, приняться
Давнымъ давно пора тебѣ за дѣло.
Меня жъ взяла охота подарить
Тебя и твой журналъ на новый годъ
Своимъ добромъ, чтобъ старости своей
По старому хотя на мигъ одинъ
Дать съ молодостью вашей разгуляться.
Но чувствую, что на пиру ея,
Гдѣ все кишитъ, поетъ, кружится, блещетъ,
Неловко старику; на вашъ ужъ ладъ
Мнѣ не поется; лѣта изменили
Мою поэзію; она теперь,
Какъ я, состарѣлась и присмирѣла;
Не увлекается хмельнымъ восторгомъ;

У рубежа вечерней жизни сидя,
На прошлое безъ грусти обращаетъ
Глаза и, думая о томъ, что насъ
Въ грядущемъ ждетъ, молчитъ. Но все однако
На новый годъ мнѣ *должно* подарить
Тебя и твой журналъ. Другъ, даровому
Коню, ты знаешь самъ, не смотреть въ зубы.
И такъ прошу принять мой лентъ вдовицы.

Недавно мнѣ случилось найти
Преданіе о древнемъ Александрѣ
Въ Талмудѣ. Я хочу преданье это
Здѣсь рассказать такъ точно, какъ оно
Разсказано въ Еврейской древней книгѣ.
Черезъ песчаную пустыню шель
Съ своею ратью Александръ; въ страну,
Лежавшую за рубежомъ пустыни,
Онъ несъ войну. И вдругъ пришелъ къ рѣкѣ
Широкой онъ. Измученный путемъ
По знойному песку, на тучномъ брегѣ
Рѣки онъ рать остановилъ; и скоро вся
Она заснула въ глубинѣ долины,
Прохладою потока освѣженной.
Но Александръ заснуть не могъ; и въ зной,
И посреди спокойствія долины,
Гдѣ не было слѣда тревогъ житейскихъ,
Нетерпѣливой онъ кипѣлъ душою;
Ее и мигъ покоя раздражалъ;

Погибель войскъ, разрушенные троны,
Побѣда, власть, вселенной рабство, слава
Носилися предъ ней, какъ привидѣнья.
Онъ подошелъ къ потоку, наклонился,
Рукою зачерпнулъ воды студеной
И напился; и чудно освѣжила
Божественно-цѣлительная влага
Его всѣ члены; въ грудь его проникла
Удвоенная жизнь. И понялъ онъ,
Что изъ страны, благословенной небомъ,
Такой потокъ былъ долженъ вытекать,
Что близъ его истоковъ надлежало
Цвѣсти земному счастью; что вѣрно
Тамъ въ благоденствіи, въ богатствѣ, въ мирѣ
Свободные народы ликовали.
Туда! туда! съ мечемъ, съ огнемъ войны!
Моей они должны поддаться власти,
И отъ меня удѣлъ счастливый свой
Принять, какъ даръ моей щедроты царской.
И онъ велѣлъ греметь трубъ военной;
И раздалась труба, и пробудилась,
Минутный сонъ вкусивши, рать; и быстро
Ея потокъ, кипящій истребленьемъ,
Вдоль мирныхъ береговъ рѣки прекрасной
Къ ея истокамъ свѣтлымъ побѣжалъ.
И много дней, не достигая цѣли,
Вель Александръ свои полки. Куда же
Онъ наконецъ привелъ ихъ? Ко вратамъ

Эдема. Но предъ нимъ не отворился
Эдемъ; былъ стражъ у вратъ съ такимъ ужасно
Пылающимъ мечемъ, что задрожала
И Александрова душа, его
Увидя. Стой, сказалъ привратникъ чудный,
Кто бъ ни былъ ты, сюда дороги нѣтъ.
„Я царь земли, воскликнулъ Александръ,
Прогнѣванный нежданымъ запрещеньемъ.“ —
Царемъ земныхъ царей я здѣсь поставленъ. —
„Я Александръ!“ — Ты самъ свой приговоръ,
Назвавшись, произнесъ; одни страстей
Мятежныхъ обуздатели, одни
Душей смиренные вратами жизни
Вступаютъ въ рай; тебѣ жъ подобнымъ, міра
Грабителямъ, ненасытимо жаднымъ,
Рай затворенъ. На это Александръ:
И такъ назадъ мнѣ должно обратиться,
Тогда, какъ я уже стоялъ ногой
На этихъ ступеняхъ, туда проникнувъ,
Гдѣ отъ созданья міра ни одинъ
Изъ смертныхъ не бывалъ. По крайней мѣрѣ
Дай знаменіе мнѣ, чтобы могла
Провѣдать вся земля, что Александръ
У вратъ Эдема былъ. На это стражъ:
Вотъ знаменье; да просвѣтитъ оно
Твой темный умъ высокимъ разуменьемъ;
Возьми. — Онъ взялъ; и въ путь пошелъ обратный;
А на пути, созвавши мудрецовъ,

Передъ собою знаменье вельвъ
Имъ изъяснить. Миѣ! повторялъ онъ въ гнѣвъ,
Миѣ! Александру! даръ такой презрѣнный!
Кусокъ истлѣвшей кости! — Сынь Филипповъ,
На то сказалъ одинъ изъ мудрецовъ,
Не презирай истлѣвшей этой кости;
Умѣй спросить и дастъ тебѣ отвѣтъ.
Тутъ принести вельвъ мудрецъ всы; —
Одну изъ чашъ онъ золотомъ наполнилъ;
Въ другую чашу кость онъ положилъ,
И чудо! золото перетянуло
Кость. Изумленъ Александръ; онъ вдвое
Вельвъ насыпать золота; онъ самъ
Свой скипетръ золотой, свою корону,
И съ ними тяжкій мечъ свой бросилъ въ чашу
Ни на волосъ она не опустилась.
Затрепеталъ на тронъ царь могучій;
И онъ спросилъ: какою тайной силой
Нарушенъ здѣсь законъ природы? Чѣмъ
Ей власть ея возможно возвратить? —
Щепоткою земли, сказалъ мудрецъ.
И бросилъ онъ на кость земли щепотку;
И чаша съ костью быстро поднялася,
И быстро чаша съ золотомъ упала.
Мудрецъ сказалъ: великій Государь,
Былъ цѣкогда подобный твоему
Разрушенъ черепъ; въ немъ же эта кость
Была частвцею виадины, въ которой

Глазъ, твоему подобный, заключался.
 Глазъ человѣческій въ объемъ малъ;
 Но съ ненасытной жадностью объемлетъ
 Онъ все, что насъ здѣсь въ области видный
 Такъ увлекательно шлѣбуетъ; цѣлый
 Онъ міръ готовъ сожрать голоднымъ взоромъ.
 Все золото земное всыпьте въ чашу,
 Всѣ скипетры и всѣ короны бросьте
 На золото. все будетъ мало; но
 Покрой его щепоткою земли —

И пропадетъ его ненасытимость;
 Сквозь легкій праха грузъ ужъ не пробьется
 Онъ жаднымъ взоромъ. Ты жъ, великій царь,
 Въ семъ знаменьи уразумѣй прямое
 Значеніе и времени и жизни.

Ненасытности передъ тобою

Лежитъ символъ въ истлѣвшей этой кости.
 Но царь внималъ съ поникшею головою;
 Съ челомъ нахмуреннымъ. Вдругъ онъ вскочилъ;
 Сверкнулъ на всѣхъ могучимъ окомъ льва;
 И возгласилъ такъ громко, что скалы
 Окрестныя ужасный дали голосъ:
 Гремни труба! впередъ, мои дружины!
 Жизнь коротка; уходитъ время; стыдъ
 Тому, кто жизнь и время праздно тратитъ.
 И вихрями взвился песокъ пустыни;
 И рать великая, какъ змѣй съ отверзтымъ
 Голоднымъ зѣвомъ, шумно побѣжала

Къ предѣламъ Индіи. Завоеватель
Потоками миль кровь, и побѣждалъ,
И съ каждою побѣдой разгорался
Спльвнѣйшей жаждою победы новой,
И наконецъ они ему шепоткой
Земли глаза покрыли — онъ утихъ.

Но кажется, почтенный Москвитянинъ,
Что мой тебѣ подарокъ въ новый годъ,
Некстати мраченъ: гробовая кость,
Земля могильная, ничтожность славы,
Тщета величій . въ новый годъ дарить
Такимъ добромъ пеловко; виновать,
И вотъ тебѣ разсказъ повеселе.

Жилъ на востокъ царь; а у царя
Жилъ во дворецъ мудрецъ: онъ назывался
Керимъ, и царь его любилъ, и съ нимъ
Бесѣдовалъ охотно. Разъ случилось,
Что задасть царь такой вопросъ Кериму:
Съ чѣмъ можемъ мы сравнить земную жизнь
И свѣтъ? Но на вопросъ мудрецъ невдругъ
Отвѣтствовалъ; онъ попросилъ отсрочки
Сначала на день, послѣ на два, послѣ
На цѣлую недѣлю; наконецъ
Пришелъ къ царю и такъ ему сказалъ:
Вопросъ твой, Государь, перазрѣшимъ.
Мой слабый умъ его объять не можетъ;

Позволь людей мудрѣйшихъ мнѣ спросить.
И въ путь Керимъ отправился искать
Отвѣта на вопросъ царя. Сначала
Онъ посѣтилъ одинъ богатый городъ,
Гдѣ, говорили, находился славный
Философъ; но философъ тотъ имѣлъ
Великолѣпный домъ, былъ другъ сердечный
Царя, жилъ самъ, какъ царь, и упивался
Изъ полной чаши сладостию жизни.
Керимъ ему вопросъ свой предложилъ.
Онъ отвѣчалъ: свѣтъ уподобить можно
Великолѣпной пировой палатѣ,
Гдѣ всякій часъ открытый столъ — садись
Кто хочетъ и пируй. Надъ головою
Гостей горять и ходять звезды неба;
Ихъ слухъ плѣняютъ звонкимъ хоромъ птицы;
Для нихъ цветы благоуханно дышать,
А на столахъ предъ ними безъ числа
Стоять съ ѣдою блюда золотыя,
И янтаремъ кипящимъ въ чашахъ блещеть
Вино; и все кругомъ ласкаетъ чувства.
И гости весело сидятъ другъ съ другомъ,
Бесѣдуютъ, смѣются, шутятъ, спорятъ;
И новые подходятъ безпрестанно;
И каждому есть мѣсто; кто жъ довольно
Насытился, встаетъ, и съ тѣми, кто
Сидѣли съ нимъ, простясь, уходитъ спать
Домой, хозяину сказавъ: спасибо

За угощенье. Вотъ и свѣтъ и жизнь.
Керимъ философу не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: твоя картина, другъ
Философъ, невѣрна; не все мы здѣсь
Съ гостями пьемъ, ѣдимъ и веселимся;
Немало есть голодныхъ, одинокихъ
И плачущихъ. — Кериму тутъ сказали,
Что недалеко жилъ въ густомъ лѣсу
Отшельникъ пажобный, смиренномудрый.
Ему убѣжищемъ была пещера:
Онъ спалъ на голомъ камнѣ; ѣлъ одни
Коренья, пилъ лишь воду; дни и ночи
Всѣ проводилъ въ молитвѣ. И немедля
Къ нему отправился Керимъ. Отшельникъ
Ему сказалъ: послушай; черезъ степь
Однажды велъ верблюда путникъ; вдругъ
Верблюдъ озлился, началъ страшно фыркать,
Храпѣть, бросаться; путникъ испугался
И побѣжалъ; верблюдъ за нимъ. Куда
Укрыться? Степь пуста. Но вотъ увидѣлъ
У самой онъ дороги водоемъ
Ужасной глубины, но безъ воды;
Изъ нѣдра темнаго егѳ торчали
Вѣтвями длинными кусты малины,
Разросшейся межъ трещинами стѣнъ,
Покрытыхъ мохомъ старины. Въ него

Гонимый бѣшенымъ верблюдомъ путникъ
Въ испугъ прынулъ ; онъ за гибкій сукъ
Малины ухватился и повисъ
Надъ темной бездной. Голову поднявъ ,
Увидѣлъ онъ разинутую пасть
Верблюда надъ собой : его схватить
Рвался ужасный звѣрь. Онъ опустилъ
Глаза ко дну пустаго водоема :
Тамъ змѣй ворочался, и на него
Зіялъ голоднымъ звѣвомъ , ожидая,
Что онъ, съ куста сорвавшись , упадетъ.
Такъ онъ висѣлъ на гибкой тонкой вѣткѣ
Межъ двухъ погибелей. И что жъ еще
Ему представилось ? Въ томъ самомъ мѣстѣ,
Гдѣ кустъ малины (за который онъ
Держался) корнемъ въ землю сквозь проломъ
Стѣны состарѣвшейся водоема
Входилъ , двѣ мыши , бѣлая одна ,
Другая черная , сидѣли рядомъ
На корнѣ , и его поочередно
Съ большою жадностію грызли , землю
Со всѣхъ сторонъ скребли , и обнажали
Всѣ вѣтви корня , а когда земля
Шумѣла , падая на дно , оттуда
Выглядывалъ проворно змѣй , какъ будто
Снѣша провѣдать , скоро ль мыши корень
Перегрызутъ , и скоро ль съ ношей кустъ
Къ нему на дно обрушится. Но что же ?

Вися падъ этимъ страшнымъ дномъ, безъ всякой
 Надежды на спасенье, вдругъ увидѣлъ
 На ближней вѣтвѣ путникъ много ягодъ
 Малины, зрѣлыхъ, крупныхъ: сильно
 Желаніе полакомиться ими
 Зажглося въ немъ; онъ все тутъ позабылъ:
 И грознаго верблюда надъ собою,
 И подъ собой на днѣ далекомъ змья,
 И двухъ мышей коварную работу;
 Оставилъ онъ вверху храпѣть верблюда,
 Внизу зѣвать голодной пастью змья,
 И въ сторону грызть корень и копаться
 Въ землѣ мышей — а самъ, рукой добравшись
 До ягодъ, началъ ихъ спокойно рвать
 И ѣсть; и страхъ его пропалъ. Ты спросишь:
 Кто этотъ жалкій путникъ? *Человѣкъ.*
 Пустыня жъ съ водоемомъ *Святъ*; а путь
 Черезъ пустыню наша *Жизнь* земная;
 Гопящейся за путникомъ верблюдъ
 Есть врагъ души, тревогъ создатель, *Грѣхъ*:
 Намъ гибелью грозить онъ; мы жъ беспечно
 На вѣткѣ трепетной висимъ падъ бездной,
 Гдѣ въ темнотѣ могильной скрыта *Смерть* —
 Тотъ змѣй, который, пасть разинувъ, ждетъ,
 Чтобъ вѣтка тонкая переломилась.
 А мыши? Ихъ названье *День* и *Ночь*,
 Безъ отдыха, смѣлаясь, онъ
 Работаютъ, чтобъ сукъ твой, вѣтку жизни,

Которая межъ смертію и свѣтомъ
Тебя невѣрно держитъ, перегрызть ;
Прилежно черная грызеть всю ночь ,
Прилежно бѣлая грызеть весь день ;
А ты, прельщенный ягодой душистой ,
Усладой чувствъ, желаній утоленьемъ,
Забылъ и грѣхъ — верблюда въ вышнѣ ,
И смерть — внизу зіяющаго змѣя ,
И быструю работу дня и ночи —
Мышей грызущихъ тонкій корень жизни ;
Ты все забылъ — тебя манитъ одно
Невѣрное минуты наслажденье.
Вотъ свѣтъ и жизнь и смертный человѣкъ.
Доволенъ ли ты повѣстью моею ?
Керимъ отшельнику не отвѣчалъ
Ни слова ; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе поѣхалъ ; про себя же
Такъ разсуждалъ : святой отшельникъ , твой
Разсказъ замысловатъ , но моего
Вопроса онъ еще не разрѣшилъ ;
Не такъ печальна наша жизнь , какъ степь ,
Ведущая къ одной лишь безднѣ смерти ;
И не однимъ минутнымъ наслажденьемъ
Пльняется безопасно человѣкъ.
И ѣхалъ онъ , куда глаза глядятъ.
Вотъ повстрѣчался съ нимъ какой-то странный ,
Убогимъ рубищемъ покрытый путникъ.
Онъ шелъ босой ; черезъ плечо висѣла

Котомка; въ ней же было много хлѣба,
 Плодовъ и всякаго добра; онъ самъ,
 Казалось, былъ веселаго ума,
 Глаза его сверкали остротою
 И на лицѣ приятно выражалось
 Простосердечіе. Керимъ подумалъ:
 Задамъ ему на всякій случай мой
 Вопросъ! Быть можетъ дѣло скажетъ этотъ
 Чужакъ. И онъ у нищаго спросилъ:
 Съ чѣмъ можно намъ сравнить земную жизнь
 И свѣтъ? — На это у меня въ запасъ
 Есть повѣсть, нищій отвѣчалъ. Послушай:
 Одинъ *Нильмой* сказалъ *Сльпому*: если
 Увидишь ты *Арфиста*, попроси
 Его ко мнѣ, чтобъ сына моего,
 Въ унылость внадшаго, своей игрою
 Развеселилъ. На то сказалъ *Сльпой*:
 Такого мнѣ *Арфиста* ужъ случалось
 Видать здѣсь; я *Безногий* за нимъ
 Отправлю; онъ его въ одну минуту
 Найдетъ. *Безногий* побѣждалъ и скоро
 Нашелъ *Арфиста*; былъ *Арфистъ* безъ рукъ,
 Но онъ упрямитъ не сталъ, и такъ
 Прекрасно началъ на безструнной арфѣ
 Играть, что меланхоликъ безъ ума
 Расхохотался; то *Сльпой* увидя,
 Всплеснулъ руками; велухъ *Нильмой* хвалить
 Сталъ музыканта, а *Безногий* началъ

Плясать и такъ распрыгался, что много
Сбѣжалось людей, и изъ толпы
Вдругъ выскочило *Дуракъ*. онъ изъявилъ
Арфисту, прыгуну и всемъ другимъ
Свое благоволенье. Мимо ихъ
Прошла тихонько *Мудрость*, и, увидя,
Что дѣлалось, шепнула про себя:
Таковъ смѣшной, безумный, жалкій свѣтъ,
И такова на свѣтъ наша жизнь.
Доволенъ ли ты повѣстью моею?
Керимъ прохожему не отвѣчалъ
Ни слова; онъ печально съ нимъ простился
И далѣе похалъ; про себя же
Такъ разсуждалъ: затѣйливъ твой разсказъ;
Но моего вопроса не рѣшилъ онъ.
Хотя мы въ жизни много пустоты,
Дурачества и лжи встрѣчаемъ, но
И высшая значительность и правда
Святая въ ней заключены благимъ
Создателемъ. Подумавъ такъ, рѣшился
Керимъ отправиться въ обратный путь,
Чтобъ донести царю, что ни какого
Не удалось ему найти отвѣта
На заданный вопросъ. Дорогой онъ
Молился Богу, чтобъ своею правдой
Богъ просвѣтилъ его разсудокъ темный,
И жизни таинство ему открылъ.
И предъ царя явился онъ съ веселымъ

Лицемъ, и все, что свѣдалъ отъ другихъ,
Ему пересказалъ; а царь спросилъ:
Что жъ напоследокъ самъ теперь, Керимъ,
Ты думаешь? — Сперва благоволи,
Сказалъ Керимъ, услышать, что со мной
Самимъ случилось на пути. Известно
Тебѣ, что я лишь только по твоей
Высокой волѣ въ этомъ трудный путь
Отправился, что, милостию царской
Хранимый, я вездѣ проводниковъ
Имѣлъ, и пищу находилъ дневную,
И ни какихъ не испыталъ тревогъ.
Что жъ на дорогъ добраго, худаго
Мнѣ повстрѣчалось, о томъ нѣтъ нужды
Упомянуть — оно ничто въ сравненьи
Съ той бездной благодати, какими ты такъ щедро,
Мой царь, меня осыпалъ. И мое
Одно желанье было: *угодить*
Тебѣ, съ усердіемъ стараясь правду
Найти между людьми, чтобъ, возвратившись,
Тебѣ отчетъ принести въ своихъ трудахъ.
Теперь ты самъ рѣши по царской правдѣ:
Достоинъ ли я милости твоей?
Царь, не сказавъ ни слова, подалъ руку
Въ знакъ милости Кериму. Умиленно
Керимъ ее поцѣловалъ; потомъ
Примолвилъ: такъ я думалъ про себя
Во время странствія. Но, подходя

Къ твоимъ палатамъ царскимъ и, печалась,
Что безъ малѣйшаго передъ тобой
Заслуги нынѣ я къ тебѣ, мой царь,
Былъ долженъ возвратиться, вдругъ у самой
Обители твоей, какъ скорлуна
Съ моихъ упала глазъ и я постигнулъ,
Что наша жизнь есть *странствіе по свѣту*
Такое жъ какъ мое, *во исполненіе*
Верховной воли высшаго царя.
Мудрецъ умолкъ; а царь ему сказалъ:
Другъ вѣрный, будь моимъ отцемъ отнынѣ.

И для тебя, мой добрый Москвитянинъ,
Какъ и для всѣхъ, въ обихъ повѣстяхъ
Полезное найдется наставленіе.
Хотя урокъ, такъ безуспѣшно данный
Эдемской костью Александру, болѣ
Земнымъ царямъ приличенъ; но и ты,
Какъ журналистъ, воспользоваться имъ
Удобно можешь: будь въ своемъ журналѣ
Другъ твердый, а не злой наездникъ правды;
Съ журналами другими не воюй;
Ни съ *Библиотекой для чтенія*, ни
Съ *Записками*, ни съ *Сѣверной Пчелою*,
Ни съ *Русскимъ Вѣстникомъ*; живи и жить
Давай другимъ; и обладать одинъ
Вселенною читателей не мысли,

Другой же повѣсти я толковать
Тебѣ не стану; мнѣ давно извѣстно,
Что ты, идя своей земной дорогой,
Смиренно въдаешь: *куда, зачѣмъ*
И *кто* тебѣ по ней пути велить.

КАПИТАНЪ БОПШЪ.

ПОВѢСТЬ.

На корабль купеческомъ Медузъ,
Который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ,
Былъ капитаномъ Бопшъ, морякъ искусный,
Но человекъ недобрый; онъ своихъ
Людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно
Развратенъ, такъ ругался дерзко всякой
Святыней, что его весь экипажъ
Смертельно ненавидѣлъ; наконецъ
Готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану бѣ
Не сдобровать. . . но Богъ рѣшилъ иначе.
Вдругъ занемогъ опасно капитанъ;
Надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ;
Больной же, всеми брошенный, лежалъ
Въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ
Безъ помощи издохъ, какъ зараженный
Чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было

Ему объявлено. Ужъ дни четыре,
Снедаемый болѣзнію, лежалъ
Одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему
Войти, чтобы хоть каплею воды
Его языкъ изсохшій освѣжить,
Иль голову повисшую его
Подушкой подпереть, иль добрымъ словомъ
Его больную душу ободрить;
Онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла
Ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды,
Что въ дверь его вошли, и что ему
Сказалъ умильный голосъ: „каковы
Вы, капитанъ?“ — То мальчикъ Робертъ былъ,
Ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему
Сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ
Больной сурово отвѣчалъ: тебѣ
Какое дѣло? Убирайся прочь!
Однако на другой день мальчикъ снова
Вошелъ въ каюту и спросилъ: „не нужно ль
Чего вамъ, капитанъ?“ — Ты это, Робертъ?
Чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной. —
„Я, капитанъ.“ — Ахъ! Робертъ, я страдалъ
Всю ночь. — „Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ
Вамъ руки и лице; васъ это можетъ
Немного освѣжить.“ — Больной кивнулъ
Въ знакъ своего согласія головою.
А Робертъ, оказавъ ему услугу
Любви, спросилъ: „могу ли, капитанъ,

Теперь обречь васъ?" — Это также было
Ему позволено. Потомъ больнаго Робертъ
Тихонько приподнялъ, его подушки
Поправилъ; наконецъ, смѣле ставши,
Сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ.
И капитанъ спокойно соглашался
На все; онъ глубокó вздыхалъ и съ грустной
Улыбкою на мальчика смотрѣлъ.
Увѣренъ будучи, что отъ своихъ
Людей онъ ни какого милосердья
Надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца
Рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить
Ни слова. Лучше умереть сто разъ,
Онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу.
Но милая заботливость ребенка
Всю внутренность его поколебала;
Непримиримая его душа
Смялчилась и въ глазахъ его, дотоль
Свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы.
Но дни его ужъ были сочтены;
Онъ видимо слабѣлъ и наконецъ
Увѣрился, что жизнь его была
На тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу
Его схватилъ, когда предстали разомъ
Ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть
Проснулась въ немъ; но ей не поддалась бы
Его желѣзная душа; онъ молча бѣ
Покинулъ свѣтъ, озлобленный, ни съ кѣмъ

Не примиренный, если бъ милый голосъ
Ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ
Его не пробудилъ. И вотъ однажды
Когда, опять къ нему вошедши, Робертъ
Спросилъ: „не лучше ли вамъ капитанъ?“
Онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ,
Мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ
Становится ежеминутно хуже.

А съ бѣдною моею душею! . . . . . Что
Мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ!
Меня ждетъ адъ; я ничего инаго
Не заслужилъ; я грѣшникъ, я навѣки
Погибшій человекъ. — „Нѣтъ, капитанъ,
Васъ Богъ помилуетъ; молитесь.“ — Поздно
Молиться; для меня ужъ боль нѣтъ
Надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать?
Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ? — Такъ
Свое дотоль безчувственное сердце
Онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ;
И Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить
Въ немъ бодрость — но напрасно. Разъ, когда
По-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ,
Больной, едва дыша, ему сказалъ:
Послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ,
Что, можетъ быть, на корабль найдется
Евангелъе; попробуй, поищи.
И подлинно Евангелъе нашлося.
Когда его больному подалъ Робертъ,

Въ его глазахъ сверкнула радость. Робертъ,
Сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно
Поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю,
Чего мнѣ ждать и въ чемъ мое спасенье.
Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.
„Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?“ —
Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки
Не бралъ Евангелія; читай, что хочешь,
Безъ выбора, какъ попадется. — Робертъ
Раскрылъ Евангеліе и сталъ читать,
И двѣ часа читалъ онъ. Капитанъ,
Къ нему съ постели голову склонивъ,
Его съ великой жадностію слушалъ;
Какъ утопающій за доску, онъ
За каждое хватался слово; но
При каждомъ словѣ молніею страшной
Душа въ немъ озарялась; онъ вполне
Все недостоинство свое постигнулъ,
И правосудіе Творца предстало,
Ему съ погибелью неизбежной;
Хотя и слышалъ онъ святое имя
Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ
Спасенію. Оставшия одинъ,
Во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ,
Что было читано; но въ этихъ мысляхъ
Его душа отрады не нашла.
На слѣдующій день, когда опять
Вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему

Сказаль: мой другъ, я чувствую, что мнѣ
Земли ужъ не видать; со мною дѣло
Идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду
Я брошенъ черезъ бортъ; но не того
Теперь боюсь я. что съ моею душою,
Съ моею бѣдною душою будетъ!
Ахъ! Робертъ, я погибъ, погибъ навѣки!
Не можешь ль помочь мнѣ? Помолися,
Другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь? —
„Нѣтъ, капитанъ; я ни какой другой
Молитвы, кромъ *Отче нашъ* не знаю;
Я съ матерью вседневно поутру
И ввечеру ее читаль.“ — Ахъ! Робертъ,
Молися за меня; стань на колѣна;
Проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердье;
За это онъ тебя благословить.
Молися, другъ, молися о твоёмъ
Отверженномъ, безбожномъ капитанѣ. —
Но Робертъ медлил; а больной его
Просилъ и убѣждалъ, ежеминутно
Со стономъ восклицая: Царь небесный,
Помилуй грѣшника меня. И оба
Рыдали. — Ради Бога на колѣна
Стань, Робертъ, и молися за меня. —
И увлеченный жалостію мальчакъ
Сталъ на колѣна и, сложивши руки,
Въ слезахъ воскликнулъ: „Господи, помилуй
„Ты моего больного капитана.

„Онъ хочетъ, чтобъ тебѣ я за него
„Молился — я молиться не умью.
„Умилосердись ты надъ нимъ; онъ бѣдный
„Боятся, что ему погибнуть должно —
„Ты, Господи, не дай ему погибнуть.
„Онъ говоритъ, что быть ему въ аду —
„Ты, Господи, возьми его на небо;
„Онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ
„Его душой — ты, Господи, вели,
„Чтобъ Ангелъ твой вступился за него.
„Мнѣ жалокъ онъ; его больнаго всѣ
„Покинули; но я, пока онъ живъ,
„Ему служить не перестану; только
„Спасти его я не умью; сжался
„Надъ нимъ ты, Господи, и научи
„Меня молиться за него.“ — Больной
Молчалъ; невинность чистая, съ какою
Ребенокъ за него молился, всю
Его проникла душу; онъ лежалъ
Недвижимъ, стиснувъ руки, погруживъ
Въ подушки голову и слезъ пошоки
Изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ
Свою молитву, вышелъ; онъ былъ также
Встревоженъ; долго онъ, едва дыханье
Переводя, на палубѣ стоялъ
И перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ
На волны. Ввечеру онъ, возвратившись
Къ больному, до ночи ему читалъ

Евангелъе, и капитанъ его
Съ невыразимымъ слушалъ умиленьемъ.
Когда же Робертъ на другое утро
Опять явился, онъ былъ пораженъ,
Взглянувъ на капитана, перемъной,
Въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ
Усиливалъ естественную дикость
Его лица, посившаго глубокой
Страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ,
Исчезъ; на немъ сквозь покрывало скорби,
Сквозь блѣдность смертную сіяло что-то
Смирненное, веселое, святое,
Какъ будто лучъ той свѣтлой благодати,
Которая отъ Бога къ намъ на вопль
Молящаго раскаянья нисходитъ.
Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной
Сказалъ, какую ночь провелъ я! Что
Со мною было! Я того, мой другъ,
Словами выразить не въ силахъ. Слушай:
Когда вчера меня оставилъ ты,
Я впалъ въ какой-то полусонъ; душа
Была полна евангельской святыней,
Которая проникнула въ нее,
Когда твое я слушалъ чтенъе; вдругъ
Передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели,
Увидѣлъ я — кого же? Самого
Спасителя Христа; онъ пригвожденъ
Былъ ко кресту; и показалось мнѣ,

Что будто всталъ я и приползъ къ его
Ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой,
О коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ,
Иисусъ Христосъ, помилуй. И тогда
Мнѣ показалось, будто на меня —
Да! на меня, мой другъ, на твоего
Злодѣя капитана онъ взглянулъ
О какъ взглянулъ! какими описать
Словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ;
Вся къ сердцу кровь прихлынула; душа
Наполнилась тоскою смерти; въ страхъ,
Но и съ надеждой, я къ нему поднять
Осмѣлился глаза и что жъ? Онъ
Да, Робертъ! .. Онъ отверженному мнѣ
Съ небесной милостію улыбнулся!
О! что со мною сдѣлалось тогда!
На это словъ языкъ мой не имѣеть.
Я на него глядѣлъ и глядѣлъ... и ждалъ
Чего я ждалъ? Не знаю; но о томъ
Мое трепещущее сердце знало.
А онъ съ креста, который весь былъ кровью,
Бѣжавшею изъ ранъ его, облить,
Смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной
И нѣжной жалостію на меня ...
И вдругъ его уста пошевелились,
И я его услышалъ голосъ чистый,
Пронзающій всю душу, сладкій голосъ;
И онъ сказалъ мнѣ: ободрись и вѣруй!

Отъ радости разорвалося сердце
Въ моей груди, и я передъ крестомъ
Упалъ съ рыданіемъ и крикомъ.... но
Видніе исчезло; и тогда
Очнулся я; мои глаза открылись
Но сонъ ли это было? Нѣтъ, не сонъ.
Теперь я знаю: *Тотъ* меня спасетъ,
Кто ко кресту за всѣхъ и за меня
Былъ пригвожденъ; я вѣрую тому,
Что онъ сказалъ на Вечери Святой,
Переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу
Вино во оставленіе грѣховъ.
Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть;
Мой искушитель живъ; мои грѣхи
Мнѣ будутъ прощены. Выздоровленья
Не жду я болѣе и не желаю;
Я чувствую, что съ жизнію растаться
Мнѣ должно скоро; и ее покинуть
Теперь я радъ.... — При этомъ словъ Робертъ,
Дотоль плакавшій въ молчаньи, вдругъ
Съ рыданіемъ воскликнулъ: „капитанъ,
„Не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.“ —
На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ:
Не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ
Свое мнѣ милосердье; и теперь
Я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына
Роднаго жаль; ты долженъ здѣсь остаться
На корабль межъ этихъ нечестивыхъ

Людей, одинъ, неопытный ребенокъ
Съ тобою будетъ то же, что со мной!
Ахъ! Робертъ, берегись, не попади
На страшную мою дорогу; видишь,
Куда ведетъ она. Твоя любовь
Ко мнѣ была, другъ милый, велика;
Тебѣ я всею обязанъ; ты мнѣ Богомъ
Былъ посланъ въ страшный часъ.... ты указалъ мнѣ,
И самъ того не зная, путь спасенья;
Благослови тебя за то Всевышній!
Другимъ же всею на корабль скажи
Ты отъ меня, что я прошу у нихъ
Прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю,
Что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день
Больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ
Вниманіемъ Евангеліе слушалъ.
Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ
Простился, онъ его съ благословеніемъ,
Любовію и грустью проводилъ
Глазами до дверей каюты. Рано
На слѣдующій день приходитъ Робертъ
Въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ,
Что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ:
Поднявшися съ подушки, онъ приползъ
Къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ
Явился; тамъ, къ стѣнѣ оборотясь
Лицемъ, въ дугу согнувшись, головой
Пришавъ къ постель, крѣпко стиснувъ руки,

Лежалъ онъ на колыняхъ. То увидя,
Встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ
Остановился. Онъ глядитъ и ждетъ,
Не смѣя тронуться; минуты двѣ
Прошло . . . и вотъ онъ наконецъ шепнулъ
Тихонько: капитанъ! — отвѣта нѣтъ.
Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять
Погромче: капитанъ! но тихо все;
И все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ
Къ постель. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ.
По-прежнему все тихо. Онъ рукой
Его ноги коснулся: холодна
Нога, какъ ледъ. Въ испугъ закричалъ
Онъ громко: капитанъ! и за плечо
Его схватилъ. Тутъ положенье тѣла
Перемянилось; медленно онъ навзничъ
Упалъ; и тихо голова легла
Сама собою на подушку; были
Глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ
Спокоенъ, руки сжаты на молитву.

ВЫБОРЪ КРЕСТА.

ПОВѢСТЬ.

Усталый шелъ крутой горою путникъ ;
Съ усиліемъ передвигая ноги,
По гладкимъ онъ скаламъ горы тащился
И наконецъ достигъ ея вершины.
Съ вершины той широкая открылась
Равнина, вся облитая лучами
На край небесъ склонившагося солнца :
Свершивъ свой путь, великое свѣтило
Последними лучами озаряло,
Прощаясь съ нимъ, полужаснувшій міръ,
И былъ покой повсюду несказанный.
Утѣшенный видѣніемъ такимъ,
Сталъ странникъ на колѣна, прочиталъ
Вечернюю молитву и потомъ
На благовонномъ лонѣ муравы
Простерся, и сошелъ ему на вѣжды

Миротворящій сонъ, и сновиднѣемъ,
Былъ духъ его изъ бранныя тѣлесной
Темницы извлеченъ. Предъ нимъ явилось
Господнимъ ликомъ пламенное солнце,
Господнею одеждой твердь небесъ,
Подножіемъ Господнихъ ногъ земля;
И къ Господу воскликнулъ онъ: отецъ!
Не отвратись во гнѣвъ отъ меня,
Когда всю слабость грѣшныя души
Я исповѣдую передъ тобою.
Я знаю: каждый, кто здѣсь отъ жены
Рожденъ, свой крестъ нести покорно долженъ;
Но тяжестью не все кресты равны;
Мой слишкомъ мнѣ тяжелъ, не по моимъ
Онъ силамъ; облегчи его, иль онъ
Меня раздавитъ и моя душа
Погибнетъ. Такъ въ безсмыслии онъ Бога
Всевышняго молилъ. И вдругъ великій
Повѣялъ вѣтеръ; и его умчало
На высоту неодолимой силой;
И онъ себя во храминѣ увидѣлъ,
Гдѣ множество безчисленное было
Крестовъ; и онъ потомъ услышалъ голосъ:
„Передъ тобою все кресты земныя
„Здѣсь собраны; какой ты самъ изъ нихъ
„Захочешь взять, тотъ и возьми.“ И началъ
Кресты онъ разбирать, и тяжесть ихъ
Испытывать и каждый класть на плечи,

Дабы узнать, какой нести удобнѣй.
Но выбрать было нелегко: одинъ
Былъ слишкомъ для него великъ; другой
Тяжелъ; а тотъ, хотя и не великъ
И не тяжелъ, но неудобень, рѣзалъ
Краями острыми ему онъ плечи;
Иной былъ слить изъ золота, за то
И не въ подъемъ, какъ золото. И словомъ
Ни одного креста не могъ онъ выбрать,
Хотя и все пересмотрѣлъ. И снова
Ужъ начинать хотѣлъ онъ пересмотръ;
Какъ вдругъ увидѣлъ онъ простой, имъ прежде
Оставленный безъ замѣчанья крестъ;
Былъ нелегокъ онъ, правда, былъ изъ твердой
Сработанъ пальмы; но за то, какъ будто
По мѣркѣ для него былъ сдѣланъ, такъ
Ему пришелся по плечу онъ ловко.
И онъ воскликнулъ: Господи! позволь мнѣ
Взять этотъ крестъ. И взялъ. Но что же? — Онъ
Былъ самый тотъ, который онъ ужъ несъ.

КОНЕЦЪ ШЕСТАГО ТОМА.

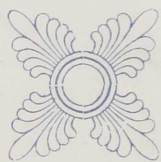
ОШИБКИ,

которыя нужно поправить въ самомъ
текстѣ I тома.

<i>Стр.</i>	<i>Стихъ.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Поправить :</i>
44	28	Свое прокаркають	Прокаркають свое
52	14	чистый	частый
56	11	Ты возврати мнѣ и свободу.	Мнѣ возврати мою свободу.
—	17	Когда свою получишь ты свободу?	Когда тебѣ отдамъ твою свободу?
83	20	Блестящій	Блестящей
112	23	но	и
116	24	видѣль онъ	видѣть могъ,
120	5	пополненную	наполненную
139	7	въ валу	къ валу
148	1	въ глубь	во глубь
153	25	груды	груди
162	8	въ бой;	къ дѣлу;
183	5	Пошелъ и	Пошелъ
206	5	меня	мнѣ
217	4	нами	ними
236	24	съ умъньемъ	умненько
249	9	на путь	въ путь
263	1	вывѣстить	возвѣстить
265	2	отличалася	отличилася
288	1	Свби себя ь диодѣ,	Сиди себя въ водѣ,
302	2	мой другъ, тецерь	Киръевскій,
321	18	Смячилася	Смягчилася
327	13	жъ	же

ΟΔΥΣΣΕΑΙ

НОВЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. Ж.

Ц.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургѣ, Октября 30 дня 1847 года.

Ценсоръ А. НИКИТЕНКО.

ΟΔΥΣΣΕΑ·Ι

НОВЫЯ
СТИХОТВОРЕНІЯ

В. ЖУКОВСКАГО.

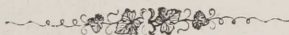
ТОМЪ ВТОРОЙ.

ОДИССЕЯ.

І—XII ПѢСНИ.

Acc. 12/146.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

—
1849.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ

СВОЙ ТРУДЪ

СЪ ГЛУБОЧАЙШИМЪ ПОЧТЕНІЕМЪ

ПОСВЯЩАЕТЪ

В. Жуковский.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВАГО ТОМА ОДИССЕИ.

	Стр.
ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ. Отрывокъ письма.	XIII
ПѢСНЬ I.	1
ПѢСНЬ II.	33
ПѢСНЬ III.	65
ПѢСНЬ IV.	101
ПѢСНЬ V.	161
ПѢСНЬ VI.	197
ПѢСНЬ VII.	223
ПѢСНЬ VIII.	249
ПѢСНЬ IX.	291
ПѢСНЬ X.	333
ПѢСНЬ XI.	375
ПѢСНЬ XII.	421

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

ОТРЫВОКЪ ПИСЬМА.

Вы спросите, какъ мнѣ пришло въ голову приняться за Одиссею, не зная Греческаго языка, и изъ мечтателя романтика сдѣлаться трезвымъ классикомъ? Вотъ вамъ простой отвѣтъ: перешедши на старости въ спокойное пристанище семейной жизни, я захотѣлъ повеселить душу *первобытною* поэзіею, которая такъ свѣтла и тиха, такъ животворитъ и покоитъ, такъ мирно украшаетъ все насъ окружающее, такъ не тревожитъ и не стремится ни въ какую туманную даль. Старость — второе ребячество; подъ старость любишь рассказы; по этому и мнѣ захотѣлось присосѣдиться къ простодушнѣйшему изъ всѣхъ раскащиковъ,

и, не имѣя въ запасъ собственныхъ басенъ, повторить по-Русски его Греческія стародавнія басни. Однимъ словомъ, цѣль моя была: потѣшить самого себя на просторѣ поэтической болтовнею; это мнѣ и удалось: XII пѣсень Одиссеи кончены; были бы кончены и всѣ XXIV, но въ послѣдніе два года всякаго рода тревоги помѣшали мнѣ приняться за продолженіе труда моего. Пока моя главная цѣль достигнута, муза Гомерова озолотила много часовъ моеѣ устарѣлой жизни; но то, что меня самого такъ сладостно, такъ беззаботно утѣшало, будетъ ли утѣхою и для читателей соотечественниковъ, съ которыми хочу подѣлиться своими сокровищами, занятыми у Гомера? Не знаю. Если это случится — то меня будетъ радовать мысль, что на Руси останется твердый памятникъ поэтической моеѣ жизни. Быть вѣрнымъ представителемъ Гомера... но какъ же, спросите вы, не зная Гомерова языка, говорить языкомъ его по-Русски? Это я долженъ вамъ объяснить. Мнѣ помогла Нѣмецкая совѣстливая, трудолюбивая ученость. Въ Дюссельдорфѣ (гдѣ я провелъ три года) я нашелъ Профессора Грасгофа, великаго эллиниста, который въ особен-

ности занимается объясненіемъ Гомера. Онъ взялъ на себя помочь моему невѣжеству. Собственно-ручно, весьма четко онъ переписалъ мнѣ въ оригиналь всю Одиссею; подѣ каждымъ Греческимъ словомъ поставилъ Нѣмецкое слово, и подѣ каждымъ Нѣмецкимъ грамматическій смыслъ оригинальнаго. Такимъ образомъ я могъ имѣть передѣ собою весь буквальный смыслъ Одиссеи и имѣлъ передѣ глазами весь порядокъ словъ; въ этомъ хаотически-вѣрномъ переводѣ, недоступномъ читателю, были, такъ сказать, собраны передо мною все матеріялы зданія; не доставало только красоты, стройности и гармоніи. И вотъ въ чемъ состоитъ собственно трудъ мой мнѣ надлежало изъ даннаго нестройнаго выгадывать скрывающееся въ немъ стройное, чутьемъ поэтическимъ отыскивать красоту въ безобразіи и творить гармонію изъ звуковъ терзающихъ ухо; и все это не во вредъ, а съ вѣрнымъ сохраненіемъ древней фізіономіи оригинала. Въ этомъ отношеніи и переводъ мой можетъ назваться произведеніемъ оригинальнымъ. На вопросъ: имѣлъ ли я успѣхъ? самъ не могу быть себѣ судьею, ибо не могу сравнивать. Вы можете слышать самого Гомера — спросите

у него, доволенъ ли онъ своимъ гиперборейскимъ представителемъ, и сообщите мнѣ его мнѣніе. Я старался переводить слово въ слово, сколько это возможно безъ насилія языку (отъ чего вѣрность рабская становится часто рабскою измѣною), слѣдовалъ за каждымъ словомъ и въ особенности старался сохранить *ихъ мѣсто въ стихъ* тѣмъ словамъ, которыя на этомъ мѣстѣ производятъ особенное поэтическое дѣйствіе. Повторю здѣсь то, что сказалъ о трудѣ моемъ въ другомъ мѣстѣ: „Переводъ Гомера не можетъ быть похожъ ни на „какой другой. Во всякомъ другомъ поэтѣ, *не пер- „вобытномъ*, а уже поэтѣ-художникъ, встрѣчаешь „съ естественнымъ его вдохновеніемъ и работу „искусства. Въ Гомерѣ этого искусства нѣтъ; онъ „младенецъ, видѣвшій во снѣ все, что есть чуднаго „на землѣ и небесахъ, и лепечущій объ этомъ звон- „кимъ ребяческимъ голосомъ на груди у своей „кормилицы природы. Это тихая, широкая, свѣтлая „рѣка безъ волнъ, отражающая чисто и вѣрно и „небо и берега и все, что на берегахъ живетъ и „движется; видишь одно вѣрное отраженіе, а свѣ- „тлый кристалль отражающій какъ будто не суще- „ствуетъ: око его не чувствуетъ. Переводя Гомера

„(и въ особенности Одиссею), недалеко уйдешь,
„если займешься фортуною каждаго стиха отдѣль-
„но; ибо у него, т. е. у Гомера, нѣтъ отдѣльно
„разительныхъ стиховъ, а есть потокъ ихъ, ко-
„торый надобно схватить *весь* во всей его полнотѣ
„и свѣтлости: надобно сохранять каждому стиху
„его физиономію, но такъ, чтобы его отдѣль-
„ность сливалась съ стройностію цѣлаго и въ ней
„исчезала. И въ выборѣ словъ надлежитъ на-
„блюдать особеннаго рода осторожность: часто
„самое поэтическое, живописное, заносчивое слово
„потому именно и не годится для Гомера; все,
„имѣющее видъ новизны, затѣйливости нашего
„времени, все необыкновенное — здѣсь не у мѣ-
„ста; оно есть, такъ сказать, анахронизмъ; на-
„добно возвратиться къ языку первобытному, по-
„терявшему уже свою свѣжесть потому, что весь
„его употребляли, замствуясь у праотца поэзіи;
„надобно этому обветшалому, изношенному язы-
„ку возвратить его первоначальную свѣжесть и
„новость, и отказаться отъ всѣхъ нововведеній,
„какими языкъ поэтическій, удаляясь отъ про-
„стоты первобытной, по необходимости замѣнилъ
„эту младенческую простоту. Однимъ словомъ,

„переводя Гомера, надобно отказаться отъ всякаго
„щегольства, отъ всякой украшенности, отъ вся-
„каго покушенія на эффектъ, отъ всякаго кокет-
„ства; надобно производить дѣйствіе неощути-
„тельно цѣлымъ, простотою, неразительностію,
„непримѣтностію выраженій, стройностію широ-
„кихъ, обильныхъ періодовъ, иногда прерываемыхъ
„какъ будто безъ намѣренія отдѣльными стихами,
„мало блестящими, такъ, чтобы каждый стихъ
„въ періодъ и каждое слово въ стихъ соста-
„вляли одну общую гармонію, не нарушая ее ни
„какимъ отдѣльнымъ, разительнымъ, часто ди-
„кимъ звукомъ. Это работа весьма трудная; для
„нея нѣтъ ясныхъ правилъ; должно руководство-
„ваться однимъ чутьемъ; и для меня эта работа
„была тѣмъ труднѣе, что я, въ этомъ отношеніи
„не могъ согласоваться съ оригиналомъ, ибо его
„не знаю, а могъ только его угадывать. Но за-
„то какое очарованіе въ этой работѣ, въ этомъ
„подслушиваніи первыхъ вздоховъ Анадіомены,
„раждающей изъ пѣны моря (ибо она есть сим-
„воль Гомерової поэзіи) — въ этомъ простоду-
„шій слова, въ этой первобытности правовъ, въ
„этой смѣси дикаго съ высокимъ и прелестнымъ,

„ВЪ ЭТОЙ живописности безъ излишества, въ этой
„незатѣйливости и непорочности выраженія, въ
„этой болтовнѣ часто черезчуръ изобильной, но
„принадлежащей характеру безъискусственности
„и простоты, и въ особенности въ этой мелан-
„холіи, которая нечувствительно, безъ вѣдома
„поэта, кипящаго и живущаго съ окружающимъ
„его міромъ, все проникаетъ, ибо эта меланхолія
„не есть дѣло фантазіи, созидающей произвольно
„грустныя сѣтованія, а заключается въ самой при-
„родѣ вещей тогдашняго міра, въ которомъ все
„имѣло жизнь, пластически могучую въ *настоя-*
„*щемъ*; но и все было ничтожно, ибо душа не
„имѣла за границею міра ни какаго *будущаго* и
„улетала съ земли безжизненнымъ призракомъ;
„и вѣра въ безсмертіе, посреди этого кипящаго
„жизни настоящей, никому не шептала своихъ ве-
„ликихъ, всеоживляющихъ утѣшеній.“ Вотъ вамъ
моя поэтическая исповѣдь. Прибавлю: я вездѣ
старался сохранить простой, сказочный языкъ, из-
бѣгая всякой натяжки; пользовался, гдѣ могъ,
возвышенностію Церковно-Славянскаго діалекта,
но строго держался языка Русскаго, присвоен-
наго общимъ употребленіемъ; и по возможности

соглашалъ его формы съ формами оригинала (которыя все матеріально для меня сохранены въ переводъ подстрочномъ), соглашалъ такъ, чтобы Гомеровскій стихъ былъ ощутителенъ въ стихъ Русскомъ, не принуждая его кривляться по-Гречески.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Первый день.

Собрание боговъ. Они опредѣляютъ, что Одиссей, преслѣдуемый Посидономъ и противъ воли удерживаемый нимфою Калипсо на островѣ Огигіи, долженъ наконецъ возвратиться въ свое отечество Итаку. Аѳина подъ видомъ Ментеса является Телемаку и даетъ ему совѣтъ посягнуть на Пелосъ и Спарту и выгнать жениховъ Пенелопы изъ Одиссеева дома. Телемакъ въ первый разъ говоритъ рѣшительно съ матерью и женихами. Ночь.

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который,
Странствуя долго со дня, какъ святой Іліонъ
имъ разрушень,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи
видѣлъ,
Много и сердцемъ скорбѣлъ на моряхъ, о спасеньи
заботясь
5 **Ж**изни своей и возвратъ въ отчизну спутниковъ;
тщетны
Были однако заботы, не спасъ онъ спутниковъ:
сами
Гибель они на себя навлекли святотатствомъ,
безумцы,
Съѣвши быковъ Геліоса, надъ нами ходящаго
бога —
День возврата у нихъ онъ похитилъ. Скажи
же объ этомъ

10 Чтó пибудь, о Зевесова дочь, благосклонная
Муза.

Всѣ ужъ другіе, погибли вѣрной избѣгшіе,
были

Дома, избѣгнувъ и брани и моря; его лишь, раз-
лукой

Съ милой женой и отчизной крушимаго, въ гро-
ть глубокомъ

Свѣтлая нимфа Калипсо, богиня богинь, про-
извольной

15 Силой держала, напрасно желая, чтобъ былъ ей
супругомъ.

Но когда наконецъ обращенъеъ время приве-
денъ былъ

Годъ, въ который ему возвратиться назначили
боги

Въ домъ свой, въ Итаку (но гдѣ и въ объятіяхъ
вѣрныхъ друзей онъ

Всѣ не избѣгъ отъ тревогъ), преисполнился
жалостью боги

20 Всѣ; Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать
Одиссея,

Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ от-
чизны.

Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ
Еѳіоповъ,

(Крайнихъ людей, поселенныхъ двояко: одни,
гдѣ нисходитъ

Богъ свѣтоносный, другіе, гдѣ всходитъ), чтобъ
тамъ отъ народа

- 25 Пышную тучныхъ быковъ и барановъ принять
экатомбу.
Тамъ онъ, сидя на иру, веселился; другіе же
боги
Тою порою въ чертогахъ Зевесовыхъ собраны
были.
Съ ними людей и безсмертныхъ отецъ начинаетъ
бесѣду;
Въ мысляхъ его былъ Эгистъ безпорочный (его
же Атридовъ
30 Сынъ, знаменитый Орестъ умертвилъ); и о немъ
помышляя,
Слово къ собранью боговъ обращаетъ Зевесъ
Олимпіецъ:
Странно, какъ смертные люди за все насъ бо-
говъ обвиняютъ!
Зло отъ насъ утверждаютъ они; но не сами ли
часто
Гибель, судьбъ вопреки, на себя навлекаютъ
безумствомъ?
35 Такъ и Эгистъ: не судьбъ ль вопреки онъ
супругу Атрида
Взялъ, умертвивши его самого при возвратѣ въ
отчизну?
Гибель онъ върную въдалъ; отъ насъ былъ къ
нему остроокій
Эрмій, губитель Аргуса, нисносланъ, чтобъ онъ
на убійство
Мужа не смѣлъ посягнуть и отъ брака съ женой
воздержался.

40 „Местъ за Атрида свершится рукою Ореста,
когда онъ

Въ домъ свой вступить, возмужавъ, какъ наслед-
никъ, захочетъ“ такъ было

Сказано Эрміемъ — тщетно! не тронулъ Эги-
стова сердца

Богъ благосклонный советомъ, и разомъ за все
заплатилъ онъ.

Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Лѣиня Паллада

45 Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верхов-
ный владыка,

Правда твоя, заслужилъ онъ погибель, и такъ да
погибнетъ

Каждый подобный злодѣй! но теперь сокру-
шаетъ мнѣ сердце

Тяжкой своею судьбой Одиссей хитроумный; дав-
но онъ

Страждетъ, въ разлукъ съ своими, на островъ,
волнообъятомъ

50 Пушь широкаго моря, льсиномъ, гдѣ вла-
ствуетъ нимфа,

Дочь кознодѣя Атланта, которому ведомы моря

Вся глубины и который одинъ подпираетъ гро-
маду

Длинноогромныхъ столбовъ, раздвигающихъ небо
и землю.

Силой Атлантова дочь Одиссея, лиющаго слезы,

55 Держить, волшебствомъ коварно-ласкательныхъ
словъ объ Итакъ.

Память надѣяся въ немъ истребить. Но, напрасно
желая

Видѣть хоть дымъ, отъ родныхъ береговъ вдалекъ
восходящій,

Смерти единой онъ молить. Уже ль не войдетъ
состраданье

Въ сердце твое, Олимпіецъ? Тебя ль не довольно
дарами

60 Читль онъ въ Троянской земль, посреди кораблей
тамъ Ахейскихъ

Жертвы тебѣ совершая? За что жъ ты разгнѣванъ,
Кроніонъ?

Ей возражая, ответствовалъ тучъ собиратель
Кроніонъ:

Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя
излетѣло.

Я позабылъ Одиссея, безсмертнымъ подобнаго
мужа,

65 Столь отличнаго въ сонмѣ людей и умомъ и
усерднымъ

Жертвъ приношеньемъ богамъ, безпредѣльнаго
неба владыкамъ?

Нѣтъ! Посидонъ, обволнитель земли, съ нимъ
упорно враждуетъ,

Всѣ негодуя за то, что Циклопъ Полифемъ бо-
горавный

Имъ ослѣпленъ: изъ Циклоновъ сильнѣйшій, *Θοό-*
зою нимфой,

70 Дочерью Форка, владыки пустынно - соленого
моря,

Быль онъ рожденъ отъ ея съ Посидономъ со-
юза въ глубокомъ

Гротъ. Хотя колебатель земли Посидонъ Одис-
сея

Смерти предать и не властенъ, но, по морю
всюду гоняя,

Все отъ Итаки его онъ отводитъ. Размыслимъ
же вмѣстѣ,

75 Какъ бы отчизну ему возвратить. Посидонъ от-
казаться

Долженъ отъ гнѣва: одинъ со всеми безсмерт-
ными въ споръ,

Вѣчнымъ богамъ вопреки, безъ успѣха онъ
злобствовать будетъ.

Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Аѳиняя Палада

Зевсу сказала: отецъ нашъ, Кроніонъ, верхов-
ный владыка!

80 Если угодно блаженнымъ богамъ, чтобъ увидѣть
отчизну

Могъ Одиссей хитроумный, то Эрміи Аргусо-
убійца,

Воли боговъ совершитель, пусть будетъ на ос-
тровъ Огигскій

Къ нимфѣ прекраснокудрявой ниспосланъ отъ
насъ возвѣститъ ей

Нашъ приговоръ неизмѣнный, что срокъ насту-
пилъ возвратиться

- 85 Въ землю свою Одиссею, въ бѣдахъ постоян-
ному. Я же
Прямо въ Итаку пойду возбудить въ Одиссе-
евомъ сынѣ
Гнѣвъ и отважностью сердце его преисполнить,
чтобъ сѣзвалъ
Онъ на советъ густовласыхъ Ахеянъ и въ домъ
Одиссеевъ
Входъ запретилъ женихамъ, у него безпощадно
губящимъ
- 90 Мелкій скотъ и быковъ криворогихъ и медлен-
ноходныхъ.
Спарту и Пилосъ песчаный потомъ посѣтитъ
онъ, чтобъ свѣдать,
Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его
возвращеньи,
Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася
добрая слава.
Кончивъ, она привязала къ ногамъ золотыя
подошвы,
- 95 Амврозіальцыя, всюду ее надъ водой и надъ
твердымъ
Лопомъ земли безпредѣльныя легкимъ носящія
вѣтромъ ;
Послѣ взяла боевое копьѣ, заощренное мѣдью,
Твердое, тяжкоогромное, имъ же во гнѣвъ сра-
жаетъ
Силы героевъ она, громоноснаго бога рож-
денъе.

- 100 Бурно съ вершины Олимпа въ Итаку шагнула
богиня.
Тамъ на дворъ, у порога дверей Одиссеева
дома
Стала она съ мѣдноострымъ копьемъ, облечен-
ная въ образъ
Гостя, Тафійцевъ властителя, Ментеса; собра-
ныхъ вмѣстѣ
Всѣхъ жениховъ, многобуйныхъ мужей, тамъ
богиня узрѣла;
- 105 Въ кости играя, сидѣли они передъ входомъ
на кожахъ
Ими убитыхъ быковъ; а глашатаи, столъ учре-
ждая,
Вмѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ на-
ливали
Воду съ виномъ въ пировыя кратеры; а тѣ,
ноздреватой
Губкой омывши столы, ихъ сдвигали и, разнаго
мяса
- 110 Много нарѣзавъ, его разносили. Богиню Аѳину
Прежде другихъ Телемакъ богоравный увидѣлъ.
Прискорбенъ
Сердцемъ, въ кругу жениховъ онъ сидѣлъ, объ
одномъ помышляя:
Гдѣ благородный отецъ и какъ, возвратясь въ
отчизну,
Хищниковъ онъ по всему своему разгоняетъ
жилищу,

- 115 Власть воспріиметь и будетъ опять у себя
господиномъ.
Въ мысляхъ такихъ съ женихами сидя, онъ уви-
дѣлъ Аѳину;
Тотчасъ онъ всталъ и ко входу поспѣшно по-
шелъ, негодуя
Въ сердце, что странникъ былъ ждатель принужденъ
за порогомъ; приближась,
Взялъ онъ за правую руку пришельца, копые его
принялъ,
- 120 Голосъ потомъ свой возвысилъ и бросилъ кры-
латое слово:
Радуйся, странникъ; войди къ намъ; радушно
тебя угостимъ мы;
Нужду жъ свою намъ объявишь, насытившись
нашею пищею.
Кончивъ, пошелъ впереди онъ, за нимъ Аѳинейя
Паллада.
Съ нею вступа въ широкую палату, къ колоннѣ
высокой
- 125 Прямо съ коньемъ подошелъ онъ, и спряталъ
его тамъ въ поставъ
Гладкообтесанномъ, гдѣ запираемы въ прежнее
время
Коня Царя Одиссея, въ бѣдахъ постоянного,
были.
Къ кресламъ богатымъ, искусной работы, под-
ведши Аѳину,
Съестъ въ нихъ ее пригласилъ онъ, покрывъ на-
передъ ихъ узорной

- 130 Тканью; для ногъ же была тамъ скамейка; по-
томъ онъ поставилъ
Стуль рѣзной для себя въ отдаленнѣ отъ про-
чихъ, чтобъ гостю
Шумъ веселящейся буйно толпы не испортилъ
обѣда,
Также, чтобъ втайнѣ его спросить объ отцѣ
отдаленномъ.
Тутъ принесла на лахани серебряной руки у-
мыть имъ
- 135 Полный студеной воды золотой рукомоиникъ
рабыня,
Гладкѣй потомъ пододвинула столъ; на него по-
ложила
Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съѣст-
нымъ, изъ запаса
Выданнымъ ею охотно; на блюдахъ, поднявъ
ихъ высѣко,
Мяса различнаго крайчѣй принесъ и, его пред-
ложивъ имъ,
- 140 Кубки златые на браномъ столъ передъ ними
поставилъ;
Началъ глашатаѣ смотрѣть, чтобъ виномъ на-
полнялися чаще
Кубки. Вошли женихи, многобуйные мужи, и
сѣли
Чиномъ на креслахъ и стульяхъ; глашатаѣ по-
дали воду
Руки умытъ имъ; невольницы хлѣбъ принесли имъ
въ корзинахъ;

145 Отроки свѣтлымъ напитокомъ до края имъ на-
лили чаши.

Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; ко-
гда же

Былъ удовольствованъ голодъ ихъ лакомою пи-
щей, вошло имъ

Въ сердце иное — желаніе сладкаго пѣнья и
пляски :

Пиру онъ украшенье; и звонкую цитру гла-
шатай

150 Фемію подаль, пѣвцу, передъ ними во всякое
время

Пѣть принужденному; въ струны ударивъ, пре-
красно запѣлъ онъ.

Тутъ осторожно сказалъ Телемакъ свѣтлоокой
Аѳинъ,

Голову къ ней приклонивъ, чтобъ его не слы-
хали другіе :

Милый мой гость, не сердись на меня за мою
откровенность ;

155 Здѣсь веселятся; у нихъ на умъ лишь музыка
да пѣнье ;

Это легко : пожираютъ чужое безъ платы, бо-
гатство

Мужа, котораго бѣлыя кости, быть можетъ,
иль дождикъ

Гдѣ нибудь мочить на брегъ, иль волны по
взморью катаютъ.

Если бъ онъ вдругъ передъ ними явился въ
Итакъ, то все бы,

160 Вмѣсто того, чтобъ копить и одежды и золото,
стали

Только о томъ лишь молиться, чтобъ были ихъ
ноги быстрые.

Но погибъ онъ, постигнутый гнѣвной судьбой,
и отрады

Нѣтъ намъ, хотя и приходятъ порой отъ людей
земнородныхъ

Вѣсти, что онъ возвратится — ему ужъ воз-
врата не будетъ.

165 Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не
скрывая :

Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты жи-
вешь? Кто отецъ твой?

Кто твоя мать? На какомъ корабль и какую
дорогой

Прибыль въ Итаку и кто у тебя корабельщи-
ки? Въ край нашъ

(Это конечно я знаю и самъ) не пышкомъ же
пришелъ ты.

170 Также скажи откровенно, чтобъ могъ я всю
истину вѣдать :

Въ первый ли разъ посѣтилъ ты Итаку, иль
здѣсь ужъ бывалый

Гость Одиссеевъ? Въ тѣ дни иноземцевъ сби-
ралось много

Въ нашемъ домъ: съ людьми обхожденье лю-
билъ мой родитель.

Дочь свѣтлоокая Зевса Лейна ему отвѣчала :

- 175 Все откровенно тебѣ расскажу; я царя Ап-
хіала
Мудраго сынѣ, именуюся Ментесомѣ, правлю
народомѣ
Веслолюбивыхѣ Тафійцевѣ; и нынѣ корабль мой
въ Итаку
Вмѣстѣ съ моими людьми я привелѣ, путеше-
ствуя темнымѣ
Моремѣ къ народамѣ инаго языка; хочу я въ
Темезѣ
- 180 Мѣди добыть, на нее обмѣнявшись блестящимѣ
жельзомѣ;
Свой же корабль я поставилѣ подѣ склономѣ
Нейона лѣсистымѣ
На полѣ, въ пристани Ретрѣ, далеко отѣ го-
рода. Наши
Предки издавна гостями другѣ другу считают-
ся; это,
Можетѣ быть, слышишь нерѣдко и самѣ ты,
когда посѣщаешь
- 185 Дѣда героя Лазрта . . . а онѣ, говорятѣ, ужѣ
не ходитѣ
Болѣе въ городѣ, но въ полѣ далеко живетѣ,
удрученный
Горемѣ, съ старушкой служанкой, которая, стар-
ца покоя,
Пищей его подкрѣпляетѣ, когда устаетѣ онѣ,
влачась
По полю взадѣ и впередѣ посреди своего ви-
нограда.

- 190 Я же у васъ отъ того, что сказали мнѣ, будто
отецъ твой
Дома... по видно, что боги его на пути за-
держали:
- Ибо не умеръ еще на земль Одиссей благород-
ный;
Гдѣ нибудь, бездной морской окруженный, на
волнообъятомъ
Островъ запертъ живой онъ, иль, можетъ быть,
страждетъ въ неволь
- 195 Хищниковъ дикихъ, насильственно имъ овладѣв-
шихъ. Но слушай
То, что тебѣ предскажу я, что мнѣ всемогущіе
боги
Въ сердце вложили, чему неминуемо сбыться,
какъ самъ я
Вѣрю, хотя не пророкъ и по птицамъ гадать
неискусенъ.
Будетъ недолго онъ съ милой отчизной въ раз-
лукъ, хотя бы
- 200 Связанъ желѣзными узами былъ; но домой воз-
вратиться
Вѣрное средство отыщеть: на вымыслы онъ
хитроуменьъ.
Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня
не скрывая:
Подлинно ль вижу въ тебѣ Одиссеева сына?
Ты чудно
Съ нимъ головой и глазами прекрасными схо-
денъ; еще я

205 Помню его; въ старину мы другъ съ другомъ
видалися часто;

Было то прежде отплытія въ Трою, куда изъ
Ахеянъ

Лучшіе съ нимъ въ крутобокихъ своихъ кора-
бляхъ устремились.

Съ той же поры ни со мной онъ, ни я съ нимъ
нигдѣ не встрѣчались.

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ,

210 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю
истину вѣдать.

Мать увѣряетъ, что сынъ я ему, но самъ я
не знаю:

Вѣдать о томъ, кто отецъ нашъ, навѣрное намъ
невозможно.

Лучше бъ однако желалъ я, чтобъ мнѣ не та-
кой злополучный

Мужъ былъ отцемъ: во владѣнняхъ своихъ онъ
до старости бъ поздней

215 Дожилъ. Но, если ужъ ты вопрошаешь, то онъ,
изъ живущихъ

Самый несчастливый нынѣ, отецъ мнѣ, какъ
думаютъ люди.

Дочь светлоокая Зевса Лейна ему отвѣчала:

Видно угодно безсмертнымъ, чтобъ былъ не
безъ славы въ грядущемъ

Домъ твой, когда Пенелопъ такого, какъ ты,
даровали

220 Сына. Теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не
скрывая,

Что здѣсь у васъ происходитъ? Какое собра-
нье? Даешь ли

Праздникъ, иль свадьбу пируешь? Не складоч-
ный пиръ здѣсь конечно.

Кажется только, что гости твои необузданно
въ нашемъ

Домъ безчинствуютъ: всякой порядочный въ об-
ществѣ съ ними

225 Быть устыдится, позорное ихъ поведеніе видя.

Добрый мой гость, отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ,

Если ты вѣдать желаешь, то все расскажу от-
кровенно.

Нькогда полонъ богатства былъ домъ нашъ;
онъ былъ уважаемъ

Всѣми въ то время, какъ здѣсь неотлучно тотъ
мужъ находился.

230 Нынѣ жъ иначе рѣшили враждебные боги, по-
крывши

Участь его неприступною тмою для цѣлаго
свѣта;

Менѣ сталъ бы о немъ я крушиться, когда бы
онъ умеръ:

Если бъ въ Троянской землѣ межъ товарищей
бравныхъ погибъ опъ,

Иль у друзей на рукахъ, перенесши войну, здѣсь
скончался,

- 235 Холмъ гробовой бы надъ нимъ былъ насыпанъ
Ахейскимъ народомъ,
Сыну бѣ великую славу на всѣ времена онъ
оставилъ
Нынѣ же Гарпїи взяли его, и безвѣстно про-
палъ онъ,
Свѣтомъ забытый, безгробный, одно сокрушенье
и вопли
Сыну въ наслѣдство оставивъ. Но я не объ немъ
лишь единомъ
- 240 Плачу; другое великое горе мнѣ боги по-
слали:
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ знамени-
ты и сильны,
Первые люди Дулихїа, Зама, льснаго Закиноа,
Первые люди Итаки утесистой мать Пенелопу
Нудятъ упорно ко браку и наше имѣнїе гра-
бятъ;
- 245 Мать же ни въ бракъ ненавистный не хочетъ
вступить, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они пожи-
раютъ нещадно
Наше добро, и меня самого напоследокъ погу-
бятъ.
Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчала богиня А-
ѳина:
Горе! я вижу, сколь нынѣ тебѣ твой отецъ
отдаленный

- 250 Нуженъ, чтобъ сильной рукойъ съ женихами без-
стыдными сладить.
- О когда бъ онъ въ тѣ двери вступилъ, воз-
вратятся внезапно,
Въ шлемъ, щитомъ покровенный, въ рукъ два
копья мѣдноострыхъ! . . .
- Такъ впервые увидѣлъ его я въ то время,
когда онъ
Въ домѣ у насъ веселился виномъ, посѣтивши
въ Эфирь
- 255 Ила Мермѣрова сына (и той стороны отдален-
ной
Царь Одиссей достигалъ на своемъ корабль
быстроходномъ ;
Яда, смертельнаго людямъ, искалъ онъ, дабы
напонтъ имъ
Стрѣлы свои, заощренныя мѣдью ; но Иль от-
казался
Дать ему яда, всезрящихъ боговъ раздражить
опасаясь ;
- 260 Мой же отецъ имъ его надѣлилъ по великой
съ нимъ дружбѣ).
- Если бы въ видѣ такомъ Одиссей женихамъ
вдругъ явился,
Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбежной
постигнутымъ, горекъ.
- Но — того мы, конечно, не въдаемъ — въ лонѣ
безсмертныхъ
Скрыто : назначено ль свыше ему, возвратясь,
истребить ихъ

- 265 Въ этомъ жилищѣ иль пѣтъ. Мы размыслимъ
теперь совокупно,
Какъ бы тебѣ самому отъ грабителей домъ
свой очистить.
Слушай же то, что скажу, и замѣть про себя,
что услышишь:
Завтра, созвавъ на советъ благородныхъ Ахе-
янъ, предъ ними
Все объяви ты, въ свидѣтели правды при-
звавши безсмертныхъ;
- 270 Послѣ потребуй, чтобъ всѣ женихи по домамъ
разошлись;
Матери жъ, если супружество сердцу ея не
противно,
Ты предложи, чтобъ къ отцу многосильному въ
домъ возвратилась,
Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, бога-
тымъ приданымъ
Милую дочь, какъ прилично то сану, ея надѣ-
литъ онъ.
- 275 Также усердно советую, если советъ мой ты
примешь:
Прочный корабль съ двадцатью снарядивши греб-
цами, отправься
Самъ за своимъ отдаленнымъ отцемъ, чтобъ
провѣдать, какая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о
немъ прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово
слово.

- 280 Пилось сперва посѣтивъ, ты узнай, что божественный Нѣсторъ
Скажетъ; потомъ Менелая найди златовласаго
въ Спартѣ :
- Прибыль домой онъ послѣдній изъ всѣхъ мѣднолатныхъ Ахеянъ.
- Если услышишь, что живъ твой родитель, что онъ возвратится,
Жди его годъ, терпѣливо снося притѣсненья;
когда же
- 285 Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцевъ возвратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыпь и обычную пышно
Тризну по немъ соверши; Пенелопу жъ склони на замужство.
- Посль, когда надлежащимъ порядкомъ все дѣло устроишь,
- 290 Твердо рѣшившись, умомъ осмотрительнымъ выдумай средство,
Какъ бы тебѣ жениховъ, захватившихъ насильственно домъ вашъ,
Въ немъ погубить иль обманомъ иль явною силой; тебѣ же
Быть ужъ ребенкомъ нельзя, ты изъ дѣтскаго возраста вышелъ;
Знаешь, какою божественный отрокъ Орестъ передъ цѣлымъ

295 Свѣтомъ украсился честью, отмстивши Эгисту,
которымъ

Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный
родитель?

Такъ и тебѣ, мой возлюбленный другъ, столь
прекрасно созрѣвшій,

Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и по-
томки хвалили.

Время однако ужъ мнѣ возвратиться на бы-
стрый корабль мой

300 Къ спутникамъ, ждущимъ конечно меня съ не-
терпѣньемъ и скукой.

Ты жъ о себѣ позаботься, уваживши то, что
сказалъ я.

Милый мой гость, отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ,

Пользы желая моею, говоришь ты со мною, какъ
съ сыномъ

Добрый отецъ; я о томъ, что совѣтовалъ ты,
не забуду

305 Но подожди же, хотя и торопишься въ путь;
здѣсь прохладной

Баней и члены и душу свою освѣживъ, возвра-
тишься

Ты на корабль, къ удовольствію сердца бога-
тый подарокъ

Взявъ отъ меня, чтобъ его мнѣ на память бе-
речь, какъ обычай

Есть межъ людьми, чтобъ, прощаяся, гости другъ
друга дарили.

310 Дочь свѣтлоокая Зевса Лѣина ему отвѣчала:

Нѣтъ! не держи ты меня, тороплюсь я безмѣрно
въ дорогу;

Твой же подарокъ, обѣщанный мнѣ такъ ра-
душно тобою,

Къ вамъ возвратяся, приму и домой увезу бла-
годарно,

Въ даръ получивъ дорогое и самъ дорогимъ
отдаривши.

315 Съ сими словами Зевсова дочь свѣтлоокая
скрылась,

Быстрой невидимо птицею вдругъ улетѣвъ. По-
селла

Твердость и смѣлость она въ Телемаковомъ серд-
цѣ, живѣе

Вспомнить заставивъ его объ отцѣ; но про-
никъ онъ душею

Тайну и чувствовалъ страхъ, угадавъ, что бесѣ-
довалъ съ богомъ.

320 Тутъ къ женихамъ онъ, божественный мужъ, по-
дошелъ; передъ ними

Пѣлъ знаменитый пѣвецъ и съ глубокимъ вни-
маньемъ сидѣли

Молча они; о печальномъ Ахеянъ изъ Трои воз-
вратъ,

Нѣкогда имъ учрежденномъ богиней Лѣнною,
пѣлъ онъ.

Въ верхнемъ покоѣ своемъ вдохновенное пѣнье
услышавъ,

- 325 Внизъ по ступенямъ высокимъ поспѣшно сошла
Пенелопа,
Старца Икарія дочь многоумная: вмѣстѣ сошли
съ ней
Двѣ изъ служанокъ ея; и она, божество межъ
женами,
Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи пиро-
вали,
Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій держав-
шаго, стала,
- 330 Щеки закрывши свои головнымъ покрываломъ
блестящимъ;
Справа и слѣва почтительно стали служанки;
Царица
Съ плачемъ тогда обратила къ пѣвцу вдохно-
венному слово:
Фемій, ты знаешь такъ много другихъ, вос-
хищающихъ душу
Пѣсней, сложенныхъ пѣвцами во славу боговъ
и героевъ;
- 335 Спой же изъ нихъ, предъ собраніемъ сидя,
одну; и въ молчаньи
Гости ей будутъ внимать за виномъ; но прерви
начатую
Пѣсню печальную; сердце въ груди замираетъ,
когда я
Слышу ее: мнѣ изъ всѣхъ жесточайшее горе
досталось;
Мужа такого лишаюсь, я всечасно скорблю о
погибшемъ,

340 Столь преполнившимъ славою своею и Элладу
и Аргось.

Милая мать, возразилъ разсудительный сынъ
Одиссеевъ,

Какъ же ты хочешь пѣвцу запретить въ удо-
вольствіе наше

То воспѣвать, что въ его пробуждается сердце?
Виновенъ

Въ томъ не пѣвецъ, а виновенъ Зевесъ, посы-
лающій свыше

345 Людямъ высокаго духа по волю своей вдох-
новеень.

Нѣтъ, не пренятствуй пѣвцу о печальномъ воз-
вратъ Данаевъ

Нѣтъ — съ похвалою великою люди той пѣсни
внимають,

Всякой разъ ею, какъ новою, душу свою восхи-
щаю;

Ты же сама въ ней найдешь не печаль, а печали
уладу:

350 Былъ не одинъ отъ боговъ осужденъ потерять
день возврата

Царь Одиссей, и другихъ знаменитыхъ погибло
немало.

Но удались: занимайся, какъ должно, поряд-
комъ хозяйства,

Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни при-
лежны въ работъ

Были своей: говорить же не женское дѣло, а
дѣло

355 Мужа, и пылъ мое: у себя я одинъ повелитель.

Такъ онъ сказалъ; изумяся, обратно пошла Пенелопа;

Къ сердцу слова многоумныя сына принявъ и въ покров

Верхнемъ своемъ затворяся, въ кругу приближенныхъ служанокъ

Плакала горько она о своемъ Одиссеевѣ, покуда

360 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня Аѳина.

Тою порою женихи въ потемнѣвшей палатѣ шумѣли,

Споря о томъ, кто изъ нихъ съ Пенелопею ложе раздѣлитъ.

Къ нимъ обратяся, сказалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ:

Вы, женихи Пенелопы, надменные гордостью буйной,

365 Станемъ спокойно теперь веселиться: прервите вашъ шумный

Споръ; намъ приличнѣе вниманье склонить къ пѣснопѣвцу, который,

Слухъ нашъ плыняя, богамъ вдохновеньемъ высокимъ подобенъ.

Завтра же утромъ васъ всѣхъ приглашаю собраться на площадь.

Тамъ всенародно въ лице вамъ скажу, чтобъ очистили всѣ вы

370 Домъ мой; иные пиры учреждайте; свое, а
не наше

Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ
угощеньяхъ.

Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй
и легче

Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ пла-
ты — сожрите

Все; по на васъ я боговъ призову; и Зевесъ
не замедлитъ

375 Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо
всѣ вы,

Такъ же безъ платы, погибнете въ домъ, разгра-
бленномъ вами.

Онъ замолчалъ. Женихи, закусивши съ доса-
дою губы,

Смѣлымъ его пораженные словомъ, ему уди-
влялись.

Но Антиной, сынъ Эвпейтовъ, ему отвѣчалъ,
возражая:

380 Сами боги, конечно, тебя, Телемакъ, научили

Быть столь кичливымъ и дерзкимъ въ словахъ,
и бѣда намъ, когда ты

Въ вѣлнообъятой Итакъ, по волю Кроніона,
будешь

Нашимъ царемъ, ужъ имья на то по рожденью
и право!

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ О-
диссеевъ:

385 Другъ Антиной, не сердись на меня за мою
откровенность :

Если бъ владычество далъ мнѣ Зевесъ, я охотно
бы принялъ.

Или ты мыслишь, что царская доля всѣхъ хуже
на свѣтъ ?

Нѣтъ, конечно, царемъ быть не худо; богатство
въ царевомъ

Домѣ скопляется скоро, и самъ онъ въ чести у
народа.

390 Но межъ Ахейцами волнообъятой Итаки най-
дется

Много достойнѣйшихъ власти и старыхъ и ю-
ныхъ ; межъ ними

Вы изберите, когда ужъ не стало Царя Одиссея.

Въ домъ жъ своемъ я одинъ повелитель ; здѣсь
мнѣ подобаетъ

Власть надъ рабами, для насъ Одиссеемъ добы-
тыми въ битвахъ.

395 Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибѣевъ, такъ отвѣ-
чалъ Телемаку :

О Телемакъ, мы не знаемъ — то въ лонѣ без-
смертныхъ сокрыто —

Кто надъ Ахейцами волнообъятой Итаки на-
значенъ

Царствовать ; въ домъ жъ своемъ ты конечно
одинъ повелитель ;

Нѣтъ, не найдется, пока обитаема будетъ И-
така,

400 Здѣсь никого, кто бь дерзнулъ на твое посяг-
нуть достоянью.

Но я желалъ бы узнать, мой любезный, о ны-
нѣшнемъ гостѣ.

Какъ его имя? Какую своимъ онъ отечествомъ
славитъ

Землю? Какого онъ рода и племени? Гдѣ онъ
родился?

Съ вѣстью ль къ тебѣ о желанномъ возвратѣ
отца приходилъ онъ?

405 Иль посѣтилъ насъ, по собственной нуждѣ за-
ѣхавъ въ Итаку?

Вдругъ онъ отсюда пропалъ, не дождавшись,
чтобъ съ нимъ хоть немного

Мы ознакомились; былъ человекъ не простой
онъ конечно.

Другъ Эвримахъ, отвѣчалъ разсудительный сынъ
Одиссеевъ,

День свиданья съ отцемъ навсегда мной утра-
ченъ; не буду

410 Болѣе вѣрить ни слухамъ о скоромъ его возвра-
щеньи,

Ниже напраснымъ о немъ прорицаньямъ, къ
которымъ, сзывая

Въ домъ свой гадателей, мать прибѣгаетъ. А
нынѣшній гость нашъ

Былъ Одиссеевымъ гостемъ; онъ родомъ изъ
Тѣфоса, Мѣнтесъ,

Сынъ Анхіала, царя многоумнаго, правитъ наро-
домъ

- 415 Веслолюбивыхъ Тафійцевъ. Но такъ говоря, убъ-
жденъ былъ
Въ сердце своемъ Телемакъ, что богиню без-
смертную видѣлъ.
Тъ же, опять обратившись къ пляскѣ и сладкому
пѣнью,
Начали снова шумѣть въ ожиданіи почи; когда
же
Черная ночь посреди ихъ веселаго шума настала,
- 420 Всѣ разошлись по домамъ, чтобъ предаться без-
печно покою.
Скоро и самъ Телемакъ въ свой высокій чертогъ
(на прекрасный
Дворъ обращенъ былъ лицомъ онъ съ обшир-
нымъ предъ окнами видомъ),
Всѣхъ проводивши, пошелъ, про себя размышляя
о многомъ.
Факель зажженный неся, передъ нимъ съ осто-
рожнымъ усердьемъ
- 425 Шла Эвриклея, разумная дочь Невсенорида Опса;
Куплена въ лѣтахъ цвѣтущихъ Лаэртомъ она
— заплатилъ онъ
Двадцать быковъ, и ее съ благодѣтельной своею
супругой
Въ домъ своемъ уважалъ наровнѣ, и себѣ не
позволилъ
Ложа коснуться ея, опасаяся ревности женской.

430 Факелъ неся, Эвриклея вела Телемака — за нимъ
же

Съ дѣтства ходила она и ему угождала усерднѣй

Прочихъ невольницъ. Въ богатую спальню она
отворила

Двери; онъ съль на постелю и, тонкую снявши
сорочку,

Въ руки старушки заботливой бросилъ ее; осто-
рожно

435 Въ складки сложивъ и угладивъ, на гвоздь Эври-
клея сорочку

Подль кровати, искусно точеной, повѣсила; тихо

Вышла изъ спальни; серебряной ручкою дверь
затворила;

Крѣпко задвижку ремнемъ затянула; потомъ
удалилась.

Онъ же всю ночь на постель, покрытый овчиною
мягкой,

440 Въ сердце обдумывалъ путь, учрежденный боги-
ней Аѳиной.

О ДИССЕЯ.

ПЬЕСЬ ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Второй день — до разсвѣта третьяго дня.

Рано по утру Телемакъ повелѣваетъ глашатаямъ созвать гражданъ Итаки на ялощадь и требуетъ всенародно, чтобъ женихи покинули домъ его. Антиной дерзко ему отвѣтствуетъ. Предвѣщательное явленіе орловъ; его толкуетъ Галифердъ, которому грубо возражаетъ Эвримахъ. Телемакъ требуетъ корабля для отплытія въ Пилось. Менторъ упрекаетъ народъ въ равнодушіи къ сыну Одиссееву; противъ него возстаетъ Леокритъ, который потомъ самовольно распускаетъ народное собраніе. Лейна подъ видомъ Ментора ободряетъ молящагося ей Телемака обѣщаніемъ дать ему корабль и провожатыхъ. Ключница Эвриклея готовитъ запасъ на дорогу. Лейна, получивъ отъ Ноэмона корабль, приготовляетъ его къ отплытію; потомъ, услышавъ жениховъ, шировавшихъ въ домъ Одиссеевомъ, уводитъ съ собою Телемака на берегъ моря, куда приносятъ и всѣ приготовленные на дорогу запасы. Телемакъ вмѣстѣ съ мнимымъ Менторомъ, не простясь съ Пенелопею, пускается въ море.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось ;

Ложе покинулъ тогда и возлюбленный сынъ О-
диссеевъ ;

Платье надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо
онъ повѣсилъ ;

Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтымъ ногамъ
привязавши,

5 Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу
подобный.

Звонкоголосыхъ глашатаевъ царскихъ созвавъ,
повелѣлъ онъ

Кликнуть имъ кличь, чтобъ на площадь собрать
густовласыхъ Ахеянъ ;

Кликнули ть ; собрался на площадь другіе ; ко-
гда же

Всѣ собрался они и собраніе сдѣлалось пол-
нымъ,

10 Съ мѣднымъ въ рукъ онъ копьемъ передъ сон-
момъ народнымъ явился —
Былъ не одинъ, двѣ лихія за нимъ прибѣжали
собаки.

Образъ его несказанной красой озарила Аѳина,
Такъ, что дивилися люди, его подходящаго вида.

Старцы предъ нимъ раздалися и съль онъ на мѣ-
сть отцевомъ.

15 Первое слово тогда произнесъ благородный Э-
гипцій,

Старець, согбенный годами, и въ жизни извѣдав-
шій много;

Сынъ же его Антифонтъ копьевержець съ Ца-
ремъ Одиссеемъ

Въ кóнеобильную Трою давно въ корабль круто-
бокомъ

Поплылъ; онъ былъ умерщвленъ Полифемомъ сви-
рьнымъ въ глубокомъ

20 Гротъ, послѣдній, похищенный имъ для вечерня
пищи.

Три оставалися старцу: одинъ, Евриномъ, съ же-
нихами

Буйствовалъ; два помогали отцу обрабатывать
поле;

Но о погибшемъ не могъ позабыть онъ; объ немъ
онъ все плакалъ,

Все сокрушался; и такъ, сокрушенный, сказалъ
онъ народу:

- 25 Выслушать слово мое приглашаю васъ, люди
Итаки;
Мы на совѣтъ не сходились ни разу съ тѣхъ
поръ, какъ отсюда
Царь Одиссей въ быстроходныхъ своихъ кора-
бляхъ удалился.
Кто же насъ собралъ теперь? Кому въ томъ
незапная нужда?
Юноша ль онъ разцвѣтающій? Мужъ ли годами
созрѣлый?
30 Слышалъ ли вѣсть о идущей на насъ непріятель-
ской силѣ?
Хочетъ ли насъ остеречь, напередъ все подробно
развѣдавъ?
Или о пользѣ народной какой предложить намъ
намъренъ?
Долженъ быть честный онъ гражданинъ; слава
ему! да поможетъ
Зевсъ помышленіямъ добрымъ его совершиться
успѣшно.
35 Кончилъ. Словами его былъ обрадованъ сынъ
Одиссеевъ;
Встать и къ собранію рѣчь обратить онъ немедля
рѣшился;
Выступилъ онъ предъ людей, и ему, къ нимъ
идущему, въ руку
Скипетръ вложилъ Певсенѣоръ, глашатай, разум-
ный совѣтникъ.
Къ старцу сперва обратися, ему онъ сказалъ:
благородный

- 40 Старецъ, опъ близко (и скоро его ты узнаешь),
къмъ здѣсь вы
Собраны — это я самъ, и печаль мнѣ великая
нынѣ.
- Я не слыхалъ о идущей на насъ непріятельской
силѣ;
Васъ остеречь не хочу, напередъ все подробно
развѣдавъ,
Также о пользахъ народныхъ теперь предлагать
не намѣренъ.
- 45 Нынѣ о собственной, домъ мой постигшей бѣдѣ
говорю я.
Двѣ мнѣ напасти; одна: мной утраченъ отецъ
благородный,
Бывшій надъ вами царемъ и всегда, какъ дѣтей,
васъ любившій;
Более жъ злая другая напасть, отъ которой весь
домъ нашъ
Скоро погибнетъ и все, что въ немъ есть, до конца
истребится,
- 50 Та, что преслѣдуютъ мать женихи неотступные,
панихъ
Гражданъ знатнѣйшихъ, собравшихся здѣсь, сы-
новья; имъ противно
Прямо въ Икаріевъ домъ обратиться, чтобъ ихъ
предложенъе
Выслушалъ старецъ, и, дочь, надъленную щедро
приданнымъ,
Отдалъ по собственной волѣ тому, кто пріятнѣе
сердцу.

55 Нѣтъ; имъ удобнѣй, всѣдневно врываяся въ
домъ нашъ толпою,

Нашихъ быковъ и барановъ и козъ откормлен-
ныхъ рѣзать,

Жрать до упада и свѣтлое наше вино безо-
щадно

Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ нѣтъ
въ немъ такого

Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ проклятья
избавить.

60 Сами же мы беспомощны теперь, равномерно и
послѣ

Будемъ, достойные жалости, вовсе безъ всякой
защиты.

Если бы сила была, то и самъ я пашель бы
управу;

Но нестерпимы обиды становятся; домъ Одис-
сеевъ

Грабятъ безстыдно. Ужель не тревожить васъ
совѣсть? По крайней

65 Мѣрь чужихъ устыдитесь людей и народовъ о-
кружныхъ,

Намъ сопредѣльныхъ, боговъ устращитесь мщенья,
чтобъ гнѣвомъ

Васъ не постигли самихъ, негодуя на вашу не-
правду.

Я жъ къ Олимпійскому Зевсу взываю, взываю
къ Ѡемидѣ,

Строгой богинь, совѣты мужей учреждающей!
Наше

70 Право признайте, друзья, и меня одного сокру-
шаться

Горемъ оставьте. Иль, можетъ быть, мой бла-
городный родитель

Чѣмъ оскорбилъ здѣсь умышенно мѣднообутыхъ
Ахеянь;

Можетъ быть то оскорбленье на мнѣ вы умы-
шенно мстите,

Грабить нашъ домъ возбуждая другихъ? Но
желали бы лучше

75 Мы, чтобъ и скоть нашъ живой и лежачій за-
пасъ нашъ вы сами

Силою взяли; тогда бы для насъ сохранилась
надежда:

Мы бы дотоль по улицамъ стали скитаться, моля
васъ

Наше отдать намъ, покуда не все бы намъ отдано
было;

Нынѣ жъ вы сердце мое безнадежнымъ терзаете
горемъ.

80 Такъ онъ во гнѣвъ сказалъ и повергнулъ на зем-
лю свой скипетръ;

Слезы изъ глазъ устремились: народъ состра-
данье проникло;

Всѣ неподвижно — безмолвны сидѣли; никто не
рѣшился

Дерзостнымъ словомъ отвѣтствовать сыну Царя
Одиссея.

Но Антипой поднялся и воскликнулъ, ему возра-
жая:

85 Что ты сказала, Телемакъ, необузданный, гордо-
рѣчивый?

Насъ оскорбивъ, ты на насъ и вину возложить
замышляешь?

Нѣтъ, обвинять ты не насъ жениховъ предъ А-
хейскимъ народомъ

Долженъ теперь, а свою хитроумную мать Пе-
нелопу.

Три совершилося года, ужé наступилъ и четвер-
тый

90 Съ тѣхъ поръ, какъ, нами играя, она подаетъ
намъ надежду

Всѣмъ, и каждому порознь себя общаетъ, и
вѣсти

Добрыя шлетъ къ намъ, недоброе въ сердце для
насъ замышляя.

Знайте, какую она въроломно придумала хи-
трость:

Станъ превеликій въ покояхъ поставя своихъ,
начала тамъ

95 Тонко - широкою ткань и, собравши насъ всѣхъ
намъ сказала:

Юноши, нынѣ мои женихи — поелику на свѣтъ

Нѣтъ Одиссея — отложимъ нашъ бракъ до поры
той, какъ будетъ

Конченъ мой трудъ, чтобъ начатая ткань не про-
пала мнѣ даромъ;

Старцу Лаэрту покровъ гробовой приготовить
хочу я

100 Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки навѣкъ усы-
 пляющей смерти

Парками отданъ, дабы не посмѣли Ахейскія
 жены

Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ по-
 гробенъ безъ покрова.

Такъ намъ сказала и мы покорились ей муже-
 скимъ сердцемъ.

Что же? День цѣлый она за тканьемъ проводила,
 а ночью,

105 Факель зажегши, сама все натканное днемъ рас-
 пускала.

Три года длился обманъ и она убеждать насъ
 умѣла;

Но когда обращенъеъ время приведень былъ
 четвертый —

Все намъ одна изъ служительницъ, знавшая тайну,
 открыла;

Сами тогда жъ мы застали ее за распущенной
 тканью;

110 Такъ и была приневолена нехотя трудъ свой
 окончить.

Ты же насъ слушай; тебѣ отвѣчаемъ, чтобъ могъ
 ты все вѣдать

Самъ, и чтобъ вѣдали все равномерно съ тобой
 и Ахейцы:

Мать отошли, повелѣвъ ей немедля, на бракъ
 согласившись,

Выбрать межъ нами того, кто отцу и самой ей
 угоденъ.

- 115 Если же долбе будетъ играть сыновьями А-
хейянь . . . . .
Разумомъ щедро ее одарила Аѳина; не только
Въ разныхъ она рукодѣльяхъ искусна, но также
и много
Хитростей знаетъ, неслыханныхъ въ древніе дни
и Ахейскимъ
Женамъ прекрасно-кудрявымъ невѣдомыхъ; что
ни Алкменъ
120 Древней, ни Тиро, ни пышно-вѣнчанной ца-
ревнѣ Микенъ
Въ умъ не входило, то нынѣ увертливый умъ Пе-
нелопы
Намъ ко вреду изобрѣлъ; но ея изобрѣтенья
тщетны;
Знай, не престанемъ твой домъ разорять мы до
тѣхъ поръ, покуда
Будетъ упорна она въ помышленьяхъ своихъ, ей
богами
125 Въ сердце вложенныхъ; конечно, самой ей въ
великую славу
То обратится, но ты истребленье богатства о-
плачешь;
Мы, говорю, не поидемъ отъ тебя ни домой, ни
въ иное
Мѣсто, пока Пенелопя межъ нами не выберетъ
мужа.
О Антиной, отвѣчалъ разсудительный сынъ О-
диссеевъ,

- 130 Я не дерзну и помыслить о томъ, чтобъ вельтъ
удалиться
Той, кто меня родила и вскормила; отецъ мой
далеко;
Живъ ли, погибъ ли, не знаю; но трудно съ Ика-
ріемъ будетъ
Мнѣ расплатиться, когда Пенелопу отсюда на-
сильно
Вышлю — тогда я подвергнусь и гнѣву отца и го-
ненью
- 135 Демона: страшныхъ Эриній, свой домъ покидая,
накличетъ
Мать на меня и стыдомъ предъ людьми я по-
кроюся вѣчнымъ.
Нѣтъ, никогда не отважусь сказать ей подобнаго
слова.
Вы же, когда хоть немного тревожить васъ со-
вѣсть, покиньте
Домъ мой; иные пиры учреждайте, свое, а не
наше
- 140 Тратя на нихъ и чередъ наблюдая въ своихъ
угощеньяхъ.
Если жъ находите вы, что для васъ и пріятнѣй
и легче
Всѣмъ одного разорять произвольно, безъ платы
— сожрите
Все; но на васъ я боговъ призову, и Зевесъ не
замедлитъ
Васъ поразить за неправду: тогда неминуемо
всѣ вы,

145 Такъ же безъ платы, погибнете въ домъ, разгра-
бленномъ вами.

Такъ говорилъ Телемакъ. И внезапно Зевесъ гро-
мовержець

Свыше къ нему двухъ орловъ ниспослалъ отъ
горы каменистой;

Оба сначала, какъ будто несомые вѣтромъ, ле-
тели

Рядомъ они, широко распутивши огромныя
крылья;

150 Но, налетѣвъ на средину собранія, полного шу-
момъ,

Начали быстро кружить съ непрестанными взма-
хами крыльевъ;

Очи ихъ, сверху на головы глядя, сверкали бѣ-
дою;

Сами потомъ разцарапавъ другъ другу и груди
и шеи,

Вправо умчались они, пролетѣвъ надъ собраньемъ
и градомъ.

155 Всъ, изумленные, птицъ провожали глазами, и ка-
ждый

Думалъ о томъ, что явленіе ихъ предвѣщало въ
грядущемъ.

Выступилъ тутъ предъ народъ Галиѳёрдъ, много-
опытный старецъ,

Сынъ Масторовъ; изъ сверстниковъ всѣхъ онъ
одинъ по полету

Птицъ былъ искусенъ гадать и пророчилъ гряду-
щее; полный

160 Мыслей благихъ, обратясь къ согражданамъ, такъ
имъ сказалъ онъ :

Выслушать слово мое приглашаю васъ люди
Итаки.

Прежде однако, дабы жениховъ образумить, ска-
жу я

Имъ, что бѣда неизбежная мчится на нихъ, что
недолго

Будеть въ разлукъ съ семействомъ своимъ Одис-
сей, что уже онъ

165 Гдѣ нибудь близко таится, и смерть и погибель
готова

Всѣмъ имъ, что также и многимъ другимъ изъ
живущихъ въ Итакѣ

Горновозвышенной бѣдствіе будетъ. Размыслимъ
же, какъ бы

Во время намъ обуздать ихъ; но лучше, конечно,
когда бы

Сами они усмирились; то нынѣ всего бы по-
лезнѣй

170 Было для нихъ: не безопытно такъ говорю, но
навѣрно

Зная, что будетъ; сбылось, утверждаю, и все,
что ему я

Здѣсь предсказалъ передъ тѣмъ, какъ пошли ко-
раблями Ахейцы

Въ Трою и съ ними пошелъ Одиссей многоумный.
По многихъ

Бѣдствіяхъ (такъ говорилъ я) и спутниковъ всѣхъ
потерявши,

- 175 Всѣмъ незнакомый, въ исходѣ двадцатаго года
въ отчизну
Онъ возвратится. Мое предсказанье свершится
нынѣ.
Кончилъ. Ему отвѣчалъ Эвримахъ, сынъ Поли-
біевъ: лучше,
Старый рассказчикъ, домой возвратись, и своимъ
малолетнымъ
Дѣтямъ пророчествуй тамъ, чтобъ бѣды имъ ка-
кой не случилось.
- 180 Въ нашемъ же дѣлѣ върнѣ тебя я пророкъ;
мы довольно
Видимъ летающихъ на небѣ въ свѣтлыхъ лучахъ
Геліоса
Птицъ, но не всѣ роковыя. А Царь Одиссей въ
отдаленномъ
Краѣ погибъ. И тебѣ бы погибнуть съ нимъ вмѣ-
стѣ! Тогда бы
Здѣсь ты не сталъ предсказаній такихъ вымы-
шлять, возбуждая
- 185 Гнѣвъ въ Телемакъ, уже раздраженномъ, и върно
надѣясь
Что нибудь въ даръ отъ него получить для себя
и домашнихъ.
Слушай однако — и то, что услышишь, испол-
нится върно —
Если ты этого юношу съ старымъ своимъ много-
знаьемъ
Будешь пустыми словами на гнѣвъ возбуждать,
то конечно

190 Это въ сугубое горе ему самому обратится;

Противъ насъ всѣхъ онъ одинъ ничего совершить
не успѣтъ.

Ты жъ, безразсудный старикъ, навлечешь на себя
наказанье,

Тяжкое сердцу: мы горько заставимъ тебя со-
крушаться.

Нынѣ я болѣ полезный совѣтъ предложу Теле-
маку:

195 Матери пусть повелитъ онъ къ Икарію въ домъ
возвратиться,

Гдѣ, приготовивъ все нужное къ браку, бога-
тымъ приданымъ

Милую дочь, какъ прилично то сану ея, надѣлитъ
онъ.

Иначе, думаю, мы, сыновья благородныхъ Ахейяъ,

Мучить ее не престанемъ своимъ сватовствомъ.
Никого здѣсь

200 Мы не боимся, ни полнаго звучныхъ рѣчей Те-
лемака,

Ниже пророчествъ, которыми ты, говорунъ по-
сѣдѣлый,

Всѣмъ докучаешь — ты намъ отъ того ненавист-
нѣй; а домъ ихъ

Весь разоримъ мы на наши пиры, и отъ насъ
воздаянья

Имъ не имѣть ни какого, пока на желаемый нами

- 205 Бракъ не рѣшится она ; ожидая вседневно, кто
будеть
Ею изъ насъ наконецъ предпочтенъ, мы къ
другимъ обратиться
Медлимъ невѣстамъ, чтобъ выбрать, какъ слѣ-
дуетъ, женъ между ними.
Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ О-
диссеевъ:
- О Эвримахъ, и вы все, женихи знаменитые,
боль
210 Васъ убѣждать не хочу и впередъ не скажу вамъ
ни слова ;
Боги все вѣдаютъ, все благороднымъ Ахейцамъ
известно.
Вы же мнѣ прочный корабль съ двадцатю при-
обычными быстро
По морю плавать гребцами теперь снарядите :
хочу я
Спарту и Пилось песчаный сперва посѣтить,
чтобъ провѣдать,
- 215 Есть ли тамъ слухи какіе о миломъ отцѣ и ка-
кая
Въ людяхъ молва про него, иль услышать о немъ
прорицанье
Оссы, всегда повторяющей людямъ Зевесово
слово.
Если узнаю, что живъ онъ, что онъ возвратится,
то буду
Ждать его годъ, терпѣливо снося притѣсненья ;
когда же

220 Скажетъ молва, что погибъ онъ, что нѣтъ ужъ
его межъ живыми,
То, незамедленно въ милую землю отцевъ воз-
вратяся,
Въ честь ему холмъ гробовой здѣсь насыплю и
должную пышно
Тризну по немъ совершу; Пенелопу жъ склоню
на замужство.

Кончивъ, онъ сълъ и умолкнулъ. Тогда поднялся
неизмѣнный

225 Слутникъ и другъ Одиссея, Царя безпорочнаго,
Менторъ.

Ввѣрилъ ему Одиссей при отплытіи домъ, быть
покорнымъ

Старцу Лаэрту и все сберегать повелѣвши. И
полный

Мыслей благихъ, обратяся къ согражданамъ,
такъ имъ сказалъ онъ:

Выслушать слово мое приглашаго васъ, люди И-
таки;

230 Кроткимъ, благимъ и привѣтливымъ быть ужъ
впередъ ни единый

Царь скиптроносный не долженъ, но, правду изъ
сердца изгнавши,

Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззакон-
ствуя смѣло,

Если могли вы забыть Одиссея, который былъ
нашимъ

Добрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ
отецъ благодушный.

- 235 Нужды мнѣ нѣтъ обвинять жениховъ необу-
здавно-дерзкихъ
Въ томъ, что они, самовластвуя здѣсь, замы-
шляютъ худое.
Сами своею играютъ они головой, разоряя
Домъ Одиссея, котораго, мыслятъ, ужъ мы не
увидимъ.
Васъ же, граждане Итаки, хочу пристыдить:
здѣсь собравшись,
240 Вы равнодушно сидите и слова не скажете про-
тивъ
Малой толпы жениховъ, хотъ самихъ васъ число
и большое.
Сынъ Эйвеноровъ тогда Леокритъ, негодуя, вос-
кликнулъ:
Что ты сказалъ, безразсудный, зломышленный
Менторъ? Смирить насъ
Гражданамъ ты предлагаешь; но сладить имъ
съ нами, которыхъ
245 Также немало, на пиршествѣ трудно. Хотя бы
внезапно
Самъ Одиссей твой, Итаки властитель, явился
и силой
Насъ жениховъ благородныхъ, въ его веселя-
щихся домъ,
Выгнать оттуда замыслилъ, его возвращенье въ
отчизну
Было бъ женъ, тосковавшей такъ долго по немъ,
не на радость:

250 Злая погибель его бы постигла, когда бы насъ
многихъ

Вздумалъ одинъ одолеть онъ; неумное слово
сказалъ ты.

Вы жъ разойдитесь, люди, и каждый займися
домашнимъ

Дѣломъ. А Менторъ пускай и мудрецъ Гали-
еердъ, Одиссею

Вѣрность свою сохранившіе, въ путь снарядятъ
Телемака;

255 Долго однако, я думаю, здѣсь просидитъ онъ,
сбирая

Вѣсти; пути же ему своего совершить не у-
дастся.

Такъ онъ сказавъ, распустилъ самовольно со-
бранье народа.

Всѣ, удалясь, по своимъ разошлись домамъ;
женихи же

Въ домъ Одиссея, Царя благороднаго, вновь воз-
вратились.

260 Но Телемакъ одиноко пошелъ на песчаное взмо-
рье.

Руки соленою влагой умывъ, возгласилъ онъ
къ Аѳинѣ:

Ты, посѣтившая домъ мой вчера и въ туман-
ное море

Плыть повелѣвшая мнѣ, чтобъ развѣдалъ я, стран-
ствуя, нѣтъ ли

Слуховъ о миломъ отцѣ и его возвращеньи,
богиня,

265 Мнѣ помоги благосклонно; Ахейцы мой путь
затрудняютъ;

Паче жъ другихъ женихи многосильные, полные
злости.

Такъ говорилъ онъ, молясь, и предъ нимъ во
мгновеніе ока,

Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, пред-
стала Аѳина.

Голосъ возвысивъ, богиня крылатое бросила
слово:

270 Смѣль, Телемакъ, и разумень, ты будешь, когда
обладаешь

Тою великою силой, съ какою и словомъ и дѣ-
ломъ

Все твой отецъ что хотѣлъ, совершалъ; и до-
стигнешь желанной

Цѣли, свой путь безпрепятственно кончивъ; ко-
гда жъ не прямой ты

Сынъ Одиссеевъ, не сынъ Пенелопинъ прямой,
то надежды

275 Нѣтъ, чтобъ успешно ты могъ совершить пред-
пріятное дѣло.

Рѣдко бываютъ подобны отцамъ сыновья; всѣ
большею

Частию хуже отцевъ и немногіе лучше. Но бу-
дешь

Ты, Телемакъ, и разумень и смѣль, поелику не
во все

Ты Одиссеевой силы великой лишень; и на-
дежда

280 Есть для тебя, что успешно свершишь предпри-
ятое дѣло.

Пусть женихи, беззаконствуя, зло замышляютъ
— оставь ихъ ;

Горе безумнымъ ! они въ слѣпоту, незнакомые съ
правдой,

Смерти своей не предвидятъ, ни черной судьбы,
ежедневно

Къ нимъ подступающей ближе и ближе, чтобъ
вдругъ погубить ихъ.

285 Ты же свое предпринять путешествіе можешь
немедля ;

Будучи другомъ твоимъ по отцу твоему, снаря-
жу я

Быстрый корабль для тебя, и послѣдую самъ
за тобою.

Но возвратися теперь къ женихамъ ; а тебѣ на
дорогу

Пусть приготовятъ съѣстное, пускай имъ на-
полнятъ сосуды ;

290 Пусть и въ амфоры вина нацѣдятъ, и муки, мо-
реходца

нѣди питательной, въ кожаныхъ, плотныхъ мѣ-
хахъ приготовятъ.

Тою порой я гребцевъ наберу ; кораблей же въ
Итакъ,

Моремъ объятаю, немало и новыхъ и старыхъ ;
межъ ними

Лучшій я выберу самъ ; и немедленно будетъ
онъ нами

295 Въ путь изготовлень, и спустимъ его на свя-
щенное море.

Такъ говорила Аенна, Зевесова дочь, Телемаку.

Голосъ богини услышавъ, онъ берегъ немедля
покинулъ.

Въ домъ возвратяся съ печалію милаго сердца,
нашелъ онъ

Тамъ жениховъ многосильныхъ: одни обдврили
въ покояхъ

300 Козъ, а другіе, зарезавъ свиней, на дворъ ихъ
налили.

Съ колкой усмѣшкой къ нему подошелъ Анти-
ной и, насильно

За руку взявши его и назвавши по имени, мол-
вилъ:

Юноша всныльчивый, злой говорунъ, Телемакъ,
не заботься

Боль о томъ, чтобъ вредить намъ иль словомъ
иль дѣломъ, а лучше

305 Дружески съ нами безъ всякихъ заботъ веселись,
какъ бывало.

Волю жъ твою не замедлятъ Ахейцы исполнить:
получишь

Ты и корабль и отборныхъ гребцевъ, чтобъ ско-
рѣе достигнуть

Въ Пѣлосъ, любезный богамъ, и узнать объ отцѣ
отдаленномъ.

Кротко ему отвѣчалъ разсудительный сынъ О-
диссеевъ:

310 Нѣтъ Антиной, неприлично мнѣ съ вами над-
менными вмѣстѣ

Противъ желанья сидѣть за столомъ, веселясь
беззаботно ;

Будьте довольны и тѣмъ, что имущество лучшее
наше

Вы, женихи, разорили, покуда я былъ малолѣ-
тень.

Нынѣ жъ, когда, возмужавъ и совѣтниковъ слу-
шая умныхъ,

315 Все я узналъ и когда ужъ во мнѣ пробудилася
бодрость,

Я попытаюсь на шею вамъ Паркъ неизбеж-
ныхъ накликасть,

Такъ ли, иначе ли, създивъ ли въ Пѣлосъ, иль
здѣсь отыскавши

Средство. Я ѣду — и путь мой напрасень не
будетъ, хотя я

Ѣду попутчикомъ, ибо (такъ было устроено
вами)

320 Здѣсь мнѣ имѣть своего корабля и гребцевъ не-
возможно.

Такъ онъ сказалъ и свою изъ руки Антиноевой
руку

Вырвалъ. Межъ тѣмъ женихи, изобилный обѣдъ
учреждая,

Многими колкими сердце его оскорбляли рѣчами.

Такъ говорили одни изъ ругателей дерзконад-
менныхъ :

325 Насъ Телемакъ погубить не на шутку замыс-
лилъ; быть можетъ,

Многихъ онъ въ помощь себѣ приведетъ изъ пе-
счанаго Пилоса, многихъ

Также изъ Спарты; о томъ онъ, мы видимъ, за-
ботится сильно.

Можетъ случиться и то, что богатую землю Э-
фиру

Онъ посѣтитъ, чтобъ, добывши тамъ яду, смер-
тельнаго людямъ,

330 Здѣсь отравить имъ кратеры и разомъ насъ
всѣхъ уничтожить.

Но — отвѣчали другіе насмѣшливо первымъ —
кто знаетъ!

Можетъ случиться легко, что и самъ, какъ
отецъ онъ погибнетъ,

Долго бродивъ по морямъ далекó отъ друзей
и домашнихъ.

Тѣмъ онъ конечно и насъ озаботитъ: тогда намъ
придется

335 Всѣ раздѣлить межъ собой ихъ имущество; домъ
же уступимъ

Мы Пенеловъ и мужу, избранному ею межъ
нами.

Такъ женихи. Телемакъ же пошелъ въ кладо-
вую отцеву,

Зданье пространное; злата и мѣди тамъ кучи
лежали;

Много тамъ платья въ ларяхъ и душистаго масла
хранилось;

- 340 Кувшины изъ глины съ виномъ многолѣтнимъ и
сладкимъ стояли
Рядомъ у стѣнь, заключая божественно-чистый
напитокъ
Въ нѣдрѣ глубокомъ, на случай, когда Одиссей
возвратится
Въ домъ, претерпѣвши тяжелыхъ скорбей и пре-
вратностей много.
Двери двустворныя, дважды замкнутыя, въ ту
кладовую
- 345 Входомъ служили; почтенная ключница, денно и
нощно
Тамъ съ многоопытнымъ, зоркимъ усердьемъ въ
порядкѣ держала
Все Эвриклея, разумная дочь Певсенориды Опса.
Въ ту кладовую позвавъ Эвриклею, сказалъ Те-
лемахъ ей:
Няня, амфоры наполни виномъ благоуханнымъ,
вкуснѣйшимъ
- 350 Послѣ того дорогаго, которое здѣсь бережешь
ты,
Помня о немъ, о несчастномъ, и все уповая, что
въ домъ свой
Царь Одиссей возвратится, и смерти и Паркъ
избѣжавши.
Имъ ты двѣнадцать наполни амфоръ и амфоры
закупорь;
Такъ же и кожаныхъ, плотныхъ мѣховъ приго-
товь, оржаную

- 355 Полныхъ мукой; и чтобъ въ каждомъ изъ нихъ
заклучалось двадцать
Мърь; но объ этомъ ты въдай одна; собери все
припасы
Въ кучу; за ними прійду ввечеру я, въ то время,
когда ужъ
Въ верхній покой свой уйдетъ Пенелопа, о снѣ
помышляя.
Спарту и Пилосъ песчаный хочу посѣтить, чтобъ
провѣдать,
- 360 Нѣтъ ли тамъ слуховъ о миломъ отцѣ и его
возвращеньи.
Кончилъ. Ему Эвриклея, усердная няня, запла-
кавъ,
Съ громкимъ рыданьемъ крылатое бросила сло-
во: зачѣмъ ты,
Милое наше дитя, открываешь такимъ помы-
шленьямъ
Сердце? Зачѣмъ въ отдаленную чуждую, землю
стремишься
- 365 Ты, утѣшеніе наше единое? Твой ужъ родитель
Встрѣтилъ конецъ межъ народовъ враждебныхъ
отъ дома далѣко;
Здѣсь же, покуда ты странствовать будешь, ко-
варно устроятъ
Ковъ, чтобъ извести и тебя, и твое все бо-
гатство разделять.
Лучше останься у насъ при своемъ; ни малѣй-
шей нѣтъ нужды

370 Въ страшное море тебѣ на бѣды и на бури пу-
скайся.

Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ Одис-
сеевъ :

Няня, мой другъ, не тревожься; не мимо боговъ
я рѣшился

Въ путь, но клянись мнѣ, что мать отъ тебя ни
о чемъ не узнаетъ

Прежде, пока не свершится одиннадцать дней
иль двѣнадцать,

375 Или покуда не спроситъ сама обо мнѣ, иль дру-
гой кто

Тайны не скажетъ — боюсь, чтобъ отъ плача
у ней не поблекла

Свѣжесть лица. Эвриклея богами великими стала

Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою
совершила,

Тотчасъ она, благовоннымъ виномъ все амфоры
паливши,

380 Кожаныхъ плотныхъ мѣховъ приготовила, пол-
ныхъ мукою.

Онъ же, домой возвратившись, тамъ съ жени-
хами остался.

Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ Паллады
Аѳины :

Видъ Телемака принявши, она объжала весь
городъ ;

Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращая,
собраться

385 Всѣхъ пригласила она ввечеру на корабль бы-
строходный.

Послѣ, пришедъ къ Ноэмо́ну разумаго Фронія
сыну,

Дать ей просила корабль — Ноэмонъ согласился
охотно.

Солнце тѣмъ временемъ съло и всѣ потемнѣли
дороги.

Легкій корабль на соленую влагу спустивъ и
запасы,

390 Нужные каждому прочному судну, собравши на
самомъ

Выходъ въ море изъ бухты его помѣстила бо-
гиня.

Люди сошлись, и въ каждомъ она возбудила
отважность.

Новая мысль родилася тутъ въ сердце Паллады
Аѳины :

Въ домъ Одиссея, Царя благороднаго, вшедши,
богиня

395 Сладкій сонъ на пирующихъ тамъ жениховъ
навела, помутила

Мысли у пьющихъ и вырвала кубки изъ рукъ
ихъ ; влеченю

Сна уступивши, они по домамъ разошлись и не-
долго

Ждали его, не замедлилъ онъ пасть на усталыя
вѣжды.

Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь Телемаку ска-
зала,

- 400 Вызвавъ его изъ устроенной пышно палаты
 столовой,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью: пора,
 Телемакъ, намъ;
 Всѣ собралися ужъ светлообутые спутники на-
 ши;
 Сидя у весель, они ожидаютъ тебя съ нетерпѣ-
 ньемъ;
 Время итти; не годится намъ долъ откладывать
 путь свой.
- 405 Кончивъ, Паллада Аѳина пошла впереди Теле-
 мака
 Быстрымъ шагомъ; поспѣшно пошелъ Телемакъ
 за богиней.
 Къ морю и къ ждавшему ихъ кораблю подо-
 шедши, они тамъ
 Спутниковъ густокудрявыхъ нашли у песчаного
 берега.
 Къ нимъ обратилась тогда Телемакова сѣла
 святая:
- 410 Братья, принесть поспѣшнымъ путевые запасы;
 они ужъ
 Всѣ приготовлены въ домѣ, и мать ни о чемъ не
 слыхала;
 Также ничто и рабынямъ не сказано; тайну
 одна лишь
 Знаетъ. И быстро пошелъ впереди онъ; за
 нимъ всѣ другіе.
 Взявши запасы, они ихъ на прочно устроенномъ
 суднѣ

- 420 Склали, какъ то повелѣлъ имъ возлюбленный
сынъ Одиссеевъ.
Скоро и самъ онъ вступилъ на корабль за бо-
гней Аеинной;
Подлѣ кормы корабельной она помѣстилась; съ
ней рядомъ
Сѣлъ Телемакъ, и гребцы, отвязавши поспѣшно
канаты,
Также вошли на корабль и сѣли на лавкахъ
у весель.
- 425 Тутъ свѣтлоокая Зевсова дочь даровала имъ
вѣтеръ попутный,
Свѣжій повѣялъ зефиръ, ошумляющій темное
море.
Бодрыхъ гребцевъ возбуждая, велѣлъ Телемакъ
имъ скорѣе
Спасти устроить; ему повинуюсь, сосновую ма-
чту
Подняли разомъ они и, глубоко въ гнѣздо во-
друзивши,
425 Въ немъ утвердили ее, а съ боковъ натянули
веревки;
Бѣлый потомъ привязали ремнями плетеными
парусъ;
Вѣтромъ наполнившись, онъ поднялся и пурпур-
ныя волны
Звучно подѣ килемъ потекшаго въ нихъ кора-
бля зашумѣли;
Онъ же бѣжалъ по волнамъ, разгребая себѣ въ
нихъ дорогу.

430 Тутъ корабельщнки, черное быстрое судно у-
строивъ,

Чашн наполннлн сладкнмъ внонмъ н молясь со-
творнлн

Должное вчпорожденнымъ, безсмертнымъ бо-
гамъ возлянье,

Паче жъ другихъ свѣтлоокой богинь великой
Палладь.

Судно всю ночь н все утро спокойно свой путь
совершало.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

Третій и Четвертый день, до вечера пятого.

Прибытіе Телемака въ Пилосъ. Онъ находитъ Нестора, приносящаго на берегу моря жертву Посидону вмѣстѣ съ народомъ. Несторъ по просьбѣ Телемака рассказываетъ о томъ, что случилось съ нимъ, съ Менелаемъ и нѣкоторыми другими Ахейскими вождями послѣ разрушенія Трои. Онъ совѣтуетъ Телемаку посѣтить Менелая въ Лакедѣмонъ. Телемакъ остается ночевать въ домѣ Нестора. На другой день, по совершеніи жертвы, обѣщанной Несторомъ Аѳинъ, Телемакъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ Нестора Пизистратомъ, отправляется въ путь; они ночуютъ у Діоклеса; и на слѣдующій вечеръ пріѣзжаютъ въ Лакедѣмонъ.

Гѣліосъ съ моря прекраснаго всталъ и явился
на мѣдномъ
Сводѣ небесъ, чтобъ сіять для безсмертныхъ
боговъ и для смертныхъ,
Року подвластныхъ людей, на землѣ плодонос-
ней живущихъ.

Тою порою достигнулъ корабль до Нелеева града

Пышнаго Пілоса. Въ жертву народъ приносилъ 5
тамъ на брегъ

Черныхъ быковъ Посидону лазурнокудрявому
богу;

Было тамъ девять скамей; на скамьяхъ, по
пяти сотъ на каждой,

Люди сидѣли, и девять быковъ передъ каждою
было.

Сладкой отвѣдавъ утробы, уже сожигали предъ
богомъ

- 10 Бѣдра въ то время, какъ въ пристань вошли
мореходцы. Убравши
снасти, и якоремъ шаткѣй корабль утвердивши,
на землю
вышли они; Телемакъ, за Аѳиною слѣдуя, такъ
же
вышелъ. Къ нему обратясь, богиня Аѳина ска-
зала:
- Сынъ Одиссеевъ, теперь ужъ застычивымъ быть
ты не долженъ;
- 15 Ибо затѣмъ мы и въ море пустились, чтобъ
свѣдать, въ какую
землю отецъ твой судьбиною брошенъ и что
претерпѣлъ онъ.
- Смѣло приближся къ коней обуздателю Нестору;
знать намъ
должно, какія въ душѣ у него заключаются
мысли.
- Смѣло его попроси, чтобъ тебѣ объявилъ онъ
всю правду;
- 20 Лжи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный
великимъ.
- Но — отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ
богинѣ —
какъ подойти мнѣ? Какое скажу я привѣтствіе,
Менторъ?
Мало еще въ разговорахъ разумныхъ съ людь-
ми я искусенъ;
Также не знаю, прилично ли младшимъ распра-
шивать старшихъ?

Дочь сътлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала: 25

Многое самъ, Телемакъ, ты своимъ угадаешь
разсудкомъ ;

Многое демонъ откроетъ тебѣ благосклонный ;
не противъ

Воли жъ безсмертныхъ, я думаю, былъ ты ро-
жденъ и воспитанъ.

Кончивъ, богиня Аѳина пошла впереди Телемака

Быстрымъ шагомъ ; за нею пошелъ Телемакъ ; 30
и поспѣшно

Къ мѣсту подходятъ они, гдѣ Пилійцы собрав-
шись сидѣли ;

Тамъ съ сыновьями и Несторъ сидѣлъ ; ихъ дру-
зья, учреждая

Пиръ, суетились, вздѣвали на вертелы, жарили
мясо.

Всѣ, иноземцевъ увидя, пошли къ нимъ на встрѣ-
чу и, руки

Имъ подавая, просили ихъ съестъ дружелюбно 35
съ народомъ.

Первый, ихъ встрѣтившій, Несторовъ сынъ, Пи-
зистратъ благородный,

Ласково за руки взявши обоихъ, на берегъ пе-
счаномъ

Мѣсто на мягкихъ разостланныхъ кожахъ за-
нять пригласилъ ихъ

Между отцемъ престарѣлымъ и братомъ мла-
дымъ Оразимедомъ.

40 Сладкой утробы отвѣдать имъ давъ, онъ виномъ
 благовоннымъ

Кубокъ наполнилъ, вина отхлебнулъ и сказалъ
 свѣтлоокой

Дочери Зевса эгидодержавца Палладъ Аѳинъ:

Странникъ, ты долженъ призвать Посидона вла-
 дыку: вы нынѣ

Прибыли къ намъ на великій праздникъ его; со-
 вершивши

45 Здѣсь, какъ обычай велитъ, передъ нимъ воз-
 лянье съ молитвой,

Ты и товарищу кубокъ съ напиткомъ боже-
 ственно — чистымъ

Дай; онъ, я думаю, молится также богамъ, пее-
 лику

Всѣ мы, люди, имѣемъ въ богахъ благотвори-
 тельныхъ нужду.

Онъ же моложе тебя и, конечно, ровесникъ со-
 мною;

50 Вотъ почему я и кубокъ тебѣ напередъ предла-
 гаю.

Кончивъ, онъ передалъ кубокъ съ виномъ бла-
 говоннымъ Аѳинъ.

Былъ ей пріятенъ поступокъ разумнаго юноши,
 первой

Ей предложившаго кубокъ съ виномъ благово-
 ннымъ; и стала

Голосомъ громкимъ она призывать Посидона
 владыку:

Царь Посидонъ земледержецъ, молюся тебѣ, не 55
отвергни

Насъ, уповающихъ здѣсь, что желанія наши ис-
полнишь.

Нестору славу съ его сыновьями вопервыхъ да-
руй ты;

Посль богатую милость яви и другимъ, благо-
склонно

Здѣсь отъ Пилійцевъ великую нынѣ принявъ
экатомбу;

Дай намъ потомъ, Телемаку и мнѣ, возвратить- 60
ся, окончивъ

Все, для чего мы приплыли сюда въ корабль
крутобокомъ.

Такъ помолясь, совершила сама возліянье бо-
гиня;

Посль двуярусный кубокъ она подала Телемаку;

Въ свой помолился чередъ и возлюбленный сынъ
Одиссеевъ.

Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ снявши хреб- 65
товое мясо,

Роздали части и начали пиръ многославный; ко-
гда же

Быль удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ пи-
тьемъ и ѣдою,

Речь обратилъ къ посѣтителемъ Несторъ герой
Геренейскій:

Странники, мнѣ ужъ теперь неприлично не бу-
детъ спросить васъ,

70 Кто вы, понеже ужъ пищею вы насладились до-
вольно.

Кто жъ вы, скажите? Откуда къ намъ прибыли
влажной дорогой?

Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитае-
тесь всюду,

Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники
вольные, мчась,

Жизнью играя своей и бѣды приключая наро-
родамъ?

75 Съ духомъ собравшись, на то разсудительный
сынъ Одиссеевъ

Такъ, отвѣчая, сказалъ (и Аѳина ему ободрила

Сердце, чтобъ Нестора могъ онъ спросить объ
отцѣ отдаленномъ,

Также, чтобъ въ людяхъ о немъ утвердилася
добрая слава):

Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава Ахеянъ,

80 Знать ты желаешь, откуда и кто мы; всю прав-
ду скажу я:

Мы изъ Итаки, подъ склономъ лѣсистымъ Нейона
лежащей;

Прибыли жъ къ вамъ, не за общимъ народнымъ,
за собственнымъ дѣломъ;

Странствую я, чтобъ, молву объ отцѣ вопрошая,
провѣдать,

Гдѣ Одиссей благородный, въ бѣдахъ постоян-
ный, съ которымъ

Ратуя вмѣстѣ, вы градъ Иліонъ, говорятъ, со- 85
 крушили.
 Прочіе жъ, сколько ихъ ни было, противъ Троянъ
 воевавшихъ,
 Бѣдственно, слышали мы, въ сторонѣ отдален-
 ной погибли
 Все; а его и гибель отъ насъ неприступно
 Кроніонъ
 Скрылъ; гдѣ нашель онъ конецъ свой, не знаетъ
 никто: на землѣ ли
 Твердой онъ палъ, пересиленный злыми врага- 90
 ми, въ зыбяхъ ли
 Моря погибъ, поглощенный холодной волной Ам-
 фитриты.
 Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благо-
 склонно
 Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что
 своими
 Видѣлъ глазами, иль что отъ какого услышалъ
 случайно
 Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣ- 95
 ды и на горе.
 Ты же, меня не щадя и изъ жалости словъ не
 смягчая,
 Все расскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ
 очевидецъ.
 Если же чѣмъ для тебя мой отецъ, Одиссей бла-
 городный,
 Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ
 тѣ дни, какъ съ тобою

- 100 Въ Троѣ онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ
 претерпѣли, Ахейцы,
 Вспомни объ этомъ теперь и поистинѣ все раз-
 скажи мнѣ.
- Такъ Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ герой
 Геренейскій :
- Сынъ мой, какъ сильно напомнилъ ты мнѣ о
 напастяхъ, въ землѣ той
 Встрѣченныхъ нами Ахейцами, твердыми въ опы-
 тѣ строгомъ,
- 105 Частью, когда въ корабляхъ, предводимые бо-
 дрымъ Пелидомъ,
 Мы за добычей по темнотуманному морю гоня-
 лись,
- Частью когда передъ крѣпкимъ Пріамовымъ гра-
 домъ съ врагами
 Яростно бились. Изъ нашихъ въ то время всѣ
 лучшіе пали :
- Легъ тамъ Аяксъ бѣдоносный, тамъ легъ Ахил-
 лесь, и совѣтовъ
- 110 Мудростью равныйъ безсмертнымъ Патроклъ, и
 лежитъ тамъ мой милый
 Сынъ Антилохъ, безпорочный, отважный, и столь-
 ко же дивный
- Легкостью бѣга, сколь былъ онъ безстрашный
 боецъ. И немало
- Разныхъ другихъ испытали мы быдствій вели-
 кихъ, о нихъ же.
- Можетъ ли все рассказать хоть одинъ изъ лю-
 дей земнородныхъ ?

Если бѣ и цѣлыя пять лѣтъ и шесть лѣтъ ты 115
могъ безпрестанно
Вѣсти собирать о бѣдахъ, приключившихся бо-
дрымъ Ахейцамъ,
Ты бы, всего не узнавъ, недоволенъ домой воз-
вратился.
Девять трудились лѣтъ мы, чтобъ ихъ погубить,
вымышляя
Многія хитрости — кончить насилу рѣшился Кро-
ніонъ.
Въ умныхъ совѣтахъ никто тамъ не могъ на- 120
ряду быть поставленъ
Съ нимъ: далеко опереживалъ всѣхъ изобре-
теньемъ многихъ
Хитростей Царь Одиссей, благородный родитель
твой, если
Подлинно сынъ ты его. Съ изумленьемъ смо-
тру на тебя я;
Съ нимъ и рѣчами ты сходенъ; но кто бы по-
думалъ, чтобъ было
Юношѣ можно такъ много съ нимъ сходство- 125
вать умною рѣчью?
Я жѣ постоянно, покуда войну мы вели, на со-
вѣтъ ль,
Въ сонмѣ ль народномъ, всегда заодно гово-
рилъ съ Одиссеемъ;
Въ мнѣньяхъ согласные, вмѣстѣ всегда мы, обду-
мавши строго,
То лишь одно избирали, что было Ахейцамъ по-
лезный.

- 130 Но когда, испровергнувши городъ Приама великій,
Мы къ кораблямъ возвратилися, богъ разлучилъ насъ: Кроніонъ
Бѣдственный путь по морямъ приготовить замыслилъ Ахейцамъ.
Былъ не у каждаго свѣтель разсудокъ, не все справедливы
Были они — потому и постигнула злая судьбина
- 135 Многихъ, разгнѣвавшихъ дочь свѣтлоокою страшнаго бога.
Сильную распрю богиня Аѳина зажгла межъ Атридовъ:
Оба, созвать вознамѣрся людей на совѣтъ, безразсудно
Собрали ихъ не въ обычное время, когда ужь садилось
Солнце; Ахейцы сошлись, виномъ охмѣленные;
Тѣ же
- 140 Стали одинъ за другимъ объяснять имъ причину собранья:
Требовалъ царь Менелай, чтобъ Аргивскіе мужи въ обратный
Путь по широкому моря хребту устремились немедля;
То Агамѣнонъ отвергнулъ: Ахейцевъ еще удержать онъ
Мыслилъ за тѣмъ, чтобъ они, совершивъ экатомбу святую,

Гнѣвъ примирили ужасной богини. . . . . младенецъ! 145
еще онъ

Видно не зналъ, что ужъ быть не могло при-
мирения съ нею :

Вѣчные боги нескоро въ своихъ измѣняются мы-
сляхъ.

Такъ, обращая другъ къ другу обидныя рѣчи,
тамъ оба

Брата стояли; собраніе свѣтлообутыхъ Ахеянъ

Воплемъ наполнилось яростнымъ, на два раз- 150
розвившись мнѣнья.

Всю ту мы ночь провели въ непріязненныхъ другъ
противъ друга

Мысляхъ : ужъ намъ беззаконнымъ готовилъ
Зевесъ наказанье.

Утромъ одни на прекрасное море опять кора-
блями

(Взявъ и добычу и дѣвъ, глубокó опоясанныхъ)
вышли.

Но половина другая Ахеянъ осталась на брегъ 155

Вмѣстѣ съ царемъ Агамемнономъ, пастыремъ
многихъ народовъ.

Дали мы ходъ кораблямъ, и они по волнамъ по-
бѣжали

Быстро : подъ нами углаживалъ богъ многовод-
ное море.

Скоро пришедъ въ Тенедось, принесли мы тамъ
жертву безсмертнымъ,

- 160 Дать намъ отчизну моля ихъ, но Дій непре-
клонный еще намъ
Медлилъ дозволить возвратъ: онъ вторичной
враждой возмутилъ насъ.
Часть за Царемъ Одиссеемъ, подателемъ мудрыхъ
совѣтовъ,
Въ многовесельныхъ пустякъ корабляхъ, устре-
милась въ обратный
Путь, чтобъ Атриду царю Агамемнону вновь
покориться.
- 165 Я же поспѣшно со всеми подвластными мнѣ ко-
раблями
Поплылъ впередъ, угадавъ, что готовилъ намъ
бѣдствіе Демонъ;
Поплылъ со всеми своими и сынъ бѣдоносный
Тидея;
Позже отправился въ путь Менелай златовласый:
въ Лезбѣсъ
Насъ онъ нагналъ, нерѣшимыхъ, какую избрать
намъ дорогу:
- 170 Выше ль скалами обильнаго Хіоса путь свой на
Псирю
Править, ее оставляя по лѣвую руку, или ниже
Хіоса мимо открытаго воющимъ вѣтрамъ Ми-
монта?
Дія молили мы знаменье дать намъ; и, знаменье
давши,
Онъ повелѣлъ, чтобъ, разрѣзавши море по самой
срединѣ,

Шли мы къ Эвбеѣ для скорого близкой бѣды из- 175
бѣжанья;

Вѣтеръ попутный, свистя, зашумѣлъ, и, рыбо-
обильный

Путь совершая легко, корабли до Гереста дости-
гли

Къ ночи; отъ многихъ быковъ возложили мы
тучныя бедра

Тамъ на алтарь Посидоновъ, измеривъ великое
море.

День совершился четвертый, когда, добѣжавъ до 180
Аргоса,

Всѣ корабли Диомеда, коней обуздателя, стали

Въ пристани. Прямо тѣмъ временемъ въ Пѣлосъ
я плылъ, и ни разу

Вѣтеръ попутный, въ началѣ намъ посланный Ди-
емъ, не стихнулъ.

Такъ возвратился я, сынъ мой, безъ всякихъ вѣ-
стей; и донинѣ

Свѣдать еще я не могъ, кто погибъ изъ Ахеянъ, 185
кто спасся.

Что жъ отъ другихъ мы узнали, живя подъ до-
машнею кровлей,

То вамъ, какъ слѣдуетъ, я расскажу, ничего не
скрывая.

Слышали мы, что съ младымъ Ахиллеса вели-
каго сыномъ

Всѣ Мирмидоны его, копьеносцы домой возвра-
тились;

- 190 Живъ, говорятъ, Филоктеть, сынъ Пеановъ воз-
любленный; здраво
Идомей (никого изъ спутниковъ, съ нимъ
избъжавшихъ
Вместъ войны, не утративши на морь) Крита
достигнулъ ;
Къ вамъ же конечно и въ дальнюю землю дошелъ
объ Атридъ
Слухъ, какъ домой возвратился онъ, какъ умер-
щвленъ былъ Эгистомъ,
- 195 Какъ и Эгистъ наконецъ по заслугъ пріялъ воз-
даянъе.
Счастье, когда у погибшаго мужа останется бо-
дрый
Сынъ, чтобъ отмстить, какъ Орестъ, поразив-
шій Эгиста, которымъ
Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный
родитель !
Такъ и тебъ, мой возлюбленный другъ, столь
прекрасно созрвшій,
- 200 Должно быть твердымъ, чтобъ имя твое и по-
томки хвалили.
Выслушавъ Нестора, такъ отвѣчалъ Телемакъ
благородный :
Сынъ Нелеевъ, о Несторъ, великая слава Ахеянь,
Правда, отмстилъ онъ, и страшно отмстилъ, и
ему отъ народовъ
Честь повсемъстная будетъ и будетъ хвала отъ
потомства.

О! когда бъ и меня одарили такою же силой 205

Боги, чтобъ такъ же и я могъ отмстить жени-
хамъ, наносящимъ

Столько обидъ мнѣ, коварно погибель мою за-
мышляя!

Но благодати великой такой ниспослать не хо-
тели

Боги ни мнѣ ни отцу — и удѣлъ мой отнынѣ тер-
пѣнъе.

Такъ Телемаку отъвѣтствовалъ Несторъ, герой 210
Геренейскій :

Самъ ты, мой милый, о томъ мнѣ своими словами
напомнилъ ;

Слышали мы, что твою благородную мать при-
тѣсня,

Въ домъ твоємъ женихи беззаконнаго дѣлаютъ
много.

Знать бы желалъ я : ты самъ ли то волею сно-
силъ ? Народъ ли

Вашей земли ненавидитъ тебя, по внушенію бо- 215
га?

Мы же не въдаемъ ; можетъ случиться легко,
что и самъ онъ

Ихъ, возвратяся, погубить, одинъ ли, созвавъ ли
Ахеянъ

О! когда бъ возлюбить свѣтлоокая дѣва Пал-
лада

Также могла и тебя, какъ она Одиссея любила

220 Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много мы бѣдъ пре-
терпѣли Ахейцы!

Нѣтъ, никогда не бывали столь боги въ любви от-
кровенны,

Сколь откровенна была съ Одиссеемъ Паллада
Аѳина!

Если бы ею съ такою жъ любовью и ты былъ
присвоенъ,

Самая память о бракѣ во многихъ изъ нихъ бы
пропала.

225 Нестору такъ отвѣчалъ рязсудительный сынъ
Одиссеевъ:

Старецъ, несбыточно, думаю, слово твое; о вели-
комъ

Ты говоришь, и ужасно мнѣ слушать тебя; не
случится

То никогда ни по просьбѣ моей, ни по волѣ без-
смертныхъ.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

230 Странное слово изъ устъ у тебя, Телемакъ, изле-
тѣло;

Богу легко защитить насъ и издали, если за-
хочетъ;

Я жъ согласился бѣ скорѣе и бѣдствія встрѣ-
тить, чтобъ только

Сладостный день возвращенья увидѣть, чѣмъ, бѣд-
ствій избѣгнувъ,

Въ домъ возвратиться, чтобъ пасть предъ сво-
имъ очагомъ, какъ великій

Паль Агамѣннонъ предательствомъ хитрой же- 235
ны и Эгиста.

Но и богамъ невозможно отъ общаго смертнаго
часа

Милаго имъ человека избавить, когда онъ ужъ
преданъ

Въ руки навѣкъ - усыпляющей смерти судьбиною
будеть.

Такъ отвѣчалъ разсудительный сынъ Одиссеевъ
богинь :

Менторъ, не станемъ о томъ говорить мы, хо- 240
тя и крушить намъ

Сердце оно; ужъ его возвращенія мы не уви-
димъ :

Черную участь и смерть для него приготовили
боги.

Я же теперь, о многомъ вопрошая, хочу обратить-
ся

Къ Нестору — правдой и мудростью всѣхъ онъ
людей превосходить;

Быль, говорягъ, онъ царемъ, повелителемъ трехъ 245
покольнй,

Образомъ свѣтлымъ своимъ онъ безсмертному
богу подобенъ —

Сынъ Нелеевъ, скажи, ничего отъ меня не скры-
вая,

Какъ умерщвленъ былъ Атридъ Агамѣннонъ про-
страннодержавный?

Гдѣ Менелай находился? Какое губящее сред-
ство

250 Хитрый Эгистъ изобрѣлъ, чтобъ удобнѣе сладить
съ сильнѣйшимъ?

Иль, не достигнувъ Аргóса, еще межъ чужими
людьми онъ

Былъ и врага своего тѣмъ отважилъ на злое
убійство?

Другъ, Телемаку отвѣтствовалъ Несторъ, герой
Геренейскій:

Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты всю
истину вѣдать;

255 Подлинно такъ все случилось, какъ думаешь
самъ ты; но если бъ

Въ братнемъ жилищѣ Эгиста живаго засталъ, воз-
вращаясь

Въ домъ свой изъ брани Троянской, Атридъ Ме-
нелай златовласый,

Трупа его бы тогда не покрыла земля гробовая,

Хищныя птицы и псы бы его растерзали, безъ
чести

260 Въ полѣ далеко за градомъ Аргóсомъ лежащаго,
жены

Наши его бъ не оплакали — страшное дѣло
свершилъ онъ.

Тою порою, какъ билися мы на поляхъ Иліон-
скихъ,

Онъ въ безопасномъ углу многоконнаго града
Аргóса,

Сердце жены Агамёмнона лестью опутывалъ
хитрой.

Прежде самой Клитемнестръ божественной было 265
 противно

Дѣло постыдное — мыслей порочныхъ она не
 имѣла;

Былъ же при ней пѣснопѣвецъ, которому Царь
 Агамемнонъ,

Въ Трою готовяся плыть, наблюдать повелѣлъ за
 супругой;

Но, какъ скоро судьбина ее предала преступле-
 нью,

Тотъ пѣснопѣвецъ былъ сосланъ Эгистомъ на о- 270
 стровъ безплодный,

Гдѣ и оставленъ; и хищныя птицы его растер-
 зали.

Онъ же ее, одного съ нимъ желавшую, въ домъ
 пригласилъ свой;

Множество бедръ на святыхъ алтаряхъ онъ со-
 жегъ предъ богами,

Множествомъ вкладовъ, и златомъ и тканями, хра-
 мы украсилъ,

Дерзкое дѣло такое съ нежданнымъ окончивъ у- 275
 спѣхомъ.

Мы же, покинувши землю Троянскую, поплыли
 вмѣстѣ,

Я и Атридъ Менелай, сопряженные дружбою
 тѣсною.

Были ужъ мы предъ священнымъ Суніономъ, мы-
 сомъ Аттійскимъ;

Вдругъ Менелаева кормщика Фебъ Аполлонъ пе-
 видимо

- 280 Тихой своею стрѣлою умертвилъ : управляя бѣ-
гущимъ
Судномъ, кормило держалъ многоопытной, твер-
дой рукою
Фронтисъ, Онѣторовъ сынъ, наиболь изъ всѣхъ
земнородныхъ
Тайну проникшій владѣть кораблемъ въ насту-
пившую бурю.
Путь свой замедлилъ, хотя и спѣшилъ, Менелай,
чтобъ на брегъ
- 285 Честь погребенія другу воздать съ торжествомъ
надлежащимъ ;
Но когда на своихъ корабляхъ крутобокихъ —
опять онъ
Въ темное море пошелъ и высокаго мыса Мал-
лен
Быстро достигъ — повсемѣстно гремящій Кро-
ніонъ, замысливъ
Гибель, нагналъ на него многошумное вѣтра ды-
ханье,
- 290 Поднялъ могучія, тяжкія, гороогромныя волны.
Вдругъ корабли разлучивъ, половину ихъ бросилъ
онъ къ Криту,
Гдѣ обитаютъ Кидоны у свѣтлыхъ потоковъ Яр-
дана.
Виднъ тамъ гладкій утесъ, восходящій надъ вла-
гой соленой,
Въ темное море вдвигаясь на крайнихъ предѣ-
лахъ Гортины ;

Тамъ, гдѣ великія волны на западный берегъ у 295

Феста

Ночь нагоняетъ и малый утесъ ихъ дробить, от-
шибая,

Тѣ корабли очутились; проворствомъ спаслися
отъ смерти

Люди; суда жъ ихъ погибли, разбившись объ о-
стрые камни.

Пять остальныхъ кораблей темноносыхъ, похи-
щенныхъ бурей,

Вѣтеръ могучій и волны ко берегу Египта при- 300
мчали.

Тамъ Менелай, собирая сокровищъ и золота мно-
го,

Странствовалъ между народовъ инаго языка, и
въ то же

Время Эгистъ совершилъ беззаконное дѣло въ
Аргось,

Смерти предавши Атрида — народъ покорился
безмолвно.

Цѣлые семь лѣтъ онъ властвовалъ въ злато- 305
обильной Микенѣ;

Но на осьмой изъ Аѳинъ возвратился ему на по-
гибель

Богopodobный Орестъ; и убійцу сразилъ онъ, ко-
торымъ

Былъ умерщвленъ злоковарно его многославный
родитель.

Пиръ учредивъ для Аргивянъ великій, свершилъ
погребенье

310 Онъ и преступницъ матери вмѣстѣ съ Эгистомъ
презрѣннымъ.

Въ самой тотъ день и Атридъ Менелай, вызыва-
тель въ сраженъе,

Прибыль, богатства собравъ, сколь могло въ
корабляхъ умѣститься.

Ты же недолго, мой сынъ, въ отдаленнн отъ ро-
дины странствуй,

Домъ и наслѣдье отца благороднаго бросивъ на
жертву

315 Дерзкихъ грабителей, жрущихъ твое безпощадно;
расхитятъ

Все, и безъ пользы останется путь, совершен-
ный тобою.

Но Менелая Атрида (совѣтую, требую) долженъ

Ты посѣтить; онъ недавно въ отечество при-
быль изъ чуждыхъ

Странъ, отъ людей, отъ которыхъ никто, зане-
сенный однажды

320 Къ нимъ по широкому морю стремительнымъ
вѣтромъ, не могъ бы

Живъ возвратиться, откуда и въ годъ долетѣть
къ намъ не можетъ

Быстрая птица — толь страшно великой пучины
пространство.

Ты же поведешь отсюда иль моремъ со всеми
своими,

Или, когда пожелаешь, землю: коней съ коле-
сницей

Дамъ я, и сына съ тобою пошлю, чтобъ тебѣ 325
указалъ онъ

Путь въ Лакедѣмонъ божественный, гдѣ Менелай
златовласый

Царствуетъ; можешь ты самъ обо всемъ распро-
сить Менелая;

Лжи онъ конечно не скажетъ, умомъ одаренный
великимъ.

Кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце померкло и
тма наступила.

Къ Нестору слово свое обративши, сказала А- 330
енна:

Старецъ, твои разсудительны рѣчи, но медлить
не станемъ;

Должно отрывать теперь языки и царю Поси-
дону

Купно съ другими богами виномъ сотворить воз-
ліянье;

Время подумать о ложѣ покойномъ и снѣ ми-
ротворномъ;

День на закатъ угасъ и ужъ боль не будетъ 335
прилично

Здѣсь намъ сидѣть за трапезой боговъ; удалить-
ся пора намъ.

Такъ говорила богиня; почтительно всѣ ей вни-
мали.

Тутъ для умытія рукъ имъ служители подали
воду;

Отроки свѣтлымъ кратеры до края наполнивъ
напиткомъ,

- 340 Въ чашахъ его разнесли, по обычаю съ права
начавши;
Бросивъ въ огонь языки, сотворили они воз-
лянье,
Стоя; когда жъ сотворили его и виномъ насла-
дились,
Сколько желала душа, Телемакъ благородный съ
Аенной
Стали къ ночлегу на свой быстроходный корабль
собираться.
- 345 Несторъ, гостей удержавши, сказалъ: да отнюдь
не позволять
Въчный Зевесъ и другіе безсмертные боги, чтобъ
нынѣ
Вы для ночлега отсюда ушли на корабль бы-
строходный!
Развѣ одеждъ не найдется у насъ? Неужели я
нищій?
Будто ужъ въ домъ моемъ ни покрововъ, ни
мягкихъ постелей
- 350 Нѣтъ, чтобъ и самъ я и гости мои насладились
покойнымъ
Сномъ? — Но покрововъ и мягкихъ постелей
найдется довольно.
Можно ль, чтобъ сынъ толь великаго мужа, чтобъ
сынъ Одиссеевъ
Выбралъ себѣ корабельную палубу спальней, по-
ка я
Живъ и мои сыновья обитаютъ со мной подъ
одною

Кровлей, чтобъ всѣхъ, кто пожалуетъ къ намъ, 355
угощать дружелюбно?

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина ему отвѣчала:

Умное слово сказалъ ты, возлюбленный старецъ,
и долженъ

Волю исполнить твою Телемакъ: то конечно
приличнѣй.

Здѣсь я оставляю его, чтобъ покойно подъ кро-
влей твоею

Ночь онъ провелъ. Самому жъ мнѣ на черный 360
корабль возвратиться

Должно, чтобъ нашихъ людей ободрить и о мно-
гомъ сказать имъ:

Я изъ сопутниковъ нашихъ старѣйшій годами;
они же

(Всѣ молодые, ровесники всѣ Телемаку) по до-
брой

Волю, изъ дружбы его въ корабль проводить со-
гласились;

Вотъ для чего и хочу я на черный корабль воз- 365
вратиться.

Завтра жъ съ зарею пойти мнѣ къ народу от-
важныхъ Кавконовъ

Нужно, чтобъ тамъ заплатили мнѣ люди старин-
ный, немалый

Долгъ. Телемака же, послѣ того, какъ у васъ по-
гѣститъ онъ,

Съ сыномъ своимъ въ колесницъ отправь ты,
коней повелѣвши

370 Дать имъ проворнѣйшихъ въ бѣгъ и силою са-
мыхъ отличныхъ.

Такъ имъ сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь уда-
лилась,

Быстрымъ орломъ улетьвъ; изумился народъ;
изумился,

Чудо такое своими глазами увидѣвши, Несторъ.

За руку взявъ Телемака, ему дружелюбно ска-
залъ онъ :

375 Другъ, ты конечно и сердцемъ неробокъ и си-
лою крѣпокъ,

Если тебѣ молодому такъ явно сопутствуютъ
боги.

Здѣсь изъ безсмертныхъ, живущихъ въ обите-
ляхъ свѣтлыхъ Олимпа,

Былъ не иной кто, какъ Діева славная дочь Три-
тогена,

Столь и отца твоею отличавшая въ сонмъ Ар-
гивянъ.

380 Будь благосклонна, богиня, и намъ и великую
славу

Дай мнѣ и дѣтямъ моимъ и супругъ моей бла-
гоправной ;

Я же телицу тебѣ однолѣтнюю, лбистую, въ полѣ

Вольно бродящую, съ игомъ еще незнакомую, въ
жертву

Здѣсь принесу, ей рога изукрасивши золотомъ
чистымъ.

Такъ говорилъ онъ, молясь; и Палладою былъ 385
онъ услышанъ.

Кончивъ, пошелъ впереди сыновей и зятьевъ бла-
городныхъ

Въ домъ свой богато украшенный Несторъ, ге-
рой Геренейскій;

Съ Несторомъ въ царскій богато украшенный
домъ и другіе

Также вступили и съли порядкомъ на креслахъ
и стульяхъ.

Старець тогда для собравшихся кубокъ напол- 390
нилъ до края

Свѣтлымъ виномъ, чрезъ одиннадцать лѣтъ изъ
амфоры налитымъ

Ключицей, снявшей впервые съ завѣтной ам-
форы той кровлю.

Имъ онъ изъ кубка свое сотворилъ возліянье
великой

Дочери Зевса эгидодержавца; когда жъ и дру-
гіе

Всѣ, сотворивъ возліянье, виномъ насладились 395
довольно,

Каждый къ себѣ возвратился, о ложь и снѣ по-
мышляя.

Гостю желая спокойствія, Несторъ, герой Гере-
нейскій,

Самъ Телемаку, разумному сыну Царя Одис-
сея,

Въ звонкопротравномъ покоѣ кровать указалъ
прорѣзную;

400 Легъ близъ него Пизистратъ, копьeverжець, мужей предводитель,
Бывшій изъ братьевъ одинъ неженатый въ жилищъ отцевомъ.

Самъ же, во внутренній царскаго дома покой удаляся,

Легъ на постель, перестланной мягко царицею, Несторъ.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпурными Эось;

405 Съ мягкой поднялся постели и Несторъ, герой Геренейскій,

Вышедъ изъ спальни, онъ сълъ на обтесанныхъ, гладкихъ, широкихъ

Камняхъ, у двери высокой служившихъ сѣдалищемъ, бѣлыхъ,

Ярко сѣвшихъ, какъ будто помазанныхъ масломъ, на нихъ же

Прежде Нелей возсѣдалъ, многоуміемъ богу подобный;

410 Но ужъ давно уведенъ былъ судьбой въ обитель Аида.

Нынѣ жъ на камняхъ Нелеевыхъ Несторъ возсѣлъ, скиптроносный

Пѣстунъ Ахеянъ. Къ нему сыновья собралися, изъ спалень

Вышедъ: Эхѣфронъ, Персѣй, Стратіонъ и Аретось и юный

Богу подобный красой Θразимѣдъ; наконецъ и шестой къ нимъ,

Младшій изъ братьевъ, пришелъ Пизистратъ бла- 415
городный. И рядомъ
Съ Несторомъ състь приглашенъ былъ возлю-
бленный сынъ Одиссеевъ.
Рѣчь обратилъ тутъ къ собравшимся Несторъ,
герой Геренейскій:
Милыя дѣти, мое повелѣнье исполнить спѣшите:
Паче другихъ преклонить я желаю на милость
Аѳину,
Видимо бывшую съ нами на праздникъ бога ве- 420
ликомъ.
Въ поле одинъ за телицей быги, чтобъ неме-
дленно съ поля
Выгналъ ее къ намъ пастухъ, за стадами смо-
трящій; другой же
Долженъ на черный корабль Телемаковъ пойти
и позвать къ намъ
Всѣхъ мореходныхъ людей, тамъ оставя лишь
двухъ; напоследокъ
Третьимъ пусть будетъ немедленно златоискус- 425
никъ Лаэрокъ
Призванъ, чтобъ золотомъ чистымъ рога изу-
красить телицъ.
Прочіе жъ все оставайтеся при мнѣ, повелѣвши
рабынямъ
Въ домъ устроить обѣдъ изобильный, разставить
порядкомъ
Стулья, дрова приготовить и свѣтлой воды при-
нести намъ.

- 430 Такъ онъ сказалъ; всѣ заботиться начали: съ
поля телицу
Скоро пригнали; пришли съ корабля Телемаковы
люди,
Съ нимъ переплывшіе море; явился и златоис-
кусникъ,
Нужный дляковки металловъ принесли снарядъ:
наковальню,
Молотъ, клещи драгоценной отдѣлки и все, чѣмъ
обычно
- 435 Дѣло свое совершалъ онъ; пришла и богиня А-
фина
Жертву принять. Тутъ художнику Несторъ, ко-
ней обуздатель,
Золота чистаго далъ; оковалъ имъ рога онъ
телицы,
Тщася усердно, чтобъ жертвенный даръ былъ
угоденъ богинѣ.
Взяли телицу тогда за рога Стратіонъ и Эхѣ-
фронъ;
- 440 Воду имъ руки умыть въ обложенной цвѣтами
лахани
Вынесъ изъ дома Аретосъ, въ другой же рукъ
онъ съ ячменемъ
Коробъ держалъ; подошелъ Өразимедъ, рато-
борецъ могучій,
Съ острымъ въ рукъ топоромъ, поразить изго-
товяся жертву;
Чашу поставилъ Персей. Тутъ Несторъ, коней
обуздатель,

Руки умывши, ячменемъ телицу осыпалъ и, бро- 445
 сивъ
 Шерсти съ ея головы на огонь, помоллся А-
 онъ;
 Слѣдомъ за нимъ и другіе съ молитвой телицу
 ячменемъ
 Такъ же осыпали. Несторовъ сынъ Оразимѣдъ
 многосильный,
 Мышцы напрягши, ударилъ, и, въ шею глубоко
 вонзенный,
 Жилы топоръ пересѣкъ; повалилась телица; 450
 вскричали
 Дочери всѣ и невѣстки царицы и съ ними ца-
 рица,
 Кроткая сердцемъ, Клименова старшая дочь Эв-
 ридика.
 Тѣ же телицу, припикшую къ лону земли пу-
 тешной,
 Подняли — разомъ зарѣзалъ ее Пизистратъ бла-
 городской.
 Послѣ, когда истоцилася черная кровь и не 455
 стало
 Жизни въ костяхъ, разложивши на части ее, от-
 дѣлили
 Бедрa, и сверху ихъ (дважды обвивши, какъ слѣ-
 дуетъ, кости
 Жиромъ) кроваваго мяса кусками покрыли; все
 вмѣстѣ
 Несторъ зажегъ на костръ и виномъ оросилъ
 искрометнымъ;

460 Тѣ жъ приступили, подставивъ ухваты съ пя-
тью остріями.

Бедра сожегши и сладкой утробы вкусивъ, о-
стальное

Все разрубили на части и стали на вертелахъ
жарить,

Острые вертелы тихо въ рукахъ надъ огнемъ о-
бращая.

Тою порой Телемакъ Поликастою, дочерью млад-
шей

465 Нестора, былъ отведенъ для омытія въ баню;
когда же

Дѣва его и омыла и чистымъ натерла елеемъ,

Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись
хламидой,

Вышелъ изъ бани онъ, богу лицомъ лучезар-
нымъ подобный;

Мѣсто онъ занялъ близъ Нестора, пастыря мно-
гихъ народовъ.

470 Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ сняши хребто-
вое мясо,

Сѣли за вкусный обѣдъ и заботливо начали
слуги

Бѣгать, вино наливая въ сосуды златые; когда
же

Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ
питьемъ и ѣдою,

Несторъ, герой Геренейскій, сказалъ сыновьямъ
благороднымъ:

Дѣти, коней густогривыхъ запрячь въ колесницу 475
немедля

Должно, чтобъ могъ Телемакъ по желанію въ
путь устремиться.

То повелѣніе царское было исполнено скоро;

Двухъ густогривыхъ коней запрягли въ колесни-
цу; въ нее же

Ключница хлѣбъ и вино на запасъ положила, съ
различной

Пищей, какая царямъ лишь, питомцамъ Зевеса, 480
прилична.

Тутъ въ колесницу блестящую сталъ Телемакъ
благородный;

Рядомъ съ нимъ Несторовъ сынъ Пизистратъ,
предводитель народовъ,

Сталъ; натянувши могучей рукою бразды, онъ
ударилъ

Сильнымъ бичемъ по конямъ, и помчались бы-
стрые кони

Полямъ, и Пилось блистательный скоро исчезъ 485
позади ихъ.

Цѣлый день мчались кони, тряся колесничное ды-
шло.

Солнце тѣмъ временемъ съло и весь потемнѣли
дороги.

Путники прибыли въ Феру, гдѣ сынъ Орзилоха,
Алфеемъ

Свѣтлымъ рожденнаго, домъ свой имѣлъ Діо-
клесъ благородный;

490 Давъ у себя имъ почлегъ, Діоклесъ угостилъ
ихъ радушно.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эосъ.

Путники, снова въ свою колесницу блестящую
ставши,

Быстро на ней со двора черезъ портикъ по-
мчались звонкій,

Часто коней погоняя, и кони скакали охотно.

495 Пышныхъ равнинъ, изобильныхъ пшеницей, до-
стигнувъ, они тамъ

Кончили путь, совершенный конями могучими
быстро;

Солице тьмъ временемъ село и все потемнѣли
дороги.

ОДИССЕЯ.

ПЬЕСЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ пятого дня и весь шестой день.

Телемакъ и Пизистратъ, прибывъ въ Лакедѣмонъ, вступаютъ во дворецъ царя Менелая, который, празднуя свадьбу сына и дочери, приглашаетъ ихъ на семейственный пиръ свой. И онъ и Елена узнаютъ Телемака. Средство, употребленное Еленою для развселенія гостей; она и Менелай рассказываютъ о подвигахъ Одиссея. На другое утро Менелай, по просьбѣ Телемака, сообщаетъ ему все то, что самъ слышалъ отъ прорицателя Протея о судьбѣ вождей Ахейскихъ и о заключеніи Одиссея на островъ Калипсо; потомъ онъ убѣждаетъ Телемака погостить нѣсколько времени въ домъ его. Тѣмъ временемъ женихи, узнавъ объ отплытіи Телемака, приходятъ въ ужасъ и замышляютъ умертвить его на возвратномъ пути. Скорбь Пенелопы, узнавшей отъ глашатая Медонта о замыслѣ ихъ и объ отплытіи сына. Аѳина, тронутая молитвою горестной матери, посылаетъ ей ободрительное сновидѣніе. Антипой съ своею дружиною пускается въ море и останавливается близъ острова Астера ждать Телемака.

Въ царственный градъ Лакедэмонъ, холмами
объятый, прибывши,
Къ дому царя Менелая Атрида они обратились.

Пиръ онъ богатый давалъ многочисленнымъ срод-
никамъ, свадьбу
Сына и дочери милыя празднуя въ царскомъ жи-
лищѣ.

Къ сыну губителя ратей Пелида свою посылалъ. 5
онъ

Дочь, ужъ давно съ нимъ въ Троянской землѣ
договоръ заключивши

Выдать ее за него; и теперь сочетали ихъ
боги;

Много ей давъ колесницъ и коней, молодую не-
вѣсту

Въ градъ Мирмидонскій, гдѣ царствовалъ светлый
женихъ, снарядилъ онъ.

10 Въ Спартѣ же дочь онъ Алектора выбралъ не-
вѣстой для сына,

Крѣпкаго силой, прижитаго имъ съ молодою
рабыней

Въ позднихъ годахъ, Мегапенда. Еленъ жъ дѣ-
тей не хотѣли

Боги съ тѣхъ поръ даровать, какъ желанная
ей родилася

Дочь Эрміона, подобная дивной красой Афро-
дитѣ.

15 Шумно пируя въ богато украшенныхъ царскихъ
палатахъ,

Сродники все и друзья Менелая, великаго славой,

Полны веселія были; на лирѣ пѣвецъ вдохно-
венный

Громко звучалъ передъ ними, и два прыгуна,
согласяя

Съ звонкою лирой прыжки, посреди ихъ про-
ворно скакали.

20 Тою порою Телемакъ благородный съ младымъ
Пизистратомъ,

Къ царскому дому прибывъ, на дворъ-изъ своей
колесницы

Вышли; имъ встрѣтился прежде другихъ Этеонъ
многочтимый,

Спальникъ проворный царя Менелая, великаго
славой.

Съ вѣстью о нихъ по дворцу побѣжалъ онъ къ
владыкѣ Атриду;

Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово : 25

Царь Менелай, благородный питомецъ Зевеса, два гостя

Прибыли, два иноземца конечно изъ племени Діа.

Что повелишь намъ? Отпрячь ли ихъ быстрыхъ коней? Отказать ли Имъ, чтобъ они у другихъ для себя угощенья искали ?

Съ гнѣвомъ великимъ ему отвѣчалъ Менелай златовласый : 30

Ты, Этеонъ сынъ Воэтовъ, еще никогда маломуень

Не былъ теперь же безсмысленно сталъ говорить, какъ младенецъ ;

Сами не разъ испытавъ гостелюбіе въ странствіи нашемъ,

Мы напоследокъ покоимся дома, и Діи да положить

Бѣдствіямъ нашимъ конецъ. Отпрягите коней ихъ ; самихъ же 35

Странниковъ къ намъ пригласить на семейственный пиръ нашъ обонхъ.

Такъ говорилъ Менелай. Этеонъ побѣжалъ, за собою

Слѣдовать многимъ изъ царскихъ проворныхъ рабовъ повелѣвши.

Иго съ ретивыхъ коней, опъенное потомъ, сложили ;

40 Къ яслямъ въ царевой конюшнѣ голодныхъ коней привязали ;

Въ ясли же полбы насыпали, смѣшанной съ яркимъ ячменемъ ;

Къ свѣтлой наружной стѣнѣ приелонили потомъ колесницу

Странники были въ высокій дворецъ введены ;
озираясь,

Дому любезнаго Зевсу царя удивлялися оба :

45 Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль мѣсяць,

Было въ палатахъ царя Менелая, великаго славой.

Очи свои наконецъ удовольствовавъ сладостнымъ зрѣньемъ,

Начали въ гладкихъ купальняхъ они омываться ;
когда же

Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла рабыня,

50 Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ косматыя мантии, оба

Рядомъ они съ Менелаемъ властителемъ сѣли на стульяхъ.

Тутъ поднесла на лахани серебряной руки умыть имъ

Полный студеной воды золотой рукомоѣйникъ рабыня ;

Гладкій потомъ пододвинула столъ ; на него положила

Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съест- 55
нымъ, изъ запаса
Выдавшимъ сю охотно; на блюдахъ, поднявъ
ихъ высоко,
Мяса различнаго крайчій принесъ и, его предло-
живъ имъ,
Кубки златые на браномъ столъ передъ ними
поставилъ.
Сдѣлавъ рукою привѣтствіе, свѣтлый сказалъ
имъ хозяинъ:
Пищи откушайте нашей, друзья, на здоровье; 60
когда же
Свой утолите вы голодъ, спрошу я, какіе вы
люди?
Въ васъ не увяла, я вижу, порода родителей ва-
шихъ;
Оба, конечно, вы дѣти царей, порожденныхъ Зе-
весомъ,
Скиптродержавныхъ; подобные вамъ не отъ низ-
кихъ родятся.
Тутъ онъ имъ подалъ бычатины жареной кусъ, 65
изъ почетной
Собственной части его отдѣливши своею рукою.
Подняли руки они къ предложенной имъ пищу
и голодъ
Свой утолили роскошной ѣдой и питьемъ изобильнымъ.
Голову къ спутнику тутъ приклонивъ, чтобъ
подслушать другіе

70 Рѣчи его не могли, прошепталъ Телемакъ остро-
рожно :

Несторовъ сынъ, мой возлюбленный другъ, Пи-
зистратъ благородный,

Видишь, какъ много здѣсь мѣди сіяющей въ звон-
кихъ покояхъ ;

Блещетъ все златомъ, серебромъ, янтарями, сло-
новою костью ;

Зевсъ лишь одинъ на Олимпѣ имѣетъ такую
обитель ;

75 Что за богатство ! какъ много всего ! съ изумле-
ньемъ смотрю я.

Вслушался въ тихую рѣчь Телемака Атридъ зла-
товласый ;

Голосъ возвысивъ, обоимъ онъ бросилъ кры-
латое слово :

Дѣти, намъ смертнымъ не можно равняться съ
владыкою Зевсомъ,

Ибо и домъ и сокровища Зевса, какъ самъ онъ,
петльины ;

80 Люди жъ иные поспорятъ богатствомъ со мной,
а иные

Путь ; претерпѣвши немало, немало скитавшись,
добра я

Много привезъ въ корабляхъ, возвратясь на ось-
мой годъ въ отчизну.

Видѣлъ я Кипръ, посетилъ Финикіянъ, достиг-
нувъ Египта,

Къ чернымъ проникъ Эѳіопамъ, гостилъ у Си-
донянъ, Эрембовъ ;

Въ Ливіи былъ наконецъ, гдѣ рогатыми агнцы 85
родятся,
Гдѣ ежегодно три раза и козы и овцы ки-
даютъ;
Въ той сторонѣ и полей господниѣ и пастухъ
недостатка
Въ сырѣ и мясѣ и жирногустомъ молоко не и-
мѣютъ;
Круглый тамъ годъ изобильно бываютъ доимы
коровы.
Той же порей, какъ въ далекихъ земляхъ я, сби- 90
рая богатства,
Странствовалъ, милый въ отечествѣ братъ мой
погибъ отъ убійцы
Тайно, никѣмъ непредвидѣнно, хитрымъ преда-
тельствомъ женскимъ.
Съ тѣхъ поръ и все ужъ мои мнѣ сокровища
стали постылы.
Но объ этомъ, кто бъ ни были вы, ужъ конечно
отцы вамъ
Все рассказали О! горестно было мнѣ зрѣть 95
истребленье
Дома, толь свѣтлаго прежде, толь славнаго мно-
гимъ богатствомъ!
Радъ бы остаться я съ третью того, чѣмъ вла-
дѣю, лишь только бъ
Были тѣ мужи на свѣтѣ, которые въ Троѣ про-
странной
Кончили жизнь, далекó отъ Аргоса, питателя
кóней.

- 100 Часто, ихъ всѣхъ поминая, объ нихъ сокрушаясь
и плача,
Здѣсь я сижу одиноко подѣ кровлей домашней;
порою
Горемъ о нихъ улаждаю я сердце, порой за-
бываю
Горе, понеже насъ скоро холодная скорбь уто-
мляетъ.
Но сколь ни сътую въ сердце своемъ я, ихъ
всѣхъ поминая,
105 Мысль объ одномъ наиболее губить мой сонъ
и лишаетъ
Пищи меня, поелику никто изъ Ахейнъ столь
много
Бѣдствій не встрѣтилъ, какъ Царь Одиссей; на
труды и печали
Былъ онъ рожденъ; на мою же досталось часть:
сокрушаться,
Видя, какъ долго отсутствіе длится его; мы не
знаемъ,
110 Живъ ли онъ, умеръ ли; плачетъ о немъ безу-
тѣшный родитель
Старецъ Лаэртъ, съ Пенелопой разумной, съ
младымъ Телемакомъ,
Бывшимъ еще въ пеленахъ при его удаленіи
изъ дома.
Такъ онъ сказавъ, неумышленно скорбь пробудилъ въ Телемакѣ.
Крупная пала съ рѣсницы сыновней слеза при
отцевомъ

Имени; въ объ схвативши пурпурную мантию 115

руки,

Ею глаза онъ закрылъ; то увидя, Атридъ до-
гадался;

Долго, разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не
зналъ онъ, что дѣлать:

Ждать ли, чтобъ самъ говорить о родителѣ юно-
ша началъ,

Или вопросами выведать все отъ него поне-
многу?

Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ ко- 120
леблясь, молчалъ онъ,

Къ нимъ изъ своихъ благовонныхъ, высокихъ
покоевъ Елена

Вышла, подобная свѣтлой съ копьемъ золотымъ
Артемидѣ.

Кресла богатой работы подвинула състь ей А-
дреста;

Мягкій коверъ шерстяной положила ей въ ноги
Алкиппа;

Фило пришла съ драгоценной корзиной серебря- 125
ной, даромъ

Умной Алкандры, супруги Полиба, въ Египет-
скихъ Оивахъ

Жившаго, много сокровищъ имѣя въ обители
пышной.

Двѣ сребролитныя далъ онъ Атриду купальни и
съ ними

Два треножныхъ сосуда и золотомъ десять та-
лантовъ;

130 Также царица Елена супруга его подарила

Прялку златую съ корзиной овальной; была та
корзина

Вся изъ сребра, но края золотые; и эту кор-
зину

Фило, пришедши, поставила подль царицы Е-
лены,

Полную пряжи сученой; на ней же лежала и
прялка

135 Съ шерстью волнистой пурпурнаго цвѣта. На
креслахъ Елена

Съла, прекрасныя ноги свои на скамью протя-
нувши.

Съвѣ, съ любопытствомъ она у царя Менелая
спросила:

Могъ ли узнать ты, Атридъ благородный, питомецъ
Зевеса,

Кто иноземные гости, нашъ домъ посѣтившіе
нынѣ?

140 Я же скажу — справедливо ли, нѣтъ ли, не знаю
— по сердце

Нудить сказать, что еще никогда (съ изумле-
ньемъ смотрю я)

Мнѣ ни въ женѣ не случалось, ни въ мужѣ по-
добнаго встрѣтить

Сходства, какое нашъ гость съ Телемакомъ,
Царя Одиссея

Сыномъ, имѣеть; младенцемъ его Одиссей бла-
городный

Дома оставилъ, когда за меня недостойную всѣ 145
вы,

Мужи Ахейскіе, въ Трою пошли истребительной
ратью.

Царь Менелай отвѣчалъ благородной царицѣ Е-
ленѣ :

Что ты, жена, говоришь, то и я нахожу справе-
дливымъ.

Дивное сходство! такія же ноги, такія же руки,

То же въ глазахъ выраженіе, тажъ голова и та- 150
кіе жъ

Кудри густыя на ней; а когда, помянувъ Одис-
сея,

Сталъ говорить я о бѣдствіяхъ, имъ за меня
терпѣнныхъ,

Пала съ рѣсницы его, я замѣтилъ, слеза и, схва-
тивши

Въ обѣ пурпурную мантию руки, онъ ею за-
крылся.

Тутъ Пизистратъ благородный сказалъ Менелая 155
Атриду :

Царь многославный, Атридъ, богоизбранный па-
стырь народовъ,

Спутникъ мой подлинно сынъ Одиссеевъ, какъ
думаешь самъ ты;

Но, осторожный и скромный, онъ мнитъ, что
ему неприлично,

Васъ посѣтивши впервые, себя выставя въ
разговоръ

160 Смѣломъ съ тобою, плыняющимъ всѣхъ насъ бо-
жественной рѣчью.

Старець родитель мой Несторъ его повелѣлъ
въ Лакедѣмонъ

Мнѣ проводить; у тебя жъ онъ затѣмъ, чтобъ
ему благосклонно

Дать наставленіе ты соизволилъ: что дѣлать?
Немало

Горя бываетъ въ родительскомъ домѣ для сына,
когда онъ

165 Розно съ отцемъ, не имѣя друзей, сиротствуетъ,
какъ нынѣ

Сынъ Одиссеевъ: отецъ благородный далеко;
въ народъ жъ

Нѣтъ никого, кто бъ ему отъ гоненій помогъ
защититься.

Царь Менелай, отвѣчая, сказалъ Пизистрату мда-
дому:

Боги! такъ подлинно сынъ несказанно мнѣ ми-
лаго друга,

170 Столько тревогъ за меня претерпѣвшаго, домъ
посѣтилъ мой.

Я жъ самого Одиссея отличнѣе прочихъ Ахейнъ

Встрѣтить надеждой ласкался, когда бъ въ ко-
рабляхъ быстроходныхъ

Путь намъ домой по волнамъ отворилъ громо-
вержець Кроніонъ;

Градъ бы въ Аргосъ ему я построилъ съ двор-
цемъ для жилища;

Взялъ бы его самого изъ Итаки съ богатствами, 175
съ сыномъ,
Съ цѣлымъ народомъ; и область для нихъ бы
очистилъ, мои
Близко людьми населенную, мой признающую
скипетръ;
Часто видались тогда бы, сосѣдствуя, мы, и ни-
что бы
Насъ разлучить не могло, веселящихся, друж-
ныхъ, до злаго
Часа, въ который бы скрыло насъ черное облако 180
смерти.
Но столь великаго блага намъ дать не хотѣлъ
непреклонный
Богъ, запретившій ему несчастливцу возвратъ
вождѣленный.
Такъ говоря, неумышленно всѣхъ Менелай опе-
чалилъ;
Громко Елена Аргивская, Діева дочь, зарыдала;
Сынъ Одиссеевъ заплакалъ, и съ ними Атридъ 185
прослезился;
Плача не могъ удержать и молодой Пизистратъ:
онъ о братъ
Вспомнилъ, о братъ своемъ Антилохъ прекрас-
номъ, который
Былъ умерщвленъ лучезарной Денницы возлю-
бленнымъ сыномъ.
Вспомнивъ о братъ, Атриду онъ бросилъ кры-
латое слово:

190 Подлинно, царь Менелай, ты разумнѣе всѣхъ
земнородныхъ.

Такъ говоритъ и отецъ престарѣлый нашъ Несторъ, когда мы
Дома въ семейныхъ бесѣдахъ своихъ о тебѣ
вспоминаемъ.

Нынѣ жь послушайся, царь многоумный, меня;
не люблю я

Слезъ за вечерней трапезою — скоро подыметъ
Эосъ,

195 Въ раннемъ туманѣ рожденная. Мнѣ же отнюдь
непротивенъ

Плачь о возлюбленныхъ мертвыхъ, постигну-
тыхъ общей судьбиной;

Намъ, земнороднымъ страдальцамъ, одна здѣсь
надежная почестъ:

Слезы съ ланитъ и отрѣзанный локонъ волосъ
на могиль.

Брата утратилъ и я; не послѣдній межъ бран-
ныхъ Аргивянъ

200 Былъ онъ; его ты конечно видалъ; а со мной
никогда здѣсь

Онъ не встрѣчался; его я не зналъ; но отъ всѣхъ
былъ отличенъ,

Слышали мы, онъ и легкостью ногъ и отваж-
ностью въ битвахъ.

Царь Менелай златовласый отвѣтствовалъ такъ
Пизистрату:

Другъ, основательно то, что сказалъ ты; одинъ
лишь разумный

Мужъ и годами старѣйшій тебя говорить такъ 205
способень.

Вижу изъ словъ я твоихъ, что отца своего ты
достойный

Сынъ; безъ труда познается порода мужей, для
которыхъ

Счастье и въ бракъ и въ племени ихъ уготоваль
Кропионъ;

Такъ постоянно и Нестору онъ золотые сви-
ваетъ

Годы, чтобъ весело въ домъ своемъ онъ ста- 210
рѣль, окруженный

Бодрой семьей сыновей, и разумныхъ и съ ко-
пьями первыхъ.

Мы же, печаль отложивъ и отерши пролитыя
слезы,

Снова начнемъ пировать; для умытія рукъ по-
дадутъ намъ

Свѣтлой воды, а на утро опять разговоръ съ
Телемакомъ

Я заведу, и окончимъ мы завтра начатое нынѣ. 215

Такъ онъ сказалъ и умыться имъ подалъ воды
Асфалеонъ,

Спальникъ проворный царя Менелая великаго
славой.

Подняли руки они къ предложенной имъ лако-
мой пищѣ.

Умная мысль пробудилась тогда въ благород-
ной Еленѣ:

- 220 Въ чаши она круговыя подлить вознамѣрилась
соку,
Гореусладнаго, миротворящаго, сердцу забвенью
Бѣдствій дающаго; тотъ, кто вина выпивалъ, съ
благодѣтельнымъ
Слитаго сокомъ, былъ веселъ весь день и не
могъ бы заплакать,
Если бъ и мать и отца неожиданной смертию
утратилъ,
- 225 Если бъ нечаянно брата лишился иль милаго
сына,
Вдругъ предъ очами его пораженнаго бранною
мѣдью.
Діева свѣтлая дочь обладала тѣмъ сокомъ чу-
деснымъ;
Щедро въ Египтѣ ее Полидамна, супруга Фо-
она,
Имъ надѣлила; земля тамъ богатообильная много
- 230 Злаковъ раждаетъ и добрыхъ цѣлебныхъ и злыхъ
ядовитыхъ;
Каждый въ народъ тамъ врачъ, превышающій
знаньемъ глубокимъ
Прочихъ людей, поелику тамъ всѣ изъ Пеанова
рода.
Соку въ вино подмѣшавъ и вино разнести по-
вельвши,
Стала царица Елена бесѣдовать снова съ го-
стями:

Царь Менелай благородный, питомецъ Зевеса, 235

и всѣ вы,

Дѣти отцевъ знаменитыхъ, различное людямъ раз-

личнымъ,

Злое и доброе, Діи посылаетъ, все Дію воз-

можно.

Радуйтесь нынѣ, сидя за трапезой вечерней и

сладкимъ

Сердце свое веселя разговоромъ; а я о бываломъ

Вамъ расскажу — хоть всего рассказать и при- 240

помнить нельзя мнѣ —

Какъ Одиссей, непреклонный въ бѣдахъ, подви-

зался и что онъ,

Дерзкорѣшительный мужъ, наконецъ предпріалъ

и исполнилъ

Въ краѣ Троянскомъ, гдѣ много вы бѣдъ пре-

терпѣли, Ахейцы.

Тѣло свое безпощадно изсыкъши бичемъ недо-

стойнымъ,

Рубищемъ бѣднымъ покрывши плеча, какъ не- 245

вольникъ, вошелъ онъ

Въ полный сіяющихъ улицъ народа враждебнаго

городъ;

Образъ принявши чужой, онъ въ разодранномъ

платѣ казался

Нищимъ, какимъ никогда межъ Ахейанъ его не

видали.

Такъ посреди онъ Троянъ укрывался; безъ смы-

сла, какъ дѣти,

250 Были они; я одна догадалася, кто онъ; во-
просы

Стала ему предлагать я — онъ хитро отъ нихъ
уклонился;

Но когда, и омывши его и патерши елеемъ,

Платье на плечи ему возложила я съ клятвой
великой:

Тайны его никому не открыть въ Иліонъ враж-
дебномъ

255 Прежде его возвращенія въ станъ къ кораблямъ
крутобокимъ,

Все мнѣ о замысль хитромъ Ахеянъ тогда раз-
сказаль онъ.

Многихъ Троянъ длинноострою мѣдью меча у-
мертвивши,

Вывѣдалъ въ городъ все онъ и въ станъ невре-
димъ возвратился.

Многія вдовы Троянскія громко рыдали, въ мо-
емъ же

260 Сердцъ веселіе было: давно ужъ стремилось въ
родную

Землю оно, и давно я скорбѣла, виной Афрод-
диты

Вольно ушедшая въ Трою изъ милаго края от-
чизны,

Гдѣ я покинула брачное ложе и дочь и супруга,

Столь одареннаго свѣтлымъ умомъ и лица кра-
сотою.

Царь Менелай отвечалъ благородной царицѣ 265

Еленѣ :

Истинно то, что, жена, рассказала ты намъ о
бываломъ ;

Случай имѣлъ я узнать помышленья, поступки
и нравы

Многихъ людей благородныхъ и много земель
посѣтилъ я,

Но никогда и нигдѣ мнѣ досель чловѣкъ, Одис-
сею,

Твердому въ бѣтствіяхъ мужу, подобный, еще 270
не встрѣчался.

Вотъ что, могучій, онъ тамъ наконецъ предпрі-
ялъ и исполнилъ,

Въ чревѣ глубокомъ коня (гдѣ Ахейцы избран-
ные были

Скрыты) погибельный ковъ и убійство врагамъ
приготовивъ ;

Къ намъ ты тогда подошла — по внушенію зло-
му конечно

Демона, дать замышлявшаго славу враждебнымъ 275
Троянамъ —

Вслѣдъ за тобою туда же пришелъ Деифобъ
благородный ;

Трижды громаду ты съ нимъ обошла и, от-
всюду оцупавъ

Ребра ея, начала вызывать поименно Аргивянь,

Голосу нашихъ возлюбленныхъ женъ подражая
искусно.

280 Мнѣ жъ съ Діомедомъ и съ бодрымъ Царемъ
Одиссеемъ, сокрытымъ

Въ темной утробѣ громады, знакомые слышались
звуки.

Вдругъ пробудилось желанье во мнѣ и въ Ти-
деевомъ сынѣ

Выйти наружу иль громко тебѣ извнутри ото-
зваться;

Но Одиссей опрометчивыхъ насъ удержалъ; о-
стальные жъ,

285 Въ чревъ коня притаяся, глубоко молчали
Ахейцы.

Только одинъ Антиклесъ на призывъ твой по-
дать порывался

Голосъ; но Царь Одиссей, многосильной рукою
зажавши

Ротъ безразсудному, тѣмъ отъ гибели всѣхъ
насъ избавилъ;

Съ нимъ онъ боролся, пока не ушла ты по волю
Аѳины.

290 Тутъ Менелаю сказалъ разсудительный сынъ
Одиссеевъ :

Царь благородный Атридъ, богоизбранный па-
стырь народовъ,

Вдвое прискорбный, что онъ не избѣгъ отъ гу-
блящаго рока;

Было ли въ пользу ему, что имѣлъ онъ железное
сердце ?

Время однако ужъ намъ о постеляхъ подумать,
чтобъ, сладко

Въ сонъ погрузившись, на нихъ успокоить у- 295
сталые члены.

Такъ онъ сказалъ, и Елена велѣла немедля ра-
бынямъ

Въ сѣняхъ кровати поставить, постлатъ тюфяки
на кровати,

Пышнопурпурные сверху ковры положить, на
ковры же

Мягкимъ покровомъ для тѣла косматыя мантии
бросить.

Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни; ко- 300
гда же

Все приготовлено было гостямъ, проводилъ ихъ
глашатай;

Въ сѣняхъ легли на постеляхъ и скоро покойно
заснули

Сынъ Одиссеевъ и спутникъ его Пизистратъ
благородный.

Скоро во внутренней спальнѣ заснулъ и Атридъ
златовласый,

Подъ царицы Елены, покрытой одеждою длин- 305
ной.

Встала изъ мрака молодая съ перстами пурпур-
ными Эось;

Ложе покинулъ и царь Менелай, вызыватель въ
сраженъе;

Платъе надѣвъ, изощренный свой мечъ на плечо
онъ повѣсплъ;

Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ ногамъ
привязавши,

310 Вышелъ изъ спальни, лицомъ лучезарному богу
подобный.

Свѣвъ къ Телемаку, его онъ поздравствовалъ;
послѣ спросилъ онъ :

Что побудило тебя по хребту безпредѣльнаго
моря

Въ царственный градъ Лакедѣмонъ прійти,
Телемакъ благородный?

Нужда какая? своя иль народная? Правду ска-
жи мнѣ.

315 Сыиъ Одиссеевъ возлюбленный такъ отвѣчалъ
Менелаю :

Царь многославный, Атридъ, богоизбранный па-
стырь народовъ,

Здѣсь я затѣмъ, чтобъ узнать отъ тебя о судь-
бѣ Одиссея.

Гибнетъ мое достоянье, мои разоряются земли,

Домъ мой во власти грабителей жадныхъ, без-
жалостно бьющихъ

320 Мелкій нашъ скотъ и быковъ криворогихъ и ме-
дленноходныхъ ;

Мать Пенелопу они сватовствомъ неотступнымъ
терзаютъ.

Я же колѣна твои обнимаю, чтобъ ты благо-
склонно

Участь отца моего мнѣ открылъ, объявивъ, что
своими

Видѣлъ глазами иль что отъ какого случайно
услышалъ

Странника. Матерью былъ онъ рожденъ на бѣ- 325
ды и на горе.

Ты же, меня не щадя, и изъ жалости словъ не
смягчая,

Все разскажи мнѣ подробно, чему ты былъ самъ
очевидецъ.

Если же чѣмъ для тебя мой отецъ Одиссей бла-
городный,

Словомъ ли, дѣломъ ли, могъ быть полезенъ въ
тѣ дни, какъ съ тобою

Въ Трою онъ былъ, гдѣ столь много вы бѣдъ 330
претерпѣли, Ахейцы,

Вспомни объ этомъ теперь и поистинь все раз-
скажи мнѣ.

Съ гнѣвомъ великимъ воскликнулъ Атридъ Ме-
нелай златовласый:

О безразсудные! мужа могучаго брачное ложе,

Сами безсильные, мыслятъ они захватить произ-
вольно!

Если бы въ темномъ лѣсу у великаго льва въ 335
логовищѣ

Лань однодневныхъ, сосущихъ птенцевъ поло-
жила, сама же

Стала бѣ по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ,
травною обильнымъ

Доламъ бродить, и обратно бы левъ прибѣжалъ
въ логовище —

Разомъ бы страшная участь птенцевъ беспомощ-
ныхъ постигла;

340 Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ руки
Одиссея.

Если бъ, о Дій громовержець! о Фебъ Аполлонъ!
о Аѳина!

Въ видъ такомъ, какъ въ Лезбость, обильно людь-
ми населенномъ —

Гдѣ, съ силачемъ Филомѣдомъ выступивъ въ
бой рукопашный,

Онъ опрокинулъ врага на великую радость А-
хейцамъ —

345 Если бы въ видъ такомъ женихамъ Одиссей
вдругъ явился,

Сдѣлался бъ бракъ имъ, судьбой неизбежной по-
стигнутымъ, горекъ.

То же, о чемъ ты, мевя вопрошая, услышать
желаешь,

Я расскажу откровенно и мною обмануть не бу-
дешь; —

Что самому возвѣстилъ мнѣ морской пронца-
тельный старецъ,

350 То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю исти-
ну вѣдать.

Все еще боги въ отечество милое мнѣ изъ Е-
гипта

Путь заграждали: обѣщанной я не свершилъ
экатомбы;

Боги же требуютъ строго, чтобъ были мы вѣр-
ны обѣтамъ.

На морь шумно — широкомъ находится островъ,
лежащій

Противъ Египта; его именуютъ тамъ жители 355
Фáрось;

Онъ отъ береговъ на такомъ разстоянн, какое
удобно

Въ день съ благовьющимъ вѣтромъ попутнымъ
корабль пробѣгаетъ.

Пристань находится вѣрная тамъ, изъ которой
большія

Въ море выходятъ суда, запасенныя темной во-
дою.

Двадцать тамъ дней я промедлилъ по волѣ бо- 360
говъ и ни разу

Съ берега мнѣ не подулъ благосклонный отплы-
тню вѣтеръ,

Спутникъ желанный пловцамъ по хребту много-
воднаго моря.

Мы ужъ истратили все путевые запасы и люди

Бодрость теряли, какъ, сжалаясь надъ нами, спа-
сла насъ богиня,

Хитраго старца морскаго цветущая дочь Идодея. 365

Сердцемъ она преклонилась ко мнѣ, повстрѣчав-
шись со мною,

Шедшимъ печально стезей одинокой, товарищей
бросивъ :

Розно бродили они по зыбучему взморью и рыбу

Острогобенными крючьями удили — голодь тер-
заль ихъ.

370 Съ ласковымъ видомъ ко мнѣ подошедши, сказа-
зала богиня:

Что же ты, странникъ? Дитя ль неразумное?

Сердцемъ ли робокъ?

Льнь ли тобой овладѣла? Иль самъ ты своимъ
веселишься

Горемъ, что долго такъ медлишь на островъ на-
шемъ, не зная,

Что предпринять и сопутниковъ всѣхъ повергая
въ унылость?

375 Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:

Кто бъ ни была ты, богиня, всю правду тебѣ я
открою:

Нѣхотя здѣсь я въ бездѣйствіи медлю; быть
можетъ нанесъ я

Чѣмъ оскорбленье богамъ, безпредѣльнаго неба
владыкамъ.

Ты же скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, могу-
чіе боги),

380 Кто изъ бессмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ
мнѣ возвратный

Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго
моря?

Такъ спросилъ я, и такъ, отвѣчая, сказала бо-
гиня:

Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю
истину вѣдать;

Здѣсь пребываетъ издавна морской пронцатель-
ный старецъ,

Равныйъ безсмертнымъ Протей, Египтянинъ, из- 385
вѣдавшій моря

Всѣ глубины и царя Посидона державъ подвласт-
ный;

Онъ, говорятъ, мой отецъ, отъ котораго я роди-
лася.

Если бѣ какое ты средство нашель овладѣть имъ
внезапно,

Все бѣ онъ открылъ: и дорогу, и дологъ ли
путь, и успѣшно ль

Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвра- 390
тишься?

Если жѣ захочешь, божественный, скажетъ тебѣ
и о томъ онъ,

Что у тебя и худаго и добраго дома случилось

Съ тѣхъ поръ, какъ странствуешь ты по морямъ
безпріютно-пустыннымъ.

Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я: 395

Насъ ты сама научи овладѣть хитромысленнымъ
старцемъ

Такъ, чтобъ не могъ напередъ онъ намъ ренъе
наше проникнуть:

Трудно весьма одолѣть челоуьку могучаго бога.

Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчая, сказала бо-
гиня:

Все объявлю откровенно, чтобъ могъ ты всю
истину вѣдать;

- 400 Здѣсь ежедневно, лишь Гелиосъ неба пройдетъ
половину,
Въ вѣяньи вѣтра, съ великимъ волпеніемъ тем-
пья влаги,
Водъ глубину покидаетъ морской пронизательный
старецъ ;
Вышедъ изъ волнъ, отдохнуть онъ ложится въ
пещеръ глубокой ;
Вкругъ тюлені хвостоногіе, дѣти молодой Ало-
зидны,
- 405 Стаей ложатся, и спятъ, и, покрытые тиною со-
леной,
Смрадъ отвратительный моря на всю разли-
ваютъ окрестность.
Только что явится Эосъ, я мѣсто найду, гдѣ
удобно
Спрячешься ты посреди тюленей; по товарищамъ
сильнымъ
Тремъ повели за собою прійти съ кораблей
крутобокихъ.
- 410 Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ коварнаго
старца :
Прежде всего тюленей онъ считать и осматри-
вать станетъ ;
Ихъ осмотрѣвъ и сочтя по пяти, напоследокъ и
самъ онъ
Ляжетъ межъ ними, какъ пастырь межъ стада,
и въ сонъ погрузится.
Вы же, увидя, что легъ и что въ сонъ погру-
зился онъ, силы

Всѣ соберите, и имъ овладѣйте; жестоко на- 415
чнетъ онъ

Биться и рваться — изъ рукъ вы его не пу-
скайте; тогда онъ

Разные виды начнетъ принимать и являться вамъ
станетъ

Всѣмъ, что ползетъ по землѣ, и водою, и пламе-
немъ жгучимъ;

Вы жъ, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ сильнѣе
держите.

Но, какъ скоро тебѣ человѣческой голосъ подастъ 420
онъ,

Снова принявши тотъ образъ, въ какомъ онъ
заснулъ — вы немедля

Бросьте его; и тогда благородному старцу сво-
боду

Давши, спроси ты, какой изъ боговъ раздра-
женъ и успешно ль

Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвра-
тишься?

Кончивъ, она погрузилась въ морское глубокое 425
лоно.

Я же пошелъ къ кораблямъ, на песокъ непо-
движно стоявшимъ,

Многими, сердце мое волновавшими, мыслями пол-
ный;

Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на
вечернюю пищу

Собралъ людей я; божественно — темная ночь
наступила;

430 Вся мы заснули подъ говоромъ волнь, ударяю-
щихъ въ берегъ.

Встала изъ мрака младая съ перстами багряны-
ми Эосъ ;

Вдоль по отлогому влажно-песчаному берегу, съ
молитвой

Прежде кольна склонивъ предъ богами, пошелъ
я ; со мною

Были три спутника сильныхъ, на всякое дѣло
отважныхъ.

435 Тою порой, погрузившись въ глубокое море,
четыре

Кожн тюленьи изъ водъ принесла намъ богиня ;
недавно

Содраны были онѣ. Чтобъ отца обмануть, на
песчаномъ

Берегъ ямы она приготовила намъ и сидѣла,

Насъ ожидая. Немедля всѣ четверо къ ней по-
дошли мы.

440 Въ ямы уклавши и кожами сверху покрывъ насъ,
богиня

Тамъ повелѣла намъ ждать, притаясь ; нестер-
пимо насъ мучилъ

Смрадъ тюленей, напитавшихся горечью влаги
соленой —

Сносно ль межъ чудами моря живому лежать
человѣку ?

Но Идодея бѣдъ помогла и страданіе наше

Кончила, поздри амврозіей намъ благовопной 445
помазавъ :

Былъ во мгновение запахъ чудовищъ морскихъ
уничтоженъ.

Цѣлое утро съ мучительной мы пролежали то-
скою.

Стаею вышли изъ водъ наконецъ тюлени и
рядами

Другъ подль друга вдоль шумнаго берега все
улеглись.

Въ полдень же съ моря поднялся и старецъ. Сво- 450
ихъ тюленей онъ

Жирныхъ увидя, пошелъ къ нимъ и началъ счи-
тать ихъ и первыхъ

Счелъ межъ своими подводными чуждами насъ,
не проникнувъ

Тайнаго кова; и самъ напоследокъ межъ ними
улегся.

Кинувшись съ крикомъ на соннаго, сильной ру-
кою все вмѣстѣ

Мы обхватили его; но старикъ не забылъ чаро- 455
дѣйства;

Вдругъ онъ въ свирьпаго съ гривой огромною
льва обратился;

Послѣ предсталъ намъ дракономъ, пантерою, ве-
премъ великимъ,

Быстротекучей водою и деревомъ густовершин-
нымъ;

Мы, не робѣя, тѣмъ крѣпче его, тѣмъ упорнѣй
держали.

460 Онъ напоследокъ, увидя, что все чародѣйства
напрасны,

Сдѣлался тихъ и ко мнѣ наконецъ обратился съ
вопросомъ :

Кто изъ бессмертныхъ тебѣ указалъ, Менелай
благородный,

Средство обманомъ меня пересилить? Чего
ты желаешь?

Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, ска-
залъ я :

465 Старецъ, тебѣ ужъ известно (зачѣмъ притво-
ряться?), что медлю

Здѣсь я давно по неволѣ, не зная, на что мнѣ
рѣшиться,

Сердцемъ тревожась и спутниковъ всѣхъ повер-
гая въ унылость.

Лучше скажи мнѣ (все вѣдать должны вы, мо-
гучіе боги),

Кто изъ бессмертныхъ, меня оковавъ, запретилъ
мнѣ возвратный

470 Путь по хребту многоводнаго, рыбообильнаго
моря?

Такъ у него я спросилъ, и, ответствуя, такъ мнѣ
сказалъ онъ :

Долженъ бы Зевсу владыкъ и прочимъ богамъ
экатомбу

Ты, съ кораблями пускаясь въ путь, совершить,
чтобъ скорѣе,

Темное море измѣривъ, въ отчизну свою воз-
вратиться.

Знай, что тебѣ суждено не видать, ни возлюблен- 475
ныхъ ближнихъ

Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ, ни желаннаго края
отчизны

Прежде, пока ты къ бѣгущему съ неба потоку
Египту

Вновь не придешь и обѣщанной тамъ не свер-
шишь экатомбы

Зевсу и прочимъ богамъ, безпредѣльнаго неба
владыкамъ.

Иначе боги увидѣть отчизну тебѣ не дозволятъ. 480

Такъ онъ сказалъ и во мнѣ разтерзалось милое
сердце :

Было мнѣ страшно, предавшись тревогамъ туман-
наго моря,

Вновь продолжительнотруднымъ путемъ возвра-
щаться въ Египетъ.

Такъ напоследокъ, отвѣтствуя, хитрому старцу
сказалъ я :

Что повелѣлъ ты, божественный старецъ, то все 485
я исполню ;

Ты же теперь объяви, ничего отъ меня не скры-
вая :

Всѣ ль въ корабляхъ невредимо Ахейцы, съ ко-
торыми въ Трою

Мы разлучилися, Несторъ и я, возвратились въ
отчизну ?

Кто злополучный изъ нихъ на дорогѣ погибъ
съ кораблями ?

490 Кто на рукахъ у друзей, перенесши тревоги,
скончался?

Такъ я спросилъ у него, и, отвѣтствуя, такъ мнѣ
сказалъ онъ:

Царь Менелай! не къ добру ты меня вопро-
шаешь, и лучше бѣ

Было тебѣ и не знать и меня не спрашивать:
горько

Плакать ты будешь, когда обо всемъ расскажу
я подробно.

495 Многихъ ужъ нѣтъ; но и живы остались многіе;
двумъ лишь

Только вождямъ мѣднолатныхъ Аргивянъ до-
мой возвратиться

Смерть запретила (кто палъ на сраженьи, то
въдаешь самъ ты);

Третій живой средь пустыннаго моря въ неволѣ
крушится.

Съ длиновесѣльными въ бурю морскую погибъ
кораблями

500 Сынъ Оилеевъ Аяксъ; Посидонъ ихъ къ вели-
кой Гирейской

Бросилъ скаль; самого же Аякса изъ водъ онъ
исторгнулъ;

Спасся бѣ отъ гибели онъ вопреки раздражен-
ной Аѳинъ,

Если бѣ въ безумствѣ изречь не дерзнулъ свято-
татнаго слова:

Онъ похвалился, что противъ боговъ избѣжить
потопленья.

Дерзкое слово царемъ Посидономъ услышано 505
было ;
Сильной рукой во гнѣвъ онъ схватилъ свой ужас-
ный трезубецъ,
Имъ по Гирейской ударилъ скаль и скала раз-
двоилась ;
Часть устояла ; кусками разсыпавшись, въ море
другая
Рухнула вмѣстѣ съ сидѣвшимъ на ней святотат-
нымъ Аяксомъ ;
Съ нею и онъ погрузился въ широкошумящее 510
море ;
Такъ онъ погибъ, злополучный, упившись соле-
ною влагой.
Братъ твой сначала судьбы избѣжалъ: невре-
димо ко берегу
Онъ съ кораблями достигъ, сохраненный влады-
чицей Ирой.
Но тогда, какъ въ виду неприступныхъ утесовъ
Маллен
Былъ онъ, внезапно воздвигнулась буря и рыбо- 515
обильнымъ
Моремъ его, вопіющаго жалобно, къ крайнимъ
предѣламъ
Области бросило той, гдѣ Θ иестъ обиталъ, и
гдѣ послѣ
Царское было жилище Θ иестова сына Эгиста.
Скоро однако опять успокоилось море, и боги

520 Вѣтеръ попутный имъ дали: въ отечество ихъ
проводилъ онъ.

Радостно вождь Агамемнонъ ступилъ на роди-
тельскій берегъ.

Сталъ цѣловать онъ отечество милое; снова у-
видя

Землю желанную, пролилъ обильно онъ теплыя
слезы.

Но издалека съ подозрнѣй стоянки увидѣлъ А-
трида

525 Сторожъ, Эгистомъ поставленный (злое замы-
сля, ему онъ

Дать обѣщаль два таланта); и тамъ наблюдалъ
онъ ужъ цѣлый

Годъ, чтобъ Атридъ не засталъ ихъ въ рас-
плохъ, возвратяся незапно.

Съ вѣстью о немъ роковой побѣжалъ онъ въ
жилище Эгиста.

Ковъ смертоносный тогда хитроумный Эгистъ
приготовилъ:

530 Двадцать отважныхъ мужей изъ народа неме-
для онъ выбравъ,

Скрылъ ихъ близъ дома, гдѣ былъ приготовленъ
обѣдъ изобильный;

Взявъ колесницы съ конями, къ царю онъ Атриду
на встрѣчу

Съ ласковымъ зовомъ пошелъ, замышляя не-
доброе въ сердце;

Введши его, подозрѣнію чуждаго, въ домъ, на
веселомъ

Пиръ его оубилъ, какъ быка убиваютъ при 535
ясляхъ ;

Люди, съ Атридомъ пришедшіе, все до единого
пали,

Но и Эгистовы съ ними сообщники также по-
гибли.

Такъ онъ сказалъ, и во мнѣ растерзалось милое
сердце :

Горько заплакавъ, упалъ я на землю; мнѣ стала
противна

Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хо- 540
тѣлъ я, и долго

Плакалъ, и долго лежалъ на землѣ, безутѣшно
рыдая.

Но напоследокъ сказалъ мнѣ морской провица-
тельный старецъ :

Царь Менелай, сокрушать толь жестоко себя
ты не долженъ ;

Слезы твои ничему не помогутъ: а лучше по-
думай,

Какъ бы тебѣ самому возвратиться скорѣе въ 545
отчизну.

Или застанешь его ты живаго, или будетъ О-
рестомъ

Онъ ужъ убитъ; ты тогда подоспѣешь къ его
погребенью.

Такъ онъ сказалъ, ободрился мой духъ и мо-
гучее снова

Сердце мое, не смотря на великую скорбь, ожи-
вилось.

550 Голосъ возвысивъ, я бросилъ Протею крылатое
слово :

Знаю теперь о двоихъ ; объяви же, кто третій,
который,

Моремъ объятый, живой, говоришь ты, въ не-
воль крушится ?

Или ужъ нѣтъ и его ? Сколь ни горько, но слу-
шать готовъ я.

Такъ я Протея спросилъ и, отвѣстствуя, такъ мнѣ
сказалъ онъ :

555 Это Лаэртовъ божественный сынъ, обладатель
Итаки.

Видѣлъ его я на островъ, льющую слезы обильно

Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини богинь,
произвольно

Имъ овладѣвшей ; и путь для него уничтоженъ
возвратный :

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ кото-
рыми могъ бы

560 Онъ безопасно пройти по хребту многоводна-
го моря.

Но для тебя, Менелай, приготовили боги иное :

Ты не умрешь и не встрѣтишь судьбы въ мно-
гоконномъ Аргосѣ ;

Ты за предѣлы земли, на поля Елисейскія бу-
дешь

Посланъ богами — туда гдѣ живетъ Рада-
мантъ златовласый,

(Гдѣ пробѣгаютъ свѣтло безпечальныя дни чело- 565

вѣка,

Гдѣ ни мятелей, ни ливней, ни хладовъ зимы
не бываетъ ;

Гдѣ сладкошумно летающій вѣетъ Зефиръ, Океа-
номъ

Съ легкой прохладой туда посылаемый людямъ
блаженнымъ),

Ибо супругъ ты Елены и зять громовержца Зе-
веса.

Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глу- 570
бокое лоно.

Я же съ друзьями отважными вновь къ кора-
блямъ возвратился,

Многими, сердце мое волновавшими, мыслями пол-
ный ;

Къ морю пришедъ и къ моимъ кораблямъ, на
вечернюю пищу

Собралъ людей я ; божественно — темная ночь на-
ступила ;

Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяю- 575
щихъ въ берегъ,

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось :

Сдвинули съ берега мы корабли на священное
море ;

Мачты поднявъ и развѣвъ паруса, на судахъ
собралися

Всѣ мореходные люди и, сѣвши у веселъ на лав-
кахъ,

580 Разомъ могучими веслами вспенили темныя во-
ды.

Снова направилъ къ бѣгущему съ неба потоку
Египту

Я корабли, и успѣшно на брегъ его совершилъ
экатомбу;

Послѣ жъ, когда примирилъ я боговъ, совер-
шивъ экатомбу,

Холмъ гробовой Агамемнону брату на вѣчную
память

585 Тамъ я насыналъ; и поплыли мы, и послали по-
нутный

Вѣтеръ намъ боги; въ отечество милое насъ
проводилъ онъ.

Ты жъ, Телемакъ у меня погостишь и отсель не
поѣдешь

Прежде, пока не свершится одиннадцать дней
иль двѣнадцать;

Послѣ тебя отпущу съ дорогими подарками;
дамъ я

590 Трехъ быстроногихъ коней съ колесницей бле-
стящей, и съ ними

Рѣдкой работы кувшинъ, изъ котораго будешь
вседневно

Ты, поминая меня, предъ богами творить воз-
ліянье.

Царь Менелай, отвѣчалъ разсудительный сынъ
Одиссеевъ,

Долго меня не держи, тороплюся домой я без-
мѣрно;

Здѣсь у тебя я съ великою радостью могъ бы 595

и цѣлый

Годъ провести, не подумавъ въ отчизну къ род-

нымъ возвратиться,

Такъ несказанно твои разговоры и рѣчи плѣняютъ

Душу мою; но сопутники въ Пилосъ ждутъ съ

нетерпѣньемъ

Нынѣ меня: ты жъ напротивъ желаешь, чтобъ

здѣсь я промедлилъ.

Дай мнѣ въ подарокъ такое, что могъ бы у- 600

добно хранить я

Дома; коней жъ въ Итаку мнѣ взять не воз-

можно: оставь ихъ

Здѣсь утѣшеньемъ себѣ самому; ты владѣешь

землею

Тучныхъ равнинъ, гдѣ родится обильно и ло-

тосъ и галгантъ

Съ яркой пшеницей и полбой и густо цвѣту-

щимъ ячменемъ.

Мы жъ ни широкихъ полей, ни луговъ не имѣемъ 605

въ Итакѣ;

Горныя нажити наши для козъ не для коней при-

вольны;

Рѣдко лугами богатъ и конямъ легконогимъ

пріютенъ

Островъ, объятый волнами; Итака же менѣ про-

чихъ.

Онъ замолчалъ. Улыбнулся Атридъ, вызыватель

въ сраженье;

610 Ласково щеки ему потрепавши рукою, сказалъ
онъ :

Вижу изъ словъ я твоихъ, что твоя благородна
порода,

Сынъ мой; но вмѣсто коней я могу подарить
и другое,

Это легко мнѣ; изъ многихъ сокровищъ, кото-
рыми домъ мой

Полонъ, я самое рѣдкое, лучшее выберу нынѣ;

615 Дамъ пировую кратеру богатую; эта кратера

Вся изъ серебра, но края золотые, искусной ра-
боты

Бога Ифеста; ее подарилъ мнѣ Федимъ благо-
родный,

Царь Сидонянь, въ то время, когда, возвращаясь
въ отчизну,

Въ домъ его я гостилъ, и ее отъ меня ты полу-
чишь.

620 Такъ говорили о многомъ они, собясьдуя сладко.

Въ домъ царя собралися тѣмъ временемъ зван-
ные гости,

Козъ и овецъ приведя и вина дорогаго при-
несши

(Хлѣбъ же прислали ихъ жены, ходящія въ свѣ-
тлыхъ повязкахъ).

Такъ все готовилось къ пиру въ высокихъ пала-
тахъ Атрида. —

Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домъ броса- 625
нъемъ

Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя забавляли,
собравшись

Всѣ на мощеномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ буй-
ныя игры.

Но Антипой съ Эвримахомъ прекраснымъ си-
дѣли особо,

Прочихъ вожди, передъ всеми отличные муже-
ской силой.

Фрѣнѣвъ сынъ Ноэмѣнъ, подошедъ къ кимъ, си- 630
дѣвшимъ особо,

Слово такое сказалъ, обратясь къ Антипоу съ
вопросомъ :

Можетъ ли кто мнѣ изъ васъ, Антипой, объя-
вить, или не можетъ,

Скоро ль назадъ Телемакъ изъ песчанаго Пи-
лоса будетъ ?

Взять у меня имъ корабль — самому мнѣ онъ
надобенъ нынѣ :

Плыть мнѣ въ Элиду широкополяную нужно ; 635
двѣнадцать

Тамъ у меня кобылицъ и табунъ лошаковъ ра-
ботающихъ ;

Дикіе всѣ ; я хотѣлъ бы поймать одного, чтобъ
объездить.

Такъ онъ сказалъ ; женихи изумились ; войти
не могло имъ

Въ мысли, чтобъ былъ онъ въ Нелеевомъ Пило-
сѣ ; мнили напротивъ

640 Всѣ, что ушелъ онъ иль въ поле къ стадамъ иль
къ своимъ свинопасамъ.

Строго тогда Антиной, сынъ Эвпейтовъ спро-
силъ Ноэмона:

Все объяви намъ по правдѣ: когда онъ увхаль?
Какіе

Были съ нимъ люди? Свободные ль, взятые
имъ изъ народа?

Или наемники? Или рабы? Какъ успѣлъ онъ то
сдѣлать?

645 Также скажи откровенно, чтобъ истину въдать
могли мы:

Силою ль взялъ у тебя онъ корабль быстро-
ходный, иль самъ ты

Отдалъ его произвольно, какъ скоро о томъ по-
просилъ онъ?

Фрѳоніевъ сынъ Ноэмѳнъ, отвѣчая, сказалъ Ан-
тиною:

Отдалъ я самъ произвольно, и всякой другой
поступилъ бы

650 Такъ же, когда бы къ нему обратился такой
огорченный

Съ просьбою мужъ — ни одинъ бы ему отказать
не помыслилъ.

Люди жъ, имъ взятые, всѣ молодые, изъ са-
мыхъ отличныхъ

Выбраны гражданъ; и ихъ преводителемъ былъ,
я замѣтилъ,

Менторъ, иль кто изъ безсмертныхъ, облекшійся
въ Менторовъ образъ:

Ибо я былъ изумленъ несказанно — божествен- 655
 ный Менторъ
 Встрѣтился здѣсь мнѣ вчера, хоть и съѣлъ на
 корабль онъ съ другими.
 Такъ онъ сказавши, пошелъ, чтобъ къ родителю
 въ домъ возвратиться.
 Но Антиной съ Эвримахомъ исполнены были тре-
 воги;
 Бросивъ игру, женихи собралися и съѣли кругомъ
 ихъ.
 Къ нимъ обратясь, сказалъ Антиной, сынъ Эв- 660
 нейтовъ, кипящій
 Гнѣвомъ — и грудь у него подымалась, тѣсни-
 мая черной
 Злобой, и очи его, какъ огонь пламеняющій,
 рдѣли:
 Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ смѣло
 пустившись
 Въ путь, Телемакъ; отъ него мы подобной от-
 ваги не ждали:
 Намъ вопреки, онъ, ребенокъ, отсюда ушелъ са- 665
 мовольно,
 Прочный добывши корабль и отличнѣйшихъ взявъ
 изъ народа.
 Будетъ впередъ намъ и зло и бѣда отъ него.
 Но погибни
 Самъ отъ Зевеса онъ прежде, чѣмъ бѣдствіе на-
 ше созрѣтъ!
 Вы жъ мнѣ корабль съ двадцатью снарядите греб-
 цами, чтобъ могъ я,

670 Въ море за нимъ устремившись, его на возврат-
ной дорогъ

Между Итакой и Замомъ крутымъ подстеречь,

чтобъ въ погибель

Плаванье вслѣдъ за отцемъ для него самого об-
ратилось.

Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье
другіе.

Вставши, все вмѣстѣ они возвратилися въ домъ
Одиссеевъ.

675 Но Пенелопа недолго въ незнаньи осталась о
хитромъ

Буйныхъ ея жениховъ заговоръ на жизнь Теле-
мака ;

Все ей Медонтъ, благородный глашатай, от-
крылъ : недалеко

Былъ онъ, когда совѣщались они, и подслушалъ
ихъ рѣчи.

Съ вѣстью немедленно онъ по дворцу побѣжалъ
къ Пенелопѣ.

680 Встрѣтивъ его на порогъ своемъ, Пенелопа
спросила :

Съ чѣмъ ты, Медонтъ, женихами сюда благо-
родными присланъ ?

Съ тѣмъ ли, чтобъ мнѣ объявить, что рабынямъ
Царя Одиссея

Должно, оставивъ работы, обѣдъ имъ скорый
приготовить ?

О! когда бы они отъ меня отступились ! Когда
бы

Это ихъ пиршество было послѣднимъ въ оби- 685
тели нашей!

Вы, разорители нашего дома, губящіе жадно

Все достояніе въ немъ Телемаково, или ни разу

Въ дѣтскихъ вамъ лѣтахъ отъ вашихъ разумныхъ
отцевъ не случилось

Слышать, каковъ Одиссей былъ въ своемъ об-
хожденіи съ ними,

Какъ никому не нанесъ онъ, ни словомъ, ни 690
дѣломъ, обиды

Въ целомъ народѣ; хотя многосильнымъ царямъ
и обычно

Тѣхъ изъ людей земнородныхъ любить, а дру-
гихъ ненавидѣть,

Но отъ него не видалъ оскорбленья никто изъ
живущихъ.

Здѣсь же лишь ваше безстыдство, лишь буйные
ваши поступки

Видны; а быть за добро благодарными вамъ 695
неумѣстно.

Умныя мысли имѣя, Медонтъ отвѣчалъ Пене-
лопѣ:

О царица, когда бы лишь въ этомъ все зло за-
ключалось!

Но женихи величайшей, ужаснѣйшей намъ угро-
жаютъ

Нынѣ бѣдой — да успеха не дастъ имъ Зевесъ
громовержець!

700 Острымъ мечемъ замышляютъ они умертвить
Телемака,

Выждавъ его на возвратномъ пути: о родитель
свѣдать

Поплыль онъ въ Пилось божественный, въ цар-
ственный градъ Лакедѣмонъ.

Такъ онъ сказалъ; задрожали колѣна и сердце
у бѣдной

Матери; долго была безсловесна она, и слезами

705 Очи ея затмевались и ей не покорствовалъ го-
лось.

Съ духомъ собравшись, она наконецъ, отвѣчая,
сказала:

Что удалиться, Медонтъ, побудило дитя мое?
Нужно ль

Было ввѣряться ему кораблямъ, водяными ко-
нями

Быстро носящимъ людей мореходныхъ по влагъ
пространной?

710 Иль захотѣлъ онъ, чтобъ въ людяхъ и имя его
нстребилось?

Выслушавъ слово ея, благородный Медонтъ от-
вѣчалъ ей:

Мнѣ неизвестно, внушенью ль онъ бога послѣ-
довалъ, самъ ли

Въ сердце отылытіе въ Пилось замыслилъ, чтобъ
свѣдать, въ какую

Землю родитель судьбиною брошенъ и что пре-
терпѣлъ онъ?

Кончивъ, разумный Медонтъ удалился изъ цар- 715
скаго дома.

Сердцегубящее горе объяло царицу; остаться ;

Доля на стуль она не могла; хоть и много ихъ
было

Въ свѣтлыхъ покояхъ ея, но она на порогъ си-
дѣла,

Жалобно плача. Съ рыданіемъ къ ней собралися
рабыни,

Сколько ихъ ни было въ царскомъ жилищѣ и 720
юныхъ и старыхъ.

Сильно скорбя посреди ихъ, сказала имъ такъ
Пенелопа :

Слушайте, милья ; далъ мнѣ печали Зевесъ О-
лимшіецъ

Болѣ всѣхъ, на земль современно со мною
рожденныхъ ;

Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могу-
ществомъ львинымъ,

Всякой высокою доблестью въ сонмѣ Данаевъ 725
отличный,

Столь преисполнившій славою своею и Элладу и
Аргосъ.

Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мною ; без-
славно умчали

Бури отсюда его, и о томъ я не свѣдала прежде ;

О вы, безумныя, какъ ни одной, ни одной не
пришло вамъ

730 Въ время въ мысли меня разбудить? А конечно
но ужъ знали
Всѣ вы, что онъ собрался въ корабль удалиться
отсюда.

О! для чего не сказалъ мнѣ никто, что отплыть
онъ замыслилъ!

Или тогда бѣ, отложивши отъездъ, онъ остался
со мною,

Или сама бѣ я осталася мертвою въ этомъ жи-
лищѣ.

735 Но позовите скорѣе ко мнѣ старика Доліона;

Вѣрный слуга онъ; въ приданое данъ мнѣ от-
цемъ и усердно

Смотритъ за садомъ моимъ плодоноснымъ. Къ
Лаэрту немедля

Долженъ пойти онъ и, сѣвъ близъ него, о слу-
чившемся нынѣ

Старцу сказать; и Лаэртъ, все разумно обду-
мавъ, быть можетъ,

740 Съ плачемъ предстанетъ народу, который гу-
бить допускаетъ

Внука его, Одиссеева богоподобнаго сына.

Тутъ Эвриклея, усердная няня, сказала царицѣ:

Свѣтъ нашъ, царица, казнить ли меня безпощад-
ною мѣдью

Ты повелишь, иль помилуешь, я ничего не со-
крою.

Было известно мнѣ все; по его повелѣнью да- 745
ла я

Хлѣбъ и вино на дорогу; съ меня же великую
клятву

Взялъ онъ: молчать до двѣнадцати дней, иль
пока ты не спросишь

Гдѣ онъ сама, иль другой кто отъѣзда его не
откроетъ.

Свѣжесть лица твоего, онъ боялся, отъ плача
поблекнетъ.

Ты же, царица, омывшись и чистой облекшись 750
одеждой,

Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой пой-
ди, и молитву

Тамъ сотвори передъ дочерью Зевса эгидодер-
жавца;

Ею конечно онъ будетъ спасенъ отъ грозящія
смерти.

Но не печаль старика, ужъ печальнаго; вѣчные
боги,

Думаю я, не совсѣмъ отвратились еще отъ по- 755
томковъ

Аркезіада; и родъ ихъ всегда обладателемъ бу-
детъ

Царскаго дома и нивъ и полей плодоносныхъ въ
Итакъ.

Такъ Эвриклея сказала; утихла печаль, осуши-
лись

Слезы царицы. Омывшись и чистой облекшись
одеждой,

760 Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой свой по-
шла Пенелопа.

Чашу наполнивъ ячменемъ, она возгласила къ
Аѳинѣ :

Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Аѳина,

Если когда Одиссей благородный въ семь домъ
обильно

Тучныя бедра быковъ и овецъ сожигалъ предъ
тобою,

765 Вспомни объ этомъ теперь и спаси Одиссеева
сына,

Козни моихъ жениховъ злонамбренныхъ нынѣ
разрушивъ.

Такъ помолилась она и не втуне осталась мо-
литва.

Тою порой женихи въ потемнѣвшей палатѣ шу-
мѣли.

Такъ говорили иные изъ нихъ, безразсудно над-
менныхъ :

770 Вѣрно теперь многославная наша царица гото-
вить

Свадьбу, не мысля о томъ, что отъ насъ при-
готовлено сыну.

Такъ говорили они, не предвидя того, что и
всѣмъ имъ

Было готово. Созвавъ ихъ, сказалъ Антиной,
негодую :

Буйные люди, совѣтую вамъ отъ такихъ нераз-
умныхъ

Словъ воздержаться, чтобъ кто нибудь здѣсь раз- 775

гласить ихъ не вздумалъ.

Лучше, отсель удаляся въ молчаньи, исполнимъ

на дѣль

То, что теперь на советъ согласномъ своемъ по-
ложили.

Выбравъ отважнѣйшихъ двадцать мужей изъ на-
рода, поспѣшно

Съ ними пошелъ къ кораблямъ онъ, стоявшимъ
на брегъ песчаномъ.

Сдвинувъ съ песчанаго брега корабль на глубо-
кое море,

Мачту они утвердили на немъ, всѣ уладили сна-
сти,

Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя
весла,

Должнымъ порядкомъ потомъ паруса натянули.

Когда же

Смѣлые слуги съ оружіемъ ихъ собралися, всѣ
вмѣстѣ,

Сѣвъ на корабль и его отведя на открытое 785
взморье,

Ужинать стали они въ ожиданьи пришествія ночи.

Той порою въ високомъ покоѣ своемъ Пенелона

Грустно лежала одна, ни ѣды, ни питья не вку-
шавши,

Мыслью о томъ лишь тревожась, спасется ли
сынъ безпорочный,

790 Или погибнетъ, сраженный рукою убійцъ въро-
ломныхъ ?

Словно какъ левъ, окружаемый мало помалу
стрѣлками,

Съ трепетомъ видитъ, что скоро ихъ цѣпью онъ
будетъ обхваченъ,

Такъ отъ своихъ размышленій она трепетала.

Но мирный

Сонъ прилетѣлъ, и ее улеплялъ, и всё въ ней у-
тихло.

795 Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклон-
ной Палладѣ :

Призракъ она сотворила, имѣвшій наружность
прекрасной

Дочери старца Икарія, свѣтлой Ифтимы, съ ко-
торой

Царь Фессалійскія Феры, могучій Эвмелъ соче-
тался.

Въ домъ Одиссеевъ послала тотъ призракъ А-
фина, дабы онъ

800 Тамъ, подошедъ къ погруженной въ печаль Пе-
нелопъ, ей слезы

Легкой рукою отеръ и ея утолилъ сокрушенье.

Въ спальню проникнулъ, ремня у задвижки не
тронувъ, безплотный

Призракъ, подкрался и, ставъ надъ ея головою,
промолвилъ :

Спишь ли, сестра Пенелопа? Тоскуеть ли ми-
лое сердце ?

Боги, живущіе легкою жизнью, тебѣ запрещаютъ 805

Плакать и сътовать: твой Телемакъ невредимъ
возвратится,

Скоро къ тебѣ; онъ боговъ ни какой не про-
гнѣвалъ виною.

Мнимой сестрѣ Пенелопа разумная такъ отвѣ-
чала,

Полная сладкой дремоты въ безмолвныхъ вра-
тахъ сновидѣній:

Другъ мой, сестра, какъ пришла ты сюда? Ты 810
донынѣ такъ рѣдко

Насъ посѣщала, въ далекомъ отсюда краю оби-
тая.

Какъ же ты хочешь, чтобъ я перестала скорбѣть
и крушиться,

Горе, объявшее духъ мой и сердце мое, поза-
бывши?

Прежде погибъ мой супругъ, одаренный могу-
ществомъ львинымъ,

Всякой высокою доблестью въ сонмѣ Данаевъ 815
отличный,

Столь преисполнившій славой своей и Элладу и
Аргось;

Нынѣ жъ и милый мой сынъ не со мной: онъ
отважился въ море,

Отрокъ, нужды не видавшій, съ людьми говорить
не обыкшій.

Боль о немъ я крушуся теперь, чѣмъ о бѣдномъ
супругѣ;

820 Сердце дрожитъ за него, чтобъ бѣды съ нимъ
какой не случилось

На морь зломъ иль въ чужой сторонь у чу-
жаго народа?

Здѣсь же враждебные люди его стерегутъ, при-
готовивъ

Въ мысляхъ погибель ему на возвратной дорогѣ
въ отчизну.

Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошеп-
таль Пенелопь:

825 Будь же спокойна и сердца не мучь, безразсуд-
но тревожась.

Спутница есть у него и такая, которой бы вся-
кой

Смертный съ надеждою ввѣрилъ себя — для
нея все возможно —

Дочь громовержца Аѳина сама. О тебѣ сожа-
ля,

Доброю вѣстью твой духъ ободрить мнѣ вельла
богиня.

830 Мнимой сестрѣ Пенелона разумная такъ отвѣ-
чала:

Если ты вправду богиня и слышала голось бо-
гини,

То, умоляю, открой и его мнѣ печальную участь.

Гдѣ онъ, злосчастный? Еще ли онъ видитъ сія-
ніе солнца?

Или его ужъ не стало и въ область Аида сошелъ
онъ?

Темный призракъ, отвѣтствуя, такъ прошепталъ 835

Пенелопь :

Я ничего не могу объявить о судьбѣ Одиссея ;

Живъ ли, погибъ ли, сказать мнѣ нельзя ; пу-
сторѣчіе вредно.

Призракъ тогда, сквозь замочную скважину две-
ри провъявъ

Воздухомъ легкимъ, пропаль. Пробудяся отъ
сна, Пенелопа

Ложе покинула ; сердцемъ она ожила, поелику 840

Явно въ глубокую полночь предсталъ ей проро-
чeskій образъ.

Тою порой женихи въ корабль водяною доро-
гой

Шли, неизбежную мысленно смерть Телемаку
готовя.

Есть на равнинѣ соленого моря утесистый ос-
тровъ

Между Итакой и Замомъ гористымъ ; его име- 845
нуютъ

Астеромъ ; онъ невеликъ ; корабли тамъ приют-
ная пристань

Съ двухъ береговъ принимаетъ. Тамъ стали
на стражъ Ахейцы.

СОДЕРЖАНИЕ ПЯТОЙ ПЕСНИ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ ПѢСНИ.

Седьмой день до конца тридцать перваго.

Совѣтъ боговъ. Они посылають Эрмія къ нимфѣ Калипсо съ повелѣніемъ отпустить немедленно Одиссея. Калипсо даетъ Одиссею орудія нужныя для постройки плота. Въ четыре дня судно готово, и на пятый день Одиссей пускается въ путь, получивъ отъ Калипсы все нужное на дорогу. Семнадцать дней плаваніе продолжается благополучно. На осьмнадцатый Посидонъ, возвращаясь отъ Эвѣоновъ, узнаетъ въ морѣ Одиссея, ильвущаго на легкомъ плоту своемъ; онъ посылаетъ бурю, которая разрушаетъ плотъ; но Одиссей получаетъ отъ Левкотеи покрывало, которое спасаетъ его отъ потопленія; цѣлые три дня несутъ его бурныя волны; наконецъ ввечеру третьяго дня онъ выходитъ на берегъ Феакійскаго острова Схеріи.

Зось, покинувши рано Титона прекраснаго ложе,

На небо вышла сіять для блаженныхъ боговъ и
для смертныхъ.

Боги тогда собрались на великій совѣтъ; пред-
сѣдалъ имъ

Въ тучахъ гремящій Зевесъ, всемогущею вла-
стію первый.

Стала Аѳина рассказывать имъ о бѣдахъ Одис- 5
сея,

Въ сердць тревожася долгой неволей его у Ка-
липы :

Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣч-
ные боги,

Кроткимъ, благимъ и привѣтливимъ быть ужъ
теперь ни единый

Царь скипетроносный не долженъ, но, правду изъ
сердца изгнавши,

- 10 Каждый пускай притѣсняетъ людей, беззакон-
ствуя смѣло —
Если могли вы забыть Одиссея, который былъ
добрымъ,
Мудрымъ царемъ и народъ свой любилъ, какъ
отецъ благодушный ;
Брошенный бурей на островъ, онъ горе великое
терпитъ
Въ свѣтломъ жилищѣ могучей богини Калипсы,
насилъно
- 15 Имъ овладѣвшей; и путь для него уничтоженъ
возвратный :
Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ кото-
рыми могъ бы
Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго
моря.
Нынѣ жъ враги и младаго хотятъ умертвить
Телемака,
Въ морь внезапно напавъ на него : о родитель
свѣдать
- 20 Поплылъ онъ въ Пилосъ божественный, въ царст-
венный градъ Лакедемонъ.
Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ собиратель
Кроніонъ :
Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя из-
летѣло.
Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила своимъ, что
погубить
Нѣкогда всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одиссей?
Телемака жъ

Ты проводи осторожно сама — то конечно ты можешь ; 25

Пусть невредимо онъ въ милую землю отцевъ
возвратится ;

Пусть и они, не свершивъ злодѣянья, придутъ
въ Итаку.

Такъ отвѣчавъ, обратился онъ къ Эрмію, мило-
му сыну :

Эрмію, нашъ вѣстникъ заботливый, нимфѣ пре-
краснокудрявой

Нынѣ лети объявить отъ боговъ, что отчизну увидѣть 30

Срокъ наступилъ Одиссею, въ бѣдахъ постоян-
ному ; путь свой

Онъ совершитъ безъ участія свыше, безъ по-
мощи смертныхъ ;

Моремъ, на крѣпкомъ плоту, повстрѣчавши опас-
наго много,

Въ день двадцатый достигнетъ онъ берега Схе-
ріи тучной,

Гдѣ обитаютъ родные богамъ Феакійцы ; и бу- 35
детъ

Ими ему, какъ безсмертному богу, оказана по-
честь :

Въ милую землю отцевъ съ кораблемъ ихъ от-
плывъ, онъ въ подарокъ

Мѣди и злата и разныхъ одеждъ драгоценныхъ
получитъ

Много, столь много, что даже изъ Трои подобной
добычи

40 Онъ не привезъ бы, когда бъ безпрепятственно
могъ возвратиться.

Такъ напоследокъ по волю судьбы онъ возлю-
бленныхъ ближнихъ,
Землю отцевъ и богато украшенный домъ свой
увидитъ.

Кончилъ. И медлить не сталъ благовѣстникъ,
Аргусоубійца.

Къ свѣтлымъ ногамъ привязавши свои золотыя
подошвы,

45 Амврозіальныя, всюду его надъ водой и надъ
твердымъ

Дономъ земли безпредельныя легкимъ носящія
ветромъ,

Взялъ онъ и жезлъ свой, по волю его наводящій
на бодрыхъ

Сонъ, отверзающій сномъ затворенныя очи у
спящихъ.

Въ путь устремился съ жезломъ многосильный
убійца Аргуса.

50 Скоро, достигнувъ Піеріи, къ морю съ зеира
слетѣлъ онъ;

Быстро помчался потомъ по волнамъ рыболо-
вомъ крылатымъ,

Жадно хватающимъ рыбъ изъ отверзстаго бу-
рею пѣдра

Бездны безплодносоленой, купая въ ней сильныя
крылья.

Легкою птицей морской пролетѣвъ надъ пучиною,
Эрмій

Острова, моремъ вдали сокровеннаго, скоро до- 55
стигнулъ.

Съ зыби широкотуманной на твердую землю
поднявшись,

Берегомъ къ темному гроту пошелъ онъ, гдѣ
светлокудрявой

Нимфы обитель была, и ее самое тамъ увидѣлъ.

Пламень трескучій сверкалъ на ея очагъ и весь
островъ

Былъ накурень благовоиємъ кедра и дерева 60
жизни,

Ярко пылавшихъ. И голосомъ звонкопріятнымъ
богиня

Пѣла, сидя съ челнокомъ золотымъ за узорною
тканью.

Густо разросшись, отсюду пещеру ея окружали

Тополн, ольхи и сладкій ліющіе духъ кинарисы;

Въ лиственныхъ сѣняхъ гнѣздились тамъ длинно- 65
крылыя птицы,

Кончики, совы, морскія вороны крикливыя, шум-
ной

Стаей по взморью ходящія, пищи себѣ добывая;

Сътью зеленою стѣны глубокаго грота окинувъ,

Росъ виноградъ и на вѣтвяхъ тяжелые грозды
висѣли;

- 70 Свѣтлой струею четыре источника рядомъ бѣ-
жали
Близко одинъ отъ другаго, туда и сюда изви-
ваясь ;
Вкругъ зеленѣли густые луга, и фіалокъ и зла-
ковъ
Полные сочныхъ. Когда бы въ то мѣсто за-
шелъ и безсмертный
Богъ — изумился бѣ и радость въ его бы про-
никнула сердце.
- 75 Былъ изумленъ и боговъ благовѣстникъ, сра-
зитель Аргуса ;
Но, посмотрѣвши на все съ изумленьемъ и ра-
достью сердца,
Въ гротъ онъ глубокій вступилъ напоследокъ ;
и съ перваго взгляда
Нимфа, богиня богинь, догадавшись, гостя узнала
(Быть незнакомы другъ другу не могутъ без-
смертные боги,
80 Даже, когда бѣ и великое ихъ разлучало про-
странство).
Но Одиссея, могучаго мужа, тамъ Эрмій не
встрѣтилъ ;
Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ и пла-
калъ ;
Горемъ и вздохами душу питая, тамъ дни про-
водилъ онъ,
Взоръ, помраченный слезами, вперивъ на пу-
стынное море.

Ермія състь приглася на богато украшенныхъ 85
креслахъ,

Нимфа, богиня богинь, у него съ любопытствомъ
спросила :

Эрмій, носитель жезла золотого, почтенный и
милый

Гость мой, зачѣмъ прилетѣлъ? У меня никогда
не бывалъ ты

Прежде; скажи же, чего ты желаешь? Охотно
исполню,

Если исполнить возможно и если властна я ис- 90
полнить.

Прежде однако ты долженъ принять отъ меня
угощенье.

Съ сими словами богиня, поставивши столъ пе-
редъ гостемъ,

Съ сладкой амврозіей нектаръ ему подала пур-
пуровый.

Пищи охотно вкусилъ благовѣстникъ, убійца
Аргуса.

Душу довольно свою насладивши божественной 95
пищей,

Словомъ такимъ онъ отъѣтствовалъ нимфѣ пре-
краснокудрявой :

Знать отъ меня ты — отъ бога богиня — же-
лаешь, зачѣмъ я

Здѣсь? Объявлю все поистинѣ, волю твою ис-
полняя.

Посланъ Зевесомъ, не самъ произвольно сюда
прилетѣлъ я —

- 100 Кто произвольно захочетъ измѣрить бесплод-
наго моря
Степь несказанную, гдѣ не увидишь жилищъ че-
ловѣка,
Жертвами чтущаго насъ, приносящаго намъ эка-
томбы?
Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣеть
Между боговъ ни одинъ отъ себя отклонить,
ни нарушить.
- 105 Вѣдомо Дію, что скрытъ у тебя злополучнѣй-
шій самый
Мужъ изъ мужей, передъ градомъ Пріама сра-
жавшихся девять
Лѣтъ, на десятый же, градъ ниспровергнувъ,
отплывшихъ въ отчизну;
Но при отплытіи дерзко они раздражили Аѳину:
Бури послала на нихъ и великія волны богиня.
- 110 Онъ же, спутниковъ вѣрныхъ своихъ потерявъ,
напоследокъ,
Схваченный бурей, сюда былъ волнами великими
брошенъ.
Требуютъ боги, чтобъ былъ онъ немедля тобою
отосланъ;
Ибо ему не судьба умереть далеко отъ отчизны;
Воля напротивъ судьбы, чтобъ возлюбленныхъ
ближнихъ, родную

Землю и свѣтлоустроенный домъ свой опять онъ 115
увидѣлъ.

Такъ онъ сказалъ ей. Калипсо, богиня богишь,
содрогнувшись,

Голосъ возвысила свой и крылатое бросила
слово :

Боги ревнивые, сколь вы безжалостно къ намъ
непреклонны!

Васъ раздражаетъ, когда мы, богини, пріемлемъ
на ложе

Смертнаго мужа и намъ онъ становится милымъ 120
супругомъ.

Такъ Оріонъ свѣтоносною Эосъ былъ некогда
избранъ ;

Гнали его вы, живущіе легкою жизнію боги,

Гнали до тѣхъ поръ, пока златотронныя онъ
Артемиды

Тихой стрѣлою въ Ортигій не былъ внезапно
застрѣленъ.

Такъ Язіонъ былъ прекраснокудрявой Димитрою 125
избранъ ;

Сердцемъ его возлюбя, раздѣлила съ нимъ ло-
же богиня

На полъ, три раза вспаханномъ ; скоро о томъ
извѣщенъ былъ

Зевсъ и его умертвилъ онъ, низринувши пла-
менный громъ свой.

Нынѣ и я васъ прогнѣвала, боги, давъ смерт-
ному мужу

130 Помощь, когда, обхвативъ корабельную доску,
 въ волнахъ онъ

Гибнулъ — корабль же его быстроходный былъ
 пламеннымъ громомъ

Зевса разбить посреди безпредельнопустыннаго
 моря :

Такъ онъ, спутниковъ вѣрныхъ своихъ поте-
 рявъ, напоследекъ,

Схваченный бурей, сюда былъ волнами велики-
 ми брошенъ.

135 Здѣсь пріютивши его и заботясь о немъ, я хо-
 тѣла

Милому дать и безсмертье и вѣчноцвѣтущую мла-
 дость.

Но повелѣній Зевеса эгидодержавца не смѣетъ

Между боговъ ни одинъ откланить отъ себя, ни
 нарушить ;

Пусть онъ — когда ужъ того такъ упорно же-
 лаетъ Крононъ —

140 Морю невѣрному снова предастся ; помочь я
 не въ силахъ ;

Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ, съ ко-
 торыми могъ бы

Онъ безопасно пройти по хребту многоводнаго
 моря.

Дать лишь советъ осторожный властна я, дабы
 онъ отсюда

Могъ безпрепятственно въ милую землю отцевъ
 возвратиться.

Ей отвѣчая, сказала благовѣстникъ, убійца Ар- 145
гуса:

Волю Зевеса уваживъ, немедля его отошли ты,

Или, боговъ раздраживъ, на себя навлечешь на-
казанье.

Такъ отвѣчавъ, удалился безсмертныхъ крыла-
тый посланникъ.

Свѣтлая нимфа пошла къ Одиссею могучему му-
жу,

Волю Зевеса принявши изъ устъ благовѣстнаго 150
бога.

Онъ одиноко сидѣлъ на утесистомъ брегѣ, и
очи

Были въ слезахъ; утекала медлительно капля
за каплей

Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по от-
чизнѣ; и, хладный

Сердцемъ къ богинѣ, съ ней ночи свои онъ дѣ-
лилъ принужденно

Въ гротъ глубокомъ, желавью ея непокорный 155
желаньемъ.

Дни же свои проводилъ онъ, сидя на прибреж-
номъ утесѣ,

Горемъ и плачемъ и вздохами душу питая, и
очи,

Полная слезъ, обративъ на пустыню безплоднаго
моря.

Близко къ нему подошедши, сказала могучая
нимфа:

- 160 Слезы отри, злопелучный, и боль не трать въ
сокрушеньи
Сладостной жизни: тебя отпустить благосклон-
но хочу я.
Бревень большихъ нарубивъ тоноромъ медно-
острымъ и въ крѣпкій
Плоть ихъ связавъ, по краямъ утверди ты пе-
рилы на толстыхъ
Бруссяхъ, чтобъ по морю темному плыть безо-
паснѣе было.
- 165 Хлѣбомъ, водой и виномъ пурпуровымъ снабжу
изобильно
Я на дорогу тебя, чтобъ и голодь и жажду лег-
ко ты
Могъ утолять; и одежды я дамъ; и пошлю за
тобою
Вѣтеръ попутный, чтобъ милой отчизны своей
ты достигнулъ,
Если угодно богамъ, безпредельнаго неба вла-
дыкамъ —
- 170 Мнѣ же ни разумомъ съ ними ни властью рав-
няться не можно.
Такъ говорила она. Одиссей, постоянный въ бѣ-
дахъ, содрогнулся;
Голосъ возвысивъ, онъ бросилъ богинѣ крыла-
тое слово:
Въ мысляхъ твоихъ не отъѣздъ мой, а нѣчто
иное, богиня;
Какъ же могу переплыть на плоту я широкую
бездну

Страшнаго, бурнаго моря, когда и корабль бы- 175
строходный

Рѣдко по ней пробѣгаетъ съ Зевесовымъ въ-
тромъ попутнымъ?

Нѣтъ! противъ воли твоей не взойду я на плоть
ненадежный

Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ
великой

Клятвы, что мнѣ ни какого вреда не замыслила
нынѣ.

Такъ говорилъ онъ. Калипсо, богиня богинь, у- 180
лыбнулась;

Щеки ему потрепавши рукою, она отвѣчала:

Правду сказать, ты хитрецъ, и чрезмерно твой
умъ остороженъ;

Странное слово однако, отвѣтствуя мнѣ, произ-
несъ ты.

Но я клянусь и землей плодоносной и небомъ
великимъ,

Стикса подземной водою клянусь, ненарушимой, 185
страшной

Клятвой, которой и боги не могутъ изречь безъ
боязни,

Въ томъ, что тебѣ ни какого вреда не замыслила
нынѣ.

Нѣтъ, я совѣтую то, что сама для себя избрала
бы,

Если бъ въ такомъ же была, какъ и ты, за-
трудненъи великомъ;

190 Правда святая и мнѣ дорога; не желѣзное, вѣрь
мнѣ,

Бьется въ груди у меня, а горячее, нѣжное
сердце.

Кончивъ, богиня богинь впереди Одиссея по-
сѣвшимъ

Шагомъ пошла, и поспѣшно пошелъ Одиссей за
богиней.

Съ нею (съ безсмертною смертный) достиг-
нувъ глубокаго грота,

195 Сълъ Одиссей на богатыхъ, оставленныхъ Эр-
міемъ, креслахъ.

Нимфа Калипсо, ему для ѣды и питья предло-
живши

Пищи различной, какою всегда насыщаются люди,

Мѣсто напротивъ его заняла за трапезой; ра-
быни

Ей благовоной амврозіи подали съ нектаромъ
сладкимъ.

200 Подняли руки они къ приготовленной лакомою
пищѣ:

Послѣ жъ, когда утолень былъ ихъ голодъ пи-
тьемъ и ѣдою,

Нимфа Калипсо, богиня богинь, Одиссею ска-
зала:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей
благородный,

Въ милую землю отцевъ наконецъ предпріавъ
возвратиться,

Хочешь немедля меня ты покинуть — прости! 205
но когда бы
Сердцемъ предчувствовать могъ ты, какія судьба
назначаетъ
Злая тревоги тебѣ испытать до прибытія въ
домъ свой,
Ты бы остался со мною въ моемъ безмятеж-
номъ жилищѣ.
Былъ бы тогда ты безсмертенъ. Но сердцемъ
ты жаждешь свиданья
Съ вѣрною супругой, о ней ежечасно крушась и 210
печалась.
Думаю только, что я ни лица красотою, ни строй-
нымъ
Станомъ не хуже ея; да и могутъ ли смертныя
жены
Съ нами богинями спорить своею земной красо-
тою?
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одиссей мно-
гоумный:
Выслушай, свѣтлая нимфа, безъ гнѣва меня; я 215
довольно
Знаю и самъ, что не можно съ тобой Пенелопъ
разумной,
Смертной жень съ вѣчноюной безсмертной боги-
ней, ни стройнымъ
Станомъ своимъ, ни лица своею красотою рав-
няться;
Все я однако, всечасно крушась и печалась, же-
лаю

- 220 Домъ свой увидѣть и садостный день возвра-
щенія встрѣтить,
Если же кто изъ боговъ мнѣ пошлетъ потопле-
нiе въ темной
Безднѣ, я выдержу то отвердѣлю въ бѣдствiяхъ
грудью :
- Мною встрѣчалъ я напастей, немало трудовъ пе-
ренесъ я
Въ морь и битвахъ, пусть будетъ и нынѣ со-
мною, что угодно
- 225 Дiю. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ солнце за-
шло и ночная
Тма наступила. Во внутренность грота они уда-
лившись,
Тамъ насладились любовью, всю ночь проведя
неразлучно.
- Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось ;
Всталъ Одиссей и поспѣшно облекся въ хитонъ
и хламиду.
- 230 Светлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя
ткани
Плечи одѣла богиня свои, золотымъ драгоцен-
нымъ
Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы
опустила.
- Кончивъ, она собирать начала Одиссея въ до-
рогу ;
Выбрала прежде топоръ, по рукъ ему сдѣлан-
ный, крѣпкій,

Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ изощренный, насá- 235
женный плотно,
Съ ловкой, красиво изъ твердой оливы сработан-
ной ручкой;
Острую скобель потомъ принесла и пошла съ
Одиссеемъ
Вмѣстѣ во внутренность острова: множество
тамъ находилось
Тополей черныхъ и ольхъ и высокихъ, дооблач-
ныхъ сосенъ,
Старыхъ, изсохшихъ на солнечномъ зноѣ, для 240
плаванья легкихъ.
Мѣсто ему показавъ, гдѣ была та великая роща,
Въ гротъ свой глубокій Калипсо, богиня богинь,
возвратилась.
Началъ рубить онъ деревья и скоро окончилъ ра-
боту;
Двадцать онъ бревенъ срубилъ, ихъ очистилъ,
ихъ острою мѣдью
Выскоблилъ гладко, потомъ уравниалъ, по шнуру 245
обтесавши.
Тою порою Калипсо къ нему съ буравомъ воз-
вратилась.
Началъ буравить онъ брусья и, всѣ пробуравивъ,
сплотилъ ихъ,
Длинными болтами сшивъ и большими просунувъ
шипами;
Дно жъ на плоту онъ такое широкое сдѣлалъ,
какое

- 259 Мужъ, въ корабельномъ художествѣ опытный,
 строить на прочномъ
 Суднѣ, посящемъ товары купцевъ по морамъ
 безпредельнымъ.
 Плотными брусьями крѣнкія ребра связавъ, на-
 послѣдокъ
 Въ гладкую палубу сбиль онъ дубовыя толстыя
 доски,
 Мачту поставилъ, на ней утвердилъ поперечную
 райну,
- 255 Сдѣлалъ кормило, дабы управлять поворотами
 судна,
 Плоть окружилъ для защиты отъ моря плет-
 немъ изъ раkitныхъ
 Сучьевъ, на дно же различнаго груза для тяжести
 бросилъ.
 Тою порою Калипсо, богиня богинь, парусины
 Крѣнкой ему принесла. И, устроивши парусъ
 (къ нему же
- 260 Всъ, чтобъ его развѣвать и свивать прикрѣпивши
 веревки),
 Онъ рычагами могучими сдвинулъ свой плотъ на
 священное море.
 День совершился четвертый, когда онъ окончилъ
 работу.
 Въ пятый его снарядила въ дорогу богиня Ка-
 липсо.
 Баней его освѣживъ и душистой облекши оде-
 ждой,

Нимфа три мѣха на плоть принесла: былъ одинъ 265
драгоцѣннымъ

Полонъ вапиткемъ, другой ключевою водою, а
третій

Хлѣбомъ, дорожнымъ запасомъ и разною лако-
мой пищей.

Кончивъ, она призвала благовѣющій вѣтеръ по-
путный.

Радостно парусъ наврягъ Одиссей и, попутно-
му вѣтру

Ввѣрившись, поплылъ. Сидя на кормѣ и могу- 270
чей рукою

Руль обращая, онъ бодрствовалъ; сонъ на его
не спускался

Очи, и ихъ не сводилъ онъ съ Плеядъ, съ нисхо-
дящаго поздно

Въ море Воота, съ Медвѣдицы, въ людяхъ еще
Колесницы

Имя носящей и близъ Оріона свершающей ввѣчно

Кругъ свой, себя никогда не куная въ водахъ 275
океана.

Съ нею богиня богинь повѣляла ему неусыпно

Путь соглашать свой, ее оставляя по лѣвую руку.

Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ
пустился онъ въ море;

Вдругъ на осьмнадцатый видимы стали вдали
надъ водами

280 Горы тѣнистой земли Феакіянъ, уже не далекой:

Чернымъ щитомъ на туманистомъ морѣ она про-
стиралась.

Въ это мгновенье земли колебатель могучій, по-
кинувъ

Край Эѳіопянъ, съ далекихъ Солимскихъ высотъ
Одиссея

Въ морѣ увидѣлъ: его онъ узналъ; въ немъ
разгнѣвалось сердце;

285 Страшно лазурнокудрявой тряхнувъ головой, онъ
воскликнулъ:

Дерзкій! неужели боги, пока я въ землѣ Эѳіо-
пянъ

Праздноваль, мнѣ вопреки, согласились помочь
Одиссею?

Чуть не достигъ онъ земли Феакіянъ, гдѣ встрѣ-
титъ напастей,

Свыше ему предназначенныхъ, долженъ конецъ;
но еще я

290 Вдоволь успѣю его, ненавистнаго, горемъ насы-
тить.

Такъ онъ сказалъ и, великія тучи поднявши,
трезубцемъ

Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду
прикликавъ

Вѣтры противные; облако темное вдругъ обло-
жило

Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла
ночь.

Разомъ и Эвръ и полуденный Нотъ и Зефиръ и 295
могучій,

Свѣтлымъ рожденный Эѳиромъ, Борей взволно-
вали пучину.

Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна
и сердце.

Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому
сердцу:

Горе мнѣ! что претерпѣть наконецъ мнѣ назна-
чило небо!

Съ трепетомъ вижу теперь, что богиня богинь 300
не ошиблась,

Мнѣ предсказавъ, что, пока не достигну отчиз-
ны, я въ моръ

Встрѣчу напасти великія: все исполняется нынѣ.

Страшными тучами вокругъ обложилъ безпредель-
ное небо

Зевсъ, и взбуровилъ онъ море, и бурю воз-
двигъ, отовсюду

Вѣтры противные скликавъ. Погибель моя на- 305
ступила.

О! троекратно, стократно счастливы Данаи, въ
пространной

Троѣ нашедшіе смерть, угождая Атридамъ! И
лучше бѣ

Было, когда бѣ я погибъ и судьбу неизбѣжную
встрѣтилъ

Въ день тотъ, какъ множество мѣдноокованныхъ
копій Трояне

- 310 Бросили разомъ въ меня надъ бездыханнымъ
 тѣломъ Пелида;
 Съ честью бѣ я былъ погребенъ и была бѣ отъ
 Ахеянъ мнѣ слава;
 Нынѣ жѣ судьба мнѣ безславно — печальную смерть
 посылаетъ
 Въ это мгновенье большая волна поднялась и
 расшиблась
 Вся надъ его головою; стремительно плоть за-
 кружился;
- 315 Схваченный съ палубы въ море упалъ онъ стрем-
 главъ, упустивши
 Руль изъ руки; повалилася мачта, сломясь подъ
 тяжелымъ
 Вѣтровъ противныхъ, слетѣвшихся другъ про-
 тивъ друга, ударомъ;
 Въ море далеко снесло и развившійся парусъ и
 раину.
- Долго его глубина поглощала, и силъ не имѣлъ
 онъ
- 320 Выбиться къверху, давимый напоромъ волны
 и стѣсненный
 Платьемъ, богиней Калипсою даннымъ ему на
 прощаньи.
 Вынырнулъ онъ напоследокъ, изъ устъ извергая
 морскую
 Горькую воду, съ его бороды и кудрей изо-
 бильнымъ
 Токомъ бѣжавшую; въ этой тревогѣ однако онъ
 вспомнилъ

- 340 Въ сердце разгнѣванъ своемъ и съ тобой такъ
упорно враждуетъ?
Вовсе однако тебя не погубить онъ, сколь бы
ни тщился.
Самъ на себя положиися теперь (ты, я вижу, разумень);
Скинувши эту одежду, свой плоть уступи про-
изволу
Ветровъ и, бросившись въ волны, руками рабо-
тая смѣло,
- 345 Вплавъ до земли Феакіянъ достигни: тамъ встрѣ-
тишь спасенье.
Дамъ покрывало тебѣ чудотворное; имъ ты
одѣнешь
Грудь и тогда не страшися ни бѣдъ, ни въ вол-
нахъ потопленья.
Но, лишь окончишь свой путь и къ землѣ при-
коснешься рукою,
Снявъ покрывало, немедля его въ многоводное
море
- 350 Брось отъ земли далеко и, глаза отвративъ,
удался.
Кончивъ, богиня ему подала съ головы покры-
вало.
Послѣ, спорхнувъ на шумящее море, она уле-
тѣла
Быстрокрылатымъ ныркомъ, и ее глубина по-
глотила.
Началь тогда про себя размышлять Одиссей бо-
горавный;

Скорбью объятый, сказалъ своему онъ велико- 355
му сеѣдцу:

Горе! не повую ль хитрость замысливъ, желаетъ
богиня

Гибель навлечь на меня, мнѣ совѣтуя плоть мой
оставить.

Нѣтъ, я того не исполню; неблизокъ еще, я при-
мѣтилъ,

Берегъ земли, гдѣ, сказала она, мнѣ спасеніе
будеть.

Ждать я намѣренъ по тѣхъ поръ, покуда еще 360
невредимо

Судно мое и шипами надежными связаны брусья;

Съ бурей сражаясь, по тѣхъ поръ съ него не
сойду я.

Но, какъ скоро волненъе могучее плоть мой раз-
рушить,

Брошуся вплавъ: я инаго теперь не придумаю
средства.

Тою порою, какъ онъ колебался разсудкомъ и 370
сердцемъ,

Поднялъ изъ бездны волнѹ Посидонъ, потрясаю-
щій землю,

Страшную, тяжкую, гороогромную; сильно онъ
грянулъ

Ею въ него: какъ отъ быстрого вихря сухая
солома,

Кучей лежавшая, вся разлетается, вдругъ разо-
рвавшись,

- 370 Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одииссеемъ,
Одииссеемъ
Пойманный, былъ имъ, какъ конь, убѣжавшій на
волю, осьдланъ.
Снявъ на прощаньи богиней Калипсою данное
платье,
Грудь онъ немедля свою покрываломъ одѣлъ чу-
дотворнымъ.
Руки простерши и плыть изготовясь, потомъ
онъ отважно
- 375 Кинулся въ волны. Могучій земли колебатель
при этомъ
Видъ лазурнокудрявой тряхнулъ головой и вос-
кликнулъ :
По морю бурному плавай теперь на свободу, по-
куда
Люди, любезные Зевсу, тебя благосклонно не
примуть ;
Будеть съ тебя! не останешься, думаю, мной
недоволенъ.
- 380 Такъ онъ сказавши, погналъ длинногривыхъ
коней и умчался
Въ Эгію, гдѣ обиталъ въ свѣтлозданныхъ, высо-
кихъ чертогахъ.
Добрая мысль пробудилась тогда въ благосклон-
ной Цалладъ :
Вѣтрамъ другимъ заградивши дорогу, она по-
велѣла
Имъ, успокоясь, умолкнуть; позволила только
Борею

Бурно свирѣпствовать: волны жъ сама укро- 385
щала, чтобъ въ землю
Веслолюбивыхъ, угодныхъ богамъ Феакіянъ до-
стигнуть
Могъ Одиссей благородный, и смерти и Паркъ
избѣжавши.
Такъ онъ два дня и двѣ ночи носимъ былъ по-
всюду шумящимъ
Моремъ и гибель не разъ неизбежной казалась;
когда же
Съ третьимъ явилася днемъ лучезарно кудрявая 390
Эосъ,
Вдругъ успокоилась буря и на моръ все просвѣ-
тлѣло
Въ тихомъ безвѣтріи. Поднятый къ верху вол-
ной и взглянувши
Быстро впередъ, невдали предъ собою увидѣлъ
онъ землю.
Сколь несказанною радостью дѣтямъ бываетъ
спасенье
Жизни отца, пораженнаго тяжкимъ недугомъ, 395
всѣ силы
Въ немъ истребившимъ (понеже злой демонъ
къ нему прикоснулся),
Послѣ жъ на радость имъ всѣмъ изцѣленнаго
волей безсмертныхъ —
Столь Одиссей былъ обрадованъ брега и лѣса
явленьемъ.
Поплылъ быстрѣй онъ, ступить торопяся на твер-
дую землю.

- 400 Но, отъ нея на такомъ разстояннн, въ какомъ
 человекій
 Внятенъ намъ голосъ, онъ шумъ буруновъ межъ
 скалами слышалъ;
 Волны кипѣли и выли, свирѣпо на берегъ вы-
 сокій
 Съ моря бросааясь, и весь онъ былъ облитъ со-
 леною пѣной;
 Не было пристани тамъ, ни залива, ни мелкаго
 мѣста;
- 405 Вкрутъ берега подымались; торчали утесы и
 рифы.
 Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали колѣна
 и сердце;
 Скорбью объятый, сказалъ своему онъ велико-
 му сердцу:
 Горе! на что мнѣ дозволилъ увидѣть неждан-
 ную землю
 Зевсъ? И зачѣмъ до нея, пересиливши море,
 достигъ я?
- 410 Къ острову съ моря, я вижу, вездѣ невозмо-
 женъ мнѣ доступъ;
 Острые рифы повсюду; кругомъ расшибаяся
 плещутъ
 Волны и гладкой стѣной воздвигается берегъ
 высокій;
 Море жъ вблизи глубоко и нѣтъ мѣста, гдѣ
 было бъ возможно
 Твердой ногой опереться, чтобъ гибели вѣрной
 избѣгнуть.

Если пристать попытаюсь, то буду могучею 415
волной
Схваченъ и брошенъ на камни зубчатые, тщет-
но истративъ
Силы; а если кругомъ поплыву, чтобъ узнать,
не найдется ль
Гдѣ нибудь берегъ отлогій иль пристань, стра-
шуся, чтобъ снова
Бурей морскою я не былъ похищенъ, чтобъ
рыбообильнымъ
Моремъ меня, вснѣющаго жалобно, вдаль не у- 420
мчало,
Или чтобъ демонъ враждебный какого изъ чудъ,
Амфитритой
Въ морь питаемыхъ, мнѣ на погибель не вы-
слалъ изъ бездны:
Знаю, какъ злобствуетъ противъ меня Посидонъ
земледержецъ.
Тою порой, какъ разсудкомъ и сердцемъ онъ
такъ колебался,
Быстрой волною помчало его на утесистый бе- 425
регъ;
Тѣло бѣ его изорвалось и кости бѣ его сокру-
шились,
Если бѣ онъ вѣвремя свѣтлой богиней Аѳиной
наставленъ
Не былъ руками за ближній схатиться утесъ; и
къ нему прицѣпившись,
Ждалъ онъ, со стопомъ на камень вися, чтобъ
волна пробѣжала

430 Мимо; она пробѣжала, но вдругъ, отразась, на
возвратъ

Сшибла съ утеса его и отбросила въ темное
море.

Если полпа изъ ложа вътвистаго силою вы-
рвешь,

Множество крушинокъ камня къ его прильпается
ножкамъ :

Къ рѣзкому такъ прильпилась утесу лоскутьями
кожа

435 Рукъ Одиссеевыхъ; вдругъ поглощенный волною
великой,

Въ безднѣ соленой, судьбѣ вопреки, неизбежно
бъ погибъ онъ,

Если бѣ отважности въ душу его не вложила
Аѳина.

Вынырнувъ въ бокъ изъ волны, устремившейся
прянуть на камни,

Поплылъ онъ въ сторону, взоромъ преслѣдуя
землю и тщася

440 Гдѣ нибудь берегъ отлогій или мелкое мѣсто
примѣтить.

Вдругъ онъ увидѣлъ себя передъ устьемъ рѣки
свѣтловодной.

Самымъ удобнымъ то мѣсто ему показалось: тамъ
острыхъ

Не было камней, тамъ всюду отъ вѣтровъ явля-
лась защита.

Къ мощному богу рѣки онъ тогда обратился съ
молитвой :

Кто бы ты ни былъ, могучій, къ тебѣ, столь 445
желанному, нынѣ

Я прибѣгаю, спасаясь отъ грозъ Посидонова
моря.

Вѣчные боги всегда благосклонно внимаютъ мо-
литвамъ

Бѣднаго странника, кто бы онъ ни былъ, когда
онъ подобенъ

Мнѣ, твой потокъ и колѣна объявшему, много
великихъ

Бѣдъ претерпѣвшему; сжаляся, могучій, подай 450
мнѣ защиту.

Такъ онъ молился. И богъ, укротивъ свой по-
токъ, успокоилъ

Волны и, на море тишь наведя, отворилъ Одис-
сею

Устье рѣки. Но подъ нимъ подкосились ко-
лѣна; повисли

Руки могучія: въ моръ его изнурилося сердце;

Вспухло все тѣло его; извергая и ртомъ и 455
ноздрями

Воду морскую, онъ палъ наконецъ, бездыханный,
безгласный,

Память утративъ, на землю; безчувствіе имъ
овладѣло.

Но напоследокъ, когда возвратились и память и
чувство,

Съ груди своей покрывало, богинею данное, сняв-
ши,

460 Бросилъ его онъ въ широкую, съ моремъ сляян-
ную рѣку.

Быстро помчалася ткань по теченью назадъ, и
богиня

Въ руки ее приняла. Одиссей, отъ рѣки ото-
шедши,

Скрылся въ тростникъ, и на землю, ее лобызая,
простерся.

Скорбью объятый, сказалъ своему онъ великому
сердцу :

465 Горе мнѣ! что претерпѣть я еще предназна-
ченъ отъ неба!

Если на брегъ потока безсонную ночь проведу я,

Утренній иней и хладный туманъ, отъ воды
восходящій,

Вовсе меня, ужъ послѣднихъ лишеннаго силъ,
уничтожатъ :

Воздухъ пронзительнымъ холодомъ вьетъ съ
рѣки передъ утромъ.

470 Если же тамъ на пригоркѣ подъ кровомъ съ-
нистаго лѣса

Въ чащѣ кустовъ я засну, то конечно не буду
проникнуть

Хладомъ ночнымъ, отдохну, и меня изцѣлитъ ми-
ротворный

Сонъ; но страшусь, не достаться бѣ въ добычу
звѣрямъ плотояднымъ.

Такъ рязмышлялъ онъ; ему наконецъ показа-
лось удобнѣй

Выбрать послѣднее; въ лѣсъ онъ пошелъ, отъ 475

рѣки недалёко

Росшій на холмъ открытомъ. Онъ тамъ двѣ спле-

тенныя крѣпко

Выбралъ оливы; одна плодоносна была, а дру-

гая

Дикая; въ снѣ ихъ проникнуть не могъ ни хо-

лодный,

Сыростью дышащій вѣтеръ, ни Гѣлюсъ, зной-

но блестящій;

Даже и дождь не пронзалъ ихъ вѣтвистаго свода, 480

такъ густо

Были онъ сплетены. Одиссей, угнѣздившись подъ

ними,

Легъ, напередъ для себя приготовивъ своими ру-

ками

Мягкое ложе изъ листьевъ опалыхъ, которыхъ

такая

Груда была, что и двое и трое могли бы удобно 485

Въ зимнюю бурю, какъ сильно бъ она ни шумѣ-

ла, тамъ скрыться.

Груды увидя, обрадованъ былъ Одиссей неска-

занно.

Бросясь въ нее, онъ совсѣмъ закопался въ сле-

жавшихся листьяхъ.

Какъ подъ золой головню неугасшую пахарь

скрываетъ

Въ поле далеко отъ мѣста жилаго, чтобъ пламе-

ни сѣмя

490 Въ ней сохранился могло безопасно отъ злаго
пожара :

Такъ Одиссей, подъ листами зарывшись, грѣлся,
и очи

Сладкой дремотой Аѳина смежила ему, чтобъ
скорѣе

Въ немъ оживишь изнуренныя силы. И крѣпко
заснулъ онъ.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ ПЪСНИ

ОДИССЕЯ.

ПЪСНЬ ШЕСТАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ШЕСТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать второй день.

Аѳина въ сновидѣніи побуждаетъ Навзикаю, дочь Феакійскаго царя Алкиноя, итти вмѣстѣ съ подругами и рабынями мыть платья въ потокъ. Онъ собираются близъ того мѣста, гдѣ находится Одиссей, погруженный въ глубокій сонъ. Ихъ голоса пробуждаютъ Одиссея. Онъ приближается къ Навзикаѣ и проситъ ее дать ему одежду и убѣжище; царица приглашаетъ его слѣдовать за нею въ городъ и даетъ ему нужныя наставленія. Онъ провожаетъ Навзикаю до Палладиной рощи, находящейся недалеко отъ герода.

Такъ постоянный въ бѣдахъ Одиссей отдыхалъ,
погруженный

Въ сонъ и усталость. Аѳина же тою порой низ-
летѣла

Въ пышно-устроенный городъ любезныхъ бо-
гамъ Феакіянъ,

Жившихъ издавна въ широкополянѣй землѣ Ипе-
рейской,

Въ близкомъ соседствѣ съ Циклопами, дикимъ 5
и буйнымъ народомъ,

Съ ними всегда враждовавшимъ, могуществомъ
ихъ превышая :

Но напоследокъ божественный вождь Навзитой
поселилъ ихъ

Въ Схерицъ, тучной землѣ, далекѣ отъ людей про-
мышлёныхъ.

Тамъ онъ имъ городъ стѣнами обвелъ, имъ по-
строилъ жилища,

10 Храмы богамъ ихъ воздвигъ, раздѣлилъ ихъ
поля на участки.

Но ужъ давно уведень былъ судьбой онъ въ оби-
тель Аида.

Властвовалъ царь Алкиной, многоуміемъ богу
подобный.

Въ домъ Алкиноя вступила богиня Аѳина Пал-
лада;

Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратъ домою
Одиссея,

15 Въ тайную дѣвичью спальню проникла она, гдѣ
покойно,

Станомъ и видомъ богинь подобясь молодой, по-
чивала

Дочь Алкиноя, любезнаго Зевсу царя, Навзикая.

Подлѣ порога дверей съ двухъ сторонъ двѣ слу-
жанки, Харитамъ

Юнымъ подобныя, спали, и накрѣпко заперты
были

20 Свѣтлыя двери. Къ царевнѣ воздушной стопою
приблизась,

Стала надъ самымъ ея изголовьемъ богиня А-
ѳина,

Образъ пріявша дѣвы молодой, мореходца Ди-
манта

Славнаго дочери, дружной съ царевною, съ ней
однолѣтней.

Въ видѣ такомъ подошедъ къ Навзикаѣ, богиня
сказала:

Видно тебя беззаботною мать родила, Навзикая! 25

Ты не печешься о свѣтлыхъ одеждахъ; а скоро
наступитъ

Брачный твой день: ты должна и себя приго-
товить зарань

Платья и тѣмъ, кто тебя поведутъ къ жениху
молодому.

Додрое имя одежды опрятностью мы наживаемъ;

Мать и отецъ веселятся, любуясь нами. Про- 30
спись же,

Встань, Навзикая, и на рѣку мыть соберитесь
всѣ вы

Утромъ; сама я приду помогать вамъ, чтобъ дѣло
скорѣе

Кончить. Недолго останешься ты незамужнею
дѣвой;

Мною тебѣ жениховъ межъ людьми знаменитаго
рода

Въ нашей землѣ, гдѣ сама знаменитою ты ро- 35
дилася.

Встань, и явися немедля къ отцу многославно-
му съ просьбой:

Дать колесницу и муловъ тебѣ, чтобъ могла ты
удобно

Взять всѣ повязки, покровы, и разныя платья,
чтобъ также

Ты не пѣшкомъ, какъ другія, пошла; то тебѣ
неприлично —

40 Путь къ водоемамъ отъ стѣнъ городскихъ уто-
мительно дологъ.

Такъ ей сказавъ, свѣтлоокая Зевсова дочь по-
летѣла

Вновь на Олимпъ, гдѣ обитель свою, говорятъ,
основали

Боги, гдѣ вѣтры не дуютъ, гдѣ дождь не шу-
митъ хладоносный,

Гдѣ не подъемлетъ мятелей зима, гдѣ безоблач-
ный воздухъ

45 Легкой лазурью разлитъ и сладчайшимъ сіяньемъ
пропикнуть;

Тамъ для боговъ въ несказанныхъ утѣхахъ все
дни пробѣгаютъ.

Давши царевнѣ совѣтъ свой, туда полетѣла Аѳина.

Эось тогда златотронная, вставъ, разбудила мла-
дую

Свѣтлоубранную дѣву. И, сну своему удивляясь,

55 Тотчасъ она, чтобъ родителей, мать и отца, о
видѣньи

Чудномъ своемъ извѣстить, къ нимъ пошла въ
ихъ покои. Царица

Близъ очага тамъ сидѣла въ кругу приближен-
ныхъ служанокъ,

Нити пурпурныя тонко суча; а въ дверяхъ от-
воренныхъ

Встрѣтился ей и отецъ: на совѣтъ онъ владыкъ
многоумныхъ

Шель, приглашенный туда отъ знатнѣйшихъ мужей Феакійскихъ. 55

Съ видомъ привѣтнымъ къ отцу подошедъ, Навзикая сказала :

Милый, вели колесницу большую на быстрыхъ колесахъ
Дать мнѣ, чтобъ я, въ ней укладъ весь богатыя платья, которыхъ
Много скопилось пачистыхъ, отправилась на рѣку мыть ихъ.

Должно, чтобъ ты, засѣдая въ высокомъ советѣ почетныхъ 60
Нашихъ вельможъ, отличался своею опрятной одеждой ;

Пять сыновей воспиталъ ты и выростилъ въ этомъ жилищѣ ;

Два ужъ женаты, другіе три юноши въ лѣтахъ цвѣтущихъ ;

Въ платьяхъ, мытьемъ освѣженныхъ, они посѣщать хороводы

Наши хотятъ. Но объ этомъ одна я забочусь въ семействѣ.

Такъ говорила она ; о желанномъ же бракѣ ей было

Стыдно отцу помянуть ; догадался онъ самъ и сказалъ ей :

Дочка, ни въ мулахъ тебѣ и ни въ чемъ нѣтъ отказа. Поди же ;

Дамъ повельные рабамъ заложить колесницу большую,

70 Быстроколесную; будетъ при ней для поклажи и
коробъ.

Кончивъ, рабамъ повельніе далъ онъ. Ему по-
винуясь,

Взяли они колесницу большую, ее снарядили,

Вывели муловъ и къ дышлу, какъ слѣдуетъ,
ихъ привязали.

Взявъ изъ хранильницы платья и въ коробъ у-
клавъ ихъ, царевна

75 Все помѣстила на быстроколесной, большой ко-
лесницѣ.

Мать же корзину со всякой ѣдой, утоляющей го-
лодь,

Ей принесла; отпустила съ ней полный виномъ
благороднымъ

Мѣхъ; не забыла и лакомства дать. Въ колес-
ницу царевна

Стала, принявъ отъ царицы фіаль золотой съ
благовоннымъ

80 Масломъ, чтобъ послѣ купанья себя и рабынь
натереть имъ.

Бичъ и блестящія возжи взяла Навзикая и звучно

Муловъ стегнула; затопавъ, они побѣжали про-
ворной

Рысью, везя нелъниво и грузъ и царевну. За нею

Слѣдомъ пошли молодыя подружки ея и служанки.

Къ устью рѣки многоводной достигли онъ на- 85
 послѣдокъ.

Были устроены тамъ водоемы: вода въ нихъ
 обильно

Свѣтлой струею лилася, нечистое все омывая.

Къ мѣсту прибывъ, отвязали отъ дышла онъ у-
 томленныхъ

Муловъ и ихъ по зеленому берегу потока пустили

Сочно-медвяной травою питаться; потомъ съ 90
 колесницы

Сняли всѣ платья и въ полные ихъ водоемы но-
 гами

Крѣпко втоптали, проворнымъ усердіемъ споря
 другъ съ другомъ.

Начали платья онъ полоскать и потомъ, до-
 чиста ихъ

Вымывъ, по взморью на мелкоблестящемъ хря-
 щѣ, наносимомъ

На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ 95
 разостлали.

Кончивъ, онъ искупались въ рѣкъ и, натершись
 елеемъ,

Весело съли на мягкой травѣ у рѣки за обѣдь
 свой,

Влажные платья оставивъ сушить лучезарному
 солнцу

Пищей насытивъ себя и подругъ и служанокъ, ца-
 ревна

- 100 Вызвала въ мячь ихъ играть, головныя сложивъ
покрывала ;
Пѣсню же стала сама блорукая пѣть Навзикая.
- Такъ стрѣлоносная, ловлей въ горахъ веселясь,
Артемида
Многовершинный Тайгетъ и крутой Эвримантъ
объгаетъ,
Смерть нанося кабанамъ и лѣснымъ легконо-
гимъ оленямъ ;
- 105 Съ нею, прекрасныя дочери Зевса эгидодержавца,
Бѣгаютъ нимфы полей — и любитъся ими Ла-
тона ;
Всѣхъ превышаетъ она головой, и легко между
ними,
Сколь ни прекрасны онѣ, разпознать въ ней бо-
гиню Олимпа.
Такъ красотою дѣвичьей подругъ затмѣвала ца-
ревна.
- 110 Стали онѣ наконецъ собираться домой ; въ ко-
лесницу
Муловъ опять заложили и въ коробъ уклали о-
дежды.
Тутъ свѣтлоокая дѣва Паллада придумала сред-
ство,
Какъ пробудить Одиссея, чтобъ, съ нимъ по-
встрѣчавшись, царевна
Въ городъ людей Феакійскихъ ему указала до-
рогу :

Бросила мячъ Навзикая въ подружекъ, но, въ 115
нихъ не попавши,
Онъ, отраженный Аѳиною, въ волны шумящія
прянулъ ;
Громко онъ закричали; ихъ крикъ пробудилъ
Одиссея.
Онъ поднялся и, колеблясь разсудкомъ и серд-
цемъ, воскликнулъ :
Горе! къ какому народу зашелъ я? Быть мо-
жетъ, здѣсь область
Дикихъ, не знающихъ правды людей? Иль, мо- 120
жетъ быть, встречу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, го-
степріимныхъ ?
Кажется, дѣвичій громкій вблизи мнѣ слышался
голосъ.
Или здѣсь нимфы, владѣлицы горъ крутогла-
выхъ, душистыхъ,
Влажныхъ луговъ и истоковъ рѣчныхъ потаен-
ныхъ, играютъ ;
Или достигъ наконецъ я жилища людей говоря- 125
щихъ.
Встанемъ же ; должно мнѣ все самому испы-
тать и развѣдать.
Съ сими словами изъ чащи кустовъ Одиссей осто-
рожно
Выползъ; потомъ жловатой рукою, покрытыхъ
листами,
Свѣжихъ вѣтвей паломаль, чтобъ одѣть обна-
женное тѣло.

- 130 Вышелъ онъ — такъ, на горахъ обитающій, си-
люю гордый,
Въ вѣтеръ и дождь на добычу выходитъ, свер-
кая глазами,
Левъ; на быковъ и овецъ онъ бросается въ поле,
хватаетъ
Дикихъ оленей въ лѣсу, и нерѣдко, тревожимый
гладомъ,
Мелкій скотъ похищать подбѣгаетъ къ пасту-
шымъ заградамъ.
- 135 Такъ Одиссей вознамѣрился къ двамъ прекрас-
нокудрявымъ
Нагъ подойти, приневоленъ къ тому непреклон-
ной пуждѣю.
Былъ онъ ужасенъ, покрытый морскою засох-
шею тиной;
Въ трепеть всѣ разбѣжались врозь по высоко-
му берегу.
Но Алкиноева дочь не покинула мѣста. Аѳина
- 140 Бодрость вселпла ей въ сердце и въ немъ у-
ничтожила робость.
Стала она передъ нимъ; Одиссей же не зналъ,
что приличнѣй:
Оба ль кольна обнять у прекраснокудрявыя дѣ-
вы?
Или, въ почтительномъ ставъ отдаленнѣ, молитъ
умиленнымъ
Словомъ ее, чтобъ одежду дала и пріютъ ука-
зала?

Такъ размышляя, нашель наконецъ онъ, что было 145
приличнѣй

Словомъ молитъ умиленнымъ, въ почтительномъ
ставъ отдаленнѣ

(Тронувъ колѣна ея, онъ прогнѣвалъ бы чистую
дѣву).

Съ словомъ пріятноласкательнымъ онъ обра-
тился къ царевнѣ :

Руки, богиня иль смертная дѣва, къ тебѣ про-
стираю.

Если одна изъ богинь ты, владычицъ простран- 150
наго неба,

То съ Артемидою только, великою дочерью
Зевса,

Можешь сходна быть лица красотою и станомъ
высокимъ ;

Если жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью
судьбины живущихъ,

То неслухомъ блаженны отецъ твой и мать,
и блаженны

Братья твои, съ наслажденіемъ видя, какъ ты 155
передъ ними

Въ домъ семейномъ столь мирно цвѣтешь, иль
свои восхищая

Очи тобою, когда въ хороводахъ ты весело пля-
шешь.

Но изъ блаженныхъ блаженнѣйшимъ будетъ тотъ
смертный, который

Въ домъ свой тебя уведетъ, одаренную въномъ
богатымъ.

160 НѢТЬ! ничего столь прекраснаго между людей
земнородныхъ

Взоры мои не встрѣчали донынѣ; смотрю съ
изумленьемъ.

Въ Дѣлосѣ только я — тамъ гдѣ алтарь Аполло-
новъ воздвигнуть —

Юную стройновысокую пальму однажды замѣ-
тилъ

(Въ храмъ же зашелъ, окруженный толною со-
путниковъ вѣрныхъ,

165 Я по пути, на которомъ столь много мнѣ встрѣ-
тилось бѣдствій).

Юную пальму замѣтивъ, я въ сердце своемъ из-
умленъ былъ

Долго: подобнаго ей благороднаго древа нигдѣ
не видалъ я.

Такъ и тебѣ я дивлюсь. Но, дивясь тебѣ, не
держую

Тронуть кольцею твоихъ: несказанной бѣдой я
постигнуть.

170 Только вчера, на двадцатый мнѣ день удалося
избѣгнуть

Моря: столь долго игралищемъ былъ я губитель-
ной бури,

Гнавшей меня отъ Огигиіи острова. Нынѣ жъ
сюда я

Демономъ брошенъ для новыхъ напастей — еще
есть конецъ имъ;

Вѣрно немало еще претерпѣть мнѣ назначили
боги.

Сжался, царевна; тебя, испытавши превратно- 175
стей много,

Первую здесь я съ молитвою встрѣтилъ; ни-
кто изъ живущихъ

Въ этой землѣ не знакомъ мнѣ; скажи, гдѣ
дорога

Въ городъ, и дай мнѣ прикрыть обнаженное тѣло
хоть лоскутъ

Грубой обертки, въ которой сюда привезла ты
одежды.

О! да исполнять безсмертные боги твои все же- 180
ланья,

Давши сунруга по сердцу тебѣ съ изобиліемъ
въ домъ,

Съ миромъ въ семьѣ! Несказанное тамъ водво-
ряется счастье,

Гдѣ однодушно живутъ, сохраняя домашній по-
рядокъ,

Мужъ и жена, благомысленнымъ людямъ на ра-
дость, недобрымъ

Людямъ на зависть и горе, себѣ на великую 185
славу.

Дочь Алкиноя, ответствуя, такъ Одиссею ска-
зала:

Странникъ, конечно твой родъ знаменитъ: ты,
я вижу разумень.

Дѣй же и низкимъ и рода высокаго людямъ съ
Олимпа

Счастье даетъ безъ разбора по волю своей при-
хотливой;

- 190 Что испослалъ онъ тебѣ, то прими съ терпѣ-
ливымъ смиреньемъ.
Если жъ достигнуть ты могъ и земей и обите-
лей нашихъ,
То ни въ одеждѣ отъ насъ и ни въ чемъ, для
молящаго, много
Бѣдъ претерпѣвшаго странника дужпомъ, не
встрѣтишь отказа.
Градъ нашъ тебѣ укажу; назову и людей, въ
немъ живущихъ.
- 195 Въ градъ живетъ и землей здѣсь владѣетъ на-
родъ Феакіянъ;
Я Алкиноя, царя благодушнаго дочь; Алкиноя жъ
Нынѣ державнымъ владыкой своимъ признаютъ
Феакійцы.
Тутъ обратилась царица къ подругамъ своимъ
и служанкамъ:
Стойте! куда разбѣжался вы, устращася ино-
земца?
- 200 Онъ человекъ пезломышленный; нѣтъ вамъ при-
чины страшиться;
Не было прежде, вы знаете, нѣтъ и теперь и
не можетъ
Быть и впередъ на землѣ никого, кто бъ на васъ
Феакіянъ
Злое замыслилъ; насъ боги безсмертныя лю-
бятъ; живемъ мы
Здѣсь, отъ народовъ другихъ въ сторонѣ, на по-
слѣднихъ предѣлахъ

Шумнаго моря, и рѣдко насъ кто изъ людей по- 205
сыщаетъ.

Нынѣ же встрѣтился намъ злополучный, бездом-
ный скиталець:

Помощь ему оказать мы должны — къ намъ Зе-
весъ посылаетъ

Нищихъ и странниковъ; даръ и убогій Зевесу
угоденъ.

Страннику пищи съ питьемъ принести поспѣ-
шите, подруги;

Прежде жъ его искупайте, отъ вѣтровъ защит- 210
ное мѣсто

Выбравъ въ потокъ. — Сказала; сошлись обо-
дренныя дѣвы.

Въ мѣсть, отъ вѣтровъ защитномъ, его посадивъ,
какъ вельба

Имъ Навзикая, прекраснокудрявая дочь Алкиноя,

Мантию съ тонкимъ хитомъ онъ близъ него
положили.

Посль, принесши фіаль золотой съ благовоннымъ 215
елеемъ,

Стали его приглашать къ омовенію въ свѣ-
тломъ потокъ.

Но Одиссей благородный отрекся и такъ отвѣ-
чалъ имъ:

Дѣвы прекрасныя, станьте поодаль; безъ помо-
щи вашей

Смою съ себя я соленую тину, и самъ наелею

220 Тѣло; давно ужъ елей благовонный къ нему
не касался.

Но передъ вами кунаться не стану я въ свѣ-
тломъ потокѣ;

Стыдно себя обнажить мнѣ при васъ, густовла-
сыя дѣвы.

Такъ онъ сказалъ; и онъ, удаляся, о томъ из-
вѣстили

Царскую дочь. Одиссей же, въ потокъ погру-
зившись, тину,

225 Грязно облекшую плечи и спину ему и густые

Кудри его обльпившую, смылъ освѣжительной
влажгой;

Чисто омывшись, онъ свѣтлое тѣло умаслилъ
елеемъ;

Послѣ украсился даннымъ младою царвеною пла-
тьемъ.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аѳина тогда Одиссея

230 Станомъ возвысила, сделала тѣломъ полнѣй и
густыми

Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гіацинта, ему за-
крутила.

Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ, ма-
стеръ,

Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ наставлен-
ный въ трудномъ

Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей изу-
мляетъ;

Такъ красотою главу облекла Одиссею богиня. 235

Берегомъ моря пошелъ онъ, и сълъ на песокъ,
озаренный

Силой и прелестью мужества. Царская дочь из-
умилась.

Слово потомъ обратила она къ густовласымъ
подругамъ:

Слушайте то, что скажу вамъ теперь, бѣлорукія
дѣвы;

Думаю я, что не всеми богами Олимпа гонимый 240

Этотъ скиталець въ страну Феакіянъ божествен-
ныхъ прибылъ;

Прежде и мнѣ человекомъ простымъ онъ ка-
зался; теперь же

Вижу, что свой онъ богамъ, безиредельнаго неба
владыкамъ.

О! когда бы подобный супругъ мнѣ нашелся,
который,

Здѣсь поселившись, у насъ навсегда захотѣлъ 245
бы остаться!

Вы жъ чужеземцу ѣды и питья принесите, по-
други.

Такъ говорила царица. Ея повинуюся воль,

Дѣвы немедля ѣды и питья принесли Одиссею.

Съ жадностью голодь и жажду свою утомиль
богоравный,

250 Твердый въ бѣдахъ Одиссей: ужъ давно не
касался онъ пищи.

Добрая мысль пробудилась тутъ въ сердце раз-
умной царевны:

Чистыя платья собравъ, въ колесницу она ихъ
уклала,

Муловъ потомъ запрягла крѣпконогихъ и, ставъ
въ колесницу,

Такъ Одиссею, его приглашая съ собою, сказала:

255 Время намъ въ городъ; вставай, чужеземецъ,
и слѣдуй за нами;

Домъ, гдѣ живетъ мой отецъ, я тебѣ укажу;
тамъ конечно

Встрѣтишь и всѣхъ знаменитыхъ людей Феакій-
скихъ; но прежде

Мой ты исполни совѣтъ (ты, я вижу разумень):
покуда

Будемъ въ поляхъ мы, трудомъ человека удо-
бранныхъ, слѣдуй

260 Съ дѣвами вмѣстѣ за быстрой моею колесницею
ровнымъ

Съ мулами шагомъ — у васъ впереди я поѣду;
потомъ мы

Въ городъ прибудемъ съ бойницами стѣ-
ны его окружаютъ;

Пристань его съ двухъ сторонъ огибаетъ глубо-
кая; входъ же

Въ пристань стѣсненъ кораблями, которыми спра-
ва и слѣва

Берегъ уставленъ и каждый изъ нихъ подъ за- 265
 щитною кровлей;
 Тамъ же и площадь торговая вокругъ Посидонова
 храма,
 Твердо на тесаныхъ камняхъ огромныхъ стоя-
 щаго; снасти
 Всѣхъ кораблей тамъ, запасъ парусовъ и канаты
 въ пространныхъ
 Зданьяхъ хранятся; тамъ гладкія также гото-
 вятся весла.
 Намъ Феакійцамъ не нужно ни луковъ, ни стрѣлъ; 270
 вся забота
 Наша о мачтахъ и веслахъ и прочныхъ судахъ
 мореходныхъ;
 Весело намъ въ корабляхъ обтекать многошумное
 море.
 Я жъ отъ людей порицанья избѣгнуть хочу и
 обидныхъ
 Толковъ; народъ нашъ весьма злоязыченъ; намъ
 встрѣтиться можетъ
 Гдѣ нибудь дерзкій насмѣшникъ; увидя насъ 275
 вмѣстѣ, онъ скажетъ:
 Съ кѣмъ такъ сдружилась царевна? Кто этотъ
 могучій, прекрасный
 Странникъ? Откуда пришелъ? Не женихъ ли ка-
 кой иноземный?
 Что онъ? Морскою ли бурею къ намъ занесен-
 ный изъ дальнихъ
 Странъ челоувкъ (ни какихъ мы въ сосѣдствѣ
 не знаемъ народовъ)?

- 280 Или какой по ея неотступной молитвѣ съ Олимпа
на землю
Богъ низлетѣвшій — и будетъ она обладать имъ
отнынѣ?
Лучше бѣ самой ей покинуть нашъ край и въ
странь отдаленной
Мужа искать; межъ людей Феакійскихъ никто
не нашелся
Ей по душѣ, хоть и много у насъ жениховъ бла-
городныхъ.
- 285 Вотъ что разсказывать могутъ въ народѣ; мнѣ
будетъ обидно.
Я жъ и сама бы конечно во всякой другой
осудила,
Если бѣ, имья и мать и отца, безъ согласья
ихъ стала,
Въ бракъ не вступивши, она обращаться съ муж-
чинами вольно.
Ты же совѣтъ мой исполни (тогда и родитель
мой помощь
- 290 Скорую дасть и отечество ты не замедлишь
увидѣть):
Есть близъ дороги священная роща Аѳины изъ
черныхъ
Тополей; свѣтлый источникъ оттуда бѣжить на
зеленый
Лугъ; тамъ помѣстье царя Алкиноя съ его
плодоноснымъ
Садомъ, въ такомъ разстояннѣ отъ града, въ
какомъ человѣчій

Внятенъ намъ голосъ. Тамъ съвѣ, подожди ты 295
до тѣхъ поръ, покуда
Мы не прибудемъ на мѣсто и царскихъ палатъ не
достигнемъ ; когда же
Ты убѣдишься, что царскихъ палатъ ужь могли
мы достигнуть,
Встань и во внутренность града войди и рас-
прашивай встрѣчныхъ,
Гдѣ обитаетъ родитель мой, царь Алкиной мно-
гославный.
Домъ же его ты узнаешь легко : безсловесный 300
младенецъ
Можетъ дорогу къ нему указать ; ни одинъ
Феакіецъ
Здѣсь не имѣетъ такого жилища, въ какомъ
обитаетъ
Царь Алкиной. Окруженный строеньями дворъ
перешедши,
Шагомъ поспѣшнымъ пройди ты сквозь залу
къ покоямъ царицы ;
Тамъ передъ яркоблестящимъ ее очагомъ ты 305
увидишь,
Съ чуднымъ искусствомъ прядущую тонкопур-
пурныя нити
Подль колонны высокой, въ кругу приближен-
ныхъ служанокъ.
Тамъ же и кресла цѣревы стоятъ у огня и, на
нихъ онъ
Сидя, виномъ утѣшается, свѣтлому богу подоб-
ный.

310 Мимо царя ты пройди и, обнявши руками колена

Матери милой моей, умолай, чтобъ она поспѣ-
шила

День возвращенья въ отчизну тебѣ даровать
чужеземцу.

Если моленье твое съ благосклонностью приметъ
царица,

Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюблен-
ныхъ ближнихъ,

315 Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро
увидишь.

Кончивъ, ударила звучно блестящимъ бичемъ
Навзикая

Муловъ; затопавъ, они отъ рѣки побѣжали про-
ворной

Рысью; другіе же пѣшіе слѣдомъ пошли; но ца-
ревна

Муловъ держала на крепкихъ возжахъ, чтобъ
отъ нихъ не отстали

320 Дѣвы и странникъ, и хлопала звучнымъ бичемъ
осторожно.

Солнце садилось, когда къ благовонной Палла-
диной рощѣ

Вмѣстѣ достигли они. Одиссей, тамъ оставшися,
началь

Дочери Зевса эгидодержавца Палладѣ молиться:

Дочь непорочная Зевса эгидодержавца, Паллада,

Нынѣ воньми ты молитвъ, тобою невнятой, ко- 325
гда я

Гибнулъ въ волнахъ, сокрушенный земли коле-
бателя гнѣвомъ ;

Дай мнѣ найти и покровъ и пріязнь у людей
Феакійскихъ.

Такъ говорилъ онъ, моляся ; и былъ онъ Пал-
ладой услышанъ ;

Но передъ нимъ не явилась богиня сама, опасаясь

Мощнаго дяди, который упорствовалъ гнать 330
Одиссея,

Богopodobнаго мужа, пока не достигъ онъ от-
чизны.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ СЕДЬМОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать втораго дня.

Одиссей входитъ въ городъ; у воротъ встрѣчается съ нимъ Аѳина подъ видомъ Феакійскія дѣвы; она окружаетъ его мглою, и онъ, никѣмъ не примѣченный, приближается къ Алкиноеву дому. Описаніе царскаго дома и сада. Вошедъ въ палату, гдѣ царь въ то время пироваль съ гостями. Одиссей приближается къ царицѣ Аретѣ и мгла, его окружавшая, исчезаетъ. Онъ молить царицу о дарованіи ему способа возвратиться въ отчизну. Царь приглашаетъ его съестъ за трапезу. По окончаніи пиршества, гости расходятся. Одиссей, оставшись одинъ съ Алкиноемъ и Аретою, рассказываетъ имъ, какъ онъ покинулъ островъ Огигію, какъ буря его бросила на берега Схеріи и какъ получилъ онъ свою одежду отъ царевны Навзикаи. Алкиной даетъ ему обѣщаніе отправить его на корабль Феакійскомъ въ Итаку.

Такъ Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоян-
ный, молился.

Тою порою царевну везли крѣпконогіе мулы

Въ городъ. Достигнувъ блестящихъ царевыхъ
палатъ, Навзикая

Взѣхала прямо на дворъ и сошла съ колесни-
цы; на встрѣчу

Вышли ея молодые, безсмертнымъ подобные, 5
братья;

Муловъ отпрягши, въ покои они отнесли всю
одежды.

Царская дочь на свою половину пошла; развела
тамъ

Яркій огонь ей рабыня Эпирская Эвримедуза

(Нѣкогда въ быстромъ ее корабль увезли изъ
Эпира.

- 10 Въ даръ Алкиною почетный назначивъ, понеже,
надъ всеми
Онъ Феакійцами властвуя, чтимъ былъ какъ богъ
отъ народа.
Ею была Навзкая воспитана въ царскомъ жи-
лищѣ).
- Яркій огонь разведя, приготовила ужинъ ста-
рушка.
Въ городъ направилъ тѣмъ временемъ путь
Одиссей; но Аѣнна
- 15 Облакомъ темнымъ его окружила, чтобъ не былъ
замъченъ
Онъ ни какимъ изъ надменныхъ гражданъ Феа-
кійскихъ, который
Могъ бы его оскорбить, любопытствуя вывѣдать,
кто онъ.
Но, подошедъ ко вратамъ крѣпкозданнымъ пре-
краснаго града,
Встрѣтилъ онъ дочь свѣтлоокую Зевса богиню
Аѣнну
- 20 Въ видъ несущей скудель молодой Феакійскія
дѣвы.
Встрѣтившись съ нею, спросилъ у нея Одиссей
богоравный :
Дочь моя, можешь ли мнѣ указать тѣ палаты,
въ которыхъ
Вашъ обладатель божественный царь Алкиной
обитаеть ?
Многоиспытанный странникъ, судьбою сюда из-
далѣка

Я заведенъ; мнѣ никто незнакомъ здѣсь, никто 25
изъ живущихъ
Въ городъ вашемъ, никто изъ людей, обитаю-
щихъ въ полѣ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аѣнна ему отвѣчала:
Странникъ, съ великой охотой палаты, которыхъ
ты ищешь,
Я укажу; тамъ въ сосѣдствѣ живетъ мой отецъ
безпорочный;
Слѣдуй за мною въ глубокомъ молчаньи; пойду 30
впереди я;
Ты же на встрѣчныхъ людей не гляди и не
дѣлай вопросовъ
Имъ: иноземцевъ не любитъ народъ нашъ; онъ
съ ними не ласковъ;
Люди радушнаго здѣсь гостелюбія вѣдше не
знаютъ;
Быстрымъ ввѣряя себя кораблямъ, пробѣгаютъ
безстрашно
Бездну морскую они, отворенную имъ Посидо- 35
номъ;
Ихъ корабли скоротечны, какъ легкія крылья
иль мысли.
Кончивъ, богиня Аѣнна пошла впереди Одиссея
Быстрымъ шагомъ, поспѣшно пошелъ Одиссей
за богиней.
Улицы съ ней проходя, ни однимъ изъ людей
Феакійскихъ,

- 40 На морь славныхъ, онъ не былъ замъченъ; того
не хотѣла
Свѣтлокудрявая дѣва Паллада: храня Одиссея,
Тмою несказанной его отовсюду она окружила.
- Онъ изумился, увидѣвши пристани, въ нихъ без-
конечный
Рядъ кораблей, и народную площадь, и крѣпкія
стѣны
- 45 Чудной красы, неприступнымъ извнѣ огражден-
ныя тыномъ.
Но, подошедъ къ многославному дому царя Ал-
киноя,
Дочь свѣтлоокая Зевса богиня Аѣнна сказала:
Странникъ, съ тобою пришли мы къ палатамъ,
которыхъ искалъ ты;
Въ нихъ ты увидишь любезнаго Зевсу царя Ал-
киноя
- 50 Въ сонмъ гостей за роскошной трапезой; войди,
не страшася;
Мужу безстрашному, кто бы онъ ни былъ, хотя
бъ чужеземецъ,
Все по желанью върнѣ другихъ исполнять у-
дается.
Прежде всего подойди ты, въ палату вступивши,
къ царицѣ;
Имя царицы Арета; она отъ однихъ происхо-
дитъ

Предковъ съ высокимъ супругомъ своимъ Ал- 55
киномъ; вначалѣ

Сынъ Навзитою Посидономъ земли колебате-
лемъ прижитъ

Былъ съ Перибоей, всѣхъ дѣвъ затмѣвавшей
своей красотою,

Младшею дочерью мужа могучаго Эвримедона,

Бывшаго прежде властителемъ буйныхъ Гиган-
товъ; но самъ онъ

Свой погубилъ святотатный народъ и себя са- 60
мого съ нимъ.

Дочь же его возлюбилъ колебатель земли; отъ
союза

Съ ней онъ имѣлъ Навзитою; и первымъ царемъ
Феакіянъ

Былъ Навзитою; отъ него родились Рексеноръ
съ Алкиномъ;

Но Рексеноръ, сыновей не имѣвъ, сребролукииъ
застрѣленъ

Былъ Аполлономъ на пирѣ вторичнаго брака, о- 65
ставивъ

Дочь сиротою, Арету; и, съ ней Алкиной соче-
тавшись,

Такъ почитаетъ ее, какъ еще никогда не бывала

Въ свѣтъ жена, свой любящая долгъ, почитаема
мужемъ;

Нѣжную сердца любовь ей всечасно являютъ
въ семействѣ

- 70 Дети и царь Алкиной; въ ней свое божество
 Феакійцы
 Видятъ, и въ городъ съ радостно-шумнымъ все-
 гда къ ней тѣснятся
 Плескомъ, когда межъ народа она тамъ по ули-
 цамъ ходитъ.
- Кроткая сердцемъ, имѣетъ она и возвышенный
 разумъ,
 Такъ, что нерѣдко и трудные споры мужей разрѣ-
 шаетъ.
- 75 Если моленья твои съ благосклонностью при-
 метъ царица,
 Будетъ тогда и надежда тебѣ, что возлюблен-
 ныхъ ближнихъ,
 Свѣтлый свой домъ и семью и отечество скоро
 увидишь.
- Такъ говоря, свѣтлоокая Зевсова дочь удали-
 лась ;
 Моремъ бесплоднымъ отъ Схеріи тучной помчав-
 шись, достигла
- 80 Скоро она Мараѳона; потемъ въ многочудныхъ
 Аѳинахъ
 Въ домъ крѣпкозданный царя Эрехтея вошла.
 Одиссей же
 Тою порой подошелъ ко дворцу Алкиноя; онъ
 сильно
 Сердцемъ тревожился, стоѧ въ дверяхъ передъ
 мѣднымъ порогомъ.
- Все лучезарно, какъ на небѣ свѣтлое солнце иль
 мѣсяць,

Было въ палатахъ любезнаго Зевсу царя Алки- 85
ноя ;

Мѣдныя стѣны во внутренность шли отъ по-
рога и были

Сверху увѣнчаны свѣтлымъ карнизомъ лазоре-
вой стали ;

Входъ затворенъ былъ дверями, литыми изъ чи-
стаго золота ;

Притолки ихъ изъ серебра утверждались на мѣд-
номъ порогѣ ;

Также и князь ихъ серебряный былъ, а кольца 90
золотое.

Двѣ — золотая съ серебряной — справа и слева
стояли,

Хитрой работы искуснаго бога Ифеста, собаки

Стражами дому любезнаго Зевсу царя Алкиноя :

Были безсмертны онѣ и съ теченіемъ лѣтъ не
старѣли.

Стѣны кругомъ огибая, во внутренность шли отъ 95
порога

Лавки богатой работы ; на лавкахъ лежали по-
кровы,

Тканые дома искусной рукою прилежныхъ ра-
ботницъ ;

Мужи знатнѣйшіе града сажались чиномъ на
этихъ

Лавкахъ питьемъ и ѣдой наслаждаться за цар-
ской трапезой.

100 Зрѣлися тамъ на высокихъ подножіяхъ лики
златые

Отроковъ: свѣточи въ ихъ пламенѣли рукахъ,
озаря

Ночью палату и царскихъ гостей на пирахъ
многославныхъ.

Жило въ пространномъ дворцѣ пятьдесятъ ру-
кодѣльныхъ невольницъ:

Рожь золотую мололи однѣ жерновами ручными,

105 Нити сучили другія и ткали, сидя за станками

Рядомъ, подобныя листьямъ трепещущимъ то-
поля; ткани жъ

Были такъ плотны, что въ нихъ не вшивалось и
тонкое масло.

Сколь Феакійскіе мужи отличны въ правленіи
были

Быстрыхъ своихъ кораблей на моряхъ, столь
отличны ихъ жены

110 Были въ ткань: ихъ богиня Аѳина сама на-
учила

Всемъ рукодѣльнымъ искусствамъ, открывъ имъ
и хитростей много.

Былъ за широкимъ дворомъ четырехдесяти-
ный богатый

Садъ, обведенный отвсюду высокой оградой;
росло тамъ

Много деревъ плодоносныхъ, вѣтвистыхъ, ши-
роковершинныхъ,

Яблонь, и грушъ, и гранатъ, золотыми плодами 115
 обильныхъ,
 Такъ же и сладкихъ смоковницъ и маслинъ, рос-
 кошно цвѣтущихъ ;
 Круглый тамъ годъ и въ холодную зиму и въ
 знойное лѣто
 Видимы были на вѣтвяхъ плоды ; постоянно
 тамъ вѣялъ
 Теплый зефиръ, зараждая одни, наливая другіе ;
 Груша за грушей, за яблокомъ яблоко, смоква за 120
 смоквой,
 Гроздь пурпуровый за гроздомъ смѣнялся тамъ,
 созрѣвая.
 Тамъ разведенъ былъ и садъ виноградный бо-
 гатый ; и грозды
 Частью на солнечномъ мѣстѣ лежали, сушимые
 зноемъ,
 Частию ждали, чтобъ срѣзалъ ихъ съ лозъ ви-
 ноградарь ; иные
 Были давимы въ чанахъ ; а другіе цвѣли иль, 125
 осыпавъ
 Цвѣтъ, созрѣвали и сокомъ янтарногустымъ на-
 ливались.
 Саду границей служили красивыя гряды, съ ко-
 торыхъ
 Овощъ и вкусная зелень весь годъ собирались
 обильно.
 Два тамъ источника были ; одинъ обтекалъ
 извиваясь

- 130 Садъ, а другой передъ самымъ порогомъ царева
жилица
Свѣтлой струей бѣжалъ и граждане въ немъ
черпали воду.
Такъ изобильно богами былъ домъ одаренъ Ал-
киноевъ.
Долго, дивясь, стоялъ передъ нимъ Одиссей бо-
горавный;
Но, поглядѣвши на все съ изумленьемъ великимъ,
ступилъ онъ
- 135 Смѣлой ногой на порогъ и во внутренность дома
проникнулъ.
Тамъ онъ узрѣлъ Феакійскихъ вождей и старей-
шинъ, творящихъ
Зоркому богу убійць Аргуса виномъ возліанье
(Онъ отъ грядущихъ ко сну былъ всегда при-
зываемъ послѣдній).
Быстро палату пировъ перешелъ Одиссей бого-
равный;
- 140 Скрытый туманомъ, которымъ его окружила
Аѳина,
Прямо къ Аретъ приблизился онъ и къ царю Ал-
киною,
Обнявъ руками колѣна царицы, и въ это мгно-
венье
Вдругъ разступилась его облекавшая тма не-
земная.
Всѣ замолчали, могучаго мужа незапно увидя;

Всѣ въ изумленьи смотрѣли. Царицѣ Аретѣ ска- 145
заль онъ :

Дочь Рексенора, подобнаго силой безсмертнымъ,
Арета,

Нынѣ къ коленамъ твоимъ и къ царю и къ
пирующимъ съ вами

Я прибѣгаю, плачевный скиталецъ. Да боги по-
шлютъ вамъ

Свѣтлое счастье на долгіе дни; да наследуютъ
ваши

Дѣти вашъ домъ и народомъ вамъ данный вашъ 150
санъ знаменитый.

Мнѣ жъ помогите, чтобъ я безпрепятственно могъ
возвратиться

Въ землю отцевъ, столь давно сокрушенный раз-
лукой съ своими.

Кончивъ, къ огню очага подошелъ онъ и съль
тамъ на пепль.

Всѣ неподвижно молчали и долго молчаніе дли-
лось.

Но наконецъ Эхеней благороднаго племени ста- 155
рецъ,

Ранѣ всѣхъ современныхъ ему Феакіанъ ро-
жденный,

Сладкорѣчивый, и старыя были и многое знавшій,

Добрыхъ исполненный мыслей, сказалъ, обратясь
къ Алкиною :

Царь Алкиной, неприлично тебѣ допускать, чтобъ
молящій

160 Странникъ на пеплъ сидѣль очага твоего передъ нами.

Почесть ему оказать ожидаемъ твоихъ повелѣній;

Съ пепла поднявши, на стулъ среброкованный съ нами его ты

Сѣсть пригласи и глашатаю въ чаши вина золотого

Влить повели, чтобъ могли громолюбцу Зевесу, молящихъ

165 Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить возліянье.

Гостю жъ пускай изъ запаса дастъ ключница пищи вечерней.

Такъ онъ сказавъ, пробудилъ Алкиноеву силу святую.

За руку взявъ Одиссея, объятаго думой глубокой,

Съ пепла онъ поднялъ его и на креслахъ богатыхъ съ собою

170 Рядомъ за столъ посадилъ, повелѣвъ уступить Лаодаму,

Сыну любимому, подлѣ сидѣвшему, мѣсто пришельцу.

Туть для умытія рукъ поднесла на богатой лаваніи

Полный студеной воды золотой рукомойникъ рабыня;

Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него положила

Хлѣбъ, домовитая ключница съ разнымъ съест- 175
нымъ, изъ запаса

Выданнымъ ею охотно. Ъдой и питьемъ изобильнымъ

Сердце свое насладилъ Одиссей, многославный
страдалецъ.

Тутъ Понтоною глашатаю бросилъ крылатое
слово

Царь Феакіянъ : наполни кратеры виномъ и по-
дай съ нимъ

Чаши гостямъ, чтобъ могли громолюбцу Зе- 180
весу, молящихъ

Странниковъ всѣхъ покровителю, мы совершить
возліянье.

Такъ онъ сказалъ, и, наполнивъ медвянымъ ви-
номъ все кратеры,

Въ чашахъ пирующимъ подалъ его Понтоной ;
возліянье

Стоя они совершили и вдоволь питьемъ насла-
дились.

Царь Алкиной, обратившись къ гостямъ, произ- 185
несъ : приглашаю

Выслушать слово мое васъ, мужей Феакійскихъ,
дабы я

Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ
разсудокъ и сердце.

Кончился пиръ нашъ ; теперь по домамъ на по-
кой разойдитесь ;

Завтра же утромъ, съ собою и прочихъ вель-
можъ пригласивши,

- 190 Снова придите, чтобъ странника здѣсь угостить
и безсмертнымъ
Вмѣстѣ свершить экатомбу. Потомъ учредимъ
отправленье
Гостя почтеннаго такъ, чтобъ подъ нашей на-
дежной защитой
Онъ безъ тревогъ и препятствій поспѣшно и
весело прибылъ
Въ край, имъ желаемый, сколь бы отсюда онъ
ни былъ далѣко ;
- 195 Такъ же, чтобъ онъ ни печали ни зла на дорогѣ
не встрѣтилъ
Прежде, пока не достигнетъ отчизны; когда
же достигнетъ,
Пусть испытастъ все то, что судьба и могучія
Парки
Въ нить бытія роковую вплели для него при
рожденьи.
Если же кто изъ безсмертныхъ подъ видомъ его
посѣтилъ насъ,
- 200 То на умъ ихъ конечно есть замысль, намъ
неизвѣстный ;
Ибо всегда намъ открыто являются боги, когда
мы,
Ихъ призывая, богатые имъ экатомбы прино-
симъ ;
Съ нами они пировать безъ чиновъ за трапезу
сядутся ;
Даже когда кто изъ нихъ и одинъ на пути съ
Феакійскимъ

- Странникомъ встрѣтится — онъ не скрывается; 205
 боги считаютъ
- Всѣхъ насъ родными, какъ дикихъ Циклоповъ,
 какъ племя Гигантовъ.
- Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитро-
 умный:
- Царь Алкиной, не тревожься напрасно такимъ
 помышленьемъ;
- Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба влады-
 камъ, ни видомъ
- Я не подобенъ, ни станомъ; простой человекъ 210
 я, изъ всѣхъ, вамъ
- Въ мѣрѣ извѣстныхъ людей земнородныхъ, судь-
 бою гонимыхъ,
- Самымъ злосчастнѣйшимъ бѣдственной жизнью
 моею я подобенъ.
- Боль другихъ бы я могъ рассказать о великихъ
 напастяхъ,
- Мной претерпѣнныхъ съ трудомъ непомѣрнымъ
 по волю безсмертныхъ;
- Но несказаннымъ, хотя и прискорбенъ, я голо- 215
 домъ мучусь;
- Нѣтъ ничего нестерпимѣй грызущаго голода:
 нами
- Властвуя, онъ о себѣ вспоминать ежечасно не-
 волитъ
- Насъ, и печальныхъ и преданныхъ скорби душей.
 Сколь ни сильно
- Скорби душею я преданъ, но тощій желудокъ
 мой жадно

- 220 Требуеть пищи себѣ и меня забывать прину-
ждаетъ
Все, претерпѣнное мной, о себѣ лишь упорно
заботясь.
- Вы же, молю васъ, какъ скоро пробудится свѣ-
тлая Эосъ,
Мнѣ злополучному путь учредите въ отчизну
возвратный ;
- Много я бѣдъ претерпѣлъ, но готовъ и погиб-
нуть, лишь только бѣ
- 225 Свѣтлый свой домъ и семью и рабовъ и богат-
ства увидѣть.
- Кончилъ ; они, изъявивъ одобренье, рѣшили въ
отчизну
Гостя отправить, плѣнившаго всѣхъ ихъ столь
умною рѣчью.
- Послѣ, свершивъ возлянье и вкуснымъ виномъ
насладившись,
Каждый въ свой домъ удалился, о ложѣ и снѣ
помышляя.
- 230 Но Одиссей богоравный остался въ палатѣ сто-
ловой ;
Царь Алкиной и царица Арета остались съ нимъ
вмѣстѣ ; рабыни
Тою порой со столовъ всю посуду поспѣшно
убрали.
- Тутъ блорукая съ гостемъ бесѣдовать стала
Арета.
- Мантию съ тонкимъ хитономъ, сотканныя ею са-
мою

Дома съ рабынями, въ платьѣ пришельца узнав- 235
ши, царица

Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:

Странникъ, сначала сама я тебя вопрошу; от-
вѣчай мнѣ:

Кто ты? Откуда? И платьѣ свое отъ кого полу-
чилъ ты?

Намъ ты сказалъ, что сюда былъ морской не-
погодюю брошенъ.

Свѣтлой царицѣ отъѣтствовалъ такъ Одиссей 240
хитроумный:

Трудно, царица, мнѣ будетъ тебѣ рассказать всю
подробно

Повѣсть о бѣдствіяхъ, встрѣченныхъ мною по
волю рожденныхъ

Древнимъ Ураномъ боговъ — объ одномъ раз-
скажу откровенно:

Въ морѣ находится островъ Огигія; тамъ оби-
таетъ

Хитроковарная дочь кознодѣя Атланта Калипсо, 245

Свѣтлокудрявая нимфа, богиня богинь. И не во-
дятъ

Общества съ нею ни вѣчные боги, ни смертные
люди.

Я же одинъ злополучный на островъ ея былъ
враждебнымъ

Демономъ брошенъ, когда мой корабль сокру-
шительнымъ громомъ

250 Зевсъ поразилъ посреди безпредельно-пустынного моря.

Спутниковъ всѣхъ (поглотила ихъ бездна) тогда я утратилъ.

Самъ же, на киль разбитаго судна, обхваченномъ мною,

Девять носившихся дней по волнамъ, на десятый съ наставшей

Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ Калипсо

255 Свѣтлокудрявая нимфа живетъ. И, пріютъ благосклонно

Давъ мнѣ, богиня меня угощала, кормила, хотѣла

Мнѣ наконецъ даровать и безсмертье и вѣчную младость.

Сердца однако она моего обольстить не успѣла

Цѣлые семь лѣтъ утратилъ я тамъ и текли непрестанно

260 Слезы мои на одежды, мнѣ данная нимфой безсмертной.

Годъ напоследокъ осьмой приведенъ былъ время обращеньемъ ;

Вдругъ мнѣ она повелѣла покинуть свой островъ — не знаю,

Зевса ль она убоялась, сама ль измѣнилася въ мысляхъ ?

Съль я на крѣпкосколоченный плотъ и она, надѣливши

Хлѣбомъ меня и душистымъ виномъ и нетлѣнной 265
одеждой,

Слѣдомъ послала за мной благовьющій вѣтеръ
попутный.

Дней совершилось семнадцать съ тѣхъ поръ, какъ
пустился я въ море ;

Вдругъ на осьмнадцатый видима стала вдали
надъ водами

Ваша земля и во мнѣ оживилося милое сердце,

Столь несказанно страдавшее. Много однако 270
еще мнѣ

Бѣдъ колебатель земли Посидонъ непреклонный
готовилъ :

Вѣтры поднявъ, заградилъ предо мной онъ до-
рогу, и море

Все безпредельное вдругъ затревожилось; былъ
я не въ силахъ,

Жалобно стонущій, судномъ владѣть на взволно-
ванной безднѣ :

Буря его изломала въ куски и, въ кипящую 275
влагу

Бросясь, пустился я вплавъ: напоследокъ при-
мчали

Къ вашему берегу меня многшумные вѣтры и
море ;

Гибели бѣ мнѣ не избѣгнуть, когда бѣ на уте-
систый берегъ

Былъ я волною, скалами его отшибаемой, ки-
нуть :

- 280 Силы напрягши, я въ сторону поплыль и скоро
 достигнулъ
 Устья рѣки — показалось то мѣсто пріютнымъ,
 тамъ острыхъ
 Не было камней, тамъ всюду отъ ветровъ явля-
 лась защита;
 На берегъ вышедъ, въ безсиліе впаль я; боже-
 ственной ночи
 Тма наступила; тогда, удалясь отъ потока, не-
 беснымъ
- 285 Зевсомъ рожденнаго, я пріютился въ кустахъ
 и въ опадшихъ
 Спрятался листьяхъ; и сонъ безконечный по-
 слами мнѣ боги.
 Тамъ подъ защитою листьевъ, съ печалію ми-
 лаго сердца,
 Проспалъ всю ночь я, все утро и за полдень долго;
 Солнце садилось, когда усладительный сонъ мой
 былъ прерванъ:
- 290 Дѣвъ, провожавшихъ царевну твою, я увидѣлъ
 на берегъ;
 Съ нею, подобныя нимфамъ, онъ, тамъ рѣзвися,
 играли.
 Къ ней обратилъ я молитву и такъ поступила
 разумно
 Юная царская дочь, какъ не многія съ ней оди-
 накихъ
 Лѣтъ поступить бы могли — молодежь разу-
 дительна рѣдко.

Сладкой ѣдой и виномъ искрометнымъ меня под- 295
крѣпивши,

Мнѣ искупаться въ потокъ велѣла она и одежду

Эту дала мнѣ. Я кончилъ, неистинъ все разска-
завъ вамъ.

Онъ умолкнулъ. Ему Алкиной отвѣчалъ благо-
склонно :

Странникъ, гораздо бѣ приличнѣе было для де-
чери нашей,

Если бѣ она пригласила тебя за собою немедля 300

Слѣдовать въ домъ нашъ: къ ней первой ты съ
просьбой своей обратился.

Такъ онъ сказалъ и ему возразилъ Одиссей
хитроумный :

Царь благородный, не дѣлай уврековъ разумной
царевнѣ ;

Слѣдовать мнѣ за собою она предложила не-
медля ;

Я жѣ отказался — мнѣ было бы стыдно ; при 305
томъ же подумалъ

Я, что, меня съ ней увидя, на насъ ты разгнѣ-
ваться могъ бы :

Скоро всегда раздражаемся мы, земнородные
люди.

Царь Алкиной, возражая, отвѣтствовалъ такъ
Одиссею :

Странникъ, въ груди у меня къ безразсудному
гнѣву такому

310 Сердце несклонно; приличіе жъ должно во всемъ
наблюдать намъ.

Если бъ — о Дій громовержець! о Фебъ А-
поллонъ! о Аенна! —

Если бъ пашелся, подобный тебъ, въ помышле-
няхъ со мною

Сходный, супругъ Навзикаъ, возлюбленный зять
мнѣ, и если бъ

Здѣсь поселился онъ. Домъ и богатства бы
далъ я, когда бы

315 Волей ты съ нами остался; насильно же здѣсь
иноземца

Мы не задержимъ, то было бы Зевсу отцу не-
удовольно.

Твой же отъездъ я устрою, чтобъ было тебъ
то извѣстно,

Завтра: ты, сладкому отдыху мирно предавшись,
будешь

Сонный въ спокойномъ безвѣтрїи плыть и до-
стигнешь

320 Въ землю отцевъ иль въ иную какую желанную
землю,

Сколь бы она ни лежала далѣко, хотя бы въ
Эвбею,

Даль которой ужъ нѣтъ ничего по сказанью
отважныхъ

Нашихъ пловцевъ, съ златовласымъ туда Рада-
мантомъ ходившихъ —

Титія, сына земли, посѣтилъ онъ и, сколь ни
далекъ былъ

Путь по глубокому морю, его безъ труда совер- 325
шли

Въ сутки они, до Эвбеи доплывъ и назадъ воз-
вратившисьъ.

Самъ ты узнаешь, какъ быстры у насъ корабли,
какъ отважно

Веслами море браздятъ мореходцы мои молодые.

Такъ онъ сказалъ; пролилося веселіе въ грудь
Одиссея;

Голосъ возвысивши свой, произнесъ онъ такую 330
молитву:

Дій, нашъ отецъ, да исполнится все, что теперь
объщаль мнѣ

Царь Алкиной, и да будетъ всегда на землѣ пло-
доносной

Слава ему! А меня проводи безопасно въ от-
чизну.

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя сладко.

Тою порой повелѣла царица Арета рабынямъ 335

Въ сѣняхъ поставить кровать, на нее положить
пурпуровый

Мягкій тюфякъ, и богатый коверъ разостлатъ;
на коверъ же

Теплымъ покровомъ для тѣла косматую мантию
бросить.

Факелы взявши, пошли изъ столовой рабыни;
когда же

340 Было совсѣмъ приготовлено мягкоупругое ложе,

Близко онъ подошедъ къ Одиссею, ему доложили:

Странникъ, иди почивать; для тебя пригото-
влено ложе.

Радостно было усталому гостю призыванье къ
покою;

Сладкоцѣлительный сонъ наконецъ онъ вкусилъ
безмятежно,

345 Въ звонкопространныхъ сѣняхъ на кровать про-
рѣзную возлегши.

Скоро и царь Алкиной, съ нимъ простяся, во
внутренней спальнѣ

Легъ на постель и заснулъ близъ супруги своей
благонравной.

СОДЕРЖАНИЕ ОДНОЙ ПЪСНИ

ОДИССЕЯ.

ПЪСНЬ ОСЬМАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМОЙ ПѢСНИ.

Тридцать третій день.

Алкиной, предложивъ собравшимся на площади гражданамъ устроить отпращиваніе Одиссея въ его отечество, приглашаетъ вельможъ и людей корабельныхъ къ себѣ на обѣдъ. Пѣніе Демодока во время пира. Потомъ игры: бѣгъ, бросаніе диска, борьба, кулачный бой. Одиссей, оскорбленный Эвриаломъ, бросаетъ камень и всѣхъ изумляетъ своею силою. Пляска, во время которой Демодокъ поетъ объ Арѣ и Афродитѣ. Всѣ возвращаются во дворецъ. Одиссей одаренъ изобильно. За вечернею трапезою Демодокъ поетъ о конѣ деревянномъ и подвигахъ вождей Ахейскихъ. Пѣснь его извлекаетъ слезы изъ очей Одиссея; царь Алкиной вопрошаетъ плачущаго о причинѣ его скорби и проситъ, чтобы онъ рассказалъ свои приключенія.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось —

Мирный покинула сонъ Алкиноева сила святая;

Всталъ и божественный мужъ Одиссей, городовъ
сокрушитель.

Царь Алкиной многовластный повель знамени-
таго гостя

На площадь, гдѣ невдали кораблей Феакійцы сби- 5
рались.

Съли, пришедши, на гладко-обтесанныхъ кам-
няхъ другъ съ другомъ

Рядомъ они. Той порою Паллада Аѳина по ули-
цамъ града,

Въ образъ облекшись глашатая царскаго, быстро
ходила;

Сердцемъ заботясь о скоромъ возвратѣ домой
Одиссея,

10 Къ каждому встрѣчному ласково рѣчь обращала
богиня:

Вы, Феакійскіе люди, вожди и владыки, скорѣе

На площадь всѣ соберитесь, дабы иноземца, ко-
торый

Въ домъ Алкиноя премудраго прибылъ вчера,
тамъ увидѣть:

Бурей къ намъ брошенный, богу онъ образомъ
свѣтлымъ подобенъ.

15 Такъ говоря, возбудила она любопытное рвеніе

Въ каждомъ, и скоро наполнилась площадь па-
родомъ; и съли

Всѣ по мѣстамъ. Съ удивленьемъ великимъ они
обращали

Взоръ на Лаэрта сына: ему красотой неска-
занной

Плечи одѣла Паллада, главу и лице озарила,

20 Станъ возвеличила, сдѣлала тѣло полнѣе, дабы
онъ

Могъ пріобрѣсть отъ людей Феакійскихъ прі-
язнь и вселилъ въ нихъ

Тренеть почтительный, мужеской силой на играхъ,
въ которыхъ

Имъ испытать надлежало его, отличась предъ на-
родомъ.

Всѣ собралися они и собраніе сдѣлалось пол-
нымъ.

Тутъ, обратясь къ нимъ, царь Алкиной про- 25
 изнесъ: приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, людей Феакійскихъ,
 дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ мнѣ
 разсудокъ и сердце.
 Гость иноземный — его я не знаю; бездомно
 скитаясь,
 Онъ отъ восточныхъ народовъ сюда иль отъ за-
 падныхъ прибылъ —
 Молить о томъ, чтобъ ему помогли мы достиг- 30
 нуть отчизны.
 Мы, сохраняя обычай, молящему гостю поможемъ;
 Ибо еще ни одинъ чужеземецъ, мой домъ посѣ-
 тившій,
 Долго здѣсь, плача, не ждалъ, чтобъ его я услы-
 шалъ молитву.
 Должно спустить на священные воды корабль
 чернобокій,
 Въ море еще не ходившій; потомъ изберемъ 35
 пятьдесятъ два
 Самыхъ отважныхъ межъ лучшими здѣсь моло-
 дыми гребцами;
 Весла къ скамьямъ прикрѣпивъ корабельнымъ,
 пускай соберутся
 Въ царскихъ палатахъ они и поспѣшно себѣ на
 дорогу
 Вкусный обѣдъ приготовятъ; я всѣхъ ихъ къ
 себѣ приглашаю.

- 40 Такъ отъ меня объявите гребцамъ молодымъ; а
самихъ васъ,
Скиптродержавныхъ владыкъ и судей, я прошу
въ мой пространный
Домъ, чтобъ со мною, какъ слѣдуетъ, тамъ уго-
стить иноземца;
Всѣхъ васъ прошу, отказаться невластенъ никто;
позовите
Также пѣвца Демодока: даръ пѣсней пріямъ отъ
боговъ онъ
- 45 Дивный, чтобъ все воспѣвать, что въ его про-
буждается сердце.
Кончивъ, пошелъ впереди онъ; за нимъ всѣ су-
дѣи и владыки
Скиптродержавные; звать Понтоной побѣжалъ
Демодока.
Скоро по волю царя пятьдесятъ два гребца, на
отлогомъ
Брегъ безплодносоленого моря собравшись, вмѣ-
стѣ
- 50 Къ ждавшему ихъ на песокъ кораблю подошли,
совокупной
Силою черныи корабль на священныя сдвинули
воды,
Подняли мачты, устроили всѣ корабельныя сна-
сти,
Въ крѣпкоременныя петли просунули длинныя
весла,
Должнымъ порядкомъ потомъ паруса утвер-
дили. Отведши

- Легкій корабль на открытое взморье, они собра- 55
лись
- Всѣ во дворецъ Алкиноя, царемъ приглашенные.
Скоро
- Всѣ переходы палатъ и дворы и притворы и
залы народомъ
- Сдѣлались полны — тамъ были и юноши, были
и старцы.
- Жирныхъ двѣнадцать овецъ, двухъ быковъ кри-
ворогихъ и восемь
- Остроклычистыхъ свиней Алкиной повелѣлъ имъ 60
зарѣзать ;
- Ихъ ободравъ, изобильный обѣдъ приготовили
гости.
- Тою порой съ знаменитымъ пѣвцемъ Понтоной
возвратился ;
- Муза его при рожденіи зломъ и добромъ ода-
рила :
- Очи затмила его, даровала за то сладкопѣнье.
- Стулъ среброкованный подалъ пѣвцу Понтоной, 65
и на немъ онъ
- Сѣлъ предъ гостями, спиной прислоняся къ ко-
лоннѣ высокой.
- Лиру слѣпца на гвоздь надъ его головою повѣ-
сивъ,
- Къ ней прикоснуться рукою ему — чтобъ ее
могъ найти онъ —
- Далъ Понтоной, и корзину съ ѣдою принесъ, и
подвинулъ

70 Столъ, и вина приготовилъ, чтобъ пить онъ, ко-
гда пожелаетъ.

Подняли руки они къ предложенной имъ пищѣ;
когда же

Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ
питьемъ и ѣдою,

Муза внушила пѣвцу возгласить о вождахъ зна-
менитыхъ,

Выбравъ изъ пѣсни, въ то время вездѣ до не-
бесъ возносимой,

75 Повесть о храбромъ Ахиллѣ и мудромъ Царь
Одиссеѣ,

Какъ между ими однажды на жертвенномъ пирѣ
великомъ

Распря въ ужасныхъ словахъ загорѣлась, и какъ
веселился

Въ духъ своемъ Агамемнонъ враждой знамени-
ныхъ Ахеянъ :

Знаменемъ добрымъ ему ту вражду предска-
заль Аполлоновъ

80 Въ храмъ Пифійскомъ оракулъ, когда черезъ
каменный прагъ онъ

Бога спросить перешель — а случилось то въ
самомъ началъ

Бѣдствій, ниспосланныхъ богомъ боговъ на Тро-
янъ и Данаевъ.

Началъ великую пѣснь Демодокъ; Одиссей же,
своею

Сильной рукою широкопурпурную мантию взявши,

Голову ею облекъ и лице благородное скрылъ 85
въ ней.

Слезъ онъ своихъ не хотѣлъ показать Феакій-
цамъ. Когда же,

Пѣнье прервавъ, сладкогласный на время умолкъ
пѣснопѣвецъ,

Слезы отерши, онъ мантию снялъ съ головы и,
наполнивъ

Кубокъ двудонный виномъ, совершилъ возліянье
безсмертнымъ.

Снова запѣлъ Демодокъ, отъ внимавшихъ ему 90
Феакіянъ,

Гласомъ его очарованныхъ, вызванный къ пѣнью
вторично ;

Голову мантией снова облекъ Одиссеей, прослезясь.

Были другими его незамѣчены слезы, но мудрый

Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину
ихъ, сѣдя

Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе 95
вздохи.

Онъ Феакіянамъ веселюбивымъ сказалъ: при-
глашаю

Выслушать слово мое васъ, судей и вельможъ
Феакійскихъ ;

Душу свою насладили довольно мы вкуснообиль-
ной

Пищей и звуками лиры, подруги пировъ слад-
когласной ;

- 100 Время отсюда пойти намъ и въ мужескихъ по-
двигахъ крѣпость
Силы своей оказать, чтобъ намъ гость, возвра-
тятся, домашнимъ
Могъ возвѣстить, сколь другихъ мы людей пре-
восходимъ въ кулачномъ
Бое, въ борьбѣ утомительной, въ прыганьи, въ
бѣгѣ проворномъ.
Кончивъ, поспѣшно пошелъ впереди онъ, за нимъ
всѣ другіе.
- 105 Звонкую лиру принявъ и повѣсивъ на гвоздь,
Демодока
За руку взялъ Понтоной и изъ залы пирше-
ственной вывелъ;
Вслѣдъ за другими, ведя пѣснопѣвца, пошелъ
онъ, чтобъ видѣть
Игры, въ которыхъ хотѣли себя отличить Феа-
кійцы.
На площадь всѣ собралися; толпой многочислен-
ношумной
- 110 Тамъ окружилъ ихъ народъ. Благородные юноши
къ бою
Вышли изъ сонма его: Акроней, Окіаль съ Эла-
треемъ,
Навтій, Примней, Анхіаль, Эретмей съ Анабазіо-
меномъ;
Съ ними явились Понтей, Прореонъ и Теоонъ съ
Амфіаломъ,
Сыномъ Політія, внукомъ Тектона; присталь на-
последокъ

Къ нимъ и молодой Эвриаль, Навболідь, равносиль- 115
 ный Арею :
 Всѣхъ Феакіянъ затмилъ бы чудесной своей кра-
 сотою онъ,
 Если бъ его самого не затмилъ Лаодамъ безпо-
 рочный.
 Къ нимъ подошли наконецъ Лаодамъ, Галионтъ
 съ богоравнымъ
 Клитонеономъ — три бодрые сына царя Алки-
 ния.
 Первые въ бѣгъ себя испытали они. Устремив- 120
 шись
 Съ мѣста того, на которомъ стояли, пустилися
 разомъ,
 Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ
 проворнѣй
 Клитонеонъ благородный — какою по свѣже-
 му полю
 Борозду плугомъ два мула проводятъ, на сколько
 оставивъ
 Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый 125
 къ народу.
 Стали другіе въ борьбѣ многотрудной испыты-
 вать силу :
 Всѣхъ Эвриаль одолѣлъ, превзошедши искус-
 ствомъ и лучшихъ.
 Въ прыганьи былъ Анхіаль побѣдителемъ. Тяж-
 каго диска
 Легкимъ бросаньемъ отъ всѣхъ Эретмей отли-
 чился. Въ кулачномъ

- 130 Боъ взялъ верхъ Лаодамъ, сынъ царя Алкиноя
прекрасный.
- Тутъ, какъ у всѣхъ ужъ довольно насытилось
играми сердце,
Къ юношамъ рѣчь обративши, сказалъ Лаодамъ,
Алкиноевъ
Сынъ: неприлично ли будетъ спросить намъ у
гостя, въ какихъ онъ
Играхъ способенъ себя отличить? Онъ не низкаго
роста,
- 135 Голени, бедра и руки его преисполнены силы,
Шея его жиловата, онъ мышцами крѣпокъ; го-
дами
Также не старъ; но превратности жизни его
изнурили.
Нѣтъ ничего, утверждаю, сильнѣй и губитель-
нѣй моря;
Крѣпость и самага бодрого мужа оно сокру-
шаетъ.
- 140 Умнымъ — сказалъ, отвѣчая на то, Эвриалъ
Лаодаму —
Кажется мнѣ предложеніе твое, Лаодамъ бла-
городный.
Самъ подойди къ иноземному гостю и сдѣлай
свой вызовъ.
Сынъ молодой Алкиноя, слова Эвриала услышавъ,
Вышелъ впередъ и сказалъ, обратясь къ царю
Одиссею :

Милости просимъ, отецъ иноземецъ; себя по- 145
кажи намъ

Въ играхъ, въ какихъ ты искусенъ — но вѣрно
во всѣхъ ты искусенъ —

Бодрому мужу ничто на земль не даетъ столь
великой

Славы, какъ легкія ноги и крѣпкія мышцы, яви
же

Силу свою намъ, изгнавъ изъ души всѣ печаль-
ныя думы.

Путь для тебя ужъ теперь недалекъ; ужъ ко- 150
рабль быстроходный

Съ берега сдвинуть и наши готовы къ отплы-
тію люди.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хи-
троумный :

Другъ, не обидѣть ли хочешь меня ты своимъ
предложеніемъ ?

Мнѣ не до игръ; на душъ несказанное горе; до-
вольно

Бѣдъ испыталъ и немало великихъ трудовъ пе- 155
ренесъ я ;

Ныне жъ, крушимый тоской по отчизнѣ, сижу
передъ вами,

Васъ и царя умоляя помочь мнѣ въ мой домъ
возвратиться.

Но Эвріаль Одиссею отвѣтствовалъ съ колкой
насмѣшкой :

Странникъ, я вижу, что ты неподобишься людямъ,
искуснымъ

- 160 Въ играхъ, однимъ лишь могучимъ атлетамъ
приличныхъ; конечно
Ты изъ числа промышленныхъ людей, обтекаю-
щихъ море
Въ многовесельныхъ своихъ корабляхъ для тор-
говли, о томъ лишь
Мысля, чтобъ, сбывъ своей товаръ и опять ко-
рабли нагрузивши,
Боль нажить барыша: но съ атлетомъ ты вѣсь
несходенъ.
- 165 Мрачно взглянувъ изъ подлѣбья, сказалъ Одиссей
благородный:
Слово обидно твое; человекъ ты, я вижу, зло-
умный.
Боги не всякаго всѣмъ нальляютъ; не каждый
имѣеть
Вдругъ и плѣнительный образъ и умъ и могу-
щество слова;
Тотъ по наружному виду вниманія мало до-
стоинъ —
- 170 Прелестью рѣчи за то одаренъ отъ боговъ; ве-
селятся
Люди, смотря на него, говорящаго съ муже-
ствомъ твердымъ
Или съ прѣвѣтливой кротостью; онъ украшенъ
собраній;
Бога въ немъ видятъ, когда онъ проходитъ по
улицамъ града.
Тотъ же напротивъ безсмертнымъ подобенъ лица
красотою,

Прелести жъ бѣдное слово его ни какой не имѣеть. 175

Такъ и твоя красота безпорочна, тебя и Зевесъ бы

Краше не создалъ; за то не имѣешь ты здраваго смысла,

Милое сердце въ груди у меня возмутить ты своею

Дерзкою рѣчью. Но я не безопытенъ, долженъ ты въдать,

Въ мужескихъ играхъ; изъ первыхъ бывалъ я 180 въ то время, когда мнѣ

Свѣжая младость и крѣпкія мышцы служили надежно.

Нынѣ жъ мои отъ трудовъ и печалей истрачены силы;

Видѣлъ немало я браней и долго среди бѣдосносныхъ

Странствовалъ водъ, но готовъ я себя испытать и лишенный

Силь; оскорбленъ я твоимъ безразсудно-ругательнымъ словомъ. 185

Такъ отвѣчавъ, поднялся онъ, и, мантии съ плечъ не сложивши,

Камень схватилъ — онъ огромный, плотный и тяжелъ всѣхъ дисковъ,

Брошенныхъ прежде людьми Феакійскими былъ; и съ размаха

Кинулъ его Одиссей, жilоватую руку напяривши;

- 190 Камень, жужжа, полетѣлъ; и подѣ нимѣ до земли
 головами
 Веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы
 Всѣ наклонились; а онѣ, далекó черезъ всѣ пере-
 мчался
 Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аѣина, подѣ
 видомѣ
 Старца, отмѣтивши знакомѣ его, Одиссею ска-
 зала:
- 195 Странникѣ, твой знакѣ и слѣпой различить безъ
 ошибки, ощулавѣ
 Просто рукою; лежитѣ онѣ отдѣльно отѣ про-
 чихѣ, гораздо
 Далѣе всѣхѣ ихѣ. Ты въ этомѣ бою побѣдилѣ;
 ни одинѣ здѣсь
 Камня ни далѣ, ни также далеко, какѣ ты, не-
 способенѣ
 Бросить. Отѣ словѣ сихѣ веселье проникло во
 грудь Одиссея.
- 200 Радуюсь тѣмѣ, что ему хотѣ одинѣ благосклон-
 ный въ собраньи
 Былъ судія, съ обновленной душой онѣ сказалѣ
 предстоявшимѣ:
 Юноши, прежде добросьте до этого камня; за
 вами
 Брошу другой я и столь же далеко, быть мо-
 жетѣ и далѣ.
 Пусть всѣ другіе, кого побуждаетѣ отважное
 сердце,

Выйдутъ и сдѣлаютъ опытъ; при всѣхъ оскор- 205
 бленный, я нынѣ
 Всѣхъ васъ на бой рукопашный, на бѣгъ, на
 борьбу вызываю;
 Съ каждымъ сразиться готовъ я — съ однимъ
 не могу Лаодамомъ :
 Гость я его — подыму ли на друга любящаго
 руку?
 Тотъ неразумень, тотъ пользы своей различать
 неспособенъ,
 Кто на чужой сторонѣ съ дружелюбнымъ хозя- 210
 номъ выйти
 Вздумаетъ въ бой; несомнѣнно себѣ самому по-
 вредитъ онъ.
 Но межъ другими никто для меня не презрите-
 ленъ, съ каждымъ
 Радъ я схватиться, чтобъ силу мою, грудь на
 грудь, испытать съ нимъ.
 Знайте, что я ни въ какомъ не безопытенъ муже-
 скомъ боѣ.
 Гладкимъ лукомъ и самымъ тугимъ я владѣю 215
 свободно;
 Первой стрѣлой поражу я на выборъ противника
 въ тѣсномъ
 Сонмѣ враговъ, хоть кругомъ бы меня и това-
 рищей много
 Было и мѣткую каждый стрѣлу на врага бы на-
 цѣлилъ.
 Только однимъ Филоктетомъ бывалъ я всегда
 побѣждаемъ

220 Въ Троѣ, когда мы Ахейцы тамъ, споря, изъ
лука стрѣляли.

Но утверждаю, что въ этомъ искусствѣ со мной
ни единый

Смертный, себя насыщающій хлѣбомъ, сравниться
не можетъ;

Я не дерзнулъ бы однако бороться съ героями
древнихъ

Летъ, ни съ Иракломъ, ни съ Эвритомъ, меткимъ
стрѣлкомъ Эхалійскимъ;

225 Спорить они и съ богами въ искусствѣ своемъ не
страшились;

Эвритъ великій погибъ отъ того; не достигъ онъ
глубокой

Старости въ домъ семейномъ своемъ; раздраживъ
Аполлона

Вызовомъ въ бой святотатнымъ, онъ изъ лука
былъ имъ застрѣленъ.

Даль копьемъ я достигнуть могу, чѣмъ другіе
стрѣлюю;

230 Можетъ случиться однако, что кто изъ людей
Феакійскихъ

Въ бѣгъ меня побѣдитъ: окруженный волнами, я
силы

Всѣ истощилъ, на невѣрномъ плоту не вкушая
столь долго

Пищи, покоя и сна; и мои всѣ разрушены члены.

Такъ онъ сказалъ; всѣ кругомъ неподвижно хра-
нили молчанье.

Но Алкиной, возражая, ответственвалъ такъ 0- 235
диссею:

Странникъ, ты словомъ своимъ не обидѣть насъ
хочешь; ты только

Всѣмъ показать намъ желаешь, какая еще сохра-
нилась

Крѣпость въ тебѣ; ты разгнѣванъ безумцемъ,
тебя оскорбившимъ

Дерзкой насмѣшкой — за то ни одинъ, говорить
здѣсь привыкшій

Съ здравымъ разсудкомъ, ни въ чемъ не по- 240
мыслить тебя опорочить.

Выслушай слово однако мое со вниманьемъ, чтобъ
послѣ

Дома его повторить при друзьяхъ благородныхъ,
когда ты,

Сидя съ женой и дѣтьми за веселой семейной
трапезой,

Вспомнишь о доблестяхъ нашихъ и тѣхъ даро-
ваньяхъ, какія

Намъ отъ отцевъ благодатью Зевеса достались 245
въ наслѣдство.

Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ
не отличны;

Быстры ногами за то несказанно и первые въ
морѣ;

Любимъ обѣды роскошныя, пѣніе, музыку, пляску,

Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое
ложе.

- 250 Но пригласите сюда плясуновъ Феакійскихъ ;
 зову я
 Самыхъ искусныхъ, чтобъ гость нашъ, увидя ихъ,
 могъ , возвратяся
 Въ домъ свой, тамъ всемъ рассказать, какъ другихъ
 мы людей превосходимъ
 Въ плаваньи по морю, въ бѣгѣ проворномъ и въ
 пляскѣ и въ пѣньи.
 Пусть принесутъ Демодоку его звонкогласную
 лиру ;
- 255 Гдѣ нибудь въ нашихъ пространныхъ палатахъ ее
 онъ оставилъ.
 Такъ Алкиной говорилъ, и глашатай, его исполняя
 Волю, поспѣшно пошелъ во дворецъ за желаемой
 лирой.
 Судьи, въ народѣ избранные, девять числомъ, на
 средину
 Поприща, строгіе въ играхъ порядка блюстители,
 вышли,
- 260 Мѣсто для пляски уладили, поприще сдѣлали
 шире.
 Тою порой изъ дворца возвратился глашатай,
 и лиру
 Подаль пѣвцу; предъ собранье онъ выступилъ;
 справа и слева
 Стали цвѣтущіе юноши , въ легкой искусные
 пляскѣ.
 Топали въ мѣру ногами подъ пѣсню они; съ на-
 слажденьемъ

Легкость сверкающихъ ногъ замечалъ Одиссей 265

и дивился.

Лирой гремя сладкозвучною, пѣлъ Демодокъ вдох-

новенный

Пѣснь о прекраснокудрявой Кинридь и богъ Арей:

Какъ ихъ свиданіе первое въ домъ владыки Ифеста

Было; какъ, много истративъ богатыхъ даровъ,

спозорилъ

Ложе Ифеста Арей, какъ открылъ наконецъ все 270

Ифесту

Геліосъ зоркій, любовное ихъ подстерегши сви-

данье.

Только достигла обидная вѣсть до Ифестова

слуха,

Мщеніе въ сердцѣ замысливъ, онъ въ кузницѣ

плаху поставилъ,

Крѣпко свою наковальню уладилъ на ней и про-

ворно

Съти сковаль изъ желѣзныхъ, крѣпчайшихъ, ни- 275

чемъ не разрывныхъ

Проволокъ. Хитрый окончивши трудъ и готова

Арею

Стыдъ, онъ пошелъ въ тотъ покой, гдѣ богатое

ложе стояло.

Тамъ онъ, сътями своими опутавъ подножье кро-

вати,

Ихъ на нее опустилъ съ потолка паутиною

тонкой;

280 Были не только невидимы оку людей, но и взо-
рамъ

Въчяныхъ боговъ непримѣтны онъ: такъ искусно
сковаль ихъ,

Мщенье готовя, Ифестъ. Западно передъ ложемъ
устроишь,

Онъ притворился, что путь свой направилъ въ
Лемносъ, крѣпкозданный

Городъ, всѣхъ болѣ другихъ городовъ на землѣ
имъ любимый.

285 Зорко за нимъ наблюдая, Арей златоуздный то-
гда же

Свѣдалъ, что въ путь свой Ифестъ, многославный
художникъ, пустился.

Сильной любовью къ прекрасновѣнчанной Кипри-
дѣ влекомый,

Въ домъ многославнаго бога художника тайно
вступилъ онъ.

Зевса отца посѣтивъ на высококомъ Олимпѣ, въ то
время

290 Дома одна, отдыхая, сидѣла богиня. Арей, подо-
шедши,

За руку взялъ и по имени назвалъ ее и сказалъ
ей:

Милая, часъ благосклоненъ, пойдемъ на роскош-
ное ложе;

Мужъ твой Ифестъ далекó; онъ на островъ Лем-
носъ удалился,

Вѣрно къ суровымъ Синтійцамъ, нарѣчя грубаго
людямъ.

Такъ онъ сказалъ и на ложе охотно легла съ 295
нимъ Киприда.

Мало по малу и онъ и она усыпились. Вдругъ
съти

Хитрой Ифеста работы, ушавъ, ихъ схватили съ
такою

Силой, что не было средства ни встать имъ, ни
тронуться членомъ;

Скоро они убьдились, что бѣгство для нихъ не-
возможно;

Скоро и самъ, не свершивъ половины пути, воз- 300
вратился

Въ домъ свой Ифестъ многоумный, на обѣ хро-
мающій ноги:

Геліосъ зоркій его обо всемъ извѣстить не заме-
длалъ.

Въ домъ свой вступивши съ печалію милого сердца,
поспѣшно

Двери Ифестъ отворилъ, и душа въ немъ на-
полнилась гнѣвомъ;

Громко онъ началъ вопить, чтобъ его всѣ у- 305
слышали боги:

Дій вседержитель, блаженные, вѣчные боги, сбе-
ритесь

Тяжкообидное, смѣха достойное дѣло увидѣть:

Какъ надо мной хромоногимъ Зевесова дочь
Афродита

Гнусно ругается, съ грознымъ Ареемъ губитель-
нымъ богомъ

- 310 Здѣсь сочетавшись. Конечно, красавецъ и твердъ
на ногахъ онъ;
Я жъ отъ рожденія хромъ — по моего ль ви-
ною? Виновны
Въ томъ лишь родители. Горе мнѣ, горе! За-
чѣмъ я родился?
Вотъ посмотрите, какъ оба, обнявшися нежно
другъ съ другомъ,
Снятъ на постель моей. Несказанно мнѣ горько
то видѣть.
- 315 Знаю однако, что такъ имъ въ другой разъ за-
снуть не удастся;
Сколь ни сильна въ нихъ любовь, но конечно
охота къ такому
Сну въ нихъ теперь ужъ прошла: не сниму съ
нихъ дотоль я этой
Сѣти, пока не отдастъ мнѣ отецъ всѣхъ бога-
тыхъ подарковъ,
Имъ отъ меня за невесту, безстыдную дочь, по-
лученныхъ.
- 320 Правда, прекрасна она, но ея переменчиво сердце.
Такъ онъ сказалъ. Той порой собрались въ мѣд-
ностынныхъ палатахъ
Боги; пришелъ Посидонъ земледержецъ; при-
шелъ дароносецъ
Эрмій; пришелъ Аполлонъ, издалика разящій
стрѣлами;
Но, сохраняя пристойность, богини остались
дома.

Въ двери вступили податели благъ всемогущіе 325
боги :

Подняли весь они смѣхъ несказанный, увидя, какое

Хитрое дѣло ревнивый Ифестъ совершить умудрился.

Глядя другъ на друга, такъ межъ собою они разсуждали:

Злое не впрокъ; надъ проворствомъ здѣсь медленность верхъ одержала;

Какъ ни хромаетъ Ифестъ, но поймалъ онъ Арея, 330
который

Самый быстрѣйшій изъ вѣчныхъ боговъ, на Олимпѣ живущихъ.

Хитростью взялъ онъ; достойная мзда посрамителю брака.

Такъ говорили, другъ съ другомъ бесѣдуя, вѣчные боги.

Къ Эрмію тутъ обратившись, сказалъ Аполлонъ,
сынъ Зевеса:

Эрмію, Кроніоновъ сынъ, благодатный боговъ 335
вѣстоносець,

Искренно мнѣ отвѣчай, согласился ль бы ты
подъ такую

Сътью лежать на постель одной съ золотою Кипридой?

Зоркій убійца Аргуса отвѣтствовалъ такъ Аполлону:

Если бъ могло то случиться, о царь Аполлонъ
стрѣловержець,

340 Сътю тройной бы себя я охотно опутать до-
зволить,

Пусть на меня бы собравшись богини и боги
смотрѣли,

Только бь лежать на постель одной съ золотою
Кипридой!

Такъ отвѣчалъ онъ; безсмертные подняли смѣхъ
несказанный.

Но Посидонъ не смѣялся; чтобъ выручить бога
Арея,

345 Къ славному дивнымъ искусствомъ Ифесту онъ,
голосъ возвысивъ,

Съ просьбой своей обратился и бросилъ крыла-
тое слово:

Дай имъ свободу; ручаюсь тебъ за Арея; какъ
самъ ты

Требуешь, все дополна при безсмертныхъ богахъ
онъ заплатитъ.

Богъ хромоногий Ифестъ, отвѣчая, сказалъ По-
сидону:

350 Нѣтъ! отъ меня Посидонъ земледержецъ того
ты не требуй.

Знаешь ты самъ, что всегда невѣрна за невѣр-
ныхъ порука.

Чѣмъ же тебя, всемогущій, могу я къ уплатѣ
принудить,

Если свободный Арей убѣжить и платить от-
речется?

Богу Ифесту отвѣтствовалъ такъ Посидонъ зем-
ледержецъ:

Если могучій Арей, чтобъ не быть принужденъ 355

нымъ къ уплатъ,

Скроется тайно, то все за него заплатитъ обя-
зуюсь

Я. Хромоногій Ифестъ отвѣчалъ Посидону вла-
дыкъ:

Воли твоей, Посидонъ, не дерзну и не властенъ
отвергнуть.

Съ сими словами разрушила цѣпи Ифестова сила.

Богъ и богиня — лишь только ихъ были разру- 360

шены цѣпи —

Быстро вскочивъ, улетѣли. Во Фригію онъ уда-
лился;

Скрылася въ Кипръ золотая съ улыбкой при-
вѣтной Киприда;

Былъ тамъ алтарь ей въ Пафосскомъ лѣсу бла-
говонномъ воздвигнуть;

Тамъ, искупавши ее и патерши душистымъ,
святое

Тѣло однихъ лишь боговъ орошающимъ масломъ, 365

Хариты

Плечи ея облачили одеждою прелести чудной.

Такъ воспѣвалъ вдохновенный цѣвецъ. Одиссей
благородный

Въ сердць, внимая ему, веселился; и съ нимъ
веселились

Веслолюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы.

370 Но Алкиной повелѣлъ Галіонту вдвоемъ съ Лаодамомъ

Пляску начать: въ ней не могъ превосходствомъ
никто побѣдить ихъ.

Мячъ разноцвѣтный, для нихъ руководѣльнымъ
Полибіемъ сшитый,

Взявъ, Лаодамъ съ молодымъ Галіонтомъ на
ровную площадь

Вышли; закинувши голову, мячъ къ облакамъ
темносвѣтлымъ

375 Бросилъ одинъ; а другой разбѣжался и, прыгнувъ
высоко,

Мячъ на лету подхватилъ, до земли не коснувшись
ногами.

Легкимъ бросаньемъ мяча въ высоту отличась
предъ народомъ,

Начали оба по гладкому лону земли плодосной

Быстро плясать; и затонали юноши въ мѣру
ногами,

380 Стоя кругомъ, и отъ топота ногъ ихъ вся площадь
гремѣла.

Долго смотрѣвъ, наконецъ сказалъ Одиссей
Алкиною:

Царь Алкиной: благороднѣйшій мужъ изъ мужей
Феакійскихъ,

Ты похвалился, что пляскою съ вами никто не
сравнится;

Правда твоя; то глазами я видѣлъ; безмѣрно
дивлюся.

Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Алкиноеву силу 385
святую.

Царь Феакіапамъ веслолюбивымъ сказалъ: при-
глашаю

Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феа-
кійскихъ ;

Разумъ великій имѣеть, я вижу, нашъ гость ино-
земный ;

Должно ему, какъ обычай велитъ, предложить
намъ подарки ;

Областью нашею правятъ двѣнадцать владыкъ 390
знаменитыхъ,

Праведно-строгихъ судей ; я тринадцатый, глав-
ный. Пусть каждый

Чистое верхнее платье съ хитономъ и съ полнымъ
талантомъ

Золота нашему гостю въ подарокъ назначить
обычный.

Все повелите сюда принести и своими руками

Страннику сдайте, чтобъ весель онъ былъ за 395
трапезою нашей.

Ты жъ, Эвріаль, удовольствуй его, передъ нимъ
повинившись,

Давъ и подарокъ : его оскорбилъ неприличнымъ
ты словомъ.

Такъ онъ сказалъ, изъявили свое одобренье другіе ;

Каждый глашатая въ домъ свой послалъ, чтобъ
подарки принесъ онъ.

400 Но Эвриаль, повинуясь, ответственвалъ такъ Алкиною :

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей
Феакійскихъ,

Я удовольствую гостя, желанье твое исполняя.

Мѣдный свой мечъ съ рукоятю серебряной въ
новыхъ

Чудной работы ножнахъ изъ слоновья кости,
охотно

405 Дамъ я ему, и конечно онъ даръ мой высоко
оцѣнить.

Такъ говоря, среброкованный мечъ свой онъ
свялъ и возвысилъ

Голосъ и бросилъ крылатое слово Лаэртovu
сыну :

Радуйся, добрый отецъ иноземецъ ! И если ска-
заль я

Дерзкое слово, пусть вѣтеръ его унесетъ и раз-
вѣетъ ;

410 Ты же, хранимый богами, да скоро увидишь
супругу,

Въ домъ возвратяся по долгопечальной разлу-
къ съ семьею.

Кончилъ ; ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитро-
умный :

Радуйся также и ты, и, хранимый богами, будь
счастливъ.

Въ сердце жъ своемъ никогда не раскайся, что
мнѣ драгоцѣнный

Мечъ подарилъ свой, повиннымъ меня удоволь- 415
ствовавъ словомъ.

Такъ отвѣчавъ, среброкованный мечъ на плечо
онъ повѣсилъ.

Солнце зашло; все богатые собраны были по-
дарки;

Ихъ поспѣшили глашатаи въ домъ отнести Ал-
киноевъ;

Тамъ сыновья Алкиноя владыки, принявши по-
дарки,

Отдали матери ихъ многоумной царицѣ Аретѣ. 420

Царь же повелъ знаменитаго гостя со всеми
другими

Въ домъ свой и съли пришедши они на возвы-
шенныхъ креслахъ.

Тутъ, обратясь къ царицѣ Аретѣ, сказалъ благо-
родный

Царь: принеси намъ, жена, драгоценнѣйшій са-
мый изъ многихъ

Нашихъ ковчеговъ, въ него положивши и верх- 425
нее платье

Съ тонкимъ хитономъ. Поставьте котелъ на о-
гонь, вскипятите

Воду, чтобъ гость нашъ омылся и, все осмо-
трѣвши подарки,

Имъ полученныя здѣсь отъ людей Феакійскихъ,
былъ весель,

Съ нами сидя за вечерней трапезой и пѣнью
внимая.

430 Я же еще драгоценный кувшинъ золотой на про-
щаньи

Дамъ, чтобъ, меня вспоминая, онъ могъ изъ него
ежедневно

Дома творить возліянье Зевсу и прочимъ без-
смертнымъ.

Такъ онъ сказалъ и царица Арета вельла ра-
бынямъ

Яркій огонь разложить подъ огромнымъ котломъ
троеножнымъ,

435 Тотчасъ котелъ треножный на яркомъ огнѣ
былъ поставленъ.

Налили воду въ котелъ и усилили хворостомъ
пламя;

Чрево сосуда оно обхватило, вода закипѣла.

Тою порою Арета прекрасный ковчегъ изъ по-
коевъ

Внутреннихъ вынесла гостю; въ ковчегъ поло-
жила подарки,

440 Золото, ризы и все, что ему Феакійскіе мужи

Дали; сама жъ къ нимъ прибавила верхнее пла-
тье съ хитономъ.

Кончивъ, она Одиссею крылатое бросила слово:

Кровлей накрывъ и тесьмою опутавъ ковчегъ,
завяжи ты

Узелъ, чтобъ кто на дорогъ чего не похитилъ,
покуда

Будешь покопться сномъ ты, пlying въ корабль 445
чернобокомъ.

То Одиссей богоравный, въ бѣдахъ постоянный,
услышавъ,

Кровлей накрылъ и тесьмою опуталъ ковчегъ и
искусный

Узель (какъ былъ наученъ хитроумной Цирцеєю)
сдѣлалъ.

Туть пригласила его домовитая ключница въ
баню

Члены свои оживить омовеньемъ; и теплой ку- 450
пальнѣ

Радъ былъ испытанный мужъ Одиссей, той усла-
ды лишенный

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ покинулъ жилище Ка-
липсы, въ которомъ

Нимфы ему, какъ безсмертному богу служили.
Когда же

Тьло омыла ему и елеемъ натерла рабыня,

Легкій надѣвши хитонъ и богатой облекшись 455
хламидой,

Вышелъ онъ свѣжій изъ бани и къ пьющимъ
гостямъ въ пировую

Залу вступилъ. Навзикая царевна, богиня красою,

Подлѣ столба, потолокъ подпиравшаго залы, сто-
яла.

Взоръ изумленный подиявъ на прекраснаго гостя,
царевна

460 Голосъ возвысила свой и крылатое бросила слово:

Радуйся, странникъ, но, въ милую землю отцевъ
возвратяся,

Помни меня; ты спасеніемъ встрѣчь со мною
обязанъ.

Юной царевнѣ отвѣтствовалъ такъ Одиссей мно-
гоумный:

О Навзикая, прекрасноцветущая дочь Алкиноя,

465 Если мнѣ Иры супругъ, громоносный Кроніонъ
дозволитъ

Въ домъ отеческомъ сладостный день возвра-
щенья увидѣть,

Буду тамъ помнить тебя и тебѣ ежедневно, какъ
богу,

Сердцемъ молиться: спасеніемъ встрѣчь съ то-
бой я обязанъ.

Такъ отвѣчавъ ей, на креслахъ онъ сѣлъ близъ
царя Алкиноя.

470 Было ужъ роздано мясо; ужъ чаши виномъ на-
полнялись.

Тою порой возвратился глашатай съ пѣвцемъ
Демодокомъ,

Чтимымъ въ народѣ. Пѣвецъ посреди светло-
зданной палаты

Сѣлъ предъ гостями, спиной прислонившись къ
колоннѣ высокой.

Полную жира хребтовую часть острозубаго
вепря

Взявши съ тарелки своей (для себя же оставя 475
тамъ боль),

Царь Одиссей многославный сказалъ, обратясь
къ Понтоною :

Эту почетную часть изготовленной вкусно ве-
прины

Дай Демодоку; его и печальный я чту неска-
занно.

Всѣмъ на обильной землѣ обитающимъ людямъ
любезны,

Всѣми высоко честимы пѣвцы; ихъ сама нау- 480
чила

Пѣвию Муза; ей мило пѣвцевъ благородное племя.

Такъ онъ сказалъ и проворно отнесъ отъ него
Демодоку

Мясо глашатай; пѣвецъ благодарно даяніе при-
нялъ.

Подняли руки они къ приготовленной пищѣ; ко-
гда же

Быль удовольствованъ голодъ ихъ сладкимъ пи- 485
тьемъ и ѣдою,

Такъ, обратясь къ Демодоку, сказалъ Одиссей
хитроумный :

Выше всѣхъ смертныхъ людей я тебя, Демодокъ,
поставляю;

Музою, дочерью Діа, иль Фебомъ самымъ нау-
ченный,

Все ты поешь по порядку, что было съ Ахей-
цами въ Троѣ,

490 Что совершили они и какія бѣды претерпѣли;

Можно подумать, что самъ былъ участникъ все-
му или отъ вѣрныхъ

Все очевидцевъ узналъ ты. Теперь о конѣ дере-
вянномъ,

Чудномъ Энеоса съ помощью дѣвы Паллады со-
зданьи,

Спой намъ, какъ въ городъ онъ былъ хитроум-
нымъ введенъ Одиссеемъ,

495 Полный вождей, напоследокъ святой Иліонъ со-
крушившихъ.

Если объ этомъ поистинѣ все намъ, какъ было,
споешь ты,

Буду тогда передъ всеми людьми повторять
повсемѣстно

Я, что божественнымъ пѣніемъ боги тебя ода-
рили.

Такъ онъ сказалъ и запѣлъ Демодокъ, преиспол-
ненный бога :

500 Началъ съ того онъ, какъ всѣ на своихъ кора-
бляхъ крѣпкозданныхъ

Въ море отплыли Данаи, предавши на жертву
пожару

Брошенный станъ свой, какъ первые мужи изъ
нихъ съ Одиссеемъ

Были оставлены въ Троѣ, замкнутые въ конской
утрѣбѣ,

Какъ напоследокъ коню Иліонъ отворили Тро-
яне.

Въ градъ стоялъ онъ; кругомъ, нерѣшимые въ 505
мысляхъ, сидѣли

Люди Троянскіе; было межъ ними троякое мнѣ-
нѣе :

Или губительной мѣдью громаду пронзить и раз-
рушить,

Или, ее докативши до замка, съ утеса низверг-
нуть,

Или оставить среди Иліона мирительной жертвой

Вѣчнымъ богамъ : на послѣднее всѣ согласились, 510
понеже

Было судьбой рѣшено, что падетъ Иліонъ, отво-
ривши

Стѣны коню, гдѣ Ахейцы избранные будутъ
скрываться,

Черную участь и смерть приготовивъ Троянамъ
враждебнымъ.

Послѣ воспѣлъ онъ, какъ мужи Ахейскіе въ градъ
ворвались,

Чрево коня отворивъ и изъ темнаго выбѣжавъ 515
склепа;

Какъ разъяренные каждый по-своему градъ раз-
оряли,

Какъ Одиссей къ Деифобову дому, подобный
Арею,

Бросился вмѣстѣ съ божественно-грознымъ въ
бою Менелаемъ.

Тамъ истребительный бой (продолжалъ пѣсно-
пѣвецъ) возжегши,

520 Онъ наконецъ побѣдилъ, подкрѣпленный вели-
кой Палладой.

Такъ объ Ахейнахъ пѣлъ Демодокъ; неслезанно
растроганъ

Былъ Одиссей, и рѣсницы его орошались сле-
зами.

Такъ сокрушенная плачетъ вдовица надъ тѣломъ
супруга,

Падшаго въ битвѣ упорной у всѣхъ впереди пе-
редъ градомъ,

525 Силясь отъ днѣ роковаго спасти согражданъ и
семейство.

Видя, какъ онъ содрогается въ смертной борьбѣ
и, прижавшись

Грудью къ нему, злополучная стонетъ; враги же
нещадно

Древками копій ея по плечамъ и хребту по-
ражая,

Бѣдную въ плѣнъ увлекаютъ на рабство и дол-
гое горе;

530 Тамъ отъ печали и плача ланиты ея увядаютъ.

Такъ отъ печали текли изъ очей Одиссеевыхъ
слезы.

Всѣми другими они незамѣчены были; но му-
дрый

Царь Алкиной ихъ замѣтилъ и понялъ причину
ихъ, сидя

Близъ Одиссея и слыша скорбящаго тяжкіе вздохи.

Онъ Феакіянамъ веслолюбивымъ сказалъ: при- 535
глашаю

Выслушать слово мое васъ, судей и владыкъ Феа-
кійскихъ.

Пусть Демодокъ звонкострунную лиру заставитъ
умолкнуть;

Здѣсь онъ не всѣхъ веселитъ насъ ея сладко-
гласіемъ дивнымъ:

Съ тѣхъ поръ, какъ пѣнье божественный началъ
пѣвецъ на вечернемъ

Нашемъ пиру, непрестанно глубоко и тяжело взды- 540
хаетъ

Странникъ; конечно прикорбіе сердцемъ его
овладѣло.

Долженъ умолкнуть пѣвецъ, чтобъ могли здѣсь
равно веселиться

Гость нашъ и всѣ мы; конечно для насъ то
пріятнѣе будетъ.

Здѣсь же давно къ отправленію въ путь иноземца
готово

Все; и подарки ужъ собраны, данные дружбою 545
нашей.

Странникъ молящій не менѣе брата роднаго лю-
безень

Всякому, кто одаренъ отъ боговъ не безжалост-
нымъ сердцемъ.

Ты же теперь, ничего не скрывая, ответствуй на
то мнѣ,

Гость нашъ, о чемъ я тебя вопрошу: откровен-
ность похвальна.

- 550 Имя скажи мнѣ, какимъ и отецъ твой и мать
и другіе
Въ градъ твоёмъ и отечествъ миломъ тебя ве-
личаютъ.
Между живущихъ людей безыменнымъ никто не
бываетъ
Вовсе; въ минуту рожденія каждый и низкій и
знатный
Имя свое отъ родителей въ сладостный даръ
получаетъ ;
- 555 Землю и градъ и народъ свой потомъ назови,
чтобъ согласно
Съ волей твоей и корабль нашъ свое направленіе
выбралъ ;
Кормщикъ не правитъ въ моряхъ кораблемъ
Феакійскимъ ; руля мы,
Нужнаго каждому судну, на нашихъ судахъ не
имѣемъ ;
Сами онъ понимаютъ своихъ корабельщиковъ
мысли ;
- 560 Сами находятъ онъ и жилища людей и поля ихъ
Тучнообильныя ; быстро онъ всѣ моря обтекаютъ,
Мглою и туманомъ одѣтыя ; нѣтъ никогда имъ
боязни
Вредъ на волнахъ претерпѣть иль отъ бури въ
пучинѣ погибнуть.
Вотъ что однако въ ребячествѣ я отъ отца
Навзитою

Слышалъ: не разъ говорилъ онъ, что богъ По- 565
сидонъ недоволенъ
Нами за то, что развозимъ мы всѣхъ по морямъ
безопасно.
Нькогда, онъ утверждалъ, Феакійскій корабль,
проводившій
Странника въ землю его, возвращаяся моремъ
туманнымъ,
Будеть разбить Посидономъ, который высокой
гору
Градъ нашъ задвинетъ. Исполнить ли то Поси- 570
донъ земледержецъ,
Иль не исполнить — пусть будетъ по волю вели-
каго бога!
Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я всю
истину въдать,
Гдѣ по морямъ ты скитался? Какихъ челове-
ковъ ты земли
Видѣлъ? Свѣтлонаселенные ихъ города опиши
намъ:
Были ль межъ ними свирѣпые, дикіе, чуждые 575
правды?
Были ль благіе для странника, чтущіе волю без-
смертныхъ?
Также скажи, отъ чего ты такъ плачешь? за-
чѣмъ такъ печально
Слушаешь повѣсть о битвахъ Данаевъ, о Тровъ
погибшей?
Имъ для того ниспослали и смерть и погибель-
ный жребій

580 Боги, чтобъ славною пѣсню были они для по-
томковъ.

Ты же конечно утратилъ роднаго у стѣнъ И-
ліонскихъ,

Милаго зятя иль тестя, которые нашему сердцу

Самые близкіе послѣ возлюбленныхъ сродниковъ
кровныхъ?

Или товарища вѣжнопривѣтнаго, кроткаго серд-
цемъ,

585 Тамъ потерялъ ты? Не менѣе брата роднаго
любезенъ

Намъ нашъ товарищъ, испытанный другъ и
разумный совѣтникъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей начинаетъ рассказывать свои приключенія. Отплытіе отъ береговъ Троянскихъ. Разрушеніе Измара, города Киконувъ, и гибель многихъ спутниковъ Одиссея. Буря. Посѣщеніе Лотофаговъ. Прибытіе въ область Циклоповъ. Одиссей, оставя у козьяго острова свои корабли, съ однимъ собственнымъ кораблемъ пристаеъ къ недалекому берегу Циклоповъ. Выбравъ двѣнадцать изъ своихъ корабельныхъ товарищей, онъ входитъ съ ними въ пещеру Полифема. Гибель шести изъ спутниковъ Одиссеевыхъ, сожранныхъ Циклопомъ. Опьянивъ его, Одиссей пронзаетъ ему глазъ и потомъ хитростію спасаетъ себя и товарищей отъ его бѣшенства. Они похищаютъ Циклопово стадо и возвращаются на козій островъ. Полифемъ призываетъ отца Посидона и молить, чтобы онъ отмстилъ за него Одиссею.

Вончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей бого-
равный:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей
Феакійскихъ,

Сладко вниманье свое намъ склонять къ пѣсно-
пѣвцу, который,

Слухъ нашъ плыняя, богамъ вдохновеньемъ вы-
сокимъ подобенъ.

Я же скажу, что великая нашему сердцу утѣха 5

Видѣть, какъ цѣлой страной обладаетъ веселье;
какъ всюду

Сладко пируютъ въ домахъ, пѣснопѣвцамъ вни-
мая; какъ гости

Рядомъ по чину сидятъ за столами, и хлѣбомъ
и мясомъ

Пышно покрытыми; какъ изъ кратерь живо-
творный напитокъ

10 Льетъ виночерпій и въ кубкахъ его опьненныхъ
разноситъ.

Думаю я, что для сердца ничто быть утѣшпій
не можетъ.

Но отъ меня о плачевныхъ страданьяхъ моихъ
ты желаешь

Слышать, чтобъ сердце мое преисполнилось пла-
чемъ сильнѣйшимъ :

Что же я прежде, что послѣ, и что наконецъ
расскажу вамъ ?

15 Много Ураниды боги мнѣ бѣдствій различныхъ
послали.

Прежде однако вамъ имя свое назову, чтобъ
могли вы

Знать обо мнѣ, чтобъ, покуда еще мной не
встрѣченъ послѣдній

День, и въ далекой странѣ я считался вамъ го-
стемъ любезнымъ.

Я Одиссей, сынъ Лаэртовъ, вездѣ изобрѣтенъ емъ
многихъ

20 Хитростей славный и громкой молвой до небесъ
вознесенный.

Въ солнечносвѣтлой И такъ живу я ; тамъ Неріонъ,
всюду

Видимый съ моря, подъемлетъ вершину льси-
стую ; много

Тамъ и другихъ острововъ, недалекихъ одинъ
отъ другаго :

Замъ, и Дулихій, и льсомъ богатый Закинѣъ ;
и на самомъ

Западъ плоско лежитъ окруженная моремъ И- 25
така

(Прочіе жъ ближе къ предѣлу, гдѣ Эось и Ге-
люсь всходятъ);

Доно ея каменисто, но юношей бодрыхъ питаетъ;

Я же не въдаю края прекраснѣе милой Итаки.

Тщетно Калипсо, богиня богинь, въ заключеніи
долгомъ

Силой держала меня, убѣждая, чтобъ былъ ей 30
супругомъ;

Тщетно меня чародѣйка, владычица Эи, Цирцея

Въ домъ держала своемъ, убѣждая, чтобъ былъ
ей супругомъ —

Хитрая лестъ ихъ въ груди у меня не опутала
сердца;

Сладостнѣй нѣтъ ничего намъ отчизны и срод-
никовъ нашихъ,

Даже когда бъ и роскошно въ богатой обители 35
жили

Мы на чужой сторонѣ, далекó отъ родителей
милыхъ.

Если однако велишь, то о странствіи трудномъ,
какое

Зевсъ учредилъ мнѣ, отъ Трои плывущему, все
разкажу я.

Вътеръ отъ стѣнъ Иліона привелъ насъ ко граду
Киконовъ,

40 Измару: градъ мы разрушили, жителей всѣхъ
истребили.

Женъ сохранивши и всякихъ сокровищъ награ-
бивши много,

Стали добычу дѣлить мы, чтобъ каждый могъ
взять свой участокъ.

Я жь настоялъ, чтобъ немедля стноюю поспѣш-
ною въ бѣгство

Всѣ обратились: но добрый совѣтъ мой отвергли
безумцы;

45 Полные хмѣля, они пировали на брегъ песчаномъ,

Мелкаго много скота и быковъ криворогихъ за-
рѣзавъ.

Тою порою Киконы, изъ града бѣжавшіе, мно-
гихъ

Собрали жившихъ соседственно съ ними въ
странъ той Киконовъ,

Сильныхъ числомъ, приобывшихъ сражаться съ
копей, и не менѣ

50 Смѣлыхъ, когда имъ и пѣшимъ въ сраженіе
вступать надлежало.

Вдругъ ихъ явилось такъ много, какъ листьевъ
древесныхъ иль раннихъ

Вешнихъ цвѣтовъ; и тогда же намъ сдѣлалось
явно, что злую

Участь и бѣдствія многія намъ приготовилъ Кро-
ніонъ.

Сдвинувшись, начали бой мы вблизи кораблей
быстроходныхъ,

Острыя копья, обитыя мѣдью бросая другъ въ друга. Покуда 55

Длилося утро, пока продолжалъ подыматься священный

День, мы держались и ихъ отбивали сильнѣйшихъ; когда же

Геліосъ къ позднему часу воловъ отпряженья склонился,

Въ бѣгъ обратили Киконы осиленныхъ ими Ахеянъ.

Съ cadaго я корабля по шести броненосцевъ 60
отважныхъ

Тутъ потерялъ; отъ судьбы и отъ смерти ушли остальные.

Далье поплыли мы въ сокрушеннн великомъ о
милыхъ

Мертвыхъ, но радуясь въ сердце, что сами спаслись отъ смерти.

Я жъ не отвелъ кораблей легкоходныхъ отъ
брега, покуда

Три раза не былъ по имени названъ изъ нашихъ 65
несчастныхъ

Спутниковъ каждый, погибшій въ бою и оставленный въ полъ.

Вдругъ собирающій тучи Зевесъ буреносца Борейя,

Страшно ревушаго, выслалъ на насъ; облака обложили

Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла
ночь.

70 Мчались суда, погружаяся въ волны носами; въ-
трила

Трижды, четырежды были разорваны силою бури.

Мы, избѣгая бѣды, въ корабли ихъ, свернувъ,
уложили;

Сами же начали веслами къ ближнему берегу
править;

Тамъ провели мы въ бездѣйствіи скучномъ два
дня и двѣ ночи,

75 Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжелой пе-
чалью сердца.

Третій намъ день привела свѣтозарно-кудрявая
Эось;

Мачты устроивъ и снова поднявъ паруса, на
суда мы

Съли; они понеслись, повинуюсь кормилу и вѣтру.

Мы невредимо бы въ милую землю отцевъ воз-
вратились,

80 Если бъ волненіе моря и сила Борея не сбили

Насъ, обходящихъ Маллею, съ пути, отдаливъ
отъ Киперы.

Девять носила насъ дней раздраженная буря по
темнымъ

Рыбообильнымъ водамъ; на десятый къ земль
Лотофаговъ,

Пищей цвѣточной себя насыщающихъ, вѣтеръ
примчалъ насъ.

- 100 Върнымъ товарищамъ далъ приказанье, ни мало
не медля,
Всѣмъ на проворные състь корабли, чтобъ изъ
нихъ ни который,
Лотосомъ сладкимъ прельстясь, отъ возврата
домой не отрекся.
Всѣ на суда собралися и, сѣвши на лавкахъ у
весель,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя
воды.
- 105 Далѣ поплыли мы, сокрушенные сердцемъ, и въ
землю
Прибыли сильныхъ, свирѣныхъ, не знающихъ
правды Циклоповъ.
Тамъ беззаботно они, подъ защитой безсмерт-
ныхъ имѣя
Все, ни руками не съютъ, ни плугомъ не пашутъ;
земля тамъ
Тучная щедро сама безъ паханья и сѣва даетъ
имъ
- 110 Рожъ и пшепо и ячень и роскошныхъ кистей ви-
нограда
Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ
оплождаетъ.
Нѣтъ между ними ни сходбищъ народныхъ, ни
общихъ совѣтовъ;
Въ темныхъ пещерахъ они иль на горныхъ вер-
шинахъ высокихъ
Вольно живутъ; надъ женой и дѣтьми безотчетно
тамъ каждый

Властвуетъ, зная себя одного, о другихъ не за- 115
ботясь.

Есть островокъ тамъ пустынный и дикій; ле-
житъ онъ на темномъ
Лонь морскомъ, ни далеко ни близко отъ берега
Циклоповъ,
Льсомъ покрытый; въ великомъ тамъ множествѣ
дикія козы
Водятся; ихъ никогда не тревожилъ шаговъ че-
ловѣка
Шумъ; никогда не заглядывалъ къ нимъ звѣро- 120
ловецъ, за дичью
Съ тяжкимъ трудомъ по горамъ крутобокимъ
со псами бродящій;
Тамъ не пасутся стада и земли не касаются
плуги;
Тамъ ни въ какіе дни года ни сѣютъ, ни пахутъ;
людей тамъ
Нѣтъ; безъ боязни тамъ ходятъ однѣ тонконо-
гія козы,
Ибо Циклопы еще кораблей красногрудыхъ не 125
знаютъ;
Нѣтъ между ними искусниковъ, опытныхъ въ
хитромъ строеніи
Крѣпкихъ судовъ, изъ которыхъ бы каждый,
моря обтекаая,
Разныхъ народовъ страны посещалъ, какъ бы-
ваетъ, что ходятъ
По морю люди, съ другими людьми дружелюб-
но знакомясь.

- 130 Дикій тотъ островъ могли обратитьъ бы въ цвѣ-
тущій Циклопы;
Онъ не безплоденъ; тамъ все бы роскошно ра-
ждалося къ сроку;
Сходятъ широкой отлогостью къ морю луга
тамъ густые,
Влажные, мягкіе; много бъ вездѣ разрослось
винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы покрылись вы-
сокой
- 135 Рожью и жатва была бы на тучной землѣ изобильна.
Есть тамъ надежная пристань, въ которой не
нужно ни тяжкій
Якорь бросать, ни канатомъ привязывать шаткое
судно;
Можетъ оно простоять безопасно тамъ, сколько
захочетъ
Плаватель самъ, иль пока не подыметъ вѣтеръ
попутный.
- 140 Въ самой вершинѣ залива прозрачно ввергается
въ море
Ключь, изъ пещеры бѣгущій подъ сѣнію топо-
лей черныхъ.
Въ эту мы пристань вошли съ кораблями; въ
ночной темнотѣ намъ
Путь указалъ благодѣтельный Демонъ: былъ
островъ невидимъ;
Влажный туманъ окружалъ корабли; не светила
Селена

Съ неба високаго; тучи его покрывали густыя; 145

Острова было нельзя различить намъ глазами во
мракъ;

Видѣть и длинныхъ, ширóко на берегъ отлогій
бѣгущихъ

Волнъ не могли мы, пока корабли не коснулись
брега.

Но лишь коснулись берега они, паруса мы свер-
нули;

Сами же, вышедъ на берегъ, поражаемый шумно 150
волнами,

Сну предались въ ожиданьи восхода на небо
денницы.

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось;

Весь обошли съ удивленьемъ великимъ мы островъ
пустынный;

Нимфы же, дочери Зевса эгидодержавца, при-
гнали

Козъ съ обвѣваемыхъ вѣтрами горъ, для богатой 155
намъ пищи;

Гибкіе луки, охотничьи легкія копья немедля

Взяли съ своихъ кораблей мы и, на три толпы
раздѣляся,

Начали битву; и богъ благосклонный великой
добычей

Насъ наградилъ: всѣ двѣнадцать моихъ кораблей
запасли мы;

- 160 Девять на каждый досталось по жеребью козъ;
для себя же
Выбралъ я десять. И цѣлый мы день до вечер-
няго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣ-
шались,
Ибо еще на моихъ корабляхъ золотого довольно
Было вина: мы наполнили много скудельныхъ
сосудовъ
- 165 Сладкимъ напиткомъ, разрушивши городъ свя-
щенный Киконовъ.
Съ острова жъ въ области близкой Циклоповъ
намъ ясно былъ видѣнъ
Дымъ; голоса ихъ, блеянье ихъ козъ и барановъ
могли мы
Слышать. Тѣмъ временемъ солнце померкло и
тма наступила.
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяю-
щихъ въ берегъ.
- 170 Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпур-
ными Эось;
Вѣрныхъ товарищей я на советъ пригласилъ и
сказалъ имъ:
Всѣ вы, товарищи вѣрные, здѣсь безъ меня оста-
вайтесь;
Я же, съ моимъ кораблемъ и моими людьми
удаляся,
Сведать о томъ попытаюсь, какой тамъ народъ
обитаеть,

Дикій ли, правомъ свирѣпый, не знающій правды, 175

Или прѣвѣтливый, богобоязненный, гостепріим-
ный?

Такъ я сказалъ и, вступивъ на корабль, повелѣлъ,
чтобъ за мною

Люди мои на него всеъ взошли и канать отвязали;

Люди взошли на корабль и, сѣвши на лавкахъ у
весель,

Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя 180
воды.

Къ берегу близкому скоро приставъ съ кораблемъ,
мы открыли

Въ крайнемъ, у самага моря стоявшемъ утесъ
пещеру,

Густо одѣтую лавромъ, пространную, гдѣ соби-
рался

Мелкій во множествѣ скоть; тамъ высокой стѣ-
ной изъ огромныхъ,

Грубо набросанныхъ камней былъ дворъ обве- 185
день, и стояли

Частымъ заборомъ вокругъ черноглавыя дубы
и сосны.

Мужъ великанскаго роста въ пещеръ той жилъ;
одинокъ

Пасъ онъ барановъ и козъ, и ни съ кѣмъ изъ
другихъ не водился;

Былъ нелюдимъ онъ, свирѣпъ, ни какого не въ-
далъ закона;

- 190 Видомъ и ростомъ чудовищнымъ въ страхъ при-
 вода, онъ несходенъ
 Былъ съ человекомъ, вкушающимъ хлѣбъ, и ка-
 зался лѣсистой,
 Дикой вершиной горы, надъ другими воздвиг-
 шейся грозно.
 Спутникамъ вѣрнымъ моимъ повелѣлъ я остать-
 ся на брегъ
 Близъ корабля и его сторожить неусыпно; съ
 собой же
- 195 Взявши двѣнадцать надежныхъ и самыхъ отваж-
 ныхъ, пошелъ я
 Съ ними; и мы запаслися вина драгоценнаго
 полнымъ
 Мѣхомъ: Маронъ, Аполлона великаго жрецъ,
 Эвантеевъ
 Сынъ, обитавшій въ разрушенномъ Измарѣ, имъ
 надѣлилъ насъ
 Въ даръ благодарный за то, что его мы съ
 женою и съ сыномъ —
- 200 Санъ уважая жреца — пощадили во градъ, гдѣ
 жилъ онъ
 Въ роцъ густой Аполлона; меня жъ одарилъ
 онъ особо:
 Золота лучшей доброты онъ далъ мнѣ семь
 полныхъ талантовъ;
 Далъ сребролитную дивной работы кратеру, и
 налилъ
 Цѣлыхъ двѣнадцать большихъ мнѣ скуделей ви-
 номъ, драгоценнымъ,

- 220 Заперты были козлята, барашки, по возрастамъ
разнымъ въ порядкѣ
Тамъ размѣщенные: старшіе съ старшими, сред-
ніе подлѣ
Среднихъ и съ младшими младшіе; ведра и чаши
Были до самыхъ краевъ налиты простоквашей
густою.
Спутники стали меня убѣждать, чтобъ, запас-
шись сырами,
225 Болъ я въ страшной пещерѣ не медлилъ, чтобъ
всѣ мы скорѣе,
Взявши въ закутахъ отборныхъ козлятъ и ба-
ранковъ, съ добычей
Нашей на быстрый корабль убѣжали и въ море
пустились.
Я на бѣду отказался полезный совѣтъ ихъ ис-
полнить;
Видѣть его мнѣ хотѣлось въ надеждѣ, что, насъ
угостивши,
230 Дастъ намъ подарокъ: но встрѣтиться съ нимъ
не на радость намъ было.
Яркій огонь разложивъ, совершили мы жертву;
добывши
Сыру потомъ и насытивъ свой голодь, остались
въ пещерѣ
Ждать, чтобъ со стадомъ въ нее возвратился
хозяинъ. И скоро
Съ ношею дровъ, для варенья вечернія пищи,
явился

Онъ и со стукомъ на землю дрова передъ вхо- 235
домъ пещеры
Бросилъ; объятые страхомъ мы спрятались въ
уголъ; пригнавши
Стадо откормленныхъ козъ и волнистыхъ бара-
новъ къ пещеръ,
Матокъ въ нее онъ впустилъ, а самцевъ, и ко-
зловъ и барановъ,
Прежде отъ нихъ отдѣливъ, на дворъ передъ
входомъ оставилъ.
Кончивъ, чтобъ входъ заградить, несказанно ве- 240
ликій съ земли онъ
Камень, который и двадцать два воза четырехъ
колесныхъ
Съ мѣста бѣ не сдвинули, поднялъ: подобенъ
скаль необъятной
Былъ онъ; его подхвативши и входъ имъ пе-
щеры задвинувъ,
Сълъ онъ и матокъ доить принялся надлежащимъ
порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую матку 245
ея онъ
Клалъ сосуна. Половину отливъ молока въ пле-
теницы,
Въ нихъ онъ оставилъ его, чтобъ оно огустьло
для сыра;
Все жъ молоко restante разлилъ по сосудамъ,
чтобъ послѣ
Пить по утрамъ иль за ужиномъ, съ пажити стадо
пригнавши.

250 Кончивъ съ заботливымъ спѣхомъ работу свою,
наконецъ онъ

Яркій огонь разложилъ, насъ увидѣлъ и грубо
сказалъ намъ:

Странники, кто вы? Откуда пришли водяною
дорогой?

Дѣло ль какое у васъ? Иль безъ дѣла скитаетесь
всюду,

Взадъ и впередъ по морямъ, какъ добычники
вольные, мчась,

255 Жизнью играя своей и бѣды приключая наро-
дамъ?

Такъ онъ сказалъ намъ; у каждаго замерло ми-
лое сердце:

Голосъ гремящій и образъ чудовища въ трепетъ
привелъ насъ.

Но, ободрясь, напоследокъ отвѣтствовалъ такъ
я Циклону:

Всѣ мы Ахейцы; плывемъ отъ далека Трои;
сюда же

260 Бурею насъ принесло по волнамъ безпредель-
наго моря.

Въ милую землю отцевъ возвращаясь, съ пря-
маго пути мы

Сбились; такъ было конечно угодно могучему
Зевсу.

Служимъ мы въ войскъ Атрида царя Агамем-
нона; онъ же

Всѣхъ земнородныхъ людей превзошелъ неска-
занною славой,

Городъ великій разрушивъ и много враговъ ис- 265
требивши.

Нынѣ къ колѣнамъ припавши твоимъ, мы тебя
умоляемъ

Насъ безпріютныхъ къ себѣ дружелюбно принять
и подарокъ

Дать намъ, какимъ завсегда на прощаньи гостей
надѣляютъ.

Ты же убойся боговъ; мы пришельцы, мы ищемъ
покрова;

Мститъ за пришельцевъ отверженныхъ строго 270
небесный Крононъ,

Богъ гостелюбецъ, священнаго странника вождь
и заступникъ.

Такъ я сказалъ; съ неописанной злостью Ци-
клопъ отвѣчалъ мнѣ:

Видно, что ты издалика, иль вѣсье безумень,
пришелецъ,

Если могъ вздумать, что я побоюсь иль уважу
безсмертныхъ.

Намъ Циклопамъ нѣтъ нужды ни въ богъ Зевесъ, 275
ни въ прочихъ

Вашихъ блаженныхъ богахъ; мы породой ихъ
всѣхъ знаменитѣй;

Страхъ громовержца Зевеса разгнѣвать меня
не принудитъ

Васъ пощадить; поступлю я, какъ мнѣ самому
то угодно.

Ты же теперь мнѣ скажи, гдѣ корабль, на ко-
торомъ пришли вы

280 Къ намъ? Далеко ли или близко отсюда стоитъ
онъ? То въдать

Долженъ я. Такъ, искушая, онъ хитро спросилъ.

Остерегшись,

Хитрыми самъ я словами отъвѣтствовалъ злему

Циклопу:

Богъ Посидонъ, колебатель земли, мой корабль

уничтожилъ,

Бросивъ его недалеко отъ здѣшняго берега на

камни

285 Мыса крутаго, и бурное море обломки умчало.

Мнѣ жъ и со мною немногимъ отъ смерти спас-
тись удалось.

Такъ я сказалъ и, отвѣта не давъ ни какого, онъ
быстро

Прянулъ, какъ бѣшеный зверь, и, огромныя вы-
тянувъ руки,

Разомъ межъ нами двоихъ, какъ щенятъ, под-
хватилъ и ударилъ

290 Оземь; ихъ черепъ разбился; обрызгало мозгомъ
пещеру.

Онъ же, обоихъ разсѣкши на части, изъ нихъ
свой ужасный

Ужинъ состряпалъ и жадно, какъ левъ, разъя-
ряемый гладомъ,

Съѣлъ ихъ, ни кости, ни мяса куска, ни утробъ
не оставивъ.

Мы, святотатнаго дѣла свидѣтели, руки со сто-
номъ

Къ Дію отцу подымали; нашъ умъ помутился 295
отъ скорби.

Чрево наполнивъ свое человеческимъ мясомъ и
свѣжимъ

Страшную пищу запивъ молокомъ, людоѣдъ без-
заботно

Между козловъ и барановъ на голой землѣ рас-
тянулся.

Тутъ подошелъ я къ нему съ дерзновеннымъ на-
мѣреньемъ сердца,

Острый свой мечъ обнаживши, чудовищу мстя— 300
щею мѣдью

Тѣло въ томъ мѣстѣ провзить, гдѣ подъ грудью
находится печень.

Мечъ мой ужъ былъ занесенъ; но иное на мысли
пришло мнѣ:

Съ нимъ неизбежно и насъ бы постигнула вѣр-
ная гибель:

Всѣ совокупно мы были бѣ не въ силахъ отъ
входа пещеры

Слабою нашей рукою тяжелой скалы отодви- 305
нуть.

Съ трепетомъ сердца мы ждали явленья боже-
ственной Эось:

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось.

Всталъ опъ, огонь разложилъ и донть принялся
по порядку

Козъ и овецъ; подонивъ же подъ каждую матку
ея опъ

- 310 Кладъ сосуна; окончавши съ заботливымъ спѣ-
хомъ работу,
Снова изъ насъ онъ похитилъ двоихъ на ужасную
пищу.
Съѣвъ ихъ, онъ выгналъ шумящее стадо изъ тем-
ной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утесъ приворотный,
имъ двери
Снова онъ заперъ, какъ легкою кровлей колчанъ
запирають.
- 315 Съ свистомъ погналъ онъ на горное пасбище
тучное стадо.
Я жъ, въ заключеннн оставленный, началъ выду-
мывать средство,
Какъ бы врагу отомстить, и молилъ о защитѣ
Палладу.
Вотъ что, размысливъ, нашелъ наконецъ я удоб-
нымъ и вѣрнымъ :
Въ козьеи закутѣ стояла дубина Циклопова,
свѣжій
- 320 Стволъ имъ обрубленной маслины дикой; его
онъ, очистивъ,
Сохнуть поставилъ въ закуту, чтобъ послѣ гу-
лять съ нимъ; подобенъ
Намъ показался онъ мачтѣ, какая на многове-
сельномъ,
Съ грузомъ товаровъ моря обтекающемъ суднѣ
бываетъ;
Былъ онъ конечно какъ мачта длинной, толщи-
ною и вѣсомъ.

Взявши тотъ стволъ и мечемъ отъ него от- 325
рубивши три локтя,
Выгладить чисто отрубокъ вельмъ я товарищамъ;
скоро
Выглаженъ былъ онъ; своею рукою его за-
острилъ я;
Посль, обжегши на угольяхъ острый конецъ, мы
поспѣшно
Коль, приготовленный къ дѣлу, зарыли въ на-
возъ, который
Кучей огромной набросанъ былъ въ смрадной 330
пещерь Циклопа.
Кончивъ, своихъ пригласилъ я спутниковъ же-
ребій кинуть,
Кто между ними коломъ обожженнымъ поможетъ
пронзить мнѣ
Глазъ людоеду, какъ скоро глубокому сну онъ
предастся.
Жеребій даль четырехъ мнѣ и самыхъ надеж-
ныхъ, которыхъ
Самъ бы я выбралъ, и къ нимъ я присталъ не 335
по жеребью пятый.
Вечеромъ, жирное стадо гоня, людоедъ возвра-
тился;
Но, отворивши пещеру, въ нее онъ ужъ полное
стадо
Ввелъ, не оставивъ на вѣншемъ дворѣ ни козла
ни барана
(Было ли въ немъ подозрѣнье, иль Демонъ его
надоумилъ).

- 340 Снова пещеру задвинувъ скалою необъятнотя-
желой,
Съль онъ и матокъ доить принялся надлежа-
щимъ порядкомъ,
Козъ и овецъ; подоивъ же, подъ каждую мат-
ку ея онъ
Клалъ сосуна. И окончивъ работу, рукой без-
пощадной
Снова двоихъ онъ изъ насъ подхватилъ и по-
прежнему съль ихъ.
- 345 Тутъ подошелъ я отважно и рчь обратилъ къ
людоѣду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
Выпей, Циклопъ, золотого вина, человѣчьимъ
насытятся
Мясомъ; узнаешь, какой драгоценный напитокъ
на нашемъ
Былъ корабль; для тебя я его сохранилъ, упо-
вая
350 Милость въ тебѣ обрести: но свирѣпствуешь
ты нестерпимо.
Кто же впередъ, беспощадный, тебя посетить
изъ живущихъ
Многихъ людей, о твоихъ незаконныхъ поступ-
кахъ услышавъ?
Такъ говорилъ я; взявъ чашу, ее осушилъ онъ,
и вкуснымъ
Крѣпкій напитокъ ему показался; другой по-
просилъ онъ

Чаши: налей мнѣ, сказалъ онъ, еще и свое на- 355
зови мнѣ

Имя, чтобъ могъ приготовить тебѣ я приличный
подарокъ.

Есть и у насъ, у Циклоновъ, роскошныхъ ки-
стей винограда

Полныя лозы, и самъ ихъ Кроніонъ дождемъ
оплождаетъ;

Твой же напитокъ — амврозія чистая съ нек-
таромъ сладкимъ.

Такъ онъ сказалъ, и другую я чашу виномъ ис- 360
крометнымъ

Налилъ. Еще попросилъ онъ, и третью безумцу
я подаль.

Стало шумѣть огневое вино въ головѣ людое-
ѣда.

Я обратился къ нему съ обольстительно-слад-
кою рѣчью:

Славное имя мое ты, Циклопъ, любопытствуешь
свѣдать,

Съ тѣмъ, чтобъ, меня угостивъ, и обычный мнѣ 365
сдѣлать подарокъ?

Я называюсь *Никто*, мнѣ такое названіе дали

Мать и отецъ, и товарищи такъ всѣ меня ве-
личаютъ.

Съ злобной насмѣшкою мнѣ отвѣчалъ людоедъ
зверонравный:

Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты
самый послѣдній

370 Съѣденъ, когда я раздѣляюсь съ прочими; вотъ
мой подарокъ.

Тутъ повалился онъ навзничъ, совсѣмъ опьянѣлый;
и на бокъ

Свисла могучая шея и всепобѣждающей силой

Сонъ овладѣлъ имъ; вино и куски человѣчьяго
мяса

Выбросилъ онъ изъ разинутой пасти, не въ мѣру
напившись.

375 Коль свой доставъ, мы его остриемъ на огонь
положили;

Тотчасъ зардѣлъ онъ; тогда я, товарищей вы-
бранныхъ кликнувъ,

Ихъ ободрилъ, чтобъ со мною рѣшительны были
въ опасномъ

Дѣлѣ. Уже начиналъ положенный на уголья коль
нашъ

Пламя давать, разгорѣвшись, хотя и сырой былъ;
поспѣшно

380 Вынулъ его изъ огня я; товарищи смѣло съ
обоихъ

Стали боковъ — божество въ нихъ конечно вло-
жило отважность;

Коль обхватили они и его остриемъ раскален-
нымъ

Втиснули снѣщему въ глазъ; и, съ конца припод-
нявши, его я

Началъ вертѣть, какъ вертитъ буравомъ кора-
бельный строитель,

Толстую доску пронзая; другіе жъ ему помо- 385
гають, ремнями

Острый буравъ обращая, и, въ доску вгрызаясь,
визжитъ онъ.

Такъ мы, его съ двухъ боковъ обхвативши ру-
ками, проворно

Коль свой вертели въ пронзенномъ глазу: об-
лился онъ горячей

Кровью; истляли рѣсницы, шершавыя вспыхнули
брови;

Яблоко лопнуло; выбрызгнулъ глазъ, на огонь 390
зашипѣвши.

Такъ расторопный ковачъ, изготовивъ топоръ иль
сѣкиру,

Въ воду металлъ (на огонь раскаливши его, чтобъ
двойную

Крѣпость имѣлъ) погружаетъ и звонко шипитъ
онъ въ холодной

Влагѣ: такъ глазъ зашипѣлъ, остриемъ раскален-
нымъ пронзенный.

Дико завылъ людоедъ — застонала отъ воя пе- 395
щера.

Въ страхъ мы кинулись прочь; съ несказанной
свирѣпостью вырвавъ

Коль изъ пронзеннаго глаза, облитый кипучею
кровью,

Сильной рукой отъ себя онъ его отшвырулъ; въ
изступленьи

Началъ онъ крикомъ Циклоновъ сзывать, об-
тавшихъ въ глубокихъ

400 Гротахъ окрестъ и на горныхъ , лобзаемыхъ
вѣтромъ, вершинахъ.

Громкіе воли услышавъ , отвсюду сбѣжались
Циклоны;

Входъ обступили пещеры они и спросили: за-
чѣмъ ты

Созвалъ насъ всѣхъ, Полифемъ? Что случилось?
На что ты

Сладкій нашъ сонъ и спокойствіе ночи боже-
ственной прервалъ?

405 Козъ ли твоихъ и барановъ кто дерзко похи-
тилъ? Иль самъ ты

Гибнешь? Но кто же тебя здѣсь обманомъ иль
силою губить?

Имъ отвѣчалъ онъ изъ темной пещеры отчаянно
дикимъ

Ревомъ: *Никто!* Но своей я оплошностью гибну;
Никто бы

Силой не могъ повредить мнѣ. Въ сердцахъ за-
кричали Циклоны:

410 Если никто , для чего же одинъ такъ ревешь
ты? Но если

Боленъ, то воля на это Зевеса, ея не избѣгнешь.

Въ помощь отца своего призови Посидона вла-
дыку.

Такъ говорили они удаляясь. Во мнѣ же смѣ-
ялось

Сердце, что вымысломъ имени всѣхъ мнѣ спасти
удалось.

Охая тяжко, съ кряхтѣньемъ и стономъ ошаривъ 415
руками

Стѣны, Циклонъ отодвинулъ отъ входа скалу,
передъ нею

Сѣлъ и огромныя вытянулъ руки, надѣясь, что
въ стадѣ,

Мимо его проходящемъ, насъ всѣхъ переловить;
конечно

Думалъ свирѣпый глупецъ, что и я былъ, какъ
онъ, безъ разсудка.

Я жъ осторожнымъ умомъ вымышлялъ и обду- 420
мывалъ средство,

Какъ бы себя и товарищей бодрыхъ избавить
отъ вѣрной

Гибели; многія хитрости, разные способы тщетно

Мыслямъ моимъ представлялись, а бѣдствіе было
ужъ близко.

Вотъ что, по думаньи долгомъ, удобнѣйшимъ
мнѣ показалось:

Были бараны большіе, покрытые длинною шер- 425
стью,

Жирные, мощные, въ стадѣ; руно ихъ какъ шелкъ
волновалось.

Я потихоньку сплетенными крѣпкими лыками,
вырвавъ

Ихъ изъ рогожи, служившей постелею злomu
Циклопу,

По три барана связалъ; человекъ былъ подвя-
занъ подъ каждымъ

Длинною шерстью и мной, размышлявшимъ въ 445
то время о многомъ.

Спину ощулавъ его, съ нимъ Циклопъ разговари-
вать началъ:

Ты ль, мой прекрасный любимецъ? Зачѣмъ же
пещеру послѣдній

Нынѣ покинулъ? Ты прежде лѣнивъ и медли-
теленъ не былъ.

Первый всегда, величаво ступая, на лугъ выхо-
дилъ ты

Сладкоцвѣтущей травой питаться; ты въ пол- 450
день къ потоку

Первый бѣжалъ; и у всѣхъ впереди возвращался
въ пещеру

Вечеромъ. Нынѣ жъ идешь ты послѣдній; знать
чувствуешь самъ ты,

Бѣдный, что око мое за тобой ужъ не смотритъ;
лишенъ я

Свѣтлаго зрѣнья гнуснымъ бродягою; здѣсь онъ
виномъ мнѣ

Умъ отуманилъ; его называютъ Никто; но еще 455
онъ

Власти моей не избѣгнулъ! Когда бы, мой другъ,
говорить ты

Могъ, ты сказалъ бы, гдѣ спрятался врагъ не-
навистный; я черепъ

Вмигъ раздробилъ бы ему и разбрызгалъ бы
мозгъ по пещеръ,

Оземъ ударивъ его и на части раздернувъ; от-
мстилъ бы

- 460 Я за обиду, какую Никто, злоковарный разбой-
никъ,
Здѣсь мнѣ нанесъ. Такъ сказавъ, онъ барана
пустилъ на свободу.
Я жъ, недалеко отъ входа пещеры и вѣшной
ограды
Первый ставъ на ноги, путниковъ всѣхъ отвязалъ,
и немедля
Съ ними все стадо козловъ тонконогихъ и жирныхъ
барановъ
- 465 Собралъ; обходами многими ихъ мы погнали на
взморье
Къ нашему судну. И сладко товарищамъ было
насъ встрѣтить,
Гибели вѣрной избѣгшихъ; хотѣли о милыхъ
погибшихъ
Плакать они; но, мигнувъ имъ глазами, чтобъ
плачь удержали,
Стадо козловъ и барановъ взвести на корабль
нашъ немедля
- 470 Я повелѣлъ: отойти мнѣ отъ берега въ море хотѣлось.
Люди мои собралися и, сѣвши на лавкахъ у весель,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды;
Но, на такое отилывъ разстоянье, въ какомъ чело-
вѣчій
Явственно голосъ доходитъ до насъ, закричалъ
я Циклопу:

Слушай, Циклопъ безпощадный, впередъ безза- 475
 щитныхъ гостей ты
 Въ гротъ глубокомъ своемъ не губи и не ѣшь;
 святотатнымъ
 Дѣломъ всегда на себя навлекаемъ мы вѣрную
 гибель;
 Ты, злочестивецъ, дерзнулъ иноземцевъ, твой
 домъ посѣтившихъ,
 Звѣрски сожрать — наказали тебя и Зевесъ и
 другіе
 Боги блаженные. Такъ я сказала; онъ, ужасно 480
 взбѣшенный,
 Тяжкій утесъ отъ вершины горы отломилъ и
 съ размаха
 На голосъ кинулъ; утесъ, пролетѣвши надъ суд-
 номъ, въ пучину
 Рухнулъ такъ близко къ нему, что его черно-
 остраго носа
 Чуть не расшибъ; всколыхалось море отъ надшей
 громады;
 Хлынувъ, большая волна побѣжала стремительно 485
 къ берегу;
 Схваченный ею обратно къ земль и корабль
 нашъ помчался.
 Длинною жердью я въ берегъ песчаный уперся и
 судно
 Прочь отвалилъ; а товарищамъ, молча, кивнулъ
 головою,
 Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ
 избѣгнуть

490 Близкой бѣды; всѣ, нагнувшись, разомъ ударили
въ весла.

Бывъ на двойномъ разстояннн отъ страшнаго
берега, опять я

Началъ кричать, вызывая Циклопа. Товарищи въ
страхъ

Всѣ убѣждали меня замолчать и его не трево-
жить.

Дерзкій, они говорили, зачѣмъ ты чудовище драз-
нишь?

495 Въ море швырнувши утесъ, онъ едва съ кора-
блемъ насъ не бросилъ

На берегъ снова; едва не постигла насъ вѣрная
гибель.

Если теперь онъ чей голосъ иль слово какое
услышитъ,

Голову намъ раздробитъ и корабль нашъ въ ку-
ски изломаетъ,

Бросивъ утесъ остробокій: до насъ же онъ вѣрно
доброситъ.

500 Такъ говорили они; но, упорствуя дерзостнымъ
сердцемъ,

Я продолжалъ раздражать оскорбительной рѣчью
Циклопа:

Если, Циклопъ, у тебя изъ людей земнородныхъ
кто спроситъ,

Какъ истребленъ твой единственный глазъ, ты
на это отвѣтствуй:

Царь Одиссей, городовъ сокрушитель, героя Ла-
эрта

Сынъ, знаменитый властитель Итаки, мнѣ выкол- 505
лолъ глазъ мой.

Такъ я сказалъ. Заревель онъ отъ злости и
громко воскликнулъ :

Горе! пророчество древнее нынѣ сбылось надо
мною ;

Нькогда былъ здѣсь одинъ предсказатель вели-
кій и мудрый

Тѣлемъ, Эвритіевъ сынъ, знаменитый въ лю-
дяхъ всевидецъ ;

Жилъ и состарился онъ, прорицая, въ земль у 510
Циклоповъ.

Вѣдая все, что должно совершиться въ грядущемъ,
предрекъ онъ

Мнѣ, что рука Одиссеева зрѣнье мое уничто-
жить.

Я же все думалъ, что явится мужъ благовидный,
высокій

Ростомъ, божественной силою мышцъ обладаю-
щій смертный . . .

Что же? Меня малорослый уродъ, человѣчишко 515
хилый

Зрѣнья лишилъ, напередъ въроломно виномъ о-
пьянивши.

Если жъ ты впрямь Одиссей, возвратись ; я,
тебя одаривши,

Стану молить Посидона, чтобъ путь совершилъ
ты безбѣдно

По морю ; сынъ я ему ; онъ отцемъ мнѣ слы-
ветъ ; и одинъ онъ,

520 Если захочеть, погибшее зрѣнье мое возвратить
мнѣ

Можеть — одинъ онъ, никто изъ людей, и никто
изъ безсмертныхъ.

Такъ говорилъ Полифемъ. Я, отвѣтствуя, громко
воскликнулъ :

О, когда бы я такъ же могъ вѣрно и гнусную
вывратъ

Душу твою изъ тебя и къ Аиду низвергнуть,
какъ вѣрно

525 То, что тебѣ колебатель земли не воротитъ ужъ
глаза!

Такъ отвѣчалъ я; тутъ началъ онъ, къ звездно-
му небу поднявши

Руки, молиться отцу своему Посидону владыкъ:

Царь Посидонъ земледержецъ, могучій, лазурис-
кудрявый,

Если я сынъ твой и ты мнѣ отецъ, то не дай,
чтобъ достигнулъ

530 Въ землю свою Одиссей, городовъ сокрушитель,
Лаэртонъ

Сынъ, обладатель Итаки, меня ослѣпившій. Когда
же

Воля судьбы, чтобъ увидѣлъ родныхъ мой гу-
битель, чтобъ въ домъ свой

Царскій достигнулъ, чтобъ въ милую землю от-
цевъ возвратился,

Дай, чтобъ по многихъ напастяхъ, утративъ со-
путниковъ, поздно

Прибыль туда на чужомъ корабль онъ и встрѣ- 535
 тиль тамъ горе.
 Такъ говорилъ онъ, моляся, и былъ Посидономъ
 услышанъ.
 Тутъ онъ огромнѣйшій перваго камень схватилъ
 и съ размаху
 Въ море его съ непомерною силой швырнулъ;
 загудѣвши,
 Онъ позади корабля темноносаго съ шумомъ
 великимъ
 Грянулся въ воду такъ близко къ нему, что едва 540
 не расплюснулъ
 Нашей кормы; всколыхалось море отъ падшей
 громады;
 Судно жъ волною помчало впередъ къ недале-
 кому берегу
 Острова Козъ; и вошли мы обратно въ ту при-
 стань, гдѣ наши
 Въ мѣсть защитномъ оставлены были суда, гдѣ
 печально
 Спутники въ скукъ сидѣли и ждали, чтобъ мы 545
 воротились.
 Къ берегу приставъ, быстроходный корабль на
 песокъ мы встали;
 Сами же вышли на берегъ, поражаемый шумно
 волнами.
 Тучныхъ Циклоповыхъ козъ и барановъ собравши,
 добычу
 Стали дѣлить мы, чтобъ каждому должный до-
 стался участокъ;

- 550 Мнѣ же отъ свѣтлообутыхъ сопутниковъ въ
даръ былъ особо
Главный назначенъ баранъ и его принесли мы
на брегъ
Въ жертву Кроніону, тучъ собирателю, Зевсу
владыкѣ.
Тучныя бедра предъ нимъ мы сожгли. Но, от-
вергнувъ онъ жертву,
Сталъ замышлять, чтобъ, бѣды претерпѣвъ, на-
последокъ и всѣхъ я
- 555 Спутниковъ вѣрныхъ и всѣхъ кораблей крѣпко-
зданныхъ лишился.
Жертву принеши, мы цѣлый тамъ день до ве-
черняго мрака
Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣ-
шались.
Тою порою померкнуло солнце и тма наступила;
Всѣ мы заснули подъ говоромъ волнъ, ударяю-
щихъ въ берегъ.
- 560 Вышла изъ мрака молодая съ перстами пурпур-
ными Эось;
Спутниковъ вѣрныхъ созвавъ, я веблъ, чтобъ
они на проворныхъ
Всѣ корабляхъ собралися и всѣ отвязали ка-
наты.
Спутники всѣ собралися и, сѣвши на лавкахъ у
весель,
Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя
воды.

Далѣ поплыли мы въ сокрушенъи великомъ 565

О МИЛЫХЪ

Мертвыхъ; но радуясь въ сердцѣ, что сами спа-
слися отъ смерти.

Второй выпуск

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДЕСЯТАЯ.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Прибытіе на островъ Эолію. Эоль, повелитель вѣтровъ, даетъ Одиссею проводникомъ Зефира; и вручаетъ ему крѣпко завязанный мѣхъ съ заключенными въ немъ прочими вѣтрами. Находяся уже въ виду Итаки, Одиссей засыпаетъ. Его сопутники развязываютъ мѣхъ; подымается сильная буря, которая приноситъ ихъ обратно къ Эолову острову. Но раздраженный Эоль повелѣваетъ Одиссею удалиться. Лестригоны истребляютъ одиннадцать кораблей Одиссеевыхъ; съ послѣднимъ пристаетъ онъ къ острову Цирцея. Волшебница превращаетъ въ свиней его сопутниковъ; но Эрмій даетъ ему средство разрушить ея чародѣйство. Одиссей, одолѣвъ Цирцею, убѣждаетъ ее возвратитъ человѣческій образъ его сопутникамъ. Проведя годъ на ея островѣ, онъ требуетъ наконецъ, чтобы она возвратила его въ отечество; но Цирцея повелѣваетъ ему прежде посѣтить Океанъ и у входа въ область Аида вопроситъ прорицателя Тирезія о судьбѣ своей. Смерть Эльпенора.

Скоро на островъ Эолюю прибыли мы; обитаетъ

Ипотовъ сынъ тамъ, Эоль благородный, богами
любимый.

Островъ пловучій его неприступною мѣдной стѣ-
ною

Весь обнесень; берега жъ поднимаются гладкимъ
утесомъ.

Тамъ отъ супруги двѣнадцать дѣтей родилося 5
Эолу,

Шесть дочерей свѣтлоликихъ и шесть сыновей
много сильныхъ.

Выростивъ ихъ, сыновьямъ дочерей онъ въ су-
пружество отдалъ.

Днемъ съ благороднымъ отцемъ и заботливой
матерью вмѣстѣ

Всѣ за трапезой, уставленной яствами, сладко
пируютъ

10 Въ залѣ они, благовонной отъ запаха пищи и
пѣньемъ

Флейтъ оглашаемой; ночью же, каждый съ своею
супругой,

Спать на рѣзныхъ, дорогими коврами покрытыхъ
кроватяхъ.

Въ градъ ихъ прибывши, мы въ домъ ихъ богатый
вступили; тамъ цѣлый

Мѣсяцъ Эоль угощалъ насъ радушно и съ жад-
ностью слушалъ

15 Повесть о Троѣ, о битвахъ Аргивянъ, о ихъ воз-
вращеннн ;

Все любопытный заставилъ меня рассказать по
порядку.

Но напоследокъ, когда обратился я, въ путь из-
готовясь,

Съ просьбой къ нему отпустить насъ, на то со-
гласяясь благосклонно,

Далъ онъ мнѣ сшитый изъ кожи быка девяти-
годоваго

20 Мѣхъ съ заключенными въ немъ буреносными
вѣтрами; былъ онъ

Ихъ господномъ, по волю Кроніона Діа, и всѣхъ
ихъ

Могъ возбуждать, или обуздывать, какъ прихо-
дило желанье.

Мѣхъ на просторномъ моемъ кораблѣ онъ сере-
бряной нитью

Туго стянулъ, чтобъ ни малаго быть не могло
дуновенья

Вѣтровъ; Зефиру лишь далъ повелѣнье дыханьемъ 25
 попутнымъ
 Насъ въ корабляхъ по водамъ провожать; по до-
 мой возвратиться
 Дій не судилъ намъ: своей безразсудностью все
 мы погибли.
 Девять мы сутокъ и денно и пощно свой путь
 совершали;
 Вдругъ на десятыя сутки явился намъ берегъ
 отчизны.
 Былъ онъ ужъ близко; на немъ все огни ужъ 30
 могли различить мы.
 Въ это мгновенье въ глубокой сонъ погрузился,
 понеже
 Правиль до тѣхъ поръ кормиломъ одинъ, ни-
 кому не желая
 Ввѣрить его, чтобъ успешнѣй достигнуть от-
 чизны любезной.
 Спутники тою торой завели разговоръ; пола-
 гали
 Все, что съ собою имѣлъ серебра я и золота 35
 много,
 Мнѣ на прощаніи данныхъ царемъ благороднымъ
 Эоломъ.
 Глядя другъ на друга, такъ разсуждали они
 межъ собою:
 Боги! какъ всюду его одного уважаютъ и любятъ
 Люди, какую бы землю и чье бы жилище ни
 вѣдумалъ

40 Онъ посѣтитъ. Ужъ и въ Троѣ онъ много со-
кровищъ отъ разныхъ

Собралъ добычъ; мы одно претерпѣли, одинъ
совершили

Путь съ нимъ — а въ домъ свой должны возвра-
титься съ пустыми руками.

Такъ и Эоль; лишь ему одному онъ богатый
подарокъ

Сдѣлалъ; посмотримъ же, что имъ такъ плотно
завязано въ этомъ

45 Мѣхъ: ужъ вѣрно найдемъ серебра тамъ и зо-
лота много.

Такъ говорили одни; ихъ одобрили всѣ осталь-
ные.

Мѣхъ былъ развязанъ и шумно исторглися въ-
тры на волю;

Бурю воздвигнувъ, они съ кораблями ихъ, громко
рыдавшихъ,

Снова отъ берега отчизны умчали въ открытое
море.

50 Я пробудился и долго умомъ колебался, не
зная

Что мнѣ избрать, самого ли себя уничтожить,
въ пучину

Бросаясь, иль, молча судьбѣ покоряясь, межъ жи-
выми остаться.

Я покорился судьбѣ, и на днѣ корабля, завер-
нувшись

Въ мантию, тихо лежалъ. Къ Эолійскому острову
снова

Бурею наши суда принесло. Всѣ товарищи съ 55
     плачемъ
 Вышли на твердую землю; запасшись водой
     ключевою,
 Наскоро легкойъ обѣдъ мы у быстрыхъ судовъ
     совершили.
 Свой удовольствовавъ голодъ ѣдой и питьемъ,
     я съ собою
 Взялъ одного изъ товарищей нашихъ съ глаша-
     таемъ; прямо
 Къ дому Эола царя мы пошли и его тамъ за- 60
     стали
 Вмѣстѣ съ женой и со всѣми дѣтьми за семей-
     нымъ обѣдомъ.
 Въ двери палаты вступивъ, я съ своими людьми
     на порогъ
 Съль; изумилась царева семья; всѣ воскликнули
     вмѣстѣ:
 Ты ль Одиссей? Не зловредный ли Демонъ къ
     тебѣ прикоснулся?
 Здѣсь мы не все ль учредили, чтобъ ты безпре- 65
     пятственно прибылъ
 Въ землю отцевъ иль въ иную какую желанную
     землю?
 Такъ говорили они; съ сокрушеньемъ души от-
     вѣчалъ я:
 Сонъ роковой и безуміе спутниковъ мнѣ приклю-
     чили
 Бѣдствіе злое; друзья, помогите; вамъ это воз-
     можно.

70 Такъ я сказалъ, умоляющимъ словомъ смягчить
ихъ надѣясь.

Всѣ замолчали они; но отецъ мнѣ ответствовалъ
съ гнѣвомъ:

Прочь, недостойный! немедля мой островъ по-
кинь; неприлично

Намъ подѣ защиту свою принимать чловѣка,
который

Такъ очевидно безсмертнымъ, блаженнымъ бо-
гамъ ненавистенъ.

75 Прочь! ненавистный блаженнымъ богамъ и для
насъ ненавистенъ.

Кончивъ, меня онъ, рыдавшаго жалобно, изъ
дому выслалъ.

Далѣе поплыли мы въ сокрушеніи сердца вели-
комъ.

Люди мои, утомяся отъ гребли, утратили бо-
дрость,

Помощи всякой лишены собственнымъ жалкимъ
безумствомъ.

80 Денно и ночью шесть сутокъ носясь по водамъ,
на седьмая

Прибыли мы къ многовратному граду въ странѣ
Лестригоновъ

Ламосу. Тамъ, возвращаясь съ поля, пастухъ
вызываетъ

На поле выйти другаго; легко бѣ несонливый
работникъ

Плату двойную тамъ могъ получать, выгоняя
пастися

Днемъ бѣлорунныхъ барановъ, а ночью быковъ 85
криворогихъ:

Ибо тамъ паства дневная съ ночью сближается
паствой.

Въ славную пристань вошли мы: ее образуютъ
утесы,

Круто съ обѣихъ сторонъ подымаясь и сдвинув-
шись подлѣ

Устья великими, другъ противъ друга изъ тем-
ныхъ бездны

Моря торчащими камнями, входъ и исходъ за- 90
граждая.

Люди мои, съ кораблями въ просторную при-
стань проникнувъ,

Ихъ утвердили въ ея глубинѣ и связали, у
берега тѣснымъ

Рядомъ поставивъ: тамъ волнъ никогда ни ве-
ликихъ ни малыхъ

Нѣтъ, тамъ равниною гладкою лоно морское
сіяетъ.

Я же свой черный корабль помѣстилъ въ отда- 95
леньи отъ прочихъ,

Около устья, канатомъ его привязавъ подъ уте-
сомъ.

Послѣ взошелъ на утесъ и стоялъ тамъ, кру-
гомъ озираясь:

Не было видно нигдѣ ни быковъ, ни работниковъ
въ полѣ;

Изрѣдка только, взвиваяся, дымъ отъ земли по-
дымался.

- 100 Двухъ расторопнѣйшихъ самыхъ товарищей нашихъ я выбралъ
 (Третій былъ съ ними глашатай) и свѣдать послалъ ихъ, къ какимъ мы
 Людямъ, вкушающимъ хлѣбъ на землѣ плодоносной, достигли?
 Гладкая скоро дорога представилась имъ, по которой
 Въ городъ дрова на возахъ съ окружающихъ горъ доставлялись.
- 105 Сильная дѣва имъ встрѣтилась тамъ; за водою съ кувшиномъ
 За городъ вышла она; Лестригонъ Антифатъ былъ отецъ ей;
 Встрѣтились съ нею они при ключѣ Артакійскомъ, въ которомъ
 Черпали свѣтлую воду всѣ, жившіе въ городъ близкомъ.
 Къ ней подошедши они ей сказали: желаемъ узнать мы,
- 110 Дѣва, кто властвуетъ здѣшнимъ народомъ и здѣшной страной?
 Домъ Антифата отца своего имъ она указала.
 Въ домъ тотъ высокій вступивши, они тамъ супругу владыки
 Встрѣтили, ростомъ съ великую гору — они ужаснулись.
 Та же велья скорѣй изъ собранья царя Антифата

Вызвать; и онъ, прибѣжавъ на погибель това- 115
рищей нашихъ,

Жадно схватилъ одного и сожралъ; то увидя,
другіе

Бросились въ бѣгство и быстро къ судамъ воз-
вратилися; онъ же

Началъ ужасно кричать и встревожилъ весь
городъ; на громкій

Крикъ отовсюду сбѣжалась толпа Лестригоновъ
могучихъ;

Много сбѣжалось ихъ, великанамъ, не людямъ 120
подобныхъ.

Съ крути утесовъ они черезъ силу подъемные
камни

Стали бросать; на судахъ поднялася тревога
— ужасный

Крикъ убиваемыхъ, трескъ отъ крушенья сна-
стей; тутъ злосчастныхъ

Спутниковъ нашихъ, какъ рыбъ, нанизали на
колья и въ городъ

Всѣхъ унесли на съѣденье. Въ то время, какъ 125
бѣдственно гибли

Въ пристани спутники, острый я мечъ обнажилъ
и, отсыкъши

Крѣпкій канатъ, на которомъ стоялъ мой корабль
темноносый,

Людямъ, собравшимся въ ужасъ, молча, кивнулъ
головою,

Ихъ побуждая всей силой на весла налечь, чтобъ
избѣгнуть

130 Близкой бѣды: уstraшенные дружно ударили въ
весла.

Мимо стремнистыхъ утесовъ въ открытое море
успѣшно

Выплылъ корабль мой; другіе же всѣ невоз-
вратно погибли.

Дальше поплыли мы, въ сокрушеніи великомъ о
милыхъ

Мертвыхъ, но радуясь въ сердце, что сами спа-
слися отъ смерти.

135 Мы напоследокъ достигли до острова Эи. Из-
давна

Сладкорѣчивая, свѣтлокудрявая тамъ обитаетъ

Дѣва Цирцея, богиня, сестра кознодѣя Аэта.

Былъ ихъ родителемъ Геліосъ, богъ, озаряющій
смертныхъ;

Мать же была ихъ прекрасная дочь Океанова,
Перса.

140 Къ берегу крутому приставъ съ кораблемъ, по-
таенно вошли мы

Въ тихую пристань: дорогу намъ богъ указалъ
благосклонный.

На берегъ вышедъ, на немъ мы остались два
дня и двѣ ночи,

Въ силахъ своихъ изнуренные, съ тяжелой пе-
чальною сердца.

Третій намъ день привела свѣтозарно - кудрявая
Эосъ.

Взявши копье и двуострый свой мечъ опоясавъ, 145

пошелъ я

Съ мѣста, гдѣ былъ нашъ корабль, на утесистый

берегъ, чтобъ свѣдать

Гдѣ мы? Не встрѣчу ль людей? Не послышится

ль чей чибудь голосъ?

Ставъ на вершинѣ утеса, я взоромъ окинулъ

окрестность.

Дымъ, отъ земли путеносной вдали восходящій,

увидѣлъ

Я за широкоразросшимся лѣсомъ въ жилищъ 150

Цирцен.

Долго разсудкомъ и сердцемъ колеблясь, не

зналъ я, итти ли

Къ мѣсту тому мнѣ, гдѣ дымъ отъ земли поды-

мался багровый?

Дѣло обдумавъ, увѣрился я наконецъ, что удоб-

нѣй

Было сначала на брегъ, гдѣ стоялъ нашъ корабль,

возвратиться,

Тамъ отобѣдать съ людьми и, надежнѣйшихъ 155

выбравъ, отправить

Ихъ за вѣстями. Когда жъ къ кораблю своему

подходилъ я,

Сжалился благодный богъ надо мной одинокимъ:

на встрѣчу

Мнѣ онъ олея богаторогатаго, тучнаго выслалъ;

Пажить лѣсную покинувъ, къ студеной рѣкѣ съ

несказанной

160 Жаждой бѣжалъ онъ, измученный зноемъ пол-
дневнаго солнца.

Меткое бросивъ копье, поразилъ я бѣгущаго
звѣря

Въ спину: ее проколовши насквозь, остриемъ на
другой бокъ

Вышло копье; застонавъ, онъ упалъ и душа от-
летѣла.

Ногу уперши въ убитаго, вынулъ копье я изъ
раны,

165 Подлѣ него на землѣ положилъ и немедля бо-
лотныхъ

Гибкихъ тростинокъ нарвалъ, чтобъ веревку въ
три локтя длиною

Свить, переплетши тростинки и плотно скрутивъ
ихъ.

Свивши веревку, связалъ я оленю тяжелому ноги;

Между ногами просунувши голову, взялъ я на
плечи

170 Ношу, и съ нею пошелъ къ кораблю, на копье
опираясь;

Просто жъ ее на плечахъ я не могъ бы одною
рукою

Снести: былъ чрезмерно огроменъ олень. Передъ
судномъ на землю

Бросилъ его я, людей разбудилъ и, привѣт-
ствовавъ всѣхъ ихъ,

Такъ имъ сказалъ: ободритесь, товарищи, въ
область Анда

190 Намъ неизвѣстно, гдѣ западъ лежитъ, гдѣ явля-
ется Эось;

Гдѣ свѣтоносный подѣ землю спускается Ге-
ліось, гдѣ онъ

На небо всходитъ; должны мы теперь совокуп-
но размыслить,

Можно ли чѣмъ отъ бѣды намъ спастися; я ду-
маю, нечѣмъ.

Съ этой крутой высоты я окрестность окинулъ
глазами:

195 Островъ, безбрежную бездной морской, какъ
вѣнцемъ, окруженный,

Плоско на влагѣ лежащій, увидѣлъ я; дымъ по-
дымался

Густо вдали изъ широкорастающаго, темнаго лѣса.

Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося ми-
лое сердце:

Въ память пришли имъ и злой Лестригонъ Ан-
тифать и надменный

200 Силой своею Циклопъ, Полифемъ, людоѣдъ свя-
тотатный;

Громко они застонали, обильнымъ потокомъ
проливши

Слезы — напрасно; отъ слезъ и отъ стоновъ
ихъ не было пользы.

Тутъ раздѣлить я рѣшился товарищей мѣдно-
обутыхъ

На двѣ дружины; одною дружиной начальствовалъ
самъ я;

Избранъ вождемъ былъ дружины другой Эври- 205
лохъ благородный.

Жеребьи въ мѣдноокованномъ шлемъ потомъ
потрясли мы —

Вынулся жеребій твердому сердцемъ вождю
Эврилоху.

Въ путь собрался онъ и съ нимъ двадцать два
изъ товарищей нашихъ.

Съ плачемъ они удалились, оставя насъ, горемъ
облятыхъ.

Скоро они за горами увидѣли крѣпкій Цирценнъ 210

Домъ, сгроможденный изъ тесаныхъ камней на
мѣстѣ открытомъ.

Около дома толпились горные львы и лѣсные

Волки: питьемъ очарованнымъ ихъ укротила
Цирцея.

Вмѣсто того, чтобъ напасть на пришельцевъ, они
подбѣжали

Къ нимъ миролюбно и, ихъ окруживши, махали 215
хвостами.

Какъ къ своему господину, хвостами махая, со-
баки

Ластятся — имъ же всегда онъ приноситъ о-
статки обѣда —

Такъ остролапые львы и шершавые волки къ
пришельцамъ

Ластились. Ихъ появленьемъ они приведенные
въ ужасъ,

- 220 Къ дому прекраснокудрявой богини Цирцеи по-
спѣшно
Всѣ устремились. Тамъ голосомъ звонкопріят-
нымъ богиня
Пѣла, сидя за широкой, прекрасной, божественно-
тонкой
Тканью, какая изъ рукъ лишь богини безсмерт-
ной выходитъ.
Къ спутникамъ тутъ обратясь, Политось, мужей
предводитель,
- 225 Мнѣ межъ другими вѣрнѣйшій, любезнѣйшій другъ
мой, сказалъ имъ:
Слышите ль голосъ пріятный, товарищи? Кто-то,
за тканью
Сидя, поетъ тамъ, гармоніей всю наполняя о-
крестность.
Кто же? Богиня иль смертная? Голосъ скорѣй
подадимъ ей.
Такъ онъ сказалъ имъ; они закричали, чтобъ
вызвать пѣвицу.
- 230 Вышла немедля она и, блестящую дверь рас-
творивши,
Въ домъ пригласила вступить ихъ; забывъ о-
сторожность, вступили
Всѣ; Эврилохъ лишь одинъ назади, усомнившись,
остался.
Чиномъ гостей посадивши на кресла и стулья,
Цирцея
Смѣси изъ сыра и меду съ ячменной мукой и
съ Прамнейскимъ

- 250 Такъ разсказалъ онъ мнѣ повѣсть о бѣдствіи
 посланныхъ нашихъ :
 Лѣсъ перешедши , какъ ты повелѣлъ , Одиссей
 многославный ,
 Скоро мы тамъ за горами увидѣли крѣпкій Цир-
 ценъ
 Домъ , сгроможденный изъ тесаныхъ камней на
 мѣсть открытомъ .
 Въ немъ , мы услышали , пѣла прекрасно пѣвица ,
 за тканью
- 255 Сидя , не знаю , богиня иль смертная . Тотчасъ
 мы голосъ
 Подали ; вышла она и , блестящую дверь рас-
 творивши ,
 Въ домъ насъ вступить пригласила ; забывъ о-
 сторожность , вступили
 Всѣ ; я остался одинъ назади , предузнавши по-
 гибель ;
 Всѣ тамъ исчезли они и обратно никто ужъ ни
 вышелъ .
- 260 Долго я ждалъ ; напоследокъ ушелъ , ничего не
 узнавши .
 Такъ онъ сказалъ ; и немедля , надѣвъ на плечо
 среброгвоздный ,
 Мѣдный , двуострый мой мечъ и схвативши свой
 туго согбенный
 Лукъ , я велѣлъ Эврилоху меня проводить , воз-
 вратившись
 Той же дорогой со мною ; но онъ , на колѣна въ
 великомъ

Страхъ упавъ, мнѣ съ рыданіемъ бросилъ кры- 265
латое слово :

Нѣтъ, повелитель, позволь за тобой не ходить
мнѣ ; увѣренъ

Я, что ни самъ ты назадъ не придешь, ни дру-
гихъ не воротишь

Спутниковъ нашихъ; советую лучше, какъ можно
скорѣе

Бѣгствомъ спастись, иль мы ужаснаго дня не
минуемъ.

Такъ говорилъ Эврилохъ и, ему отвѣчая, ска- 270
залъ я :

Другъ Эврилохъ, принуждать я тебѣ не хочу ;
оставайся

Здѣсь, при моемъ корабль утѣшаться питьемъ
и ѣдою ;

Я же пойду; непреклонной нуждѣ покориться
мнѣ должно.

Съ сими словами пошелъ я отъ моря, корабль
тамъ оставивъ.

Той же порой какъ, въ святую долину спустяся, 275
ужь былъ я

Близко высокаго дома волшебницы хитрой Цир-
цен,

Эрмій съ жезломъ золотымъ предъ глазами
моими, нежданный,

Сталь, заступивъ мнѣ дорогу; плѣнительный
образъ имѣлъ онъ

Юноши съ дѣвственнымъ пухомъ на свѣжихъ ла-
нитахъ, въ прекрасномъ

- 280 Младости цвѣтъ. Мнѣ ласково руку подавши,
сказалъ онъ:
Стой, злополучный, куда по горамъ ты бредешь
одиноко,
Здѣшняго края не въдая? Люди твои у Цирцеи;
Всѣхъ обратила въ свиней чародѣйка и въ хлѣвъ
заперла свой.
Ихъ ты избавить спѣшишь; но и самъ, опасаясь,
оттуда
- 285 Цѣль не уйдешь; и съ тобою случится, что съ
ними случилось.
Слушай однако: тебя отъ бѣды я великой из-
бавить
Средство имѣю; дамъ зелья тебѣ; ты въ жи-
лице Цирцеи
Смѣло поди съ нимъ; оно охранитъ отъ ужас-
наго часа.
Я же тебѣ расскажу о волшебствахъ коварной
богини:
- 290 Пойло она приготовить и зелья въ то пойло
подсыплеть.
Но надъ тобой не подѣйствуютъ чары; чудесное
средство,
Давное мною, ихъ силу разрушить. Послушай;
какъ скоро
Мощнымъ жезломъ чародѣйнымъ Цирцея къ те-
бѣ прикоснется,
Острый свой мечъ обнаживъ, на нее устремись
ты немедля,

Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; 295
въ испугъ

Станетъ на ложе съ собою тебя призывать
чародѣйка —

Ты не подумай отречься отъ ложа богини: из-
бавишь

Спутниковъ, будешь и самъ гостелюбно богинею
принять.

Только потребуй, чтобъ прежде она поклялася
великой

Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя 300
не имѣеть:

Иначе мужество, ею разслабленный, все ты
утратишь.

Съ сими словами растенье мнѣ подаль боже-
ственный Эрмій,

Вырвавъ его изъ земли и природу его объяс-
нивъ мнѣ:

Корень былъ черный, подобенъ былъ цвѣтъ мо-
локу бѣлизною;

Мóли его называютъ безсмертные; людямъ опасно 305

Съ корнемъ его вырывать изъ земли, но богамъ
все возможно.

Эрмій, подавъ мнѣ растенье, на свѣтлый Олимпъ
удалился.

Я же пошелъ вдоль льсостаго острова къ дому
Цирцеи,

Многими, сердце мое волновавшими, мыслями
полный.

- 310 Ставь передъ дверью прекраснокудрявой богини,
я громко
Началь ее вызывать; и, услышавъ мой голосъ,
немедля
Вышла она, отворила блестящія двери и въ домъ
дружелюбно
Мнѣ предложила вступить; съ сокрушеніемъ
сердца вступилъ я.
Введши въ покои меня и на стулъ посадивъ
среброгвозднѣй
- 315 Рѣдкой работы (для ногъ же была тамъ скамей-
ка), богиня
Въ чашу златую влила для меня свой напитокъ;
но прежде,
Злое замысливъ, подсыпала зелья въ него; и
когда онъ
Ею былъ поданъ, а мною безвредно отвѣданъ,
свершила
Чару она, давъ ударъ мнѣ жезломъ и сказавъ
мнѣ такое
- 320 Слово: иди, и свиньею ваяйся въ закуть съ
другими.
Я же свой мечъ изощренный извлекъ и его,
подбѣжавъ къ ней,
Поднялъ, какъ будто ее умертвить вознамѣ-
рившись; громко
Вскрикнувъ, она отъ меча увернулась и, съ
плачемъ великимъ
Сжавши колѣна мои, мнѣ крылатое бросила
слово:

Кто ты? Откуда? Какихъ ты родителей? Гдѣ 325
обитаешь?

Я въ изумленьи; питья моего ты отвѣдалъ и не
былъ

Имъ превращень; а досель никто не избѣгъ ча-
родѣйства,

Даже и тотъ, кто, не пивъ, лишь губами къ питью
прикасался.

Сердце желъзное бьется въ груди у тебя; и
конечно

Ты Одиссей, многохитростный мужъ, о кото- 330
ромъ давно мнѣ

Эрмій, носитель жезла золотого, сказалъ, что
сюда онъ

Будеть, на черномъ плывя корабль отъ разру-
шенной Трои.

Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ
и со мною

Ложе мое раздѣли: сочетавшись любовью на
сладкомъ

Ложь, другъ другу доверчиво сердце свое мы 335
откроемъ.

Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:

Какъ же могу, о Цирцея, твоимъ быть доверчи-
вымъ другомъ,

Если въ свиней обратила моихъ ты сопутниковъ?
Мнѣ же,

Гибельный вѣрно замысла обманъ, ты теперь
предлагаешь

340 Ложе съ тобой раздѣлить, затворившись въ твоей
почивальнѣ —

Тамъ у меня безоружнаго мужество все ты по-
хитишь.

Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ ложе твое раздѣлилъ
я съ тобою

Прежде, покуда сама ты, богиня, не дашь мнѣ
великой

Клятвы, что вреднаго замысла противъ меня не
имѣешь.

345 Такъ я сказалъ, и Цирцея богами великими стала

Клясться; когда жъ поклялася и клятву свою
совершила,

Съ нею въ ея почивальнѣ я легъ на прекрасное
ложе.

Тою порсю заботились въ свѣтлыхъ покояхъ
четыре

Дѣвы, служанки проворныя, все учреждавшія въ
домъ ;

350 Всѣ онѣ дочери были прекрасныя роцъ и клю-
чей и священныхъ

Рѣкъ, въ необъятное лоно глубокаго моря бѣгу-
щихъ.

Дѣва одна, положивши на кресла подушки, по-
стлала

Пышныя сверху ковры, на ковры жъ полотня-
ныя ткани.

Къ каждымъ кресламъ другая серебряный чуд-
ной работы

Столъ пододвинула съ хлѣбомъ въ златыхъ дра- 355
 гоцѣнныхъ корзинахъ.
 Третья смѣшала въ кратеръ серебряной воду съ
 медвянымъ,
 Сладкимъ виномъ; па столы же поставила куб-
 ки златые.
 Свѣтлой воды принесла напоследокъ четвертая
 дѣва:
 Яркій огонь разложивъ подъ треножнымъ ко-
 тломъ, вскипятила
 Воду она; вскипятивши же воду въ котлѣ, осто- 360
 рожно
 Стала сама, изъ котла подливая воды вскипя-
 ченной
 Въ свѣжую воду, плеча орошать мнѣ и голову
 теплою
 Влагой: и тѣмъ прекратилось томившее духъ
 расслабленье
 Тѣла. Когда жъ и омыть я и чистымъ натертъ
 былъ елеемъ,
 Легкій надѣвши хитонъ и косматую мантию, съ 365
 дѣвой
 Въ свѣтлый покой я вступилъ, и она къ серебро-
 гвозднымъ, богатымъ
 Кресламъ меня проводила — была тамъ для
 ногъ и скамейка.
 Тутъ принесла на лахани серебряной руки умытъ
 мнѣ
 Полный студеной воды золотой рукомоиникъ
 рабыня,

370 Гладкій потомъ пододвинула столъ; на него по-
ложила

Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ съест-
нымъ, изъ запаса

Выданнымъ ею охотно и стала меня друже-
любно

Потчивать вкусною пищей; но пища была мнѣ
противна.

Думой объятый, сидѣлъ я съ недобрымъ пред-
чувствіемъ въ сердце.

375 Видя, что, думой объятый, сижу и что къ ла-
комой пищѣ

Рукъ не хочу протянуть я, печалью объятый,
Цирцея,

Близко ко мнѣ подошедши, крылатое бросила
слово:

Что у тебя на душѣ, Одиссей? Отъ чего такъ
уныло

Здѣсь ты сидишь, какъ нѣмой, ни ѣды ни питья
не вкушая?

380 Или еще ты страшишься какого коварства?
напрасенъ

Страхъ твой; ты слышала, тебѣ поклялась я
великою клятвой.

Такъ говорила богиня и такъ, отвѣчая, сказалъ я:

О Цирцея, какой же, пристойность и правду лю-
бящій,

Мужъ согласится себя утѣшать и питьемъ и
ѣдою,

Прежде, пока не увидитъ своими глазами спа- 385
 сенья
 Спутниковъ? Если желаешь, чтобъ пищи твоей
 я коснулся,
 Спутниковъ дай мнѣ спасенье своими глазами
 увидѣть.
 Такъ я сказалъ, и немедля съ жезломъ изъ по-
 коевъ Цирцея
 Вышла, къ закуть свиной подошла и, ее отво-
 ривши,
 Ихъ, превращенныхъ въ свиней девятигодова- 390
 лыхъ, оттуда
 Вывела; стали они передъ нею; она жъ, обошедъ
 ихъ
 Всѣхъ, поочередно помазала каждого мазью, и
 разомъ
 Спала съ ихъ тѣла щетина, его покрывавшая
 густо
 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ Цирцея дала имъ
 волшебнаго зелья;
 Превжній свой видъ возвративъ, во мгновенье 395
 всѣ стали моложе,
 Силами крѣпче, красивѣй лицомъ и возвышеннѣй
 станомъ;
 Всѣ во мгновенье узнали меня и ко мнѣ про-
 тянули
 Радостно руки; потомъ зарыдали отъ скорби;
 ихъ воплемъ
 Домъ огласился; проникнула жалость и въ душу
 Цирцеи.

400 Близко ко мнѣ подошедши, богиня богинь мнѣ
сказала:

О Лаэртидѣ, многохитростный мужь, Одиссей
благородный,

Медлить не должно; поди на песчаное взморье
и вѣрнымъ

Спутникамъ всѣмъ совокупно всташить повели
на зыбучій

Берегъ корабль твой; потомъ, все богатства и
снасти въ пещерь

405 Скрывъ и товарищей взявши съ собою, сюда
возвратися.

Такъ мнѣ сказала, и я покорился ей мужескимъ
сердцемъ.

Шагомъ поспѣшнымъ пришедъ къ кораблю на
песчаное взморье,

Близъ корабля я на берегъ нашель всѣхъ това-
рищей вѣрныхъ,

Стонущихъ громко, изъ глазъ избыльныя слезы
люющихъ.

410 Какъ запертыя въ закутахъ телята, увидя и-
дущихъ

Съ паствы коровъ, напивавшихся сочной травой
луговой,

Все имъ на встрѣчу бѣгутъ, изъ заградъ выры-
ваяся тѣсныхъ,

Все окружаютъ, мыча, возвратившихся съ па-
жити матокъ:

Такъ побѣжали толпою, увидя меня издалека,

Спутники всѣ мнѣ на встрѣчу; и сильно про- 415
никла ихъ сердце

Радость, какъ будто бѣ въ родную они воз-
вратились Итаку,

Въ наше отечество милое, гдѣ родились и цвѣли
мы.

Горько заплакавъ, они мнѣ крылатое бросили
слово:

Радостно намъ возвращенье твое, повелитель,
какъ будто бѣ

Въ наше отечество, въ нашу Итаку мы вдругъ 420
возвратились.

Но не скрывайся, скажи, гдѣ товарищи? Что ихъ
постигло?

Такъ говорили они, вопрошая; имъ такъ отвѣ-
чалъ я:

Прежде, друзья, совокупною силою корабль на
зыбучій

Берегъ всташите; въ пещеръ потомъ всѣ богат-
ства и снасти

Скройте; потомъ соберитесь и слѣдуйте смѣло 425
за мною.

Къ спутникамъ васъ поведу я въ святую оби-
тель Цирцеи.

Всѣхъ ихъ, питьемъ и ѣдой веселящихся, тамъ
вы найдете.

Было немедля мое повельенье исполнено ими.

Но Эврилохъ, вопреки мнѣ, хотѣлъ удержать
ихъ; онъ смѣло,

430 Голосъ возвысивъ, товарищамъ бросилъ крылатое слово:

Стойте; куда вы, безумцы? За нимъ по слѣдамъ вы хотите

Въ домъ чародѣйки опасной итти? Но она превратитъ васъ

Всѣхъ иль въ свиней иль въ шершавыхъ волковъ иль въ лѣсныхъ густогривыхъ

Львовъ, чтобъ ея стерегли вы жилище; тамъ съ вами случится

435 То жъ, что случилось въ пещеръ Циклопа, куда безразсудно

Наши товарищи слѣдомъ за дерзкимъ вошли Одиссеемъ.

Онъ, необузданный, былъ ихъ погибели жалкой виною.

Такъ говорилъ Эврилохъ и меня побуждало ужъ сердце

Мечъ длинноострый схватить и, его обнаженною мѣдью

440 Голову съ плечъ непокорнаго сбросить на землю, хотя онъ

Былъ мнѣ и родственникъ близкій; но спутники всѣ, удержавши

Руку мою, обратили ко мнѣ миротворное слово:

Если желаешь, божественный, пусть Эврилохъ остается

У моря здѣсь съ кораблемъ и его сторожить неусыпно;

Мы же пойдемъ за тобою въ святую обитель 445
Цирцей.

Всѣхъ ихъ отъ моря повелъ я, корабль нашъ по-
кинувъ на брегъ;

Но Эврилохъ не остался одинъ съ кораблемъ и
за нами

Слѣдомъ пошелъ, приведенный моими угрозами
въ трепеть.

Тою порой остальные товарищи въ домъ Цир-
цей

Баней себя освѣжили; душистымъ натершись 450
елеемъ,

Въ легкій хитонъ и косматую мантию каждый
облекся.

Я возвратясь ихъ нашелъ, за роскошной трапезой
сидящихъ.

Свидясь съ друзьями и все рассказавъ о слу-
чившемся съ ними,

Громко они зарыдали, ихъ воплемъ весь домъ
огласился.

Близко ко мнѣ подошедши, богиня Цирцея ска- 455
зала:

Царь Одиссей, многохитростный мужъ, Лаэртидъ
благородный,

Всѣ вы свою укротите печаль и отъ слезъ воз-
держитесь;

Знаю довольно я, что на водахъ многорыбнаго
моря,

Что на землѣ отъ свирѣпыхъ людей претерпѣли
вы — горе

460 Бросивъ теперь, наслаждайтесь питьемъ и ѣдою,
покуда

Въ вашей груди не родится то мужество снова,
съ которымъ

Нькогда въ путь вы пустились, разставшись съ
отчизною милой,

Съ вашей суровой Итакою. Нынѣ въ безсиліи
робкомъ,

Все помышляя о странствіи бѣдственномъ, сердце
веселью

465 Вы затворяете — были велики страданія ваши.

Такъ намъ сказала, и мы покорились ей муже-
скимъ сердцемъ.

Съ тѣхъ поръ вседневно, въ теченье мы цѣлаго
года

Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣ-
шались.

Но когда наконецъ обращенъеъ время совер-
шенъ былъ

470 Кругъ годовой, миновалися мѣсяцы, дни про-
летѣли,

Спутники все приступили ко мнѣ съ убѣдитель-
ной рѣчью:

Время, несчастный, тебѣ о возвратѣ въ Итаку
подумать,

Если угодно богамъ, чтобъ спаслись мы, чтобъ
могъ ты увидѣть

Свѣтлобогатый свой домъ и отчизну и милыхъ
домашнихъ.

Такъ мнѣ сказали, и я покорился имъ мужескимъ 475
сердцемъ.

Весело весь мы тотъ день до вечерняго поздняго
мрака

Ѣли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утѣ-
шались.

Солнце тѣмъ временемъ съло и тма наступила
ночная.

Спутники всѣ предались въ потемнѣвшихъ па-
латахъ покою.

Я жь, возвратяся къ Цирцеѣ, съ ней рядомъ на 480
ложь роскошномъ

Легъ, и колѣна ея обхватилъ и богиня, склонив-
шей

Слухъ свой ко мнѣ со вниманіемъ, бросилъ
крылатое слово:

О Цирцея, исполни свое обѣщанье въ отчизну

Насъ возвратить; сокрушается сердце по ней;
въ сокрушеньи

Спутники всѣ приступаютъ ко мнѣ и мою раз- 485
дираютъ

Душу (когда ты бываешь отсутственна) жалоб-
нымъ плачемъ.

Такъ говорилъ я и такъ, отвѣчая, сказала бо-
гиня:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей
благородный,

Въ домъ своемъ я тебя по неволѣ держать не
желаю.

490 Прежде однако ты долженъ, съ пути уклоняся,
проникнуть

Въ область Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ
нимъ Персефона.

Душу пророка, слѣпца, обладавшаго разумомъ
зоркимъ,

Душу Тирезія Эивскаго должно тебѣ спросить
тамъ.

Разумъ ему сохраненъ Персефоной и мертвому;
въ адъ

495 Онъ лишь съ умомъ; всѣ другіе безумными
тѣнями вьютъ.

Такъ говорила богиня; во мнѣ растерзалось
сердце;

Горько заплакалъ я, сидя на ложѣ; мнѣ стала
противна

Жизнь, и на солнечный свѣтъ поглядѣть не хо-
тѣлъ я, и долго

Рвался, и долго, простершись на ложѣ, рыдалъ
безутѣшно.

500 Но напоследокъ, богиня отвѣтствуя, такъ я
сказалъ ей:

Кто жъ, о Цирцея, на этомъ пути провожатымъ
мнѣ будетъ?

Въ адъ еще не бывалъ съ кораблемъ ни одинъ
земнородный.

Такъ спросилъ я богиню, и такъ мнѣ она от-
вѣчала:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей
благородный,

Вѣрь, кораблю твоему провожатый найдется; объ 505
этомъ

Ты не заботься; но, мачту поставивъ и парусъ
поднявши,

Смѣло плыви; твой корабль передамъ я Борею;
когда же

Ты, Океанъ въ корабль поперегъ переплывши,
достигнешь

Низкаго берега, гдѣ дико растеть Персефонинъ
широкій

Лѣсъ изъ ракичь, свой теряющихъ плодь, и изъ 510
тополей черныхъ,

Вздвинувъ на брегъ, подъ которымъ шумить
Океанъ водовратный,

Черный корабль свой, вступи ты въ Андову
мглистую область.

Быстро бѣжить тамъ Пиріфлегетонъ въ Ахе-
роново лоно

Вмѣстѣ съ Коцитомъ, великою вѣтвию Стикса;
утесъ тамъ

Видѣнъ и объ подъ нимъ многошумно сливаются 515
рѣки.

Слушай теперь, и о томъ, что скажу, не забудь:
подъ утесомъ

Выкопавъ яму глубокую въ локоть одинъ шири-
ной и длиною,

Три соверши возліянiя мертвымъ, всѣхъ вмѣстѣ
призвавъ ихъ:

Первое смѣсью медвяной, другое виномъ бла-
говоннымъ,

520 Третье водою и, все пересынавъ мукою ячмен-
ной,

Дай обѣщанье безжизненно — вѣющимъ тѣнямъ
усопшихъ:

Въ домъ возвратяся, корову, тельцевъ не имѣв-
шую, въ жертву

Имъ принести и въ зажженный костеръ драго-
цѣнностей много

Бросить, Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить,
особо

525 Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвя-
тивши.

Посль (когда обѣщаніе дашь многославнымъ
умершимъ)

Черную овцу и чернаго съ нею барана — къ
Эреву

Ихъ обративъ головою а самъ обратяся къ О-
кеану —

Въ жертву тѣнямъ принеси; и къ тебѣ тутъ
немедля великой

530 Придутъ толпою отшедшія души умершихъ;
тогда ты

Спутникамъ дай повелѣнье, содравши съ овцы
и съ барана,

Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежащихъ въ кро-
ви передъ вами,

Кожу, ихъ бросить немедля въ огонь и при-
звать громогласно

Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Пер-
сефону;

Самъ же ты, острый свой мечъ обнаживши и съ 535
 нимъ передъ ямой

Свѣвъ, запрещай приближаться безжизненнымъ
 тѣнямъ усопшихъ

Къ крови, покуда отвѣта не дастъ вопрошенный
 Тирезій.

Скоро и самъ онъ, представъ предъ тобой, по-
 велитель народовъ,

Скажетъ тебѣ, гдѣ дорога, и дологъ ли путь,
 и успешно ль

Рыбообильнаго моря путемъ ты домой возвра- 540
 тишься.

Такъ говорила она; той порой златотронная Эось

Встала; богиня, въ хитонъ и хламиду меня обла-
 чивши,

Свѣтлосеребряной ризой изъ тонковоздушныя
 ткаши

Нѣжныя плечи одѣла свои, золотымъ драгоцѣн-
 нымъ

Поясомъ станъ обвила и покровъ съ головы о- 545
 пустила.

Я же, чертоги ея перешедши, товарищей вѣрныхъ

Всѣхъ разбудилъ и, привѣтствіе каждому сдѣ-
 лавъ, сказалъ имъ:

Время, друзья, вамъ отъ сладкаго сна пробудить-
 ся; покиньте

Ложе; пойдемъ; насъ богиня сама побуждаетъ
 къ отъѣзду.

550 Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ муже-
скимъ сердцемъ.

Но и оттуда не могъ я отплыть безъ утраты
печальной:

Младшій изъ всѣхъ на моемъ корабль, Эльпеноръ,
неотличный

Смелостью въ битвахъ, щедро умомъ отъ
боговъ одаренный,

Спать для пролады ушелъ на площадку возвы-
шенной кровли

555 Дома Цирцеи священнаго, крѣпкимъ виномъ о-
хмѣленный.

Шумные сборы товарищей, въ путь ужъ готовыхъ,
услышавъ,

Вдругъ онъ вскочилъ и, отъ хмѣля забывъ, что
назадъ обратиться

Долженъ былъ прежде, чтобъ съ кровли высокой
сойти по ступенямъ,

Прянулъ съ просонья впередъ, сорвался и, у-
дарясь затылкомъ

560 Оземь, сломилъ позвоночную кость, и душа от-
летѣла

Въ область Аида. Тѣмъ временемъ спутникамъ
такъ говорилъ я:

Мыслите вѣрно, друзья, вы, что въ милую зем-
лю отчизны

Мы возвращаемся? Путь намъ иной указала
Цирцея:

Въ царствѣ Аида, гдѣ властвуетъ страшная съ
нимъ Персефона,

Душу Тирезія Өивскаго долженъ сперва вопро- 565
силь я.

Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося ми-
лое сердце;

Пали на землю они, въ изступленіи волосы рвали,

Все понапрасну — отъ слезъ и отъ воплей намъ
не было пользы.

Всѣ къ своему кораблю, на песчаномъ стояв-
шему брегъ,

Вмѣстѣ пошли мы, печальные, льющіе слезы о- 570
бильно.

Тою порою на брегъ привела чернорунную овцу

Съ чернымъ бараномъ Цирцея и, тамъ ихъ оставя,
межъ нами

Тихо прошла, невидимая . . . . смертнымъ увидѣть
не можно

Бога, когда, приходя къ нимъ, онъ хочетъ остаться
невидимъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ОДИНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссейъ продолжаетъ разсказывать свои приключенія. Съверный вѣтеръ приноситъ корабль его къ берегамъ Киммеріянъ, гдѣ потокъ Океана ввергается въ море; совершивъ жертву тѣнямъ, Одиссейъ призываетъ ихъ. Явленіе Эльпенора; онъ требуетъ погребенія. Тѣнь Одиссевой матери. Явленіе Тирезія и его предсказанія. Бесѣда Одиссея съ тѣнію матери. Тѣни древнихъ женъ выходятъ изъ Эрева и разсказываютъ о судьбѣ своей Одиссеею. Онъ хочетъ прервать свою повѣсть, но Алкиной требуетъ, чтобы онъ ее кончилъ, и Одиссейъ продолжаетъ. Явленіе Агамемнона, Ахиллеса съ Патрокломъ, Антилохомъ и Аяксомъ. Видѣніе судящаго Миноса, зѣвровловствующаго Оріона, казней Титія, Тантала и Сизифа, грознаго Ираклова образа. Незапный страхъ побуждаетъ Одиссея возвратиться на корабль; и онъ плыветъ обратно по теченію водъ Океана.

Къ морю и къ ждавшему насъ на песокъ кора-
блю собрался
Всѣ мы и, сдвинувши чернѣйшій корабль на священ-
ныя воды,
Мачту на немъ утвердили и къ ней паруса при-
вязали.
Взявши барана и овцу съ собою, на корабль со-
вокупно
Всѣ мы взошли, сокрушенные горемъ, люющіе 5
слезы.
Былъ намъ по темнымъ волнамъ провожатымъ
надежнымъ попутный
Вѣтеръ, пловцамъ благовѣющій другъ, парусовъ
надуватель,
Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой бо-
гиней;
Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы
спокойно

10 Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуюсь кор-
милу и вѣтру.

Были весь день паруса путеводнымъ дыханіемъ
полны.

Солнце тѣмъ временемъ съло и всѣ потемнѣли
дороги.

Скоро пришли мы къ глубокотекущимъ водамъ
Океана;

Тамъ Киммеріянъ печальная область, покрытая
вѣчно

15 Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда
не являетъ

Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ, зем-
лю ль

Онъ покидаетъ, всходя на звѣздами обильное
небо,

Съ неба ль, звѣздами обильнаго, сходитъ, къ земль
обращаясь;

Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ жи-
вущихъ.

20 Судно, прибывъ, на песокъ мы встали; ба-
рана и овцу

Взяли съ собой и пошли по теченію водъ Океана

Берегомъ къ мѣсту, которое мнѣ указала Цир-
цея.

Давъ Перимеду держать съ Эврилохомъ звѣрей,
обреченныхъ

Въ жертву, я мечъ обнажилъ мѣдноострый и,
имъ ископавши

Яму глубокую въ локоть одинъ шириной и дли- 25
 ною,
 Три совершилъ возліянія мертвымъ, мной при-
 званнымъ вмѣстѣ :
 Первое смѣсью медвяной, второе виномъ благо-
 воннымъ,
 Третье водой и, мукою ячменною все пересы-
 павъ,
 Далъ обѣщанье безжизненно-вѣющимъ тѣнямъ
 усоншихъ :
 Въ домъ возвратяся, корову, тельцевъ не имѣв- 30
 шую, въ жертву
 Имъ принести и въ зажженный костеръ драго-
 цѣнностей много
 Бросить; Тирезія жъ болѣе прочихъ уважить,
 особо
 Чернаго, лучшаго въ стадѣ барана ему посвя-
 тивши.
 Давъ обѣщанье такое и сдѣлавъ воззваніе къ
 мертвымъ,
 Самъ я барана и овцу надъ ямой глубокой за- 35
 рѣзалъ;
 Черная кровь полилася въ нее и слетѣлись тол-
 пою
 Души усоншихъ; изъ темныя бездны Эрева под-
 нявшись :
 Души невѣсть, малоопытныхъ юношей, опыт-
 ныхъ старцевъ,
 Дѣвъ молодыхъ, о утратѣ недолгія жизни скор-
 бящихъ,

40 Бранныхъ мужей, мѣдноострымъ коньемъ пора-
женныхъ смертельно
Въ битвѣ и брони, обрызганной кровью, еще не
сложившихъ.

Всѣ онѣ, вылетѣвъ вмѣстѣ безчисленнымъ роємъ
изъ ямы,

Подняли крикъ несказанный; былъ схваченъ я
ужасомъ блѣднымъ.

Кликнувъ товарищей, имъ повелѣлъ я съ овцы
и съ барана,

45 Острой зарѣзанныхъ мѣдью, лежавшихъ въ крови
передъ нами,

Кожу содрать и, огню ихъ предавши, призвать
громогласно

Грознаго бога Аида и страшную съ нимъ Пер-
сефону.

Самъ же я мечъ обнажилъ изощренный и съ
нимъ передъ ямой

Съль, чтобъ мѣшать приближаться безжизнен-
нымъ тѣнямъ усопшихъ

50 Къ крови, пока мнѣ отвѣта не дастъ вопрошен-
ный Тирезій.

Прежде другихъ предо мною явилась душа Эль-
пенора;

Бѣдный, еще не зарытый, лежалъ на землѣ пу-
теносной.

Не былъ онъ нами оплаканъ; ему не свершивъ
погребенья,

Въ домъ Цирцеи его мы оставили: въ путь мы
спѣшили.

Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье мнѣ 55
душу проникло.

Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ крыла-
тое слово:

Скоро же, другъ Эльпеноръ, очутился ты въ цар-
ствѣ Аида!

Пѣшій проворнѣе былъ ты, чѣмъ мы въ корабль
быстроходномъ.

Такъ я сказалъ; престоавши печально, мнѣ такъ
отвѣчалъ онъ:

О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей 60
многославный,

Демономъ злымъ погубленъ я и силой вина не-
сказанной;

Крѣпко на кровль заснувъ, я забылъ, что назадъ
надлежало

Прежде пойти, чтобъ по лѣстницъ съ кровли
высокой спуститься:

Бросясь впередъ, я уналъ и, затылкомъ ударив-
шись оземь,

Кость изломалъ позвоночную: въ область Аида 65
мгновенно

Духъ отлетѣлъ мой. Тебя же любовью къ отсут-
ственнымъ милымъ,

Вѣрной женою, отцемъ, воспитавшимъ тебя, и
цвѣтущимъ

Сыномъ, тобой во младенческихъ лѣтахъ оста-
вленнымъ дома,

Нынѣ молю — (мнѣ известно, что, область Аида
покинувъ,

- 70 Ты въ корабль возвратишься на островъ Цир-
цен) — о! вспомни,
Вспомни тогда обо мнѣ, Одиссей благородный,
чтобъ не былъ
Тамъ не оплаканный я и безгробный оставленъ,
чтобъ гнѣва
Мстящихъ боговъ на себя не навлекъ ты моею
бѣдою.
Бросивши трупъ мой со всеми моими доспѣхами
въ пламень,
- 75 Холмъ гробовой надо мною насыпьте близъ моря
сѣдаго ;
Въ памятный знакъ же о гибели мужа для позд-
нихъ потомковъ
Въ землю на холмъ моемъ то весло водрузите,
которымъ
Нѣкогда въ жизни, вашъ вѣрный товарищъ, я
волны тревожилъ.
Такъ говорилъ Эльпеноръ и, ему отвѣчая, ска-
залъ я :
- 80 Все, злополучный, какъ требуешь, мною испол-
нено будетъ.
Такъ мы печально бесѣдуя, другъ подлѣ друга
сидѣли,
Я, отгоняющій тѣни отъ крови мечемъ обна-
женнымъ,
Онъ, говорящій со мною, товарища прежняго при-
зракъ.
Вдругъ подошло, я увидѣлъ, ко мнѣ привидѣнье
умершей

Матери милой моей Антиклей, рожденной ве- 85
 ликимъ
 Автоликономъ — ее межъ живыми оставилъ я
 дома,
 Въ Трою отплывъ. Я заплакалъ, печаль мнѣ про-
 никнула душу;
 Но и ея, сколь ни тяжело то было душѣ, не пу-
 стилъ я
 Къ крови: мнѣ не далъ отвѣта еще прорицатель
 Тирезій.
 Скоро предсталъ предо мной и Тирезія Фивскаго 90
 образъ;
 Былъ онъ съ жезломъ золотымъ, и меня онъ
 узналъ, и сказалъ мнѣ:
 Что, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей
 благородный,
 Что, злополучный, тебя побудило, покинувъ пре-
 дѣлы
 Свѣтлаго дня, подойти къ безотрадной обители
 мертвыхъ?
 Но отслонися отъ ямы и къ крови мечемъ не 95
 пренятествуй
 Мнѣ подойти, чтобъ, напившись, могъ я по нрав-
 дѣ пророчить.
 Такъ онъ сказалъ; отслонися отъ ямы, я мечъ
 среброгвоздный
 Вдвинулъ въ ножны; а Тирезій, напившись чер-
 нья крови,
 Слово ко мнѣ обратилъ и сказалъ мнѣ, по правдѣ
 пророча:

100 Царь Одиссей, возвращенія сладкаго въ домъ
свой ты жаждешь.

Богъ раздраженный его затруднитъ неслезанно,
понеже

Гонитъ тебя колебатель земли Посидонъ; ты
жестоко

Душу разгнѣваль его ослѣпленіемъ милаго сына.

Но, и ему вопреки, и бѣды повстрѣчавъ, ты до-
стигнуть

105 Можешь отечества, если себя обуздаешь и буй-
ныхъ

Спутниковъ; съ ними ты къ острову знойной
Тринакрии, бездну

Темнолазурнаго моря измѣривъ, корабль приве-
дешь свой;

Тучныхъ быковъ и волнистыхъ барановъ пасеть
тамъ издавна

Геліосъ свѣтлый, который все видитъ, все слы-
шитъ, все знаетъ.

110 Будешь въ Итакѣ, хотя и великія бѣдствія встрѣ-
тишь,

Если воздержисья руку поднять на стада Ге-
ліоса;

Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу
погибель

Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и сопутникамъ;
самъ ты избѣгнешь

Смерти, но бѣдственно въ домъ возвратишься,
товарищей въ моръ

- 130 Долгое странствіе. Мощному тамъ Посидону
принесши
Въ жертву барана, быка и свиней оплодителя
вепря,
Въ домъ возвратись и великую дома сверши
экатомбу
Зевсу и прочимъ богамъ, безпредельнаго неба
владыкамъ,
Всѣмъ по порядку. И смерть не застигнетъ
тебя на туманномъ
- 135 Моръ; спокойно и медленно къ ней подходя,
ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣтлой, сво-
имъ и народнымъ
Счастьемъ богатый. И сбудется все, предре-
ченное мною.
Такъ говорилъ мнѣ Тирезій; ему отвѣчая, ска-
заль я:
Старецъ, пускай совершится, что мнѣ предна-
значили боги.
- 140 Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не
скрывая:
Матери милой я вижу отшедшую душу; близъ
крови
Тихо сидитъ неподвижная тѣнь и какъ будто
не смѣетъ
Сыну въ лице поглядѣть и завестъ разговоръ съ
нимъ. Скажи мнѣ,
Старецъ, какъ сдѣлать, чтобъ мертвая сына жи-
ваго узнала?

Такъ я его спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ 145
сказаль онъ :

Легкое средство на это, въ немногихъ словахъ
я открою :

Та изъ безжизненныхъ тѣней, которой прибли-
зиться къ крови

Дашь ты, разумно съ тобою начнетъ говорить ;
но безмолвно

Та отъ тебя удалится, которой ты къ крови не
пустишь.

Съ сими словами обратно отшедши въ обитель 150
Аида,

Скрылась душа прорицателя, мнѣ мой сказав-
шая жребій.

Я жъ неподвижно остался на мѣсть ; но ждалъ
я недолго ;

Къ крови приблизилась мать, напилася и сына
узнала.

Съ тяжкимъ вздохомъ она мнѣ крылатое бро-
сила слово :

Какъ же, мой сынъ, ты живой могъ проникнуть 155
въ туманную область

Ада? Здѣсь все ужасаетъ живущаго ; шумно
бѣгутъ здѣсь

Страшныя рѣки, потоки великіе ; здѣсь Океана

Воды глубокія льются ; никто переплыть ихъ
не можетъ

Самъ ; то однимъ кораблямъ крѣпкозданнымъ
возможно. Скажи же,

160 Прямо ль отъ Трои съ своимъ кораблемъ и съ
своими людьми ты,

По морю долго скитавшись, прибылъ сюда? Не-
ужели

Все не видалъ ни Итаки, ни дома отцевъ, ни
супруги?

Такъ говорила она и, отвѣтствуя, такъ ей ска-
залъ я:

Милая мать, приведенъ я къ Аиду нуждой все-
могущей;

165 Душу Тирезія Фивскаго мнѣ спросить надле-
жало.

Въ землю Ахеянъ еще я не могъ возвратиться;
отчизны

Нашей еще не видалъ, безпріютно скитаюсь
повсюду

Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ съ великимъ царемъ
Агамемнономъ поплылъ

Въ градъ Иліонъ, изобильный конями, на гибель
Троянамъ.

170 Ты жъ мнѣ скажи откровенно, какую изъ Паркъ
непреклонныхъ

Въ руки навѣкъ усыпляющей смерти была пре-
дана ты?

Медленно ль тяжкимъ недугомъ? Иль вдругъ
Артемида богиня

Тихой стрелою своею тебя безъ болѣзни убила?

Также скажи объ отцѣ и о сынѣ, покинутыхъ
мною:

Царскій мой санъ сохранился ли имъ? Иль дру- 175
гой ужъ на мѣсто
Избранъ мое и меня ужъ въ народѣ считаютъ
погибшимъ?
Также скажи мнѣ, что дѣлаетъ дома жена Пе-
нелопы?
Съ сыномъ ли вмѣстѣ живетъ, неизмѣнная въ
вѣрности мужу?
Иль ужъ съ какимъ изъ Ахейскихъ владыкъ со-
четалася бракомъ?
Такъ я ее спросилъ; Антиклея мнѣ такъ от- 180
вѣчала:
Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ твоёмъ Пе-
нелопы
Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою великой
и тратитъ
Долгіе дни и бессонныя ночи въ слезахъ и пе-
чали;
Царскій твой санъ никому отъ народа не от-
данъ; безспорно
Дома своимъ Телемакъ достояньемъ владѣетъ, 185
пирами
Всѣхъ угощая, какъ то облеченному саномъ
высокимъ прилично;
Всѣ и его угощаютъ роскошно. Лаэртъ же не
ходитъ
Больше въ городъ; онъ въ полѣ далеко живетъ,
не имѣя
Тамъ ни одра, ни богатыхъ покрововъ, ни мяг-
кихъ подушекъ;

- 190 Дома въ дождливое зимнее время онъ вмѣстѣ
съ рабами
Спитъ на полу у огня, покровенный одеждой
убогой ;
Въ лѣтнюю жъ знойную пору или поздней по-
рою осенней
Всюду находитъ себя на землѣ онъ въ саду
виноградномъ
Ложѣ изъ листьевъ опалыхъ, насыпанныхъ мяг-
кою грудой.
- 195 Тамъ онъ лежитъ, и вздыхаетъ, и сердцемъ
крушится, и плачетъ,
Все о тебѣ помышляя; и старость его безотраднa.

Кончилось такъ и со мной; и моя совершилась
судьбина.
Но не сестра Аполлонова съ лукомъ тугимъ
Артемида
Тихой стрѣлою своею меня безъ болѣзни убила,
- 200 Такъ же немедленный, мной овладѣвшій недугъ,
растерзавши
Тѣло мое, изъ него изнуренную душу исторг-
нулъ :
Нѣтъ; но тоска о тебѣ, Одиссей, о твоемъ ми-
ролюбномъ
Нравъ и разумъ свѣтломъ до срока мою погу-
била
Сладостномилую жизнь. И умолкла она. Увле-
ченный

Сердцемъ, обнять захотѣлъ я отшедшую матери 205
душу;

Три раза руки свои къ ней, любовью стреми-
мый, простеръ я,

Три раза между руками моими она проскольз-
нула

Тѣвню иль сонной мечтой, изъ меня вырывая
стенанье.

Ей накопецъ, сокрушенный, я бросилъ крылатое
слово:

Милая мать, для чего, изъ объятій моихъ убь- 210
гая,

Мнѣ запрещаешь въ жилищъ Анда прижаться къ
родному

Сердцу и скорбною сладостью плача съ тобой
подѣлиться?

Иль Персефона могучая вмѣсто тебя мнѣ при-
слала

Призракъ пустой, чтобъ мое усугубить великое
горе?

Такъ говорилъ я; мнѣ мать благородная такъ 215
отвѣчала:

Милый мой сынъ, злополучнѣйшій между людьми,
Персефона,

Дочь громовержца, тебя приводитъ въ заблу-
жденье не мыслить.

Но такова ужъ судьбина всѣхъ мертвыхъ, раз-
ставшихся съ жизнью.

Крѣпкія жилы уже не связуютъ ни мышцъ, ни
костей ихъ;

220 Вдругъ истребляетъ пронзительной силой огонь
погребальный

Все, лишь горячая жизнь охладѣлыя кости по-
кинетъ :

Вовсе тогда, улетѣвши, какъ сонъ, ихъ душа
исчезаетъ.

Ты же на радостный свѣтъ поспѣши возвра-
титься ; но помни,

Что я сказала, чтобъ все повторить при свиданьи
супругъ.

225 Такъ, собесѣдуя, мы говорили. Тогда мнѣ яви-
лись

Призраки женъ — ихъ прислала сама Персефона;
то были

Въ прежнее время супруги и дочери славныхъ
героевъ ;

Черную кровь обступили онъ, подбѣжавъ къ ней
толпою ;

Я же обдумывалъ, какъ бы мнѣ ихъ спросить
почередно

230 Каждую ; вотъ что удобнѣйшимъ мнѣ наконецъ
показалось :

Мечъ длинноострый немедля схватилъ и, его об-
наживши,

Къ крови приблизиться имъ не дозволилъ я
всею толпою ;

Другъ за другомъ онъ по одной подходили и
имя

Мнѣ называли свое ; и спрашивать каждую
могъ я.

Прежде другихъ подошла благороднорожденная 235

Тиро,

Дочь Салмонеева, славная въ міръ супруга Кре-

фея,

Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она рассказала:

Сердце свое Энипеемъ, рѣкою божественно-свѣ-

тлой,

Между рѣками земными прекраснѣйшей, Тиро

пльнила ;

Часто она посѣщала прекрасный потокъ Энипея; 240

Въ образъ облекся его Посидонъ земледержецъ,

чтобъ съ нею

Въ устьѣ волнистокнучемъ рѣки сочетаться лю-

бовью ;

Воды пурпурныя встали горой и, слявшись про-

хладнопрозрачнымъ

Сводомъ надъ ними, сокрыли отъ взоровъ и

бога и дѣву.

Дѣвственный поясъ ея развязалъ онъ, ей очи сме- 245

живши

Сномъ; и когда, распаленный, свое утолилъ

вождельнѣе,

За руку взялъ, и по имени назвалъ ее, и ска-

залъ ей :

Радуйся, богомъ любимая! Прежде чѣмъ полный

свершится

Годъ, у тебя два прекрасные сына родятся

(безплоденъ

250 Съ богомъ союзъ не бываетъ) и ихъ воспитаи
ты съ любовью.

Но, возвратяся къ домашнимъ, мое называть имъ
страшися

Имя; тебъ же откроюсь: я богъ Посидонъ зем-
ледержецъ.

Такъ онъ сказавъ, погрузился въ морское глу-
бокое лоно.

Въ срокъ отъ нея близнецы Пеліасъ и Нелей
родилися;

255 Слуги могучіе Зевса згидоносителя были

Оба они; обладая стадами барановъ, въ Іолхосъ

Тучнополяннстомъ жилъ Пеліасъ; а Нелей жилъ
въ песчаномъ

Нилосъ. Но отъ Крефея еще родились у пре-
красной

Тиро Эзонъ и Ферить и могучій вздокъ Ам-
еонъ.

260 Послѣ нея мнѣ предстала Азопева дочь Антіона.

Гордо хвалилась она, что объятія Дій отворилъ
ей:

Были плодомъ ихъ любви Амфіонъ и Цетосъ;
положили

Первое Оивъ седмивратныхъ они основанье и
много

Башень воздвигли кругомъ, поелику въ широко-
равнинныхъ

Өивахъ они, и могучіе, жить не могли бѣ безъ 265
ограды.

Амфитріонову послѣ узрѣвъ я супругу Алкмену;

Сына Иракла, столь славнаго силою и муже-
ствомъ львинымъ,

Зевсу она родила, цѣломудренно съ нимъ соче-
тавшись.

Послѣ явилась Мегара; Креонъ, необузданно-
смѣлый

Былъ ей отцемъ; а супругомъ Иракль, въ испы- 270
таніяхъ твердый.

Вслѣдъ за Мегарой предстала Эдипова мать
Эпикаста;

Страшно-преступное дѣло въ незнаши она со-
вершила,

Съ сыномъ роднымъ, умертвившимъ отца, соче-
тавшись бракомъ.

Скоро союзъ святотатный открыли безсмертные 275
людямъ.

Гибельно царствовать въ Кадмовомъ домъ, въ
возлюбленныхъ Өивахъ

Былъ осужденъ отъ Зевеса Эдипъ, безотрадный
страдалецъ

Но Эпикаста Андовы двери сама отворила:

Петлю она роковую къ бревну потолка прикрѣ-
пивши,

Ею плачевную жизнь прервала; одинокъ онъ
остался

280 Жертвой терзаній отъ скликанныхъ матерью
страшныхъ Эринній.

Посль явилась Хлорида; ея красотою пльняся,

Нькогда съ ней сочетался Нелей, дорогими да-
рами

Дьву прельстившій; былъ царь Амфіонъ Іа-
зидъ, Орхомена

Града Минійскаго славный властитель, отецъ ей;
царица

285 Пилоса, бодрыхъ она сыновеі даровала Нелею:

Нестора, Хромія, жаднаго почестей Пэриклимена;

Посль Хлорида и дочь родила многославную
Перу,

Дивной красоты; женихи отовсюду сошлись, но
тому лишь

Дочь непреклонный Нелей назначаль, кто быковъ
круторогихъ

290 Съ поля Филакіи сгонить, отнявъ у царя Ифи-
клеса

Силой все стадо его. Безпорочный взялся про-
рицатель

Смьлое дьло свершить; но ему положили пре-
граду

Злая судьба и темничныя узы и пастыри стада.

Но когда миновалися мьсяцы, дни пробьжали
и года

Кругъ совершился и Оры весну привели, — 295

Ификлесу

Тайны боговъ онъ открылъ; Ификлессова сила
святая

Узы его прервала и исполнилась воля Зевеса.

Славная Леда супруга Тиндара потомъ мнѣ яви-
лась;

Ей родилися отъ брака съ Тиндаромъ могучимъ
два сына:

Кóней смиритель Касторъ и боецъ Полидейкъ 300
много сильный.

Оба землю они жизнодарною взяты живые;

Оба и въ мракъ подземномъ честимы Зевесомъ;
вседневно

Братомъ смѣняется братъ; и вседневно, когда
умираетъ

Тотъ, воскресаеетъ другой; и къ безсмертнымъ
причислены оба.

Ифимедéю, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ; 305

Съ ней сочетался — хвалилась она — Посидонъ
земледержецъ;

Были плодомъ ихъ союза два сына (но кратокъ
былъ вѣкъ ихъ):

Отосъ божественный съ славнымъ вездѣ на зем-
ль Эфіальтомъ.

Щедрая, станомъ всѣхъ выше людей ихъ земля
возрастила;

- 310 Всѣхъ красотой затмѣвали они, одному Оріону
 Въ ней уступаая; и оба, едва девяти лѣтъ до-
 стигнувъ,
 Въ девять локтей толщиною, вышиною же въ
 тридевятъ были.
 Дерзкіе стали безсмертнымъ богамъ угрожать,
 что Олимпъ ихъ
 Шумной войной потрясутъ и губительнымъ боемъ
 взволнуютъ;
- 315 Осуу на древній Олимпъ взгромоздить, Пеліонъ
 многолѣсный
 Взбросить на Осуу они покушались, чтобъ при-
 ступомъ небо
 Взять, и угрозу бѣ они совершили, когда бы
 достигли
 Мужеской силы; но сынъ громовержца, Латон-
 ной рожденный,
 Прежде, чѣмъ младости пухъ отънилъ ихъ ла-
 ниты и первый
- 320 Волосъ пробился на ихъ подбородкѣ, сразилъ
 ихъ обоихъ.
 Федру я видѣлъ, Прокриду; явилась потомъ
 Аріадна,
 Дочь кознодѣя Миноса: изъ Крита бѣжать съ
 нимъ въ Аѳины
 Дѣву прекрасную бодрый Тезей убѣдилъ; но не
 могъ онъ
 Съ ней насладиться любовью; убла ея Арте-
 мида

Тихой стрѣлой, наущенная Вакхомъ, на островѣ 325
Діѣ.

Видѣлъ я Меру, Климену, злодѣйку жену Эри-
Филу,

Гнусно предавшую мужа, прельстясь золотымъ
ожерельемъ.

Всѣхъ ихъ однако я счесть не могу; мнѣ не
вспомнить, какія

Тамъ мнѣ явились жены и дочери древнихъ ге-
роевъ;

Цѣлой бы ночи не стало на то; ужъ пора мнѣ 330
предаться

Сну, удаляся ль на быстрый корабль вашъ къ
товарищамъ бодрымъ,

Здѣсь ли оставшись; а вы мой отъездъ учредите
съ богами.

Такъ говорилъ Одиссей, — всѣ другіе сидѣли
безмолвно

Въ свѣтлой палатѣ, и было у всѣхъ очаровано
сердце.

Тутъ блорукая слово къ гостямъ обратила 335
Арета:

Что, Феакіане, скажете? Станомъ и видомъ и
силою

Разума всѣхъ изумляетъ насъ гость чужеземный.
Хотя онъ

Собственно *мой* гость, но будетъ ему угощенье
отъ всѣхъ насъ;

Въ путь же его отсылать не спѣшите; нескупо
дарами

340 Должно его, претерпѣвшаго столько утратъ,
надѣлить намъ:

Много у всѣхъ васъ, по волю безсмертныхъ, ско-
пилось богатства.

Тутъ поднялся Эхеней, благороднаго племени
старецъ,

Ранѣе всѣхъ современныхъ ему Феакіянъ рож-
денный.

Съ нашимъ желаньемъ, друзья, онъ сказалъ, и
съ намѣреньемъ нашимъ

345 Слово разумной царицы согласно; ему поко-
рится

Должно, а царь Алкиной пусть на дѣль то слово
исполнить.

Кончилъ. Отвѣтствовалъ такъ Алкиной благо-
родному старцу:

Будетъ, что сказано, мною на дѣль исполнено
такъ же

Вѣрно, какъ то, что я живъ и что царь я въ
земль Феакіянъ

350 Веселюлюбивыхъ. Но странникъ, хотя и безмѣрно
спѣшитъ онъ

Въ путь, подождетъ до утра, чтобъ имѣли мы
время подарки

Наши собрать; отправленіе въ отчизну его есть
забота

Общая всемъ вамъ, моя жъ наипаче: я здѣсь
повелитель.

Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хитро-
умный:

Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей 355

Феакійскихъ,

Если бѣ и цѣлый здѣсь годъ продержать вы
меня захотѣли,

Мой учреждая отъездъ и дары для меня со-
бирая,

Я согласился бѣ остаться, понеже мнѣ выгодно
будетъ

Съ полными въ милую землю отцевъ возвра-
титься руками.

Больше почтенъ и съ живѣйшею радостью при- 360
нять я буду

Всѣми, кто встрѣтитъ меня при моемъ возвра-
щенъи въ Итаку.

Опъ умолкнулъ; ему Алкиной отвѣчалъ друже-
любно :

Царь Одиссей, мы, внимая тебѣ, не имѣемъ о-
бидной

Мысли, чтобъ былъ ты хвастливый обманщикъ,
подобный

Многимъ бродягамъ, которые землю обходятъ, 365
повсюду

Ложь разсѣвая въ нелѣпыхъ разсказахъ о видѣн-
номъ ими.

Ты не таковъ; ты возвышенъ умомъ и плени-
теленъ рѣчью.

Повѣсть прекрасна твоя; какъ разумный пѣвецъ,
разказалъ ты

Намъ объ Ахейскихъ вождяхъ и о собственныхъ
бѣдствіяхъ; кончить

- 370 Долженъ однако ты повѣсть. Скажи жъ, ничего
не скрывая,
Видѣлъ ли тамъ ты кого изъ могучихъ това-
рищей бранныхъ,
Бывшихъ съ тобой въ Иліонъ и черную встрѣ-
тившихъ участь?
Ночь несказанно долга; и останется времени
много
Всѣмъ намъ для сна безмятежнаго. Кончи жъ
начатую повѣсть;
- 375 Слушать тебя я готовъ до явленія свѣтлой ден-
ницы,
Если рассказывать намъ о напастяхъ своихъ
согласишься.
Такъ говорилъ онъ; отвѣтствовалъ такъ Одис-
сей хитроумный:
Царь Алкиной, благороднѣйшій мужъ изъ мужей
Феакійскихъ,
Время на все есть; свой часъ для бесѣды, свой
часъ для покоя;
- 380 Если однако желаешь теперь же дослушать раз-
сказъ мой,
Я повинуюсь и все расскажу, что печальнаго
послѣ
Я претерпѣлъ: какъ утратилъ послѣднихъ со-
путниковъ; также
Кто изъ Аргивянъ, избѣгши погибели въ битвахъ
Троянскихъ,
Палъ отъ убійцы, измѣной жены, при возвратѣ
въ отчизну.

Послѣ того, какъ разсвѣяться призракамъ женѣ 385

Персефона,

Ада царица вельла и всѣ, разлетѣвшись, про-
пали —

Тѣнь Агамемнона, сына Атреева, тихо и грустно

Вышла; и слѣдомъ за нею всѣ тѣни товарищей,
падшихъ

Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ вмѣстѣ
постигнутыхъ рокомъ.

Крови напившись, меня во мгновенье узналъ 390

Агамемнонъ.

Тяжко, глубоко вздохнулъ онъ; заплакали очи;
простерши

Руки, онъ ими ко мнѣ прикоснуться хотѣлъ, но
напрасно:

Руки не слушались: не было въ нихъ ужъ ни
силъ, ни движенья,

Нѣкогда члены могучаго тѣла его оживлявшихъ.

Слезы я пролилъ, увидя его; состраданье про- 395
никло мнѣ душу;

Голосъ возвысивъ, я мертвому бросилъ кры-
латое слово:

Сынъ Атреевъ, владыка людей, государь Ага-
мемнонъ,

Паркой какою ты въ руки навѣкъ усыпляющей
смерти

Преданъ? Въ волнахъ ли тебя погубилъ Поси-
донъ съ кораблями,

400 Бурею бездну великую всю всколебавши? на
сушь ль

Быль умерщвленъ ты рукою врага, имъ захва-
ченный въ полъ,

Гдѣ наадалъ на его криворогихъ быковъ и
барановъ,

Или во градъ, гдѣ женъ похищаль и сокровища
грабилъ?

Такъ вопросилъ я его и, отвѣтствуя, такъ мнѣ
сказалъ онъ:

405 О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей
благородный,

Нѣтъ, не въ волнахъ съ кораблями я былъ по-
губленъ Посидономъ,

Бурныя волны воздвигшимъ на безднѣ морской;
не на сушь

Быль умерщвленъ я рукою противника явнаго
въ битвѣ;

Тайно Эгистъ приготовилъ мнѣ смерть и пла-
чевную участь;

410 Съ гнусной женою моею заодно, у себя на ве-
селомъ

Пиръ убилъ онъ меня, какъ быка убиваютъ при
ясляхъ;

Такъ я погибъ и товарищи вѣрные вмѣстѣ со
мною

Были зарѣзаны всѣ, какъ клычистые вепри, ко-
торыхъ

Въ пышномъ дому гостелюбца, скопившаго много
богатства,

Рѣжутъ на складочный пиръ, на роскошный 415
обѣдъ иль на свадьбу.

Часто безъ страха видалъ ты, какъ гибли могу-
чіе мужи

Въ битвѣ, иной одиноко, иной въ многолюдствѣ
сраженья —

Здѣсь же пришелъ бы ты въ трепетъ, отъ стра-
ха бы обмеръ, увидя

Какъ межъ кратеръ пировыхъ, межъ столами,
покрытыми брашномъ,

Всѣ на полу мы, дымящемся нашею кровью, 420
лежали.

Громкіе крики Приамовой дочери юной Кас-
сандры

Близко услышалъ я: ножъ ей во грудь Клитем-
пестра вонзала

Подлѣ меня; полумертвый лежа на землѣ, по-
пытался

Хладную руку къ мечу протянуть я: она рав-
нодушно

Взоръ отвратила и мнѣ, отходящему въ область 425
Аида,

Тусклыхъ очей и мертвѣющихъ устъ запереть
не хотѣла.

Нѣтъ ничего отвратительнѣй, нѣтъ ничего не-
навистнѣй

Дерзкобезстыдной жены, замышляющей хитро
такое

Дѣло, какимъ навсегда осрамилась она, при-
готовивъ

- 430 Мужу, богами ей данному, гибель. Въ отечество
думалъ
Я возвратиться на радость возлюбленнымъ дѣ-
тямъ и ближнимъ —
Злое напротивъ замыселя, кровавымъ убійствомъ
злодѣйка
Стыдъ на себя навлекла и на всѣ времена по-
срамила
Поль свой и даже всѣхъ женъ, поведеньемъ сво-
имъ безпорочныхъ.
- 435 Такъ говорилъ Агамемнонь; ему отвѣчая, ска-
заль я:
Горе! конечно Зевесъ громовержець потомству
Атрея
Быть навсегда предназначилъ игральцемъ бѣд-
ственныхъ женскихъ
Козней; погибло немало могучихъ мужей отъ
Елены;
Такъ и тебѣ издалёка устроила смерть Кли-
темнестра.
- 440 Выслушавъ слово мое, мнѣ отвѣтствовалъ царь
Агамемнонь:
Слишкомъ довѣрчивымъ быть Одиссей берегися
съ женою;
Ей открывать простодушно всего, что ты знаешь,
не должно;
Ввѣрь ей одно, про себя сохрани осторожно
другое.
Но для тебя, Одиссей, отъ жены не опасна по-
гибель;

Слишкомъ разумна и слишкомъ незлобна твоя 445

Пенелопа,

Старца Икарія дочь благонравная; въ самыхъ

цвѣтущихъ

Лѣтахъ, едва сопряженный съ ней бракомъ, ее

ты покинулъ,

Въ Трою отплывъ, и грудной, лепетать не умѣв-

шій, младенецъ

Съ ней былъ оставленъ тогда; онъ конечно те-

перь засѣдаетъ

Въ сонмъ мужей; и отецъ, возвратясь, съ нимъ 450

увидится; нѣжно

Къ сердцу родителя самъ онъ, какъ слѣдуетъ

сыну, прижмется..

Мнѣ жъ кознодѣйка жена не дала ни однимъ

насладиться

Взглядомъ на милаго сына; я былъ во мгно-

вѣнъ зарѣзанъ.

Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть про

себя, что скажу я:

Скрой возвращенье свое, и войди съ кораблемъ 455

непримѣтно

Въ пристань Итаки: на вѣрность жены полагать-

ся опасно.

Самъ же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не

скрывая:

Могъ ли ты что нибудь свѣдать о сыцѣ моемъ?

Не слыхалъ ли,

Гдѣ онъ живетъ? Въ Охромень ль? Въ песчаномъ

ли Пилосѣ? Въ Спартѣ ль

460 Свѣтлопространной у славнаго дяди, царя Мене-
лая?

Ибо не умеръ еще на земль мой Орестъ бла-
городный.

Такъ спросилъ Агамемнонъ ; ему отвѣчая,
сказалъ я :

Царь Агамемнонъ , о сынъ твоёмъ ничего я не
знаю ;

Гдѣ онъ и живъ ли, сказать не могу ; пустосло-
вие вредно.

465 Такъ мы, о многомъ минувшемъ бесѣдуя, другъ
подль друга

Грустно сидѣли, и слезы лилися по нашимъ ла-
нитамъ.

Тѣнь Ахиллеса Пелеева сына потомъ мнѣ яви-
лась ;

Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ безпорочный
и сынъ Теламоновъ

Бодрый Аяксъ, межъ Ахейцами мужескимъ ви-
домъ и силой

470 Посль Пелеева сына великаго всѣхъ превзо-
шедшій.

Тѣнь быстроногаго внука Эакова, ставъ предо
мною,

Мнѣ, возрыдавши, крылатое бросила слово : за-
чѣмъ ты

Здѣсь, Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одис-
сей благородный ?

Что, дерзновенный, какое великое дѣло замы-
слилъ ?

Какъ проникнулъ въ предѣлы Анда, гдѣ мертвыя 475
только

Тѣни отшедшихъ, лишеныя чувства, безжизненно
вьютъ?

Такъ онъ спросилъ у меня и, ему отвѣчая, ска-
залъ я:

О Ахиллесъ, сынъ Пелеевъ, межъ всеми Данаями
первый,

Здѣсь я за тѣмъ, чтобъ Тирезій слѣпецъ прори-
цатель открылъ мнѣ

Способъ вѣрнѣйшій моей каменистой Итаки до- 480
стигнуть;

Въ землю Ахеянъ еще я не могъ возвратиться;
отчизны

Милой еще не видалъ; я скитаюсь и бѣдствую.
Ты же

Между людьми и минувшихъ временъ и гряду-
щихъ былъ счастьемъ

Первый: живаго тебя мы какъ бога безсмерт-
наго чтили;

Здѣсь же, надъ мертвыми царствуя, столь же 485
великъ ты, какъ въ жизни

Нѣкогда былъ; не ропщи же на смерть, Ахиллесъ
богоравный.

Такъ говорилъ я и такъ онъ отвѣтствовалъ,
тяжко вздыхая:

О Одиссей, утѣшенія въ смерти мнѣ дать не
надѣйся;

Лучше бѣ хотѣлъ я живой, какъ поденщикъ, ра-
ботая въ полѣ,

490 Службой у бѣднаго пахаря хлѣбъ добывать свой
насущный,

Нежели здѣсь надъ бездушными мертвыми цар-
ствовать, мертвый.

Ты же о сынѣ извѣстіемъ душу теперь мнѣ
порадуй.

Былъ ли въ сраженіи мой сынъ? Впереди ли у
всѣхъ онъ сражался?

Также скажи, Одиссей, не слыхалъ ли о старцѣ
Пелеѣ?

495 Все ли по-прежнему онъ повелитель земли Мир-
мидонской?

Иль ужъ его и въ Элладѣ и Фтіи честить пере-
стали,

Дряхлаго старца, безъ рукъ и безъ ногъ, изну-
реннаго въ силахъ?

Въ области дня ужъ защитникомъ быть для
него не могу я;

Нынѣ ужъ я не таковъ, какъ бывало, когда въ
отдаленной

500 Троѣ губилъ ополченья и грудью стоялъ за
Ахеянъ.

Если бъ такимъ хоть на мигъ я въ жилищѣ от-
цевома явился,

Ужасъ бы сильная эта рука навела тамъ на
многихъ,

Власти Пелея не чтущихъ и старость его оскор-
бившихъ.

Такъ говорилъ Ахиллесъ и, ему отвѣчая, ска-
залъ я:

Свѣдать не могъ ничего я о старцѣ Пелее въ- 505
ликомъ;

Но о твоёмъ благородномъ, возлюбленномъ Не-
оптолёмъ

Все, Ахиллесъ, какъ желаешь, тебѣ расскажу я
подробно.

Самъ я его въ корабль крутобокомъ моёмъ отъ
Скиро́са

Моремъ привезъ къ мѣднолатнымъ Данаямъ въ
Троянскую землю;

Тамъ на совѣтахъ вождей о судьбѣ Иліона все- 510
гда онъ

Голосъ свой прежде другихъ подавалъ, и въ раз-
умныхъ сужденьяхъ

Мною однимъ лишь и Несторомъ мудрымъ бы-
валъ побѣждаемъ.

Въ полѣ жъ Троянскомъ широкомъ, гдѣ гибель-
ной мѣдью мы бились,

Онъ никогда близъ дружинъ и въ толпѣ не
хотѣлъ оставаться;

Быстро впередъ выбѣгалъ онъ одинъ, упреждая 515
храбрѣйшихъ;

Много враговъ отъ него въ истребительной
битвѣ погибло;

Я жъ не могу ни назвать, ни исчислить, сколь
много народа

Въ краѣ Троянскомъ побилъ онъ, гдѣ грудью
стоялъ за Аргивянъ.

Такъ Эврипи́ла, Телѣфова сына, губительной
мѣдью

520 Онъ ниспровергъ, и кругомъ молодаго вождя всѣ

Кетейцы

Пали его, златолюбія женскаго бѣдственной
жертвой.

Послѣ Мемнона, подобнаго богу, былъ всѣхъ онъ
прекраснѣй.

Въ чрево коня, сотвореннаго чудно Эпéосомъ,
скрыться

Былъ онъ съ другими вождями назначенъ; а
двери громады

525 Мнѣ отворять, затворять и стеречь поручили
Ахейцы.

Всѣ, при вступленіи въ конскія нѣдра, вожди
отирали

Слезы съ ланитъ и у cadaго руки и ноги тря-
слися;

Въ немъ же единомъ мои никогда не подмѣтили
очи

Страха; не помню, чтобъ онъ отъ чего поблѣд-
нѣлъ, содрогнулся,

530 Или заплакалъ. Не разъ убѣждалъ онъ меня изъ
затвора

Дать ему выйти и, стиснувъ одною рукою дву-
острый

Мечъ, а другою обитое мѣдью копьё, порывался

Въ бой на Троянѣ. А когда былъ разрушенъ
Пріамовъ великій

Градъ, онъ съ богатой добычей, съ дарами по-
четными поплылъ

Въ край свой , ни издали мѣткимъ , ни вблизи 535
длинноострой

Мѣдью меча не пронзенный ни разу, какъ часто
бывается

Въ жаркомъ бою , гдѣ убійство кипитъ и Арей
веселится.

Такъ говорилъ я; душа Ахиллеса съ гордой
осанкой

Шагомъ широкимъ, по ровному Асфодилонскому
лугу

Тихо пошла , веселяся великою славою сына. 540

Души другихъ знаменитыхъ умершихъ явились;
со мною

Грустно они говорили о томъ , что тревожило
сердце

Каждому; только душа Теламонова сына Аякса,

Молча, стояла вдали , одинокая , все на побѣду

Злобясь мою, мнѣ отдавшую въ станъ Аргивянъ 545
доспѣхи

Сына Пелеева. Лучшему между вождей повелѣла

Дать ихъ Ѡемида; судили Трояне; ихъ судъ имъ
Аѳина

Тайно внушила.... Зачѣмъ, о! зачѣмъ одержалъ
я побѣду,

Мужа такого низведшую въ недра земныя?
Погибъ онъ

550 Бодрый Аяксъ, и лица красотою и подвиговъ
славой

Посль великаго сына Пелеева всѣхъ превзошед-
шій.

Голосъ возвысивъ, ему я сказалъ миротворное
слово:

Сынъ Теламоновъ, Аяксъ знаменитый, не дол-
женъ ты, мертвый,

Доль со мной враждовать, сокрушаясь о гибель-
ныхъ, взятыхъ

555 Мною оружіяхъ; ими Данаямъ жестокое боги

Зло приключили: ты, наша твердыня, погибъ; о
тебѣ мы

Всѣ, какъ о сынъ могучемъ Пелея, всечасно
крушились,

Раннюю смерть поминая твою; въ ней никто
не виновенъ,

Кромь Зевеса, постигшаго рать коньепосныхъ
Данаевъ

560 Страшной бѣдою: тебя онъ судьбинъ безвре-
менно предалъ.

Но подойди же, Аяксъ; на мгновенье бесѣдой съ
тобою

Дай насладиться мнѣ; гнѣвъ изгони изъ вели-
каго сердца.

Такъ я сказалъ; не отвѣтствовалъ онъ; за дру-
гими тѣнями

Мрачно пошелъ; напослѣдокъ сокрылся въ глу-
бокомъ Эрвѣ.

Можетъ быть, сталь бы и гнѣвный со мной гово- 565
 ритъ онъ иль я съ нимъ,
 Если бъ меня не стремило желаніе милаго сердца

Души другихъ знаменитыхъ умершихъ увидѣть.

И скоро

Въ адѣ узрѣль я Зевесова мудраго сына Ми-
 носа;

Скипетръ въ десницѣ держа золотой, тамъ умер-
 шихъ судилъ онъ

Сидя; они же его приговора, кто сидя, кто стоя, 570

Ждали въ пространномъ съ вратами широкими
 домъ Аида.

Послѣ Миноса явилась гигантская тѣнь Оріона;

Гналъ по широкому Асфодилонскому лугу звѣрей
 онъ —

Ихъ же своею желѣзной пичъмъ не крушимой
 дубиной

Нѣкогда самъ онъ убилъ на горахъ неприступно- 575
 пустынныхъ.

Титія также увидѣль я, сына прославленной
 Гѣи;

Девять занявъ десятинь подъ огромное тѣло,
 недвижимъ

Тамъ онъ лежалъ; по бокамъ же сидѣли два
 коршуна, рвали

Печень его и терзали когтями утробу. И руки

580 Тщетно на нихъ подымалъ онъ. Латону, супругу
Зевеса,

Шедшую къ Пиѳю , онъ осрамилъ на лугу
Панопейскомъ.

Видѣлъ потомъ я Тантала, казнимаго страшною
казнью :

Въ озеръ свѣтломъ стоялъ онъ по горло въ водъ,
и, томимый

Жаркою жаждой , напрасно воды захлебнуть
порывался.

585 Только что голову къ ней онъ склонялъ, уповая
напиться,

Съ шумомъ она убѣгала; внизу жъ подъ ногами
являлось

Черное дно и его осушалъ во мгновение Демонъ.

Много росло плодоносныхъ деревъ надъ его го-
ловою,

Яблонь и грушъ и гранатъ, золотыми плодами
обильныхъ,

590 Также и сладкихъ смоковницъ и маслинъ рос-
кошно цвѣтущихъ.

Голодомъ мучась, лишь только къ плодамъ онъ
протягивалъ руку,

Разомъ всѣ вѣтви деревъ къ облакамъ поды-
мались темнымъ.

Видѣлъ я также Сизифа, казнимаго страшною
казнью;

Тяжкій камень снизу обѣими влекъ онъ руками

Въ гору; напрягши мышцы, ногами въ землю 595
упершись,
Камень двигалъ онъ вверхъ; но едва достигалъ
до вершины
Съ тяжелой ношей, назадъ устремленный невидимой силой,
Внизъ по горѣ на равнину катился обманчивый
камень.
Снова силится вздвинуть тяжесть онъ, мышцы
напрягши,
Тѣло въ поту, голова вся покрытая черною 600
пылью.
Видѣлъ я тамъ наконецъ и Ираклову силу, одинъ
лишь
Призракъ воздушный; а самъ онъ съ богами на
свѣтломъ Олимпѣ
Сладость блаженства вкушалъ близъ супруги
Гебѣн, цвѣтущей
Дочери Зевса отъ златообутой владычицы Иры.
Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ ле- 605
таютъ въ испугѣ
Хищныя птицы; и, темной подобая ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ,
и ужасно
Вкругъ озирался, какъ будто готовяся выстрѣлить; страшный
Перевязъ блескъ издавала, ему поперегъ переръзавъ

- 610 Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ
чудеснымъ искусствомъ
Львы грозноокіе, дикіе вепри, лѣсные медведи,
Битвы, убійства, людей истребленіе изваяны
были:
Тотъ, кто свершилъ бы подобное чудо искус-
ства, не могъ бы,
Самъ превзошедши себя, ничего ужъ создать
совершеннѣй.
- 615 Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ неме-
дленно, кто я;
Жалобно, тяжело вздохнулъ и крылатое бросилъ
мнѣ слово:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей
благородный,
Иль и тобой, злополучный, судьба непреклонно
играетъ
Такъ же, какъ мной подъ лучами всезрящаго
солнца играла?
- 620 Сынъ я Кроніона Зевса; но тѣмъ отъ безмѣрныхъ
страданій
Не былъ спасенъ; покориться подъ власть недо-
стойнаго мужа
Мнѣ повелѣла судьба. И труды на меня воз-
лагалъ онъ
Тяжкіе. Такъ и отсюда былъ пса троеглаваго
долженъ
Я увести: уповалъ онъ, что будетъ мнѣ трудъ
не по силамъ.

Я же его совершилъ и похищенъ былъ песь у 625
Аида;

Помощь мнѣ подали Эрмій и дочь громоверж-
ца Аѳина.

Такъ мнѣ сказавъ, удалился въ обитель Аидову
призракъ.

Я жъ неподвижно остался на мѣстѣ и ждалъ,
чтобъ явился

Кто изъ могучихъ героевъ, давно знаменитыхъ
и мертвыхъ.

Видѣть хотѣлъ я великихъ мужей, въ отдаленные 630
вѣки

Славныхъ, богами рожденныхъ, Тезея царя, Пи-
ритоя,

Многихъ другихъ; но, толпою безчисленной души
слетѣвшись,

Подняли крикъ песказанный; былъ схваченъ я
ужасомъ блѣднымъ,

Въ мысляхъ, что хочетъ чудовище, голову страш-
ной Горгоны,

Выслать изъ мрака Аидова противъ меня Пер- 635
сефона :

Я побѣжалъ на корабль и велѣлъ, чтобъ, не
медля ни мало,

Люди мои на него собрались и канатъ отвязали.

Всѣ на корабль собрались и сѣли на лавкахъ у
весель.

Судно спокойно пошло по теченію водъ Океана,

640 Прежде на веслахъ , потомъ съ благовѣющимъ
вѣтромъ попутнымъ.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВѢНАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Вечеръ тридцать третьяго дня.

Одиссей оканчиваетъ свое повѣствованіе. Возвращеніе на островъ Эю. Погребеніе Эльпенора. Цирцея описываетъ Одиссею опасности, ему на пути предстоящія. Онъ покидаетъ ея островъ. Сирены. Бродящія скалы. Плаваніе между утесовъ Харибды и Скиллы, которая разомъ похищаетъ шестерыхъ изъ спутниковъ Одиссея. Вопреки Одиссею корабль его останавливается у береговъ Тринакріи. Спутники его, задержанные на островъ противными вѣтрами, истощивъ всѣ свои запасы, терпятъ голодъ и наконецъ, нарушивъ данную ими клятву, убиваютъ быковъ Геліуса. Раздраженный богъ требуетъ, чтобы Зевесъ наказалъ святотатство, и корабль Одиссеевъ, вышедшій снова въ море, разбитъ Зевесовымъ громомъ. Всѣ погибаютъ въ волнахъ, кромѣ Одиссея, который, снова избѣгнувъ Харибды и Скиллы, брошенъ наконецъ на берегъ Калипсина острова.

Быстро своимъ кораблемъ Океана потокъ пере-
рзавъ,

Снова по многоиспытному морю пришли мы на
островъ

Эю, туда, гдѣ въ жилище туманнорожденныя
Эось

Легкія Оры ведутъ хороводы, гдѣ Геліось вхо-
дитъ;

Къ берегу приставъ, на песокъ мы корабль бы- 5
строходный встали;

Сами же, вышедъ на брегъ, поражаемый шумно
волнами,

Сну предались въ ожиданьи восхода на небо дец-
ницы.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось..

Спутниковъ скликавъ, послалъ я ихъ къ дому Цир-
цей, чтобъ взять тамъ

10 Трупъ Эльпепоровъ, его принести и свершить погребенье.

Много деревъ парубивъ, мы на самомъ возвышенномъ мѣстѣ

Берега предали тѣло землѣ съ сокрушеньемъ и плачемъ.

Послѣ жъ того, какъ сожженъ былъ со всеми доспѣхами мертвый,

Холмъ гробовой мы насыпали, памятный столбъ утвердили,

15 Гладкое въ землю на холмъ воткнули весло; и священный

Долгъ погребенія былъ совершенъ. Но Цирцея узнала

Скоро о нашемъ прибытіи къ ней отъ предѣловъ Аида.

Свѣтлой одеждой облекшись, она къ намъ пришла; и за нею

Съ хлѣбомъ и мясомъ и пѣнопурупурнымъ виномъ молодья

20 Дѣвы пришли; и богиня богинь, къ намъ приближась, сказала:

Люди желѣзные, заживо зрѣвшіе область Аида,

Дважды узнавшіе смерть, всѣмъ доступную только однажды,

Бросьте печаль и безопасно ѣдой и питьемъ утѣшайтесь

Нынѣ, во все продолженіе дня; съ наступленьемъ же утра

Далье вы поплывете; я путь укажу и благое 25

Дамъ наставленье, чтобъ снова какая безуміемъ
вашимъ

Васъ не постигла напасть, ни на сушъ, ни на
морь темномъ.

Такъ намъ сказала, и мы покорились ей муже-
скимъ сердцемъ.

Жертву принеши, мы цѣлый тамъ день до ве-
черняго мрака

Ъли прекрасное мясо и сладкимъ виномъ утъ- 30
шались.

Солнце тѣмъ временемъ скрылось и тма насту-
пила ночная.

Люди въ томъ мѣстѣ легли, гдѣ корабль утвер-
жденъ былъ канатомъ;

Мнѣ же Цирцея привѣтливо руку дала; и ко-
гда я

Сблъ въ отдаленіи отъ прочихъ, легла близъ
меня и вопросы

Стала мнѣ дѣлать; и ей обо всемъ рассказалъ я 35
подробно.

Свѣтлая такъ напоследокъ сама мнѣ сказала бо-
гиня:

Дѣло одно совершилъ ты успешно; теперь со
вниманьемъ

Выслушай то, что скажу, что потомъ и отъ бога
услышишь.

Прежде всего ты увидишь Сирень; неизбежную
чарой

- 40 Ловятъ онъ подходящихъ къ нимъ лизко блю-
дей мореходныхъ.
Кто, по незнанью, къ тѣмъ двумъ чародѣйкамъ
приближася, ихъ сладкій
Голосъ услышитъ, тому ни жены ни дѣтей ма-
лолѣтнихъ
Въ домъ своемъ никогда не утѣшитъ желан-
нымъ возвратомъ:
Нѣнѣмъ сладкимъ Сирены его очаруютъ, на
свѣтломъ
- 45 Сидя лугу; а на этомъ лугу человѣчьихъ бѣ-
лѣтъ
Много костей, и разбросаны тлѣющихъ кожъ
тамъ лохмотья.
Ты жъ, заклеивши товарищамъ уши смягчен-
нымъ медвянымъ
Воскомъ, чтобъ слышать они не могли, про-
плыви безъ оглядки
Мимо; но ежели самъ роковой пожелаешь услы-
шать
- 50 Голосъ, вели, чтобъ тебя по рукамъ и ногамъ
привязали
Къ мачтѣ твоей корабельной крѣпчайшей ве-
ревкой; тогда ты
Можешь свой слухъ безъ вреда удовольствовать
гибельнымъ пѣнѣмъ.
Если жъ просить ты начнешь, иль приказывать
станешь, чтобъ сняли
Узы твои, то двойными тебя пусть немедленно
свяжутъ.

Послѣ, когда вы минуете островъ Сиренъ смер- 55
 тоносный,
 Двѣ вамъ дороги представятся; дать же совѣтъ
 здѣсь, какую
 Выбрать изъ двухъ безопаснѣе, мнѣ невозможно;
 своимъ ты
 Долженъ разсудкомъ рѣшить. Опишу я и ту и
 другую.
 Прежде увидишь стоящіе въ морѣ утесы; кру-
 гомъ ихъ
 Шумно волнуется зыбь Амфитриты лазорево- 60
 окой;
 Имя *бродящихъ* дано имъ богами; близъ нихъ
 ни какая
 Птица не смѣетъ промчаться, ни даже амброзію
 Зевсу
 Легкимъ полетомъ носящіе робкіе голуби; ка-
 ждый
 Разъ пропадаетъ изъ нихъ тамъ одинъ, объ у-
 тесь убиваясь;
 Каждый разъ и Зевесъ замѣняетъ убитаго но- 65
 вымъ.
 Всѣ корабли, къ тѣмъ скаламъ подходившіе, ги-
 бли съ пловцами;
 Доски однѣ оставались отъ нихъ и бездушные
 трупы,
 Шумной волною и пламеннымъ вихремъ носимые
 въ морѣ.
 Только одинъ, всѣ моря объжавшій, корабль не-
 вредимо

70 Ихъ миновалъ — посѣтитель Аэта, прославлен-
ный Арго;

Но и его на утесы бы кинуло море, когда бъ
онъ

Тамъ не прошелъ, провожаемый Ирой, любив-
шей Язона.

Посль ты двѣ повстрѣчаешь скалы: до широ-
каго неба

Острой вершиной восходитъ одна, облака окру-
жаютъ

75 Темногущенныя ту высоту, никогда не рѣдя.

Тамъ никогда не бываетъ ни лѣтомъ ни осенью
свѣтель

Воздухъ; туда не взойдетъ и оттоль не сой-
детъ ни единый

Смертный, хотя бъ съ двадцатью былъ руками
и двадцать

Ногъ бы имѣлъ — столь ужасно, какъ будто
обтесанный, гладокъ

80 Камень скалы; и на самой ея серединѣ пещера,

Темнымъ жерломъ обращенная къ мраку Эрева
на западъ;

Мимо ея ты пройдеши съ кораблемъ, Одиссей
многославный;

Даже и сильный стрѣлокъ не достигнетъ напра-
вленной съ моря

Быстролетающей стрѣлою до входа высокой пе-
щеры;

100 Разомъ она по шести челоуѣкъ съ корабля похищаетъ.

Близко увидишь другую скалу, Одиссей много-славный :

Ниже она; отстоять же отъ первой на выстрѣль изъ лука.

Дико растеть на скаль той смоковница съ сѣнью широкой.

Страшно все море подъ тою скалою тревожитъ Харибда,

105 Три раза въ день поглощая и три раза въ день извергая

Черную влагу. Не смѣй приближаться, когда поглощаетъ :

Самъ Посидонъ отъ погибели вѣрной тогда не избавить.

Къ Скиллиной ближе держася скаль, проведи безъ оглядки

Мимо корабль быстроходный : отраднѣе шесть потерять вамъ

110 Спутниковъ, нежели вдругъ и корабль потопить и погібнуть

Всѣмъ. Тутъ умолкла богиня ; а я, отвѣчая, сказалъ ей :

Будь откровенна, богиня, чтобъ могъ я всю истину вѣдать :

Если избѣгнуть удастся Харибды, могу ли отбиться

Силой, когда на сопутниковъ бросится жадная Скилла ?

Такъ я спросилъ и, отвѣтствуя, такъ мнѣ сказала 115
богиня:

О! необузданный, снова о подвигахъ бранныхъ
замыслилъ;

Снова о боѣ мечтаешь; ты радъ и съ богами
сразиться.

Знай же: не смертное зло, а бессмертное Скилла.
Свирѣпа,

Дико-сильна, ненасытна, сраженіе съ ней невоз-
можно.

Мужество здѣсь не поможетъ; одно здѣсь спа- 120
сеніе — бѣгство.

Горе! когда ты хоть мигъ тамъ для тщетнаго
боя промедлишь:

Высунетъ снова она изъ своей недоступной пе-
щеры

Всѣ шесть головъ и опять съ корабля шестерыхъ
на пожранье

Схватить; не медли жъ; поспѣшно пройди; при-
зови лишь Кратейю:

Скиллу она родила на погибель людей, и одна 125
лишь

Дочь воздержать отъ втораго на васъ нападенія
можетъ.

Скоро потомъ ты увидишь Тринакрію островъ;
издавна

Геліосъ тучныхъ быковъ и барановъ пасетъ тамъ
на пышныхъ,

Злачныхъ равнинахъ; семь стадъ составляютъ
быки; и бараны

- 130 Столько жъ; и въ каждомъ ихъ стадъ числомъ
 пятьдесятъ; и число то
 Вечно одно; не плодятся они, и пасуть неу-
 сыпно
 Ихъ Фаэтуса съ Лампѣтѣей, пышнокудрявыя ним-
 фы.
 Геліосъ ихъ Иперіонъ съ божественной прижилъ
 Неерой.
 Светлая мать, дочерей воспитавши, въ Тринакріи
 знойной
- 135 Ихъ поселила, чтобъ тамъ, отъ людей въ уда-
 леніи, дѣвы
 Тучныхъ быковъ и барановъ отцевыхъ пасли не-
 усыпно.
 Будешь въ Итакъ, хотя и великія бѣдствія встрѣ-
 тишь,
 Если воздержишься руку поднять на стада Ге-
 ліоса;
 Если же руку подымешь на нихъ, то пророчу
 погибель
- 140 Всѣмъ вамъ: тебѣ, кораблю и спутникамъ; самъ
 ты избѣгнешь
 Смерти; но, всѣхъ потерявъ, одинокъ возвра-
 тишься въ отчизну.
 Такъ говорила она. Златотронная Эосъ яви-
 лась
 На небѣ; въ домъ свой богиня пошла, разлучив-
 шись со мною.
 Я жъ, къ своему кораблю возвратясь, повелѣлъ,
 чтобъ немедля

Спутники всѣ на него собрались и канатъ отвязали; 145

Всѣ на него собралися и, сѣвши на лавкахъ у
весель,

Разомъ могучими веслами вспѣнили темныя воды.

Быль намъ на темныхъ водахъ провожатымъ на-
дежнымъ попутнымъ

Вѣтеръ, пловцамъ благовьющій другъ, парусовъ
надуватель,

Посланъ привѣтнорѣчивою, свѣтлокудрявой бо- 150
гиней.

Всѣ корабельныя снасти порядкомъ убравъ, мы
спокойно

Плыли; корабль нашъ бѣжалъ, повинуюсь кормилу
и вѣтру.

Я жъ, обратясь къ сопутникамъ, такъ имъ ска-
залъ сокрушенный:

Должно не мнѣ одному, и не двумъ лишь, това-
рищи, ведать

То, что намъ всѣмъ благосклонно богиня богинь 155
предсказала:

Все вамъ открою, чтобъ, зная свой жребій, мо-
гли вы безстрашно

Или погибнуть, иль смерти и Керы могучей из-
бѣгнуть.

Прежде всего отъ волшебнаго пѣнья Сирень и
отъ луга

Ихъ цвѣтоноснаго намъ уклониться вельла бо-
гиня;

- 160 Мнѣ же ихъ голосъ услышать позволила ; прежде
однако
Къ мачтъ меня корабельной веревкой надежною
плотно
Вы привяжите, чтобъ былъ я совсемъ неподви-
женъ ; когда же
Стану просить иль приказывать строго, чтобъ
сняли съ меня вы
Узы — двойными скрутите мнѣ узами руки и
ноги.
- 165 Такъ говорилъ я, лишь нужное людямъ моимъ
открывая.
Тою порой крѣпкозданный корабль нашъ, плывя,
приближался
Къ острову страшныхъ Сиренѣ, провожаемый
легкимъ попутнымъ
Вѣтромъ ; но вдругъ успокоился вѣтеръ и тишь
воцарилась
На морь : Демонъ угладилъ пучины зыбучее лоно.
- 170 Вставши, товарищи парусъ ненужный свернули,
сцѣпили
Съ мачты его, уложили на палубѣ, снова на
лавки
Съли и гладкими веслами вспѣнили тихія воды.
Я же, немедля медвянаго воску укругъ изру-
бивши
Въ мелкія части мечемъ, раздавилъ на могучей
ладони

Воскъ; и мгновенно онъ сдѣлался мягкимъ; его 175
 благосклонно

Геліосъ, богъ жизнедатель, лучемъ разогрѣлъ те-
 плоноснымъ.

Уши товарищамъ воскомъ тогда заклеилъ я;
 меня же

Плотной веревкой они по рукамъ и ногамъ при-
 вязали

Къ мачтѣ такъ крѣпко, что было нельзя мнѣ ни-
 чѣмъ шевельнуться.

Снова подъ сильными веслами всплылась тем- 180
 ная влага.

Но въ разстояньи, въ какомъ призывающій голосъ
 бываетъ

Внятенъ, Сирены увидѣли мимо плывущій корабль
 нашъ.

Съ берегомъ онъ ихъ поровнялся; онъ звонко-
 гласно запыли:

Къ намъ, Одиссей богоравный, великая слава
 Ахеянъ,

Къ намъ съ кораблемъ подойди; сладкопѣньемъ 185
 Сиренъ насладися;

Здѣсь ни одинъ не проходитъ съ своимъ кора-
 блемъ мореходецъ,

Сердцеусладнаго пѣнья на нашемъ лугу не по-
 слушавъ;

Кто же насъ слышалъ, тотъ въ домъ возвра-
 щается, многое свѣдавъ.

Знаемъ мы все, что случилось въ Троянской
 землѣ, и какая

190 Участь по волю безсмертных постигла Троянъ
и Ахеянъ ;

Знаемъ мы все, что на лонъ земли многодар-
ной творится.

Такъ насъ онъ сладкопънемъ пльнительнымъ
звали. Влекомый

Сердцемъ ихъ слушать, товарищамъ подалъ я
знакъ, чтобъ немедля

Узы мои разрѣшили ; они же удвоенной силой

195 Начали грестъ ; а, ко мнѣ подошедъ, Перимедъ
съ Эврилохомъ

Узами новыми крѣпче мнѣ руки и ноги стянули.

Но, когда удалился корабль нашъ и болѣе слы-
шать

Мы не могли ужъ ни гласа, ни пѣня Сиренъ
бѣдоносныхъ,

Вѣрные спутники вынули воскъ размягченный,
которымъ

200 Уши я имъ заклеилъ и меня отвязали отъ мачты.

Островъ Сиренъ потеряли мы изъ виду. Вдругъ
я увидѣлъ

Дымъ и волненья великаго шумъ повсемѣстный
услышалъ.

Выпали весла изъ рукъ у гребцовъ устрашен-
ныхъ ; повиснувъ

Праздно, онъ по волнамъ, колыхавшимъ ихъ, би-
лись ; а судно

Стало, понеже не двигались весла, его прину- 205
ждавшія къ бѣгу.

Я же его объжалъ, чтобъ людей ободрить оро-
бѣлыхъ ;

Каждому сдѣлавъ привѣтствіе, ласково всемъ имъ
сказалъ я :

Спутники, въ бѣдствіяхъ мы не безопытны; все
мы сносили

Твердо; теперь же бѣда предстоитъ не страш-
нѣе постигшей

Насъ, заключенныхъ въ пещеръ свирьною силой 210
Циклопа.

Мужествомъ, хитрымъ умомъ и советомъ раз-
умнымъ тогда я

Всѣхъ васъ избавилъ; о томъ не забыли вы,
думаю; будьте жъ

Смѣлы и нынѣ, исполнивъ покорно все то, что
велю вамъ.

Силу удвойте, гребцы, и дружнѣе по влагъ зы-
бучей

Острыми веслами бейте; быть можетъ Зевесъ 215
покровитель

Намъ отъ гибели близкой уйти невредимо по-
можетъ.

Ты же вниманіе, кормщикъ, удвой; на тебя по-
печенье

Главное я возлагаю — ты правишь кормой ко-
рабельной :

Въ сторону долженъ ты судно отвести отъ вол-
ненья и дыма,

220 Видимыхъ близко, держися на этотъ утесъ,
чтобъ не сбиться

Въ бокъ по стремленью — иначе корабль не-
сомнѣнно погибнетъ.

Такъ я сказалъ; все исполнилось точно и скоро;
о Скиллѣ жъ

Я помянуть не хотѣлъ: неизбежно чудовище
было;

Весла бъ они побросали отъ страха и, грести
переставши,

225 Праздно бъ столпились внутри корабля въ ожи-
даньи напасти.

Самъ же я, вовсе забывъ повельніе строгой
Цирцеи,

Мнѣ запретившей оружіе брать для напраснаго
боя,

Славныя латы на плечи накинулъ и, два мѣдно-
острыхъ

Въ руки схвативши конья, подошелъ къ кора-
бельному носу

230 Въ мысляхъ, что прежде туда изъ глубокаго
жадная Скилла

Бросится лога и тамъ ей понавшихся первыхъ
похититъ.

Тщетно искалъ я очами ее, утомилъ лишь на-
врасно

Очи, стараясь проникнуть въ глубокое нѣдро
утеса.

Въ страхъ великомъ тогда проходили мы тѣс-
нымъ проливомъ;

Скилла грозила съ одной стороны; а съ другой 235
пожирала

Жадно Харибда соленую влагу: когда изверга-
лись

Воды изъ чрева ея, какъ въ котль, на огнь
раскаленномъ,

Съ свистомъ кипѣли онъ, клопоча и буровясь;
и пѣна

Вихремъ взлетала на обѣ вершины утесовъ; ко-
гда же

Волны соленого моря обратно глотала Харибда, 240

Внутренность вся открывалась ея: передъ зъ-
вомъ ужасно

Волны сшибались, а въ нѣдрѣ утробы откры-
томъ кипѣли

Тина и черный песокъ. Мы, объятые ужасомъ
блѣднымъ,

Въ трепеть очи свои на грозящую гибель
вперяли.

Тою порой съ корабля шестерыхъ, отличавшихся 245
бодрой

Силой товарищей, разомъ схватя ихъ, похитила
Скилла;

Взоръ на корабль и на схваченныхъ вдругъ
обративши, успѣлъ я

Только ихъ руки и ноги вверху надъ своей го-
ловою

Мелькомъ примѣтитъ: они въ высоту призываю-
щимъ гласомъ

250 Имя мое прокричали съ послѣднею скорбію
сердца.

Такъ рыболовъ, съ каменистаго берега длинно-
согбенной

Удой кидаящій въ воду коварную рыбагъ при-
манку,

Рогомъ быка луговаго ихъ ловить, потомъ, изъ
воды ихъ

Выхвативъ, на берегъ жалко трепещущихъ бы-
стро бросаетъ :

255 Такъ трепетали они въ высоту, унесенные жад-
ною Скиллой.

Тамъ передъ входомъ пещеры она сожрала ихъ,
кричащихъ

Громко и руки ко мнѣ простирающихъ въ лю-
томъ терзаньи.

Страшное тутъ я очами узрѣлъ и страшнѣй ни-
чего мнѣ

Зрѣть никогда въ продолженіе странствій мо-
ихъ не случилось.

260 Скиллинъ утесъ миновавъ и избѣгнувъ свирѣпой
Харибды,

Прибыли къ острову мы наконецъ свѣтоноснаго
бога.

Тамъ на зеленыхъ равнинахъ быки криворогіе
мирно

Съ множествомъ тучныхъ барановъ паслись, Ге-
ліосово стадо.

Съ моря уже, находяся на палубѣ, явственно
могъ я

Тяжкое слышать мычанье быковъ, на свободѣ 265
гулявшихъ,

Съ шумнымъ бляньемъ барановъ; и тутъ же
пришло мнѣ на память

Слово слѣпаго пророка Тирезія Фивскаго съ
строгимъ

Словомъ богини Цирцеи, меня миновать убъ-
ждавшей опасный

Островъ, гдѣ властвовалъ Геліосъ, смертныхъ
людей утѣшитель.

Тутъ къ сокрушеннымъ спутникамъ рѣчь обра- 270
тилъ я такую:

Вѣрные спутники, слушайте то, что печальный
скажу вамъ:

Свѣдать должны вы пророка Тирезія Фивскаго
слово

Съ словомъ Цирцеи, меня миновать убъждав-
шей опасный

Островъ, гдѣ властвуетъ Геліосъ, смертныхъ
людей утѣшитель:

Тамъ несказанное бѣдствіе ждетъ насъ, они у- 275
тверждаютъ.

Мимо, товарищи, черный корабль провести по-
спѣшите.

Такъ я сказалъ; въ ихъ груди сокрушилося
милое сердце.

Мнѣ жъ, возражая, отвѣтствовалъ такъ Эври-
лохъ непокорный:

Ты, Одиссей, непреклонно-жестокъ; одаренъ ты
великой

280 Силой; усталости нѣтъ для тебя, изъ желѣза
ты скованъ.

Имѣя, изнуреннымъ, безсильнымъ и столь ужъ
давно не вкушавшимъ

Сна, запрещаешь ты на берегъ выйти. Могли
бъ приготовить

Ужинъ мы вкусный на островъ, сладко на немъ
отдохнувши.

Ты жъ насъ итти наудачу въ холодную ночь
принуждаешь

385 Мимо пріютнаго острова въ темное, мглистое
море.

Ночью противные вѣтры шумятъ, корабли ис-
стребляя.

Кто избѣжитъ потопленія вернаго, если во мракъ

Вдругъ съ неожиданной бурей на черное море
примчится

Ноть иль Зефиръ истребительно-быстрый? Отъ
нихъ наиболь

290 Въ безднѣ морской, вопреки и богамъ, корабли
погибають.

Лучше теперь, покорившись вельнію темныя ночи,

На берегъ выйдемъ и ужинъ вблизи корабля
приготовимъ.

Завтра жъ съ денницею пустимся снова въ
пространное море.

Такъ говорилъ Эврилохъ и товарищи съ нимъ
согласились.

Стало мнѣ ясно тогда, что готовилъ намъ бѣдъ- 295
ствіе Демонъ.

Голосъ возвысивъ, безумцу я бросилъ крылатое
слово :

Здѣсь я одинъ, отъ того и отвѣтъ, Эврилохъ,
твой такъ дерзокъ.

Слушайте жь: мнѣ поклянитесь великою кля-
твой, что, если

Встрѣтите стадо быковъ криворогихъ или стадо
барановъ

Тамъ на зеленыхъ лугахъ, святотатной рукой 300
не коснетесь

Къ нимъ, и убить ни быка ни барана отнюдь
не дерзнете.

Пищею насъ на дорогу обильно снабдила Цир-
цея.

Спутники клятвой великою мнѣ поклялися; ко-
гда же

Всѣ поклялися и клятву свою совершили, въ
заливѣ

Острова тихомъ мы стали съ своимъ кораблемъ 305
крѣпкозданнымъ.

Близко была ключевая вода; всѣ товарищи,
вышедъ

На берегъ, вкусный проворно на немъ пригото-
вили ужинъ;

Свой удовольствовавъ голодъ обильнымъ пи-
тьемъ и ѣдою,

Стали они поминать со слезами о милыхъ погиб-
шихъ,

310 Схваченныхъ вдругъ съ корабля и растерзанныхъ
Скиллой предъ нами.

Скоро на плачущихъ сонъ, усладитель печалей,
спустился.

Треть совершилася ночи и темнаго неба на
онполь

Звѣзды склонилися — вдругъ громовержець Кро-
ніонъ Борея,

Страшно ревущаго, высмалъ на насъ, облака
обложили

315 Море и землю, и темная съ грознаго неба сошла
ночь.

Встала изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось;

Черный корабль свой отъ бури мы скрыли подъ
сводомъ пещеры,

Гдѣ въ хороводы веселыя нимфы полей соби-
рались.

Тутъ я товарищей всѣхъ пригласилъ на совѣтъ
и сказалъ имъ:

320 Черый корабль нашъ, друзья, запасенъ и пи-
тьемъ и ѣдою.

Бойтесь же здѣсь на стада подымать святотат-
ную руку;

Богъ обладаетъ здѣсь всѣми стадами быковъ и
барановъ,

Гелиосъ свѣтлый, который все видитъ, все слы-
шитъ, все знаетъ.

Такъ я сказалъ, и они покорились мнѣ муже-
скимъ сердцемъ.

Но безпрестанно весь мѣсяць свирѣпствовала 325
   Нотъ; всѣ другіе
 Вѣтры молчали; порою лишь Эвръ подымался
   восточный.
 Спутники, хлѣба довольно имѣя съ виномъ пур-
   пурóвымъ,
 Были спокойны; быковъ Геліосовыхъ трогать
   и въ мысли
 Имъ не входило; когда же съестной нашъ за-
   пасъ истощился,
 Начали пищу охотой они промышлять; добывая 330
   Что, гдѣ случалось: стрѣляли дичину, иль рыбу
   Острогобенными крючьями удили — голодъ то-
   милъ ихъ.
 Разъ, помолиться желая богамъ, чтобъ они намъ
   открыли
 Путь, одинокой дорогой я шелъ черезъ островъ;
   невольно,
 Тою дорогой идя, отъ товарищей я удалился; 335
   Въ мѣсть, защитномъ отъ вѣтра, я руки умылъ
   и молитвой
 Теплой къ безсмертнымъ владыкамъ Олимпа, къ
   богамъ обратился.
 Сладкій на вѣжды мнѣ сонъ низвели нечув-
   ствительно боги.
 Злое тогда Эврилохъ предложеніе спутникамъ
   сдѣлалъ:

Жирныхъ, огромнорогатыхъ и лбистыхъ быковъ 355

тамъ гуляло —

Ихъ обступили, безумцы; воззвавши къ богамъ

Олимпійскимъ,

Листьевъ нарвали они съ густоглаваго дуба,

ячменя

Боль въ запасъ на черномъ своемъ корабль не

имья.

Кончивъ молитву, заръзавъ быковъ и содравши

съ нихъ кожи,

Бедрa они все отсъкли, а кости, обвитыя дважды 360

Жиромъ, кровавыми свѣжаго мяса кусками об-

кляли.

Но, не имья вина, возлянье они совершили

Просто водою и бросили въ жертвенный пла-

мень утробу,

Бедрa сожгли, остальное же, сладкой утробы от-

вѣдавъ,

Все изрубили на части и стали на вертелахъ 365

жарить.

Тутъ улетѣлъ усладительный сонъ, мнѣ рѣсницы

смыкавшій.

Я, пробудившись, пошелъ къ кораблю на пе-

счаное взморье

Шагомъ поспѣшнымъ; когда жъ къ кораблю под-

ходилъ, благовоннымъ

Запахомъ пара мяснаго я былъ пораженъ; со-

дрогнувшись,

370 Жалобный голосъ упрека вознесъ я къ богамъ
Олимпійскимъ :

Зевсъ, нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣч-
ные боги,

Вы на бѣду обольстительный сонъ низвели мнѣ
на вѣжды ;

Спутники тамъ безъ меня святотатное дѣло свер-
шили.

Тою порой о убійствѣ быковъ Иперіоновъ свѣ-
тлый

375 Сынъ извѣщенъ былъ Лампетіей, длинноодѣянной
дѣвой.

Съ гнѣвомъ великимъ къ безсмертнымъ богамъ
обратясь, онъ воскликнулъ :

Зевсъ нашъ отецъ и владыка, блаженные, вѣч-
ные боги,

Жалуюсь вамъ на людей Одиссея, Лаэртова
сына !

Дерзко они у меня умертвили быковъ, на кото-
рыхъ

380 Такъ любовался всегда я — всходилъ ли на
звѣздное небо,

Съ звѣзднаго ль неба сходилъ и къ землѣ нис-
пускался.

Если же вами не будетъ наказано ихъ свято-
татство,

Въ область Аида сойду я и буду свѣтить для
умершихъ.

Гнѣвному богу отвѣтствовалъ такъ тученосецъ
Кроніонъ :

Геліосъ, смѣло сіяй для безсмертныхъ боговъ и 385
для смертныхъ

Року подвластныхъ людей, на земль плодоносной
живущихъ.

Ихъ я корабль чернобокій, низвергнувши пла-
менный громъ свой,

Въ морь широкомъ на мелкія части разбить
не замедлю

(Это мнѣ было открыто Калипсой божествен-
ной; ей же

Все рассказалъ вѣстоносець крылатый Кроніо- 390
новъ, Эрміѣ).

Я, возвратясь къ кораблю своему на песчаное
взморье,

Спутниковъ собралъ и всѣхъ одного за другимъ
упрекалъ; но исправить

Зла намъ ужъ было не можно; быки ужъ зарь-
заны были.

Боги притомъ же и знаменье, въ страхъ насъ
приведшее, дали:

Кожи ползли, а сырое на вертелахъ мясо, и мясо, 395

Снятое съ вертеловъ, жалобно ревъ издавали
бычачій.

Цѣлые шесть дней мои непокорные спутники
дерзко

Били отборныхъ быковъ Геліоса и ѣли ихъ мясо;

Но на седьмой день, предъизбранный тайно Кро-
ніономъ Зевсомъ,

400 Вѣтеръ утихъ и шумѣть перестала сердитая
буря.

Мачту поднявши и бѣлый на мачтъ расправивши
парусъ,

Всѣ мы взошли на корабль и пустились въ откры-
тое море.

Но, когда въ отдаленіи островъ пропалъ, и ис-
чезла

Всюду земля и лишь небо, съ водами слянное,
зрѣлось,

405 Богъ громовержець Кроніонъ тяжелую темную
тучу

Прямо надъ нашимъ сгустилъ кораблемъ и подъ
нимъ потемнѣло

Море. И кратокъ былъ путь для него. Отъ
заката примчался

Съ воемъ Зефиръ и возстала великая бури тре-
вога;

Лопнули разомъ веревки, державшія мачту; и
разомъ

410 Мачта, сломясь, съ парусами своими, гремящая,
пала

Вся на корму и въ паденьи тяжелымъ ударомъ
разбила

Голову кормщику; черепъ его подъ упавшей
громадой

Весь былъ расплюснуть, и онъ, водолазу по-
добно, съ высокихъ

Ребръ корабля кувырнувшись въ глубь, тамъ
пропалъ и изъ тѣла

- 430 Солнце — себя я узрѣлъ межъ утесами Скиллы
и страшной Харибдой.
Въ это мгновеніе влагу соленую хлябь погло-
щала ;
Я, ухватясь за смоковницу, росшую тамъ, при-
цѣпился
Къ ветвямъ ея, какъ летучая мышь, и повисъ, и
нельзя мнѣ
Было ногой ни во что упереться — висѣлъ на
рукахъ я.
- 435 Корни смоковницы были далѣко въ скаль и, рас-
ширясь,
Вѣтви объемомъ великимъ Харибду кругомъ
осѣняли ;
Такъ тамъ, вися безъ движенія, ждалъ я, чтобъ
вынесли волны
Мачту и киль изъ жерла, и въ тоскъ нескazan-
ной я долго
Ждалъ — и ужъ около часа, въ который судья,
разрѣшивши
- 440 Юношей тяжбу, домой вечерять, утомленный,
уходитъ
Съ площади — выплыли вдругъ изъ Харибды
желанныя бревна.
Бросился внизъ я, раскинувши руки и ноги, и
прямо
Тяжестью всею упалъ на обломки несомые мо-
ремъ.
Ихъ осѣдлавши, я началъ руками какъ веслами
править.

Скилъ жь владыка безсмертныхъ Кроніонъ 445
меня не дозволилъ

Въ морь примѣтитъ: иначе была бь неизбежна
погибель.

Девять носился я дней по водамъ; на десятый
съ наставшей

Ночью на островъ Огигію выброшенъ былъ, гдѣ
Калипсо

Царствуетъ, свѣтлокудрявая, сладкорѣчивая ним-
фа.

Принять я былъ благосклонно богиней. Объ 450
этомъ однако

Мнѣ говорить ужь не нужно: вчера описалъ я
подробно

Все и тебѣ и царицѣ; весьма неразумно и скучно

Снова рассказывать то, что ужь мы рассказали
однажды.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА ОДИССЕИ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Вотъ что было мною сказано въ другомъ мѣстѣ:
„я бы желалъ сдѣлать два изданія разомъ Одиссеи
„— одно для *всѣхъ* читателей *полное*, другое для
„*юношества* съ *выпусками* (весьма немногими) тѣхъ
„мѣстъ, которыя не должны быть доступны юному
„возрасту. По моему мнѣнію нѣтъ книги, которая
„была бы столь прилична первому, свѣжему періоду
„жизни, какъ Одиссея, возбуждающая весь способ-
„ности души прелестію разнообразною: надобно
„только дать въ руки молодежи не одну сухую вы-
„писку въ прозѣ изъ Гомеровою поэмы, а самаго
„живаго раскащика Гомера, который въ одну раму
„заключилъ всю древнюю Грецію съ чудесными ея
„преданіями, съ ея первобытными правами. Языкъ
„перевода моего, кажется мнѣ, столь простъ, что
„Русская Одиссея можетъ быть доступна всемъ воз-
„растамъ и дана, если сдѣланы будутъ нѣкоторыя
„выпуски, безъ опасенія всякому юношѣ, начинаю-
„щему читать *про себя*. Къ этой очищенной, но неис-

*

П Р И Б А В Л Е Н І Е .

„каженной Одиссеѣ можно бы въ видѣ пролога при-
„соединить разсказъ въ прозѣ о временахъ первобыт-
„ныхъ и баснословныхъ Греціи и особенно съ большею
„подробностію о паденіи Трои; можно бы даже съ
„прозою мѣшать и стихи, то есть, переводить сти-
„хами лучшія мѣста изъ трагиковъ, Иліады, Энеиды
„и прочее; такимъ образомъ въ одномъ тѣсномъ
„объемѣ могли бы соединены быть и вся басно-
„словная Исторія древней Греціи и самыя душистыя
„цвѣты ея поэзій; такимъ образомъ и Одиссея могла
„бы сдѣлаться самою привлекательною и въ то же
„время самою образовательною дѣтскою книгою.“

Эта мысль отчасти здѣсь исполнена: къ переводу Одиссеи прилагаются *поправки*, которыя показались намъ необходимыми для того, чтобы познакомить молодыхъ читателей, обоихъ половъ, съ простодушнымъ разскащикомъ Гомеромъ, не повредивъ чистоты ихъ свѣжихъ идей и чувствъ тѣми вольными выраженіями и картинами, которыя весьма изрѣдка встрѣчаются у Греческаго поэта. Здѣсь означено къ какой пѣсни и къ какимъ стихамъ принадлежитъ каждая поправка: стоить только вырѣзать поправленные стихи и заклеить ими тѣ, которые слѣдуетъ уничтожить въ текстѣ. Иногда число поправленныхъ стиховъ меньше, нежели число тѣхъ, которые должны быть замѣнены ими: въ такомъ случаѣ *последніе* замѣняются точками. Для облегченія этой операціи вездѣ означено чертами то, что должно быть вырѣзано изъ прибавленія и потомъ наклеено на соотвѣтственныя мѣста въ текстѣ.

Пѣснь I, стр. 7, стихъ 69:

Сынъ его, былъ ослѣпленъ имъ. Хотя Посидонъ
Одиссея

Пѣснь I, стр. 8, стихи 70—73:

70

Смерти предать и не властенъ, но, по морю всюду
гоняя,

Пѣснь I, стр. 27, стихъ 362:

Споря о томъ, кто изъ ихъ предпочтенъ Пене-
лопою будетъ.

Пѣснь I, стр. 31, стихи 426—429:

Вѣрная ключница, чтимая всеми въ обители
царской.

265

270

Хитрая лестъ удалася ему. И немало богатыхъ
Жертвъ онъ принесъ; и немало онъ храмовъ да-
рами украсилъ,

225

Дію. Онъ кончилъ. Тѣмъ временемъ темная ночь
наступила,
Въ сонъ Одиссей погрузился; богиня Калипсо
заснула.

Пѣснь IV, стр. 104, стихи 11—14:

Крѣпкаго силой, плѣнявшаго юной красой, Ме-
гапенда.

Пѣснь IV, стр. 125, стихъ 333:

О безразсудные! мужа могучаго домъ много-
славный,

Пѣснь V, стр. 163, стихи 1 и 2:

Вышла изъ мрака младая съ перстами пурпур-
ными Эось.

Пѣснь V, стр. 173, стихи 153—156:

Жизнь для него въ непрестанной тоскѣ по дале-
кой отчизнѣ.

155

Мрачный, всѣ дни проводилъ онъ, сидя на при-
брежномъ утѣсѣ,

120

125

Васъ раздражила я, давъ злополучному, смерт-
ному мужу

Я же, пришедши къ богинѣ, ей бросилъ крыла- 480
тое слово:

Предковъ съ супругомъ. Ихъ дѣдомъ былъ сынъ
Посидоновъ, великій
Царь Навзитой; отъ него родились Рексеноръ
съ Алкиноемъ.

Пѣснь X, стр. 358, стихи 340—342.

340 Какъ же могу, о Цирдея, на дружбу твою по-
ложиться,
Если въ свиней обратила моихъ ты спутниковъ
вѣрныхъ!
Нѣтъ, не надѣйся, чтобъ я твоему обѣщанью
повѣрилъ

Пѣснь X, стр. 358, стихъ 347.

Мечъ свой я вдвинулъ въ ножны и доверчиво
руку ей подалъ.

Быстро, какъ будто ее умертвить вознамѣрясь; 295
въ испугъ
Станеть, упавъ на колѣна, пощады просить чаро-
дѣйка —

Строго потребуй тогда, чтобъ она поклялася ве-
ликой
Клятвой, что вреднаго замысла противъ тебя не 300
имѣеть :
Иначе ты не избѣгнешь могущества гибельной
чары.

Вдвинь же въ ножны мѣдноострый свой мечъ, и
безъ страха
Ввѣрь мнѣ себя: ты отнынѣ мнѣ будешь возлю-
бленнымъ другомъ.
Такъ говорила богиня, и такъ, отвѣчая, сказалъ я: 335

Пѣснь X, стр. 335, стихи 7 и 8 :

Всѣ ежедневно они собираются въ царскомъ
жилищѣ;
Тамъ съ благороднымъ отцемъ и съ заботливой
матерью вмѣстѣ

Пѣснь X, стр. 336, стихи 11—13.

Флейтъ оглашаемой. Въ домъ ихъ богатый вошли
мы; и цѣлый

Пѣснь X, стр. 371, стихи 542—546:

545

Встала. Съ богиней поспѣшно простясь, я това-
рищей вѣрныхъ

Пѣснь XI, стр. 416, стихъ 581:

Шедшую къ Пифію, онъ оскорбилъ на лугу Па-
нопейскомъ.

Сыномъ ея былъ Иракль, одаренный могуще-
ствомъ львинымъ.

Пѣснь XI, стр. 397, стихи 305 и 306:

Ифимедѣю, жену Алоэя, потомъ я увидѣлъ; 305

Пѣснь XI, стр. 398, стихи 322—324:

Дочь кознодѣя Миноса: ее убѣжать съ нимъ въ
Аѳины
Бодрый Тезей убѣдилъ; но убила его Артемида

Пѣснь XII, стр. 425, стихъ 34:

Сѣлъ отъ другихъ въ отдаленіи, сѣла со мной и
вопросы

Пѣснь XII, стр. 432, стихи 133 и 134:

Геліосъ былъ ихъ родителемъ; свѣтлая мать
ихъ Неера,
Милыхъ своихъ дочерей воспитавши, въ Трина-
крии знойной

*Страницы 269—274 уничтожить; а этот листок на-
клеить на 275 страницу текста.*

Легкость сверкающихъ ногъ замѣчалъ Одиссей 265
и дивился.

300

365

Этотъ листокъ наклеить на 393 страницу текста.

Прежде другихъ подошла благороднорожденная 235
Тиро,
Дочь Салмонеева, славная въ міръ супруга Кре-
фея,
Сына Эолова; все о себѣ мнѣ она рассказала.

240

245

250

255

Двухъ сыновей возрастила она : Пеліаса съ Нелеемъ ;

Слуги могучіе Зевса эгидоносителя были

Оба они ; обладая стадами барановъ , въ Іолхосъ

260 Тучнополяннстомъ жилъ Пеліасъ ; а Нелей жилъ
въ песчаномъ

Пилосъ . Послѣ предстала Азопова дочь Антіона ;

Были ея сыновья Амфіонъ и Цетосъ ; положили

Первое Ѡивъ седьмивратныхъ они основанье и
много

Башень воздвигли кругомъ , поелику въ широко-
равнинныхъ

ОШИБКИ,

которые нужно поправить въ самомъ
текстѣ II тома.

<i>Письмъ. Стихъ.</i>	<i>Напечатано :</i>	<i>Поправить :</i>
I	10 Что нибудь,	Что нибудь намъ,
II	291 нѣди	Снѣди
III	214 сносилъ	сносишь
IV	152 терпѣнныхъ	претерпѣнныхъ
—	506 во гнѣвѣ онъ	онъ во гнѣвѣ
V	223 Мною	Много
VI	29 Додрое	Доброе
—	45 полетѣа	полетѣла
VIII	124 сколько	столько
—	311 но моего ль	но моею ль
IX	485 къ берегу ;	къ брегу ;
—	561 велѣлъ	велѣль
X	269 иль мы	иль всѣ мы
XI	200 немедленный	не медленный
—	258 Нилосъ	Пилосъ
—	535 мѣткимъ, ни	мѣткимъ копьемъ, ни
XII	40 лизко блюдей	близко людей
—	281 Нмѣъ	Намъ
—	318 веселыа	веселые
